КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

д е к а б р ъ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типография Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Декабрь, 1882 г.

I. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. Шимонова.** (*Продолженіе*) . . . 401

II. Г. УМАНЬ И СОФІЕВКА. **А. Смоктія** 420

III. СТАРИННЫЙ ЮЖНО-РУССКІЙ ТЕАТРЪ И ВЪ ЧАСТНОСТИ ВЕРТЕПЪ. **Н. Петрова.** 438

IV. БАНДУРИСТЪ ИВАНЪ КРЮКОВСКІЙ. **В. Горленка** . . . 481

V. САМОЗВАНЦЫЙ ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ СОЛДАТЪ СЕМЕНОВЪ. (1826 г.) **К. К—ка.** 519

VI. КЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ. Внутренніе распоряжки. **А. Скальковскаго.** 527

VII. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСѢЦИМА. (*Окончаніе*). **В. А.** . 538

VIII. ПИСЬМО КН. Н. В. РЕПНИНА КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ НАВЛОВИЧУ (по дѣлу сложенія недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ полтавской и черниговской губерній). Сообщ. **Ст. фонъ-Носъ** . . 557

IX. НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ О СУДЬБѢ ЖЕЛѢЗНЯКА ПОСЛѢ ЕГО АРЕСТА ВЪ УМАНИ. **В. А.** 564

X. БИБЛІОГРАФІЯ: а) D-r Antoni I. Opowiadania historyczne—serija trzecia. T. 1 2. Warszawa. 1882. — б) Опись актовой книги кіевскаго центральнаго архива. № 13. Составилъ Л. Ильинскій. Кіевъ. 1882 г.—в) Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych... pod redakcya prof. d-ra Tadeusza Pilata. Rocznik szósty. Zeszyt drugi. Lwów. 1881 г.—г) Высокопреосвящ. Макарій, митрополитъ московскій. Москва. 1882 г.—Поминки по пр. Филаретѣ, епископѣ рижскомъ. въ кишин. дух. семинаріи, съ портретомъ его. Л. М. Кишиневъ. 1882 г. 569

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя: а) Откуда взялись запорожцы (народное преданіе).—б) П. Д. Мизко (некрологъ).—в) Еще о бугскихъ козакахъ.—г) Старичные малороссійскіе портреты.—д) Протопопъ Комаръ и его вторичный бракъ.—е) Гетманское приглашеніе на свадьбу.—ж) Замѣтки стараго кіевлянина.—з)—Вирша на Рождество Христово.—и) Алексѣй Ивановичъ Ставровскій (некрологъ). 583

XII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и примѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ IV томѣ «Кіевской Старины», 1882 г.

XIII. Библіографическое извѣщеніе.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“. Новые подписчики получаютъ журналъ за весь годъ, начиная съ 1-го номера. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софіевская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

ДЕКАБРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го ноября 1882 года.

ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.

1883-й ГОДЪ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1883-мъ году, ежемѣсячно, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ, съ приложеніемъ, время отъ времени, портретовъ замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей и снимковъ со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

Годовое изданіе журнала изъ **двѣнадцати** книгъ признаемъ болѣе удобнымъ раздѣлить не на четыре, какъ въ этомъ году, а на **три** тома, изъ которыхъ каждый будетъ заключать въ себѣ до 50-ти печатныхъ листовъ.

Каждая книжка „Кіевской Старины“ выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, и одновременно разсылается подписчикамъ.

Преодолѣвъ главныя трудности основанія **провинціальнаго** журнала, дальнѣйшія наши усилія мы посвятимъ улучшенію изданія, усматривая надежду на успѣхъ въ сочувствіи мѣстной и вообще отечественной публики и того кружка кіевскихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ и литераторовъ, при содѣйствіи которыхъ ведется изданіе. Сознавая, что даже начато нами далеко не все, можемъ сказать одно: **не все разомъ.**

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи находятся, между прочими, слѣдующія статьи: *Жидотрепаніе XVIII в.* (хроника), Н. И. Костомарова, *П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность,* его-же, *Печерскіе антики,* Н. С. Лѣскова, *Задунайская Сѣчь,* съ портретомъ живущаго доселѣ запорожца, 120 лѣтъ, и картою Сѣчи, Ѳ. Кондратовича, *Украинскія поселенія въ низовьяхъ Дуная,* его-же, *Анна Алоиза княжна Острожская,* съ ея портретомъ, О. И. Левицкаго, *Революція волынская 1-й четверти XIX ст.,* обширный современный мемуаръ, *Исторія изысканій кіевскихъ древностей,* проф. В. Б. Антоновича, *Мнимый бунтъ на Волыни 1789 г.,* его-же, *Изъ бытовой исторіи Малороссіи XVIII в. (Румянцевская опись),* Д. И. Багалѣя, *Южно-русскіе архивы,* его-же, *Шпитали въ Малороссіи* П. С. Ефименка, *Очерки изъ жизни Кіева начала XIX ст.,* проф Ф. А. Терновскаго, *Серапіонъ, кіевскій митрополитъ,* его-же, *Старосвѣтскіе батюшки и матушки,* повѣсть Ив. Нечуя (Левицкаго), а изъ матеріаловъ: *Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому 1854—1857. Коллекція писемъ къ М. А. Максимовичу отъ разныхъ литераторовъ, ученыхъ* и проч., *Дневникъ Н. Ханенка, Дневникъ свящ. Фоки Струтинскаго, Разновидности „Морцынанъ и Ганнусковой горълки“,* рукопись XVIII в. Ив. Кулябки, и пр.

Цѣна за 12-ть книжекъ „Кіевской Старины“, съ приложеніями, на 1883-й годъ, съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи **ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ**, безъ пересылки и доставки **ВОСЕМЬ РУБЛ. ПЯТЬДЕСЯТЪ КОП.** На заграничную пересылку прибавляется **ОДИНЪ РУБЛЬ.**

☛ Гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой.* Тамъ-же и контора редакціи.

Подписка на текущій 1882 годъ продолжается по указанной сейчасъ цѣнѣ и адресу. Вышедшія книжки немедленно высылаются.

Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи.

(Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи).

(Продолженіе)*).

---

4) Армейская реформа слободскихъ полковъ князя Шаховскаго.

По мѣрѣ того, какъ ослабленіе, или отмѣна мѣстныхъ областныхъ особенностей Слобожанщины разширяли поприще для центральныхъ мѣропріятій, непрерывныя, можно сказать, реформы преслѣдовали жизнь этой провинціи изъ поколѣнія въ поколѣніе. Есть свѣдѣніе, что еще Петръ I замышлялъ значительную передѣлку во внутреннемъ устройствѣ слободскихъ полковъ и, вѣроятно, только смерть неутомимаго реформатора остановила его дѣятельность въ этомъ уголкѣ; но это спокойствіе отъ реформъ продолжалось не долго. Преобразованіе великорусскаго земскаго пограничнаго ополченія московской Украйны въ регулярное войско входило въ общій планъ военныхъ реформъ Петра I и продолжалось его наслѣдниками, и опо-же вызвало памятную по своему характеру и послѣдствіямъ первую радикальную реформу въ области слободскихъ полковъ. Это была реформа князя Шаховскаго, которая въ отрицательномъ смыслѣ имѣетъ право занять, можетъ быть, одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ областной исторіи южно-русскаго населенія. Достойно особаго вниманія, что, производя эту реформу, кн. Шаховскій дѣйствуетъ по собственному усмотрѣнію, не имѣя, какъ увидимъ ниже, опредѣленныхъ указаній отъ высшей власти

---

*) См. въ ноябрской книжкѣ «Кіевской Старины», 1882 г.

и не справляясь съ указами, опредѣлявшими быть, права и привилегіи козачьяго населенія, и это тѣмъ болѣе доказываетъ, что въ данномъ случаѣ онъ является лишь случайнымъ выразителемъ господствовавшихъ въ то врѣмя стремленій и общаго государственнаго и общественнаго строя. Неудивительно по этому, что въ его мѣропріятіяхъ является полное смѣшеніе такихъ разнородныхъ, по своему происхожденію и внутренней бытовой организаціи, элементовъ, какъ московскіе служилые люди, впослѣдствіи большею частію переименованные въ однодворцевъ, и южно-русское населеніе слободскихъ полковъ. Въ чемъ однако состояли преобразованія князя Шаховскаго? —Вѣрную характеристику ихъ мы находимъ въ такомъ важномъ офиціальномъ актѣ, какъ знаменитая жалованная грамота слободскимъ полкамъ императрицы Елисаветы 1743 г. Въ началѣ этой грамоты представлено то легальное положеніе этихъ полковъ, въ какомъ застала ихъ реформа. „Довольно извѣстно, говорится въ ней отъ лица императрицы, съ какою вѣрностію и ревностію черкасскіе слободскіе полки служили предкамъ и отцу нашему“... и что „за такія... ихъ службы милостивыя жалованныя грамоты... 7177, 7192, 7197 и въ 1700 годахъ... они получали, по которымъ тѣхъ полковъ полковники, старшина и козаки за упомянутыя ихъ многія вѣрныя и усердныя службы, (в)мѣсто годоваго жалованы, пожалованы и повелѣно имъ всякими промыслы промышлять и всякими товарами торговать безпошлинно, такожъ мельницами и рыбными ловли и всякими угодьи владѣть и шинки держать во всѣхъ ихъ городахъ, и винокурить, и шинковать безъоброчно, и съ тѣхъ промысловъ полковую службу служить имъ безъ жалованья, и въ таможняхъ у нихъ вѣрнымъ головамъ и цѣловальникомъ русскимъ быть не велѣно, а отданы тѣ таможни и мосты и перевозы старшинѣ и козакамъ, и повелѣно имъ брать таможенную пошлину со всѣхъ пріѣзжихъ купцовъ русскихъ и съ черкасъ съ продажныхъ ихъ товаровъ по уставной грамотѣ безъ излишества, самимъ опошлинныя и откупныя деньги платить въ Бѣлгородъ по прежнимъ окладамъ, и быть въ тѣхъ слободскихъ полкахъ въ конной службѣ выборнымъ коннымъ козакамъ указанныхъ числъ, а достальнымъ помогать въ службѣ тѣмъ коннымъ *по ихъ черкасскому обыкновенію*, чтобъ оные выборные козаки тою ихъ подмогою были всегда конны и оружены и въ походахъ запасами довольствованы, а кромѣ той

войсковой полковой конной службы никуда на годовую службу посылать и иныхъ тягостей налагать, такожъ и подводъ у нихъ безъ указу и безъ грамотъ имать не велѣно-жъ". Но вотъ какъ началась и что произвела реформа князя Шаховскаго: „а нынѣ,—продолжаетъ грамота,—нашему императорскому величеству тѣхъ слободскихъ полковъ полковники и старшины всеподданнѣйше били челомъ, что въ 1732 году, по представленіямъ покойнаго генерала князя Алексѣя Шаховскаго, который въ тѣ слободскіе полки, по указу сестры нашей императрицы Анны Іоанновны, отправленъ былъ для добраго и основательнаго тѣхъ полковъ разсмотрѣнія и исправленія, въ противность вышеупомянутыхъ прежнихъ жалованныхъ грамотъ и тамошнихъ порядковъ, учрежденъ *драгунскій полкъ* и опредѣлены въ тотъ полкъ многіе изъ армейскихъ полковъ штабъ и оберъ-офицеры, которымъ противъ рангова дапы въ подмогу въ тѣхъ-же полкахъ мѣстечки, села и деревни съ грунтами и съ козаками, братьевъ и свойственниковъ и изъ подпомощниковъ пожиточные и лучшіе люди довольное число, кои принуждены быть въ ихъ *подданствѣ и всякія работы по примѣру крестьянъ несть*, съ немалымъ отягощеніемъ, и дѣйствительной козачьей службы лишены, и какъ оными офицерамъ, такъ и драгунамъ противъ нерегулярныхъ отмѣнная подмога опредѣлена, и тѣ драгуны получаютъ мундиръ и аммуницію изъ собираемой суммы съ козаковъ-же и подпомощниковъ съ немалою обидою, отъ чего во всякихъ дѣлахъ происходятъ крайніе непорядки, а въ полковыхъ канцеляріяхъ въ подлежащихъ по должности исправленіяхъ немалое помѣшательство, а на мѣсто убылыхъ и умершихъ въ томъ драгунскомъ полку драгунъ выбираются слободскихъ-же полковъ изъ лучшихъ козаковъ и отъ того оные слободскіе полки пришли въ несостояніе". Такимъ образомъ вся рефора Шаховскаго сводилась къ подведенію козачьяго строя къ общимъ порядкамъ регулярной военной службы и обращенію всего неслужилаго козачьяго населенія въ экономическую и просто рабочую силу какъ для содержанія полка, такъ и въ личное довольство полковаго начальства, въ роли крестьянъ.

Такой важный періодъ въ исторіи Слободской Украйны, какъ реформа князя Шаховскаго, заслуживаетъ особеннаго вниманія изслѣдователей прошлой судьбы мѣстной областной жизни; но мы, по спеціальному характеру нашего главнаго предмета, не имѣемъ

ни средствъ, ни цѣли всесторонне останавливаться на этомъ періодѣ и потому сдѣлаемъ только извлеченіе изъ имѣющихся у насъ подъ руками источниковъ касательно положенія слободскихъ полковъ въ это время. Въ „Топографическомъ описаніи харьковскаго намѣстничества", о которомъ мы прежде упоминали, кратко замѣчается, что съ 1732 г. слободскіе полки, по именному повелѣнію Анны Іоанновны, подчинены были „во всякихъ дѣлахъ" учрежденной въ Сумахъ *слободской коммиссіи*, и въ это-же время навербованъ былъ изъ слободскихъ козаковъ регулярный драгунскій полкъ „на всемъ слободскомъ вооруженіи, обмундированіи и содержаніи, при каждомъ козачьемъ полку по 200 драгунъ". Болѣе подробныя свѣдѣнія о произведенной кн. Шаховскимъ реформѣ и положеніи слободскихъ полковъ мы встрѣтили въ одномъ провинціальномъ изданіи [1]), гдѣ помѣщена весьма интересная для областной исторіи Слободской Украйны статья: „Войсковые обыватели воронежской губерніи". Вотъ что говорится въ ней относительно преобразованія острогожскаго слободскаго полка, а слѣдовательно и прочихъ слободскихъ полковъ, такъ какъ реформа кн. Шаховскаго ведена была одновременно во всѣхъ полкахъ: „...вскорѣ затѣмъ (послѣ Петра I) послѣдовалъ для нихъ (острогожцевъ) цѣлый рядъ самыхъ крупныхъ преобразованій. Нѣмцы, какъ пишетъ составитель экономическаго описанія [2]), были будто единственными виновниками злоключеній, которымъ подвергнулись острогожцы, начиная съ 1732 г. Господствуя при дворѣ Анны Іоанновны и стараясь все регулировать на нѣмецкій образецъ, приспѣшники Бирона обратили вниманіе и на слободское украинское козацкое войско, къ составу котораго принадлежали острогожскіе козаки. Но можетъ быть и не одно нѣмецкое регулированіе привело къ реформѣ... Козаки и реформу, и присланнаго дворомъ реформатора, — князя Шаховскаго встрѣтили непріязненно. Правду сказать, и со стороны преобразователей немного оказано было вниманія привычкамъ и интересамъ

[1]) Памятная книжка воронежской губерніи на 1865—1866 г. Изданіе воронежскаго статистическаго комитета. Воронежъ, 1867 г.

[2]) Тутъ прямое указаніе на другой важный для исторіи Слободской Украйны источникъ,—не изданное еще «экономическое описаніе воронежской губерніи 1781 г., находящееся, въ рукописи, въ архивѣ воронежскаго статистическаго комитета.

козаковъ: реформа поведена была круто. Шаховскій собственно не уничтожалъ козацкаго войска; но сдѣлалъ хуже, чѣмъ если-бы его вовсе уничтожилъ, именно: онъ оставилъ существовать козацкое имя, а на дѣлѣ превратилъ одну часть козаковъ въ регулярныхъ солдатъ, а другую въ крѣпостныхъ. Это сдѣлалось такъ: учрежденъ былъ драгунскій слободской полкъ, въ который забраны были рядовыми всѣ лучшіе козаки и отданы подъ команду офицеровъ, приглашенныхъ изъ регулярной арміи. Старшинные козацкіе начальники были устранены совсѣмъ отъ войска и оставлены безъ дѣла. Затѣмъ, всѣ такъ называемые козацкіе захребетники, подсусѣдки, бѣдные козаки и прочіе люди, не попавшіе въ драгунскій полкъ, раздѣлены на участки и розданы въ аренду драгунскимъ офицерамъ вмѣсто жалованья, или назначены для будущаго укомплектованія драгунскаго полка. Нельзя не замѣтить, что военное учрежденіе, открытое Шаховскимъ, очень походило на позднѣйшія военныя поселенія". Такимъ образомъ Аракчеевскія военныя поселенія въ харьковской губерніи имѣли уже въ лицѣ князя Шаховскаго своего достойнаго предтечу еще почти за 100 лѣтъ.

Неудовольствіе станичниковъ успѣло разразиться только громкими жалобами. Кончина Анны Іоановны и вскорѣ затѣмъ восшествіе на престолъ Елисаветы Петровны положили конецъ реформѣ Шаховскаго. Узнавъ о духѣ и настроеніи новой императрицы, и въ особенности о ея уваженіи ко всему, что было учреждено Петромъ I, острогожцы поспѣшили законнымъ путемъ снять съ себя положенное на нихъ иго [1]). Отправлена была депутація къ императрицѣ съ жалобой на невыносимую тягость положенія и съ просьбой о возвращеніи привилегій, утвержденныхъ и дарованныхъ грамотой Петра I отъ 1700 года. Полковникъ Иванъ Тевяшевъ (или Тевяшевскій), начальникъ депутаціи, хлопоталъ такъ усердно..., что императрица, не смотря на возраженія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ генераловъ, рѣшилась отмѣнить распоряженія военной коммисіи 1731 г., т. е. реформу Шаховскаго, и въ 1743 г. своею грамотою возвратила козакамъ всѣ ихъ прежнія права и привилегіи. Возстановлено было козацкое полковое управленіе вмѣстѣ съ зависимостью по гражданскимъ дѣламъ отъ бѣлгородскаго губернатора. Надобно

[1]) Также точно поступили и остальные слободскіе полки.

было отдать дань народному чувству, оскорбленному бироновскимъ правленіемъ, и дань уваженія къ имени Петра. Впрочемъ нѣмецкіе теоретики,—продолжаетъ авторъ,—а вмѣстѣ съ ними и люди, понимавшіе положеніе и значеніе слободско-украинскаго козачества, не совсѣмъ въ этомъ случаѣ уступили; именно: одновременно съ освободительной грамотой сдѣлано было распоряженіе, чтобы особые доходы слободско-украинскаго войска обращались на содержаніе трехъ драгунскихъ и одного гарнизоннаго полка, учрежденныхъ военною коллегіею въ 1731 г. На это немаловажное ограниченіе войсковыхъ привилегій острогожцы не жаловались, очень довольные и тѣмъ, что избавились отъ реформъ Шаховскаго... Отвыкая постепенно отъ оружія, слободскіе козаки теряли вмѣстѣ съ тѣмъ и прежнее стремленіе къ самостоятельному управленію и къ военнымъ почестямъ, сохранивъ только желаніе удержать привилегіи, обезпечивавшія ихъ матеріальное благосостояніе. Скоро не стало между ними ни Тевяшевскихъ, ни стариковъ, помнившихъ военныя дѣла козачества, и потомки азовскихъ воителей не просили болѣе военнаго званія, не искали привилегій за ратныя услуги, а боялись единственно потери права винокуренія, обложенія податями наравнѣ съ крестьянами и т. под. Сверхъ того упадку духа въ козакахъ способствовали печальные остатки или послѣдствія реформы Шаховскаго, именно: обращеніе многихъ козаковъ въ „подданныхъ черкасъ“, т. е. въ крѣпостныхъ. Бѣднѣйшихъ козаковъ, козацкихъ подсусѣдковъ, захребетниковъ и тому подобныхъ лицъ, не имѣвшихъ настоящаго права гражданства между козаками, Шаховской, какъ мы видѣли выше, роздалъ вмѣсто жалованья офицерамъ своего драгунскаго полка, отъ которыхъ, по возстановленіи козацкихъ правъ, эти люди перешли (на какихъ правахъ, мы сказать не можемъ) къ козацкимъ начальникамъ и, подъ властью этихъ, являются въ позднѣйшее время настоящими крѣпостными. Независимо отъ того, что этимъ уменьшился составъ войска, переходъ козацкихъ вождей въ сословіе владѣльцевъ имѣніями крѣпостныхъ людей имѣлъ самъ по себѣ пагубное вліяніе на козачество, сдѣлавъ, со времени этого перехода, интересы козацкихъ начальниковъ солидарными съ интересами прочаго дворянства въ краѣ и почти совершенно отдѣливъ ихъ отъ простыхъ козаковъ. Эти послѣдніе, оставленные своими вождями, стали быстро обращаться въ настоящихъ крестьянъ, и

если не тотчасъ лишились всѣхъ козацкихъ привилегій, то единственно по милости винокуренной привилегіи, которая одна связывала ихъ съ козацкимъ дворянствомъ. Для послѣдняго не было-бы основанія пользоваться привилегіею, еслибъ простые козаки ее потеряли. Эти перемѣны во внутреннемъ положеніи и въ стремленіяхъ слободскихъ козаковъ послѣдовали частію прежде, частію послѣ возстановленія козацкихъ правъ императрицею Елисаветою, но уже черезъ 20 лѣтъ послѣ этого событія они привели козачество въ такое положеніе, что значительныя реформы сдѣлались совершенно возможными. Такимъ образомъ, въ 1765 г., послѣ 20-ти лѣтняго существованія, грамота Елисаветы перестала дѣйствовать... Указомъ Екатерины II острогожское козачество было уничтожено и козакамъ велѣно именоваться казенными войсковыми обывателями, при чемъ козацкая служба замѣнена службою въ острогожскомъ гусарскомъ полку. Этотъ гусарскій полкъ содержался на счетъ козаковъ. Для гражданскаго управленія учреждена острогожская провинціальная канцелярія, завѣдывавшая пятью уѣздными канцеляріями и подчиненная слободско-украинской губернской канцеляріи. Винокуренной привилегіи не тронули... Бывшее козацкое начальство въ особенности осталось довольно своимъ совершеннымъ присоединеніемъ къ мѣстному дворянству".

Въ этой краткой исторіи реформъ князя Шаховскаго въ острогожскомъ полку и послѣдствій этихъ реформъ заключается исторія и остальныхъ слободскихъ полковъ за тоже время.

По свидѣтельству автора цитированной нами статьи, въ настоящее время потомковъ бывшихъ козаковъ острогожскаго полка считается около четверти населенія воронежской губерніи. Такимъ образомъ реформа князя Шаховскаго еще почти за полвѣка до формальнаго введенія крѣпостнаго права въ Малороссіи ввела уже это право въ Слободскую Украйну, а своеобразные аграрные порядки этой области передъ судомъ такого реформатора, какъ князь Шаховской, не заключали въ себѣ, конечно, никакого вопроса. Не трудно оцѣнить въ общемъ вліяніе этой нещадной ломки жизни на правовое сознаніе населенія относительно его старозаимочныхъ земель: естественно предположить, что начатый этою реформой разрывъ классовъ бывшаго прежде солидарнаго козачьяго населенія и въ особенности прочно заложенное рабство—должны были сильно

потрясти положеніе старозаимочнаго владѣнія козаковъ, а въ извѣстной части, гдѣ населеніе обратилось въ рабовъ, можетъ быть и совершенно упразднить старозаимочное право.

---

5) Дальнѣйшая судьба старозаимочнаго землевладѣнія въ прошломъ столѣтіи. Общая межевая инструкція 1766 года.

Такая катастрофа въ жизни народа, какъ реформа князя Шаховскаго, потрясшая самыя основы его бытовой организаціи, приготовила уже открытое пріпище для довершительныхъ мѣропріятій Екатерины II; въ 1765 г. изъ слободскихъ полковъ была образована слободская украинская губернія, съ губернскимъ городомъ Харьковомъ. „Послѣ воцаренія Екатерины II Слободская Украйна [1]) подверглась кореннымъ измѣненіямъ въ строѣ, унаслѣдованномъ изъ распорядковъ Богдана Хмельницкаго въ Гетманщинѣ. Тогдашній край пяти слободскихъ полковъ съ полковыми городами: Харьковомъ, Сумами, Ахтыркой, Изюмомъ и Острогожскомъ, множествомъ сотенныхъ мѣстечекъ и слободокъ, долженъ былъ утратить свое мѣстное управленіе и ввести новое, одинаковое для всей страны и ея окраинъ. Въ этомъ, какъ и въ другихъ мѣропріятіяхъ правительства того времени, выказывалось стремленіе сосредоточить все мѣстное управленіе каждой провинціи въ рукахъ одного лица, которое облекалось большой властью. Съ такою-то властью въ 1767 г. прибылъ секундъ-маіоръ Е. А. Щербининъ. Матеріалы, хранящіеся доселѣ въ мѣстныхъ архивахъ, ясно свидѣтельствуютъ, что кромѣ подготовленія и образованія въ краѣ „намѣстничества“, Щербинину были даны и другія весьма обширныя полномочія“. Между прочимъ онъ прилагалъ попеченіе объ усиленномъ просвѣщеніи и немедленно вошелъ въ переписку съ бѣлгородскимъ епископомъ Самуиломъ о заведеніи при тогдашнемъ харьковскомъ коллегіумѣ типографіи, заявляя, что „для всякаго публичнаго училища необходимая есть вещь типографія, а отъ того и всему обществу слѣдуетъ польза“. Епископъ Самуилъ хотя и согласился въ общемъ,

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣдом., 1881 г., № 340.

что просвѣщеніе можетъ быть полезно, но въ своемъ отвѣтѣ косвенно предостерегъ губернатора о могущихъ быть „вредительныхъ гадинахъ“, которыя, безъ строгаго досмотра начальства, могутъ писать сочиненія, „опровержения Божія закона исполненныя, самодержавію и отечеству противныя, также сочиненія язвительныя и соблазнительныя“... Такъ на этомъ и окончились, кажется, заботы о просвѣщеніи, но за то гражданское и общественное просвѣщеніе было тщательно переформировано.

При учрежденіи слободско-украинской губерніи населеніе слободскихъ козаковъ было переименовано въ казенныхъ войсковыхъ обывателей, а поселенія ихъ названы войсковыми слободами. Въ губерніи учреждена была губернская канцелярія и при ней особый вотчинныхъ дѣлъ департаментъ, который былъ подчиненъ государственной вотчинной коллегіи; кромѣ губернской канцеляріи были образованы еще подчиненныя ей 4-е провинціальныя воеводскія канцеляріи съ „великороссійскими прокурорами“.

Изъ инструкціи 6 іюля 1765 г., данной слободско-украинскому губернатору, между прочимъ, видно, что поземельнаго налога въ это время не было, а былъ опредѣленъ только душевой и личный окладъ: по 95 коп. съ войсковыхъ обывателей, съ правомъ винокурснія, а безъ этого права по 85 коп.; порядокъ сбора этого оклада велѣно „каждаго мѣста жителямъ оставить на собственныя народныя раскладки“. Прежнія сотенныя управленія преобразованы были въ комиссарства; только въ мелкихъ судныхъ дѣлахъ, не свыше 12 р., оставленъ былъ въ силѣ *мѣстный народный обычай* (черкасское обыкновеніе) *словеснаго суда* съ одной журнальной запиской. 9—16 пункты этой инструкціи касаются, и то только въ самыхъ общихъ предначертаніяхъ, мѣстнаго поземельнаго вопроса, при чемъ не трудно замѣтить, что фактическое положеніе этого вопроса весьма мало, чтобы не сказать больше, было извѣстно администраціи. Мотивомъ учрежденія департамента вотчинныхъ дѣлъ было выражено: „по не имѣнію въ слободскихъ полкахъ никакого предѣла въ земляхъ, ограничить закономъ, дабы всякій удѣлъ свой или заимку зналъ и завладѣнное излишнее возвратилъ“. Далѣе, этому дерартаменту вотчинныхъ дѣлъ вмѣнено было въ обязанность „сдѣлать подлежащія пріуготовленія къ будущему размежеванію всѣхъ земель, по общему государственному о томъ установленію;

и для того отъ всѣхъ владѣльцевъ, имѣющихъ на тамошнія земли грамоты и крѣпости, тако-жъ и отъ полковыхъ канцелярій, съ грамотъ, указовъ и всякихъ укрѣпленій... собрать копіи"... Мелкое поземельное, участково-наслѣдственное владѣніе бывшихъ слободскихъ козаковъ и горожанъ Слобожанщины повидимому было или совсѣмъ не замѣчено, или-же игнорировано. Только въ указѣ 1803 года этотъ фактъ былъ признанъ относительно козачьяго землевладѣнія бывшей гетманщины: „въ числѣ жителей Малороссіи, сказано въ этомъ указѣ 19 іюля 1803 г., находится одно состояніе, какого нѣтъ ни въ Великой, ни въ Бѣлой Россіи, т. е. состояніе козаковъ, пользующихся по древнимъ законамъ совершенно на правѣ дворянскомъ пріобрѣтенными заслугой, или покупкой у другихъ владѣльцевъ землями (главное основаніе здѣшняго землевладѣнія—старозаимка не упомянуто и въ этомъ указѣ) и имѣющихъ по онымъ многочисленные съ помѣщиками споры". Офиціальное признаніе этого факта благоразумно замедлило рѣшительныя межевыя дѣйствія въ гетманской Малороссіи почти до позднѣйшаго времени; ибо, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ „Курса гражд. права", размежеваніе Малороссіи представляло особенныя затрудненія. При меньшей спѣшности и энергіи объединительныхъ мѣръ эпохи Екатерины II эти трудности въ разрѣшеніи поземельнаго вопроса въ бывшей Слобожанщинѣ также, конечно, были-бы замѣчены и оцѣнены по достоинству; въ позднѣйшемъ законодательномъ актѣ по старозаимочному вопросу, принадлежащемъ уже 60 годамъ (о чемъ скажется въ своемъ мѣстѣ), была офиціально признана особенная важность дѣла о старозаимочныхъ земляхъ и необходимость всяческой „осторожности, съ которой должно вообще прикасаться къ древнимъ правамъ владѣнія". Это положеніе представлялось въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе серьезнымъ, что поземельное замѣшательство въ бывшей Слобожанщинѣ, вслѣдствіе цѣлой массы всяческихъ реформъ, имѣвшихъ въ виду не столько пользу населенія, сколько разныя внѣшнія служебныя и вотчинно-государственныя цѣли, началось еще до времени Екатерины II. Давнее, постепенное разложеніе козачьяго самоуправленія, переходъ козачьей старшины въ привилегированный высшій классъ, возникновеніе крупнаго землевладѣнія изъ пожалованныхъ земель людямъ мѣстнаго и главнымъ образомъ великорусскаго происхож-

денія, фактическая и юридическая неопредѣленность мелкаго поземельнаго владѣнія массы туземнаго черкасскаго населенія—все это естественно порождало явленія насилія и захвата со стороны сильныхъ въ сферѣ поземельнаго владѣнія и даже вызвало рѣшительную правительственную мѣру—указъ 15 марта 1765 г. „о возвращеніи слободскимъ полкамъ заселенныхъ помѣщиками земель". Тогда обнаружилось, что „многіе неуказнымъ образомъ на дачахъ слободскихъ полковъ населили себѣ деревни"..., почему и предписано было эти „неправильно завлаженныя земли съ поселенными на нихъ деревнями приписать къ содержанію слободскихъ полковъ".

Всю эту сложность и неопредѣленность поземельнаго вообще и межеваго вопроса въ частности въ Слободской Украйнѣ правительство рѣшилось регулировать общей инструкціей 25 мая 1766 г. „межевымъ губернскимъ канцеляріямъ и провинціальнымъ конторамъ".

Цѣль этой инструкціи—„розмежеваніе во всей Имперіи всѣхъ владѣльцевъ въ ихъ земляныхъ дачахъ", дабы отмежеваніемъ земель къ селеніямъ и точнымъ опредѣленіемъ пустошей „пресѣчены были споры въ земляхъ къ селеніямъ и пустошамъ принадлежащихъ, а не во владѣніяхъ селеній и пустошей, въ чемъ споры предоставляются обыкновенному... суду и разсмотрѣнію въ томъ крѣпостей... Вотчинной коллегіей". Такимъ образомъ опредѣленіе мелкаго землевладѣнія внутри этихъ дачъ совершенно не входило въ цѣль этой инструкціи, а судебная защита этого владѣнія уже потому не могла имѣть мѣста, что старозаимочное мелкое землевладѣніе было въ массѣ почти совершенно бездокументальное. Трудно сомнѣваться въ томъ, что уже одно генеральное размежеваніе прошлаго вѣка въ Слободской Украйнѣ, согласно этой инструкціи, принесло большую пользу дѣлу поземельнаго порядка, но мелкое старозаимочное владѣніе внутри генерально-обмежеванныхъ дачъ видимо было игнорировано въ виду XIX главы инструкціи „о земляхъ однодворцевъ и прежнихъ службъ служилыхъ людей". Въ первомъ пунктѣ этой главы сказано: „всѣ состоящія за однодворцами и прежнихъ службъ служилыми людьми, яко то козаками, стрѣльцами... пушкарями... черкасами и другихъ подобныхъ сему названій, которые написаны въ подушный окладъ,... слободы, села, деревни и пустоши, и прочія угодья утверждать по писцовымъ и межевымъ книгамъ, по всякимъ

дачамъ и крѣпостямъ не каждому порознь, но вообще всѣмъ одной слободы, села или деревни съ принадлежащими къ нимъ пустопьми ко всякому особо". Эта именно глава инструкціи и была примѣнена при генеральномъ межеваніи прошлаго вѣка къ мелкому старозаимочному землевладѣнію, а первоначальное добрее пожеланіе правительства относительно установленія поземельнаго порядка въ Слободской Украйнѣ: „дабы всякій удѣлъ свой или заимку зналъ" осталось безъ практическаго примѣненія, что случилось, нужно думать, можетъ быть не столько отъ недостатка благихъ пожеланій администраціи, какъ просто отъ физической невозможности упорядочить въ то время однимъ только бюрократическимъ путемъ всю массу находящагося въ постоянномъ движеніи мелкаго землевладѣнія. Кромѣ несомнѣнныхъ практическихъ затрудненій, которыя встрѣтило-бы всякое спеціальное межеваніе мелкаго землевладѣнія въ прошломъ вѣкѣ (затрудненій, которыя могутъ быть оцѣнены и по той массѣ ошибокъ и злоупотребленій, какія сопровождали даже въ наше время спеціальное размежеваніе черниговской и полтавской губерній), на упрощенное разрѣшеніе поземельнаго вопроса въ харьковской губерніи несомнѣнно вліяла и добрая вѣра въ легкую возможность установки основныхъ бытовыхъ порядковъ населенія однимъ только бумажнымъ путемъ: въ концѣ 1 пункта той-же XIX главы инструкціи мы видимъ ясную цѣль правительства совершенно отрѣшить промышленное городское сословіе отъ землевладѣнія: „на живущихъ-же въ однодворческихъ и прежнихъ службъ служилыхъ людей селеніяхъ, записанныхъ изъ сего званія въ купечество, земель не намѣривать, за тѣмъ, что они не яко поселяне, а какъ уже мѣщане должны довольствоваться не отъ пашни, но отъ торговъ и промысловъ, и жительство имѣть въ городахъ". Въ послѣдующемъ изложеніи нашего вопроса мы коснемся тѣхъ послѣдствій, которыя породила эта XIX глава въ районѣ старозаимочнаго землевладѣнія.

Авторъ имѣющейся у насъ въ рукахъ брошюры: „Старозаимочныя земли харьковской губерніи", которая, очевидно, была чѣмъ-то въ родѣ „мнѣнія" или докладной записки, представленной по начальству уже въ 40-хъ годахъ, говоритъ, что побудительной причиной ея составленія было то „великое затрудненіе и недоразумѣніе касательно старозаимочныхъ земель и лѣсовъ", которое онъ, самъ

авторъ, испыталъ въ должности посредника по полюбовному спеціальному размежеванію чрезполосныхъ владѣльческихъ земель, при составленіи полюбовныхъ соглашеній и окончательныхъ сказокъ по дачамъ харьковскаго уѣзда. Затрудненія, встрѣченныя этимъ замѣчательно добросовѣстнымъ чиновникомъ, были разнообразны и серьезны: такъ прежде всего онъ убѣдился, что у мелкихъ владѣльцевъ старозаимочныхъ земель (а такими мелкими владѣльцами была почти вся масса крестьянства, т. е. бывшихъ войсковыхъ обывателей и многія лица другихъ сословій), нѣтъ документальныхъ доказательствъ права на землевладѣніе: „документовъ, кромѣ нѣкоторыхъ духовныхъ завѣщаній и партикулярныхъ сдѣлокъ, на таковыя старозаимки почти никто не имѣетъ: одни представляютъ, что ихъ документы по давности времени затеряны, или истреблены пожаромъ, у другихъ отобраны по начальству для разсмотрѣнія и обратно не возвращены, а иные говорятъ прямо, что у нихъ никакихъ документовъ нѣтъ, а владѣніе безспорно, какъ ихъ отцы и предки владѣли“. Въ виду этихъ многообразныхъ затрудненій, авторъ брошюры дѣлаетъ краткій историческій обзоръ вопроса о юридическомъ характерѣ старозаимочнаго землевладѣнія, ссылается на цѣлый рядъ грамотъ московскихъ государей и царей, объясняетъ, что „слово заимка выражаетъ свободное занятіе или пріобрѣтеніе участка земли; самыя неправильныя фигуры этихъ займовъ, продолжаетъ авторъ брошюры, показываютъ произвольное занятіе мѣстъ; гдѣ владѣльцы надѣлены землями по крѣпостямъ или отъ общества, тамъ участки (загоны, нивы) имѣютъ форму квадрата или параллелограмма, а здѣсь владѣльческія полосы земли и лѣса имѣютъ фигуры болѣе чѣмъ неправильныя. Стоитъ только взглянуть на планъ харьковской дачи, чтобы вполнѣ удостовѣриться, что здѣсь не было ни надѣла, ни раздѣла земли: всякій по произволу занималъ то, что ему нравилось и что возможно было пріобрѣсть“.

Въ заключеніе своего краткаго обзора какъ историческаго происхожденія заимки, такъ и освященія ея свыше цѣлымъ рядомъ жалованныхъ грамотъ, авторъ дѣлаетъ такой общій выводъ: „на сихъ-то высочайше дарованныхъ правахъ основываясь, многіе изъ войсковыхъ обывателей харьковской губерніи въ прежнія времена старозаимками распоряжались какъ *неотъемлемою своею собственностію*, закладывали, продавали, дѣлали на нихъ духовныя завѣ-

щанія и отдавали ихъ въ приданое своимъ дочерямъ; другіе изъ войсковыхъ обывателей, поступивши въ военную и гражданскую службу и за отличные подвиги и особенные ихъ труды, оказанные на пользу отечества, были возведены въ дворянское сословіе, не лишаясь предковскихъ своихъ старозаимокъ, отчего у потомковъ ихъ (безъ крѣпостей) находятся во владѣніи подобныя земли. Равнымъ образомъ нѣкоторые изъ войсковыхъ обывателей, занимаясь торговыми оборотами, промыслами и ремеслами, переходили въ купеческое, мѣщанское и цеховое состояніе, не переставая владѣть землями и лѣсами по старозаимкамъ".

Этотъ бѣглый очеркъ происхожденія и правоваго характера старозаимочнаго землевладѣнія подтверждаетъ высказанное нами положеніе, что огромная масса украинскаго народа въ слободскихъ полкахъ владѣла землей на правѣ полной частной собственности; при чемъ владѣніе это почти повсемѣстно было личное, а не общинное, съ полнымъ правомъ отчужденія и залога (заставы) и съ дробленіемъ и переходомъ по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Мы не оцѣниваемъ этого факта ни положительно, ни отрицательно, а просто намѣчаемъ его, какъ фактъ почти общій и безспорный: *индивидуализмъ землевладѣнія на югѣ — это его національная и типичная форма въ Малороссіи.* Здѣсь мимоходомъ лишь замѣтимъ, что этотъ фактъ несомнѣнно органически обусловленъ какъ всей исторіей, такъ и національнымъ характеромъ населенія южной Руси, и нужно думать, находится въ тѣсной связи съ самымъ устройствомъ южно-русской семьи, отличнымъ отъ многосемейнаго „двора" Великой Россіи, гдѣ „большакъ" и „большуха" стоятъ иногда во главѣ нѣсколькихъ семействъ и нѣсколькихъ поколѣній. На югѣ индивидуализмъ также наглядно проявляется въ устройствѣ семьи, какъ и въ поземельномъ владѣніи; можетъ быть еще правильнѣе было-бы сказать, что малочисленность южно-русской семьи (обыкновенно мужъ, жена и дѣти, еще неженатыя и незамужнія) и личный характеръ поземельнаго владѣнія—это только разныя стороны одного и того-же принципа индивидуализма въ южно-русской жизни. При полномъ сходствѣ происхожденія, основныхъ началъ и типа землевладѣнія на всей территоріи южно-русскаго населенія, аналогическія явленія мы примѣчаемъ и въ такъ называемой Гетманщинѣ. Здѣсь однако старый

аграрный строй рѣже и менѣе нарушался правительственными мѣропріятіями и вліяніемъ посторонніхъ элементовъ и народная жизнь представляла въ себѣ болѣе упругости. Правда, еще указомъ Анны Іоанновны 1739 г. января 8 (значитъ именно во время реформаторскихъ дѣяній князя Шаховскаго) даже малороссійскимъ козакамъ было запрещено распоряжаться своими землями на правахъ собственности, но въ этомъ-же указѣ было объяснено, что запрещеніе дѣлается до окончанія войны, и хотя оно потомъ опять подтверждено указомъ сената 1741 г., но не имѣло рѣшительнаго вліянія на измѣненія вѣками установившагося порядка землевладѣнія. Спустя много лѣтъ, при Александрѣ I-мъ, именно указомъ 28 іюня 1803 г. дозволено было малороссійскимъ козакамъ продавать свои земли и вообще распоряжаться недвижимымъ имуществомъ по древнимъ правамъ и привилегіямъ [1]) и такимъ образомъ наслѣдственно-участковое поземельное право козацкаго сословія бывшей гетманщины было признано офиціально, какъ увидимъ еще ниже, почти 60 годами ранѣе офиціальнаго признанія правъ частной собственности на старозанмочныя земли.

Иное положеніе земельнаго вопроса было для Слобожанщины: здѣсь врядъ-ли были какія-либо условія для опредѣленнаго выраженія народныхъ потребностей и стремленій, а, какъ замѣтили мы выше, оставалось мѣсто только для активнаго воздѣйствія съ одной стороны и пассивнаго подчиненія, или-же мертвой косности съ другой: жизнь почти съ самой ранней поры была лишена возможности органическаго саморазвитія не только по условіямъ своей внутренней творческой дѣятельности, но даже для свободнаго органическаго сліянія съ великорусскими аграрными порядками; она, можно сказать, почти цѣлые вѣка находилась подъ воздѣйствіемъ однихъ непрерывныхъ, извнѣ шедшихъ мѣропріятій, въ положительномъ смыслѣ нерѣдко совершенно безрезультатныхъ, а иногда даже и взаимно противорѣчивыхъ.

Въ послѣдней четверти прошлаго вѣка въ дѣйствіяхъ администраторовъ бывшей слободской территоріи уже наглядно замѣчается вольное или невольное упущеніе изъ виду того факта, что позе-

---

[1]) См. Прибавленіе къ № 14 Черниг. Губ. Вѣдомостей, 11 апр. 1864 г., ст. «Историч. очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи».

мельное владѣніе мѣстнаго малорусскаго населенія, какъ по своему происхожденію, такъ и по неоднократно выраженному признанію высшаго правительства (относительно черкасскихъ вольностей и обыклостей) есть владѣніе личное и потомственное, на правахъ частной собственности. Такъ еще въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка администрація харьковскаго намѣстничества видимо проводила въ своей дѣятельности тотъ взглядъ, что землевладѣніе войсковыхъ обывателей (бывшихъ козаковъ слободскихъ полковъ) неразрывно связано съ ихъ сословнымъ положеніемъ и потому не можетъ выходить за предѣлы сословія, взглядъ, который въ позднѣйшее время былъ выраженъ и въ законодательномъ порядкѣ. Такія стремленія мѣстной администраціи могутъ быть объясняемы скорѣе простымъ упущеніемъ изъ виду существенныхъ разновидностей аграрнаго порядка той или другой области, чѣмъ сознательной ассимиляціей этихъ разновидностей съ типомъ землевладѣнія, который уже органически отвѣчалъ всему строю московскаго государства, а можетъ быть и совмѣстно обоими этими условіями. Во всякомъ случаѣ кажется несомнѣнно то обстоятельство, что коренная правительственная перетасовка однодворческаго землевладѣнія главнымъ образомъ на сѣверной границѣ слободскихъ полковъ видимо послужила администраціи готовымъ шаблономъ для послѣдующихъ аграрныхъ реформъ и въ Слобожанщинѣ. Г. Побѣдносцевъ въ своемъ „Курсѣ гражд. права“ (ч. 1, изд. 1873 г., стр. 350—351) совершенно правильно замѣтилъ, что хотя старозаимочное владѣніе происходило путемъ вольнаго занятія земель, но уже рано „образовалось официальное понятіе о томъ, что земли слободскихъ полковъ составляютъ фондъ, предоставленный имъ за службу и для службы“... По причинамъ, разъясненіе которыхъ принадлежитъ общей исторіи Россіи, центральная петербургская администрація прошлаго вѣка исторически усвоила себѣ взгляды и практику, отрицавшіе всякія вотчинныя права на поземельную собственность за крестьянской массой, а такъ какъ южно-русское населеніе Слобожанщины искони фактически пользовалось этими правами на землю, то вся послѣдующая реформаторская дѣятельность администраціи, руководимая идеей нивелировки и централизаціи, видимо направила всѣ свои мѣры противъ начала личной собственности въ землевладѣніи Слободской Украйны. Несоотвѣтствіе этихъ мѣръ съ основными началами мѣст-

наго аграрнаго порядка немедленно-же оказалось существеннымъ стѣсненіемъ въ частной гражданской жизни тогдашнихъ „обывателей“ харьковскаго намѣстничества. Такъ, когда часть харьковскихъ войсковыхъ обывателей-землевладѣльцевъ пожелала перейти въ городское сословіе харьковскихъ мѣщанъ, то они „извѣстились“, что всѣ желающіе переходить изъ войсковыхъ обывателей въ купечество и мѣщанство не должны уже мѣпаться „во владѣніе земли“, а въ замѣнъ долженствовавшей отойти отъ нихъ земли мѣстное заботливое начальство выразило готовность „отрѣзать мѣщанству надлежащее количество земли въ городовыхъ выгонахъ“, которымъ, какъ безошибочно полагать можно, мѣщане могли воспользоваться лишь для общаго выпаса мелкаго домашняго скота и для огородовъ.

Въ виду такого нежданно предъявленнаго условія кандидаты въ городское сословіе въ „прошеніи своемъ“ на имя тогдашняго харьковскаго намѣстника Василія Алексѣевича Черткова, объяснили ему, что на городскихъ выгонахъ „съ таковыми выгодами и угодьями, какъ ихъ дачи, получить земли нельзя“, и на основаніи этого просили, „буде отмѣнить того положенія не можно, оставить ихъ при всѣхъ прежнихъ привилегіяхъ въ числѣ войсковыхъ обывателей“. Защищая свои права на землю, просители объясняли, между прочимъ, что „предки ихъ.... поселились городами, мѣстечками и селами на пустыхъ земляхъ отъ крымскихъ сторонъ для защищенія россійскихъ границъ.... предки ихъ, а затѣмъ и они, просители, поселившись на вольныхъ земляхъ, каждый занялъ себѣ свободные участки поземельныхъ, лѣсныхъ и сѣнокосныхъ дачъ, мельницы, хутора и другія угодья, а нѣкіе, пріобрѣвъ то покупкою, владѣли многіе годы, не имѣя во всемъ ни малѣйшей отмѣнности; да и прошлаго 1781 г., говорятъ о себѣ просители, записались въ мѣщанство съ такимъ обнадеживаніемъ, что всѣ предъизображенныя жалованныя привилегіи, земли и другія угодья не отымутся, а всегда при нихъ безъ малѣйшаго нарушенія пребудутъ“. Таковъ былъ взглядъ народа на свою поземельную собственность, не знавшую ни общинныхъ порядковъ, ни стѣсненія правъ по сословіямъ. Тогдашній харьковскій намѣстникъ Чертковъ, какъ видно, администраторъ, еще понимавшій мѣстныя условія, призналъ то простое положеніе, что не жизнь должна безусловно подчиняться мѣропрі-

ятіямъ, а на оборотъ, и въ своемъ „предложеніи“ харьковскому намѣстническому правленію, по поводу вышеназванной просьбы, изложилъ слѣдующее руководящее разрѣшеніе этого вопроса: „внемля выраженіямъ просьбы сей и представивъ съ одной стороны надобность, колико полезно, а затѣмъ нужно въ губерніяхъ и купечество и мѣщанство, доставленіемъ разныхъ промысловъ и торговли обществу благотворящее, съ другой обрѣтая между правилъ должности своея, что благоустройство въ губерніи, споспѣшествованіе и способъ ко удовольствію каждаго законнымъ образомъ отъ попеченія главнокомандующаго зависитъ, а посему поставляя предметомъ удовлетворить выгодамъ всѣхъ и каждаго отъ попеченія и управленія моего зависящихъ, какъ и данное харьковскому намѣстничеству земель постановленіе къ таковому-же средоточію наклоненіе имѣло, дабы приблизить недвижимость къ самимъ ихъ обиталищамъ, доставить имъ удобность къ домоводству, привилегіями дозволенному, безъ удаленія и отъ торговыхъ обращеній въ городахъ заведенныхъ, рекомендую намѣстническому правленію оставить просителей, а равно и все мѣщанство не только въ губернскомъ, но и въ уѣздныхъ вѣдомства своего городахъ, при прежнихъ заимкахъ и владѣніяхъ, которыя они выгодѣ, въ близости грунтовъ ихъ заключающейся, охотно предпочитаютъ“. Изъ содержанія этого „предложенія“ Черткова и вызвавшихъ его причинъ видно, что это затрудненіе выхода войсковыхъ обывателей въ городскія сословія было уже не единичнымъ фактомъ, ибо самъ администраторъ смотритъ на сдѣланное имъ разрѣшеніе вопроса, какъ общее для всѣхъ однородныхъ случаевъ, и офиціально оглашаетъ его для общаго примѣненія во всемъ харьковскомъ намѣстничествѣ. Умный администраторъ не могъ не знать, что огромное большинство населенія въ городахъ его намѣстничества состояло изъ старозаимочныхъ владѣльцевъ—войсковыхъ обывателей и поэтому ставить преграды этому населенію къ выходу въ городскія сословія значило-бы оставлять города только при одномъ имени, а въ сущности принудительно оставлять ихъ населеніе при одномъ земледѣльческомъ промыслѣ, что позже и случилось въ дѣйствительности въ нѣсколькихъ (если не въ большей части), только номинальныхъ, городахъ харьковской губерніи, которые на самомъ дѣлѣ остались большими, но бѣдными земледѣльческими селами.

Послѣдующая судьба землевладѣнія въ б. Слободской Украйнѣ, не менѣе какъ предъидущая, уже извѣстная читателямъ, способна удостовѣрить насъ въ томъ, что всѣ административныя и вообще правительственныя мѣры, клонившіяся къ такому или иному опредѣленію порядка землевладѣнія, были одновременными во всей этой мѣстности, такъ что исторія одного какого нибудь небольшаго уголка этой мѣстности, одного ея уѣзда, или даже волости, можетъ представить собой почти общую исторію аграрнаго вопроса на всемъ пространствѣ бывшей Слобожанщины. Тѣмъ легче обнять и понять ее въ одной отдѣльной картинѣ, и тѣмъ необходимѣе такая картина, что историческія данныя относительно старозаимочнаго землевладѣнія имѣются далеко не для всѣхъ мѣстностей б. Слободской Украйны и не за все изслѣдуемое время. Мы и представимъ такую картину въ исторіи одной старозаимочной дачи харьковской губерніи.

А. Шимоновъ.

(Продолженіе будетъ).

Г. УМАНЬ И СОФІЕВКА.

(Исторія г. Умани.—Уманская рѣзня.—Софіевка).

I.

Та мѣстность, на которой расположенъ теперь г. Умань съ его окрестностями и знаменитымъ садомъ, составляла нѣкогда центръ такъ называвшейся *уманской пустыни*. Она занимала въ окрестности до 300 верстъ и простиралась за нынѣшній уманскій уѣздъ, захватывая земли теперешняго балтскаго уѣзда до м. Богополья. На ней нѣтъ ни одного шага земли не орошеннаго человѣческою кровью: въ прежнее время она служила мѣстомъ для кровавыхъ сценъ и народныхъ распрей. Съ одной стороны этой обширной пустыни пролегала извѣстная дорога—*Чорный шляхъ* или *Татарскія дороги*, отдѣлявшая эту пустыню отъ земель ногайцевъ. Далѣе границами были: рѣки—*Синюха и Удычь*, впадавшая съ востока въ Бугъ, небольшой деревяный замокъ—*Брацлавскій*, укрѣпленный бревенчатымъ палисадомъ и основанный въ 1550 г. княземъ Богушемъ Ѳедоровичемъ *Корецкимъ*. Пустыню прорѣзывали, извиваясь въ скалистыхъ берегахъ, незначительныя рѣчки *Уманка* и *Каменка*, которыя соединялись ниже г. Умани.

Эта пустыня съ давнихъ поръ была ареною, на которой совершались всевозможныя столкновенія и насилія одного племени надъ другимъ и даже членовъ одного племени между собою. Извѣстно, что беззащитная Украйна въ прежнее время служила дорогой для различныхъ племенъ, что и изображается аллегорически въ пѣснѣ:

Ой біда, біда чайці небозі,
Шо вывела дітокъ при биті дорозі.

Поэтому тутъ всегда могъ оставаться всякій сбродъ даже изъ сосѣднихъ націй, тѣмъ болѣе, что сюда не досягали и законы. Всѣ голодные или чѣмъ нибудь недовольные пролетаріи собирались со всѣхъ окружныхъ и отдаленныхъ мѣстъ и здѣсь подвизались на поприщѣ грабительства и разбойничества. Тутъ-же отличалась и бездомная польская шляхта, презиравшая законъ своей страны и поставлявшая въ честь и личныя заслуги свои разбойническіе подвиги. Здѣсь часто собирались ватаги запорожцевъ, мстили своимъ притѣснителямъ и огнемъ и пикой уничтожали многолюдныя поселенія польской Украйны. Не рѣдко можно было встрѣтить и рыскающихъ ногайцевъ. Здѣсь говорили на языкахъ: малорусскомъ, польскомъ, литовскомъ, сербскомъ, молдованскомъ, цыганскомъ, турецкомъ и даже на нѣмецкомъ и венгерскомъ...

Пустынею этою никто исключительно не пользовался, хотя въ XV стол. она и считалась принадлежащею къ великому княжеству литовскому и была жалуема *земянамъ*, а въ томъ числѣ и какому-то Семену Копкѣ.

Сигизмундъ III актомъ, даннымъ 13 мая 1609 г., утвердилъ эту землю за винницкимъ и брацлавскимъ старостой Валентиномъ Александровичемъ Калиновскимъ. Съ этихъ поръ она и перешла въ его владѣніе. Калиновскіе стали заселять пустыню своими крестьянами и укрѣпили г. Умань для огражденія отъ нападеній татаръ и турокъ.

Отчего произошло названіе г. Умани, неизвѣстно. Подробностей и времени его возникновенія мы не знаемъ. Можетъ быть шалашъ, поставленный у рѣчки въ непроходныхъ лѣсахъ звѣроловомъ-охотникомъ, положилъ основаніе городу, или-же землянка бездомной „голоты“, добывавшей себѣ хлѣбъ разбоемъ у большой дороги—*Чорный шлях*. О существованіи Умани мы знаемъ только изъ различныхъ письменныхъ памятниковъ; извѣстно, что въ 1620 г. онъ былъ уже однимъ изъ значительныхъ городовъ Малороссіи.

Въ 1596 г. малороссійскій гетманъ Наливайко, воюя съ польскимъ коронным гетманомъ Жолкевскимъ, привелъ свои войска въ окрестности Умани и здѣсь набралъ себѣ для помощи храбрыхъ и отчаянныхъ удальцовъ, съ которыми догналъ Жолкевскаго подъ Чигириномъ и тамъ разбилъ его.

Выговскій, вторично добивавшійся гетманства, въ 1664 г. послалъ вѣрнаго ему запорожца Сулиму подъ Умань, гдѣ послѣдній набралъ и составилъ отрядъ, съ которымъ двинулся на помощь Выговскому.

Въ эпоху такъ называемыхъ „руинъ“ г. Умань часто подвергался нападеніямъ и разореніямъ. Цѣлый рядъ бѣдствій записанъ на листахъ исторіи этого города во время гетманства Петра Дорошенка.

Послѣдній былъ утвержденъ въ гетманствѣ польскимъ королемъ, вмѣстѣ съ этимъ былъ избранъ гетманомъ и уманскій полковникъ Хапенко.

Изъ-за гетманской булавы поднялись ссоры и драки, мѣстомъ которыхъ также былъ г. Умань и его окрестности. Самое ужасное изъ всѣхъ этихъ бѣдствій было въ 1674 г. Тогда Умань былъ лучшимъ городомъ въ этомъ краѣ, сильно укрѣпленнымъ и могъ отразить даже сильное нападеніе. Петръ Дорошенко, призвавшій на помощь противъ польскаго короля турокъ, занялся покореніемъ укрѣпленныхъ мѣстъ въ зап. Украйнѣ. Визирь Кара-Мустафа, начальствовавшій надъ турецкимъ войскомъ, послѣ взятія м. Ладыжина, направилъ свои силы на Умань. Это было лѣтомъ. Дорошенко обѣщалъ оставить городъ въ цѣлости и не дѣлать надъ жителями никакихъ насилій, если уманцы безъ сопротивленія сдадутъ городъ. Когда послѣдніе увидѣли, что къ городу идетъ большое турецкое войско, то немедленно выслали полковника съ старшинами и лучшими козаками къ турецкому начальнику, чтобы онъ принялъ городъ подъ свое покровительство. Турки забрали городскихъ представителей въ плѣнъ. Это уманцевъ огорчило: они заперлись въ городѣ и храбро отбивались; дѣлали вылазки и нападали на враговъ. Турки принуждены были обойти городъ и начали съ другой стороны—отъ *Грекова лѣса*—дѣлать шанцы. Такимъ образомъ они подошли подъ самый замокъ, высыпали равной высоты съ городскимъваломъ батареи и поставили на нихъ пушки. Чрезъ двѣ недѣли городъ былъ взятъ. Кровавая битва происходила и на улицахъ. Спрятавшіеся въ погребахъ были задушены дымомъ, такъ какъ турки зажигали на входахъ солому. Головы убитыхъ христіанъ турки представляли къ пашѣ и за каждую получали по червонцу; снимали кожу, дѣлали чучелы и отвозили визирю въ Ладыжинъ. Послѣ

многихъ неистовствъ надъ жителями, которыхъ насчитывалось до 20 тысячъ, турки разорили и истребили до основанія посредствомъ огня и весь городъ [1]).

Мѣстность, на которой стояли турки до взятія города и теперь извѣстна въ народѣ подъ названіемъ *турокъ* или *туркй;* она лежитъ между старымъ базаромъ, т. е. первоначальнымъ городомъ и Софіевкой.

Послѣ этого кроваваго событія Умань, изъ укрѣпленнаго и торговаго города, сдѣлался незначительнымъ селеніемъ, въ которомъ находили убѣжище бездомные скитальцы, существовавшіе грабежемъ и разбоемъ.

Около 1712 г., въ царствованіе Петра I, когда вмѣстѣ съ козацкими полками большинство жителей западной Украйны переселилось въ восточную Украйну, остатокъ православныхъ уманскихъ жителей перешелъ также, а западная Украйна отошла во владѣніе Польши.

Отъ Калиновскихъ г. Умань перешелъ во владѣніе Потоцкихъ слѣдующимъ образомъ: дочь Мартына Калиновскаго, Елена, выдана была замужъ за Якова зъ Рацибору Мартына, воеводу сендомирскаго и, получивъ въ приданое Умань, Могилевъ на Днѣстрѣ, Ямполь и нѣсколько другихъ имѣній, передала ихъ своему другу и родственнику Станиславу Потоцкому, коронному стражнику.

Такимъ образомъ Потоцкіе сдѣлались владѣльцами Умани и сосѣдями запорожцевъ. Главное мѣсто жительства Потоцкихъ было *Потокъ* въ белзскомъ воеводствѣ, а резиденція—замокъ въ *Крыстинополь.*

II.

Съ переходомъ уманской волости въ родъ Потоцкихъ, число бездомныхъ пролетаріевъ въ этихъ мѣстахъ увеличилось; они собирались здѣсь значительными партіями и дѣлали грабежи и разбои, какъ въ окрестностяхъ Умани, такъ и во всей западной Украйнѣ. Въ народѣ они извѣстны подъ именемъ „гайдамакъ“. Такіе бурлаки, подъ предводительствомъ своихъ „ватажковъ“ или полковниковъ всѣми силами старались вредить польскимъ панамъ и католическому духовенству, и при всякомъ столкновеніи грабили ихъ.

[1]) По Ригельману.

Часто изъ Запорожья спеціально выходили отчаянные удальцы и сорвиголовы для набѣговъ и грабили въ польской Украйнѣ и даже въ самой Польшѣ; девизомъ ихъ была поговорка: „або добуть, або дома не буть". „Ватажки" выводили часто свои шайки изъ запорожскихъ степей, грабили и разоряли шляхетскіе и еврейскіе дворы, истязали въ нихъ хозяевъ, а особенно евреевъ.

Появлялись они и исчезали моментально, такъ что даже не давали времени подвергавшимся нападенію стать въ оборонительное положеніе. Если-же польское правительство или магнаты захватывали такія шайки, то безпощадно истребляли ихъ. Поэтому поводу часто русскимъ и польскимъ правительствомъ были назначаемы коммисіи; но коммисіи рѣшали дѣла на бумагѣ и не могли предотвратить бѣдствій. Набѣги и грабительства гайдамакъ повторялись все чаще и чаще. Наконецъ гайдамачество стало принимать правильную форму и нашло себѣ опору въ народной массѣ. Оно было протестомъ противъ преслѣдованія поляками православныхъ и стѣсненія народныхъ правъ. Выражалось оно возстаніями порабощенныхъ крестьянъ противъ пановъ, ихъ управителей и евреевъ—арендаторовъ. Унія, начавшаяся въ то время распространяться, была для православнаго народа ненавистною. Когда-же при польскомъ королѣ Станиславѣ Понятовскомъ недовольные имъ поляки составили барскую конфедерацію и начали дѣлать всевозможныя изувѣрства, то народное терпѣніе и ожесточеніе дошло крайнихъ предѣловъ. Между тѣмъ православныя церкви отдавались на откупъ евреямъ, которые были откупщиками и всѣхъ церковныхъ требъ и обрядовъ *). Католическіе и уніатскіе духовные преслѣдовали и истязали священниковъ, исповѣдывавшихъ греческую религію и старались насильно обращать православные приходы въ унію. Вотъ что породило тѣ ужасныя, потрясающія душу, кровавыя драмы, которыя разыгрались большею своею частью надъ Уманью.

Дѣятельнымъ поборникомъ своей церкви со стороны православія явился игуменъ мотронинскаго монастыря Мелхиседекъ Значко-Яворскій, а мстителями за народное угнетеніе и порабощеніе запорожцы.

---

*) Письменныхъ указаній на это нѣтъ, а осталось лишь устное преданіе.— Ред.

Поляки и евреи, страшась гайдамакъ, укрѣпляли свои жилища и города, содержали постоянную стражу, которая увѣдомляла о ихъ появленіи. Всѣ старались найти защиту и укрыться, какъ можно надежнѣе. А гайдамацкіе набѣги происходили безпрерывно. Францъ-Салезій Потоцкій, чтобы защитить свои владѣнія отъ набѣговъ, укрѣпилъ г. Умань, который до 1760 г. представлялъ ничтожное, опустошенное мѣстечко. Въ этомъ-же году городъ, находившійся на возвышеніи и отдѣлявшійся отъ предмѣстья оврагами, былъ окруженъ валомъ, острогомъ и рвомъ. Среди самаго города былъ построенъ замокъ. Такія укрѣпленія возводились и въ другихъ городахъ и значительныхъ мѣстечкахъ, находящихся въ западной Украйнѣ. Уманскій замокъ представлялъ собою большой домъ, въ которомъ помѣщался управляющій или губернаторъ. Домъ имѣлъ большой каменный магазинъ и службы, а вокругъ него было особое укрѣпленіе, состоявшее изъ палисада, тянувшагося по окраинѣ глубокаго рва. На верхнемъ этажѣ магазина находилась башня съ бойницами. Изъ замка вели двое воротъ: одни въ такъ называемый *Новый городъ*, а другія къ оврагу, со стороны предмѣстья—*Бабанка*. У воротъ всегда стояло по двѣ пушки и стража изъ шляхетства. Уманскій гарнизонъ состоялъ изъ козаковъ: одного коннаго полка въ двѣ тысячи человѣкъ, набраннаго изъ крестьянъ принадлежащихъ къ имѣніямъ Потоцкихъ, и сотни пѣшихъ, которыхъ называли *лизнями* или въ насмѣшку *лежнями;* кромѣ того была еще партія польскихъ шляхтичей (человѣкъ 60), которые именовались тѣлохранителями своего ясневельможнаго пана. Нарядъ войска соотвѣтствовалъ цвѣту герба Потоцкихъ: желтый жупанъ, голубыя шаровары, кунтушъ и желтыя шапки, отороченныя черными смушками; пояса кожаные, украшенные у простыхъ козаковъ мѣдными, а у сотниковъ серебряными бляхами и разными побрякушками. У каждаго козака на кожаныхъ перевязяхъ висѣли съ одной стороны большой рогъ съ порохомъ, а съ другой лядунка съ пулями, кремнями и т. п. Вооруженіе уманскихъ войскъ состояло изъ ружья, пики и двухъ пистолетовъ. Саблю имѣли право носить только шляхтичи и военные чины—полковникъ, сотники и хорунжіе. Внутри замка находилась особая комната, называвшаяся *команда*, въ которой хранились знамена, литавры, трубы и т. п. У дверей команды всегда находился почетный караулъ. Каждый годъ въ день

праздника Троицы всему войску, находившемуся въ Умани, производился смотръ.

Такъ было въ Умани предъ началомъ знаменитой *уманской рѣзни* или по народному—*Коліивщины*, совершившейся въ 1768 г.

Опираясь на свои придворные гарнизоны и укрѣпленія, магнаты и шляхта безпечно проводили время и безчинствовали въ своихъ имѣніяхъ. Конфедераты разбрелись по всей Украйнѣ, Волыни, Подоліи и немилосердно давили *схизматиковъ*, стараясь обратить ихъ въ унію; они грабили крестьянъ и совершали надъ ними всевозможныя несправедливости. Въ это время въ лѣсной тиши мотронинскаго монастыря созрѣвалъ планъ народнаго возстанія; здѣсь вмѣстѣ съ проповѣдью слова Божьяго сѣялась въ богомольцахъ-посѣтителяхъ ненависть къ уніи и католичеству. Игуменъ этого монастыря Значко-Яворскій не дремалъ: онъ всѣми силами противодѣйствовалъ вліянію католицизма. Наконецъ изъ Запорожья вышелъ знаменитый Максимъ Желѣзнякъ. Была изобрѣтена, неизвѣстно кѣмъ, золотая грамота, выданная будто-бы запорожцамъ Екатериной II-й, освящены ножи и дѣло было начато. Къ Желѣзняку отовсюду стекались толпы гайдамакъ изъ крестьянъ правобережной Украйны. Сначала было взято и разорено м. Жаботинъ; поляки и евреи, не успѣвшіе во время укрыться, были истреблены. Жаботинская сотня присоединилась къ Желѣзняку. Ежечасно полчище Желѣзняка увеличивалось новыми охотниками и имя его сдѣлалось громкимъ по всей Украйнѣ. Потомъ разорено было мѣстечко Лысянка. Католики, евреи и уніаты бѣжали изъ края и искали убѣжища въ болѣе защищенныхъ мѣстахъ. Многіе направились къ Умани, такъ какъ этотъ городъ былъ укрѣпленъ лучше другихъ городовъ. Гайдамаки знали, куда прячутся ихъ враги, и потому направили свои силы на Умань, который поспѣшно укрѣплялся и готовился дать имъ отпоръ. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ пѣсня:

„Підъ Уманемъ, славнымъ містомъ, великіи кручи,
Гей помліли уманчики, запорожцівъ ждучи"...

Въ это время въ Умани губернаторомъ былъ Младановичъ. Стекшагося народа было такъ много, что всѣ не помѣстились внутри города, а часть размѣстилась таборомъ подъ городомъ около *Грекова лѣса*. Гарнизонъ уманскій состоялъ въ это время изъ 6 ты-

сячъ человѣкъ и главная сила его заключалась въ надворныхъ козакахъ, въ числѣ двухъ тысячъ, подъ командою полковника Обуха.

Когда Младановичъ услышалъ о гайдамацкомъ движеніи, то выслалъ для укрощенія своихъ козаковъ. Въ этомъ числѣ былъ и извѣстный сотникъ Гонта. Младановичу и въ голову не приходила мысль, что козаки могутъ измѣнить, хотя онъ и запретилъ имъ распѣвать пѣсни о Богданѣ Хмельницкомъ.

Гонта съ своимъ отрядомъ вышелъ на встрѣчу гайдамакамъ къ селенію Соколовкѣ (въ 50 верстахъ отъ Умани) и сталъ съ ними сноситься. Евреи объ этомъ провѣдали и донесли Младановичу. Послѣдній призвалъ Гонту, который явился къ нему съ нѣсколькими атаманами, какъ ни въ чемъ не бывало. На всѣ обвиненія онъ отвѣчалъ отрицательно и клялся въ своей невинности. Однако нѣкоторые поляки тогда уже настаивали, чтобы казнить его. Младановичъ не хотѣлъ круто поступить съ Гонтой, такъ какъ послѣдній былъ въ милости у Потоцкаго, который подарилъ ему въ пожизненное владѣніе деревни *Росошки* и *Орадовку*. Уликъ противъ него никакихъ не было и ни что не давало повода подозрѣвать его въ измѣнѣ, такъ какъ онъ до сихъ поръ вѣрно служилъ своему пану. Повидимому, онъ былъ почти совсѣмъ ополяченъ: говорилъ и писалъ по-польски, женатъ былъ на полькѣ. Его заставили вторично присягнуть и снова отправили къ полку. Теперь Гонта дѣйствовалъ открыто: свидѣлся съ Желѣзнякомъ и присталъ съ своими козаками къ гайдамакамъ. Объясняютъ эту перемѣну тѣмъ, что Желѣзнякъ показалъ Гонтѣ золотую грамоту Екатерины II-й и этотъ послѣдній увѣровалъ въ ея подлинность, что однако мало вѣроятно. Въ Умани не ожидали этого. Подступая къ Умани, гайдамаки направились къ *Грекову лѣсу*, гдѣ располагался польскій таборъ. Гонта съ своими козаками шелъ впереди и остановился у лѣса. Землемѣръ Шафранскій, находившійся въ то время въ городѣ, видѣлъ съ башни въ подзорную трубу, какъ Гонта сошелъ съ лошади и, подойдя къ Желѣзняку, поцѣловался съ нимъ. Тогда только поляки поняли свою оплошность; но было уже поздно.

Весь таборъ, состоявшій по извѣстіямъ современниковъ изъ 8 т. душъ католиковъ, уніатовъ и евреевъ, былъ перебитъ. Изъ города ушли, перебивъ стражу и присоединились къ гайдамакамъ 100 человѣкъ арестантовъ, содержащихся подъ карауломъ. Туда-же

ушла и вся прислуга, состоявшая изъ малороссовъ. Городъ былъ поднятъ на ноги и поспѣшно сталъ приводиться въ оборонительное положеніе: евреевъ даже вооружили и поставили къ палисаду; но было поздно. Отстоять городъ не было никакой возможности; кромѣ того въ немъ не было воды. Младановичъ рѣшился вступить съ гайдамацкими предводителями въ переговоры и послалъ имъ подарки. На другой день Желѣзнякъ и Гонта подъѣхали верхами къ городскимъ воротамъ, передъ которыми на внѣшней сторонѣ былъ устроенъ мостъ, перекинутый чрезъ глубокій ровъ. Къ нимъ вышелъ губернаторъ, окруженный нѣсколькими поляками. Тутъ Гонта объявилъ Младановичу, что идетъ противъ поляковъ по повелѣнію императрицы Екатерины II-й. Во время этихъ переговоровъ былъ заключенъ договоръ слѣдующій: всѣмъ полякамъ выговаривалась безопасность, а евреи съ ихъ имуществомъ отдавались на произволъ гайдамакъ. Дѣло было почти совсѣмъ улажено, но одинъ полякъ, по имени Рогашевскій, оскорбилъ гайдамацкихъ предводителей и все было разстросно. Гайдамаки напали на поляковъ, которые поспѣшно убѣжали въ городъ. Младановичъ бросился въ костелъ, гдѣ уже была собрана толпа. Гайдамаки ворвались въ городъ и принялись избивать евреевъ и самихъ католиковъ. Рѣзня была ужасная. Трудно подыскать такихъ яркихъ красокъ, чтобы ее изобразить и представить въ подходящемъ свѣтѣ. Пусть себѣ всякій представитъ пожаръ, обхватившій весь городъ и разъяренную, бушующую, какъ волны, толпу, съ остервенѣніемъ животнаго, бросающагося на все то, что носитъ названіе поляка. Тутъ кололи копьями, рѣзали ножами, рубили саблями и топорами, не разбирая ни пола, ни возраста. Трупами загромождены были всѣ улицы. Народная месть удовлетворялась кровью, которая здѣсь текла потоками. Дѣти были прокалываемы копьями и подымаемы вверхъ. Гайдамаки перерѣзали монаховъ базиліанскаго монастыря; школярами базиліанской школы былъ заваленъ колодезь, находившійся на площади и имѣвшій до 30 сажень глубины [1]). Они ругались

[1]) Колодезь этотъ лѣтъ 10 тому назадъ былъ отрытъ и починенъ городомъ и изъ него, говорятъ, было вынуто множество костей. Онъ находится на главной площади предъ соборомъ и предъ стариннымъ мрачнымъ зданіемъ, которое и до сихъ поръ называется «базиліанами». Въ этомъ зданіи помѣщался базиліанскій монастырь и школа. Кажется, Срезневскій въ своихъ изслѣдованіяхъ указываетъ на другой колодезь.

надъ католической святынею, бросали ее на землю и топтали ногами. Младановичъ былъ убитъ вмѣстѣ съ другими. Когда не много прошли первые симптомы ярости, гайдамаки собирали толпы католиковъ и евреевъ и гнали ихъ въ николаевскую церковь, гдѣ надъ ними совершалось крещеніе. Это крещеніе происходило среди хоругвей, при колокольномъ звонѣ. Желѣзнякъ и Гонта были воспріемниками. Дѣти Младановича: сынъ и дочь были пощажены и насильно перекрещены. Гонта, по преданію, ничѣмъ впрочемъ не подверждаемому, двухъ своихъ сыновей католиковъ самъ убилъ.

Послѣ такой кровавой расправы гайдамаки стали таборомъ въ урочищѣ *Карповка*, гдѣ въ настоящее время находится *Софіевка*. Желѣзнякъ назвалъ себя кіевскимъ воеводою, а Гонта воеводою брацлавскимъ; по другимъ извѣстіямъ первый былъ выбранъ гетманомъ, а второй уманскимъ полковникомъ.

2 іюня генералъ Кречетниковъ принудилъ къ сдачѣ конфедератовъ въ бердичевскомъ замкѣ и взялъ въ плѣнъ главнаго регимептаря Пулавскаго. Во второй половинѣ іюня онъ послалъ поручика Кологривова съ донскими козаками къ Умани, приказавши уговорить гайдамакъ разойтись, такъ какъ русское войско уничтожило польскихъ конфедератовъ и бояться ихъ нечего. Впрочемъ гайдамаки, должно быть, знали, съ какой стороны грозитъ имъ опасность и вели себя очень осторожно. Вотъ какъ народная пѣсня упоминаетъ о прибытіи къ Умани русской команды:

„Ой выглянувъ донський козакъ изъ-за Острои могилы [1]),
Утікали уманчики—пітаны погубили“.

Особой хитростью успѣли арестовать гайдамацкихъ предводителей и перевязали весь гайдамацкій таборъ. Впослѣдствіи Гонта былъ самымъ варварскимъ способомъ казненъ. О Желѣзнякѣ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ того, что онъ былъ доставленъ въ кіевскую крѣпость, въ числѣ другихъ гайдамакъ.

Такимъ образомъ кончилась эта кровавая драма, извѣстная подъ названіемъ „Коліивщины“ или „Гайдамачины“.

Лѣтъ 85 тому назадъ въ Умани видны были еще остатки старинныхъ укрѣпленій и другихъ сооруженій: разрушившійся деревяный палисадъ, окружавшій городъ во время нападенія гайда-

[1]) Село въ 30 верстахъ отъ м. Бѣлой-Церкви, по дорогѣ къ Умани.

маковъ, костелъ и полуразрушенный базиліанскій монастырь. Потомъ Потоцкій построилъ новый каменный монастырь, а деревянный въ 1828 году уничтожилъ. Впослѣдствіи этотъ монастырь былъ обращенъ въ военный госпиталь. Теперь эти зданія пусты и принадлежатъ казнѣ; подъ ними находятъ много подземныхъ ходовъ.

Православная Михайловская церковь, въ которой совершалось крещеніе католиковъ и евреевъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія сгорѣла. Николаевская церковь, въ которой также Желѣзнякъ и Гонта принудили многихъ принять крещеніе, обветшала и вмѣсто ней построена въ 1812 г. новая каменная, обращенная въ 1846 г. въ соборную.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ „Коліивщины“ г. Умань былъ въ упадкѣ и не могъ придти въ надлежащее положеніе: и послѣ Желѣзняка мелкія шайки не переставали опустошать его окрестности и грабить жителей. Улучшеніе его началось со времени возвращенія этого края Россіи, т. е. съ 1794 г. Въ 1797 году г. Умань былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ, но принадлежалъ гр. Потоцкому. Въ 1834 г. онъ былъ конфискованъ вмѣстѣ съ другими имѣніями гр. Александра Потоцкаго. Въ 1839 г. онъ перешелъ въ вѣдѣніе начальства кіевскихъ и подольскихъ военныхъ поселеній. Теперь въ немъ считается до 25 тысячъ жителей.

III.

Въ верстѣ отъ г. Умани находится знаменитый *Царицынъ садъ* или *Софіевка,* считающійся чудомъ Украйны. Богатство польскихъ магнатовъ и множество рабочихъ рукъ, представлявшихъ даровой крѣпостной трудъ, создали это чудо. Если вспомнимъ, какимъ образомъ прежніе паны могли сдѣлать изъ лѣта зиму и покрыть пустое мѣсто въ одну ночь большимъ лѣсомъ для охоты, то легко поймемъ, какимъ образомъ возникъ и уманскій садъ.

До 1796 г. тамъ, гдѣ теперь расположена Софіевка, было пустое возвышенное мѣсто, усѣянное кусками гранита, между которыми протекалъ ручей *Каменка.* Истокъ ручья начинался близъ деревни *Войтовки.* Берега ручья отъ природы были усѣяны громадными глыбами, въ безпорядкѣ нагроможденными другъ на друга. Подпочва здѣсь гранитная и представляетъ продолженіе отроговъ Карпатскихъ горъ. Изъ разсѣлинъ камней струились маленькіе

ручейки, собиравшіеся въ небольшихъ углубленіяхъ камней и образовавшіе озерца, заставшія лѣтомъ водяными растеніями. Чрезъ это мѣсто тянулась по направленію къ Умани ровная долина, носившая то-же названіе, что и ручей—Каменка. Тутъ на окрестныхъ возвышенностяхъ паслись стада. Это прекрасное мѣсто служило жителямъ Умани, въ особенности ученикамъ базиліанской школы, для прогулокъ и увеселеній. Послѣ разоренія Умани, гайдамаки стащили къ холму тѣла своихъ товарищей, убитыхъ при взятіи города, и здѣсь погребли ихъ. На мѣстѣ занимаемомъ нынѣ садомъ, они зарыли въ землю много денегъ и другихъ цѣнныхъ вещей, часть которыхъ въ прежнее время была отрыта.

Графъ Феликсъ Потоцкій, переселившійся изъ Тульчина въ Умань, разъ весною въ 1796 г., проѣзжая по окрестностямъ города, пріѣхалъ съ женою къ Каменкѣ. Въ это время въ описываемой мѣстности уманцы, по обыкновенію, собрались на гулянье. Берегъ ручья Каменки, холмистое мѣстоположеніе и роскошная растительность понравились Софіи Потоцкой; она сказала мужу, что на этомъ мѣстѣ можно было-бы устроить прекрасный паркъ. Графъ взялся выполнить мимолетное желаніе своей красавицы—жены. Возвратясь съ прогулки, онъ позвалъ своего управляющаго уманскимъ имѣніемъ капитана Мецеля и поручилъ ему немедленно приступить къ устройству парка и сада. Мецель—данцигскій уроженецъ много разъ путешествовалъ по Европѣ съ отцомъ гр. Феликса и самимъ графомъ и видѣлъ всѣ тогдашніе знаменитые заграничные сады.

Вскорѣ послѣ этого графъ съ женою уѣхалъ за границу. Весною 1797 г. Мецель приступилъ къ устройству сада. Масса крестьянъ, согнанныхъ изъ окрестностей, принялась за работу. Огромныя деревья съ корнями и землею привозились изъ-за сотень верстъ и насаждались аллеями. Громадныя гранитныя глыбы перетаскивались съ одного мѣста на другое и укладывались по указанію строителя, который руководился одной мыслью: скрыть искусство и труды человѣка удачнымъ подражаніемъ природѣ. И въ этомъ онъ успѣлъ: всѣ эти дикіе утесы, огромныя глыбы, образующія причудливыя формы, скалы, гроты, кажется, нагромождены самою природою.

Въ 1800 г. гр. Потоцкій возвратился съ женой въ Умань. Это было близко около дня рожденія графини, когда къ Потоцкимъ съѣзжалось много гостей съ Польши и Украйны. Графиня не знала объ устройствѣ около Умани сада; при графскомъ дворцѣ, находившемся въ центрѣ города, былъ разведенъ прекрасный садъ, изобиловавшій различными затѣйливыми сооруженіями, поэтому она и не думала о разведеніи другаго сада. Въ день рожденія графъ и графиня и всѣ гости поѣхали прокатиться по окрестностямъ города. Никто не зналъ, съ какой цѣлью была предложена эта поѣздка. Болѣе трехсотъ экипажей вереницей потянулись къ Каменкѣ. Когда пріѣхали къ парку, то всѣ, знавшіе прежнюю мѣстность, были поражены нежданною ея перемѣною: на холмистой мѣстности, усѣянной выдающимися изъ земли громадными глыбами гранита, былъ роскошнѣйшій садъ и паркъ, украшенные множествомъ мраморныхъ и бронзовыхъ статуй, каскадами, фонтанами, гротами, павильонами и т. п. сооруженіями. Общій видъ сада представлялъ очаровательную картину: на крутыхъ возвышенностяхъ по уступамъ проведены аллеи, идущія между скалами по разнымъ направленіямъ; внутри на каждомъ шагу встрѣчались пруды, водопады, ручьи, съ перекинутыми чрезъ нихъ красивыми мостиками и всевозможныя дорогія растенія. Тутъ-же было дано и названіе саду—*Софіевка* въ честь графини Софіи, которой принадлежала первая мысль его устройства.

До самой смерти своей гр. Феликсъ не переставалъ улучшать и украшать свою любимую Софіевку: выписывалъ растенія, устраивалъ новые фонтаны, покупалъ статуи и т. п. Ему непремѣнно хотѣлось довести садъ до той степени устройства, до котораго можетъ быть доведено только истинное произведеніе человѣка, и онъ во многомъ успѣлъ выполнить свое желаніе.

Онъ умеръ въ 1805 г. и послѣ него Софіевка досталась старшему его сыну Александру, при которомъ весь садъ пришелъ въ упадокъ и многія строенія развалились. Еще и послѣ смерти Феликса были привезены изъ Италіи и другихъ мѣстъ, заказанныя имъ для Софіевки, статуи, множество экзотическихъ растеній, оконченъ тоннель и большая оранжерея [1]).

[1]) Предмѣстье сада было заселено крестьянами Потоцкихъ и образована была слободка, существующая и до сихъ поръ подъ названіемъ *Софіевки*.

Съ 1831 г. т. е. послѣ польскаго возстанія Софіевка вмѣстѣ съ городомъ перешла въ казенное управленіе.

До 1859 года она находилась въ вѣдѣніи императорскаго двора и называлась *Царицынымъ садомъ*, а потомъ передана была въ вѣдомство государственныхъ имуществъ и теперь принадлежитъ уманскому училищу земледѣлія и садоводства. До этого времени Софіевка считалась собственностью государыни Александры Ѳеодоровны, которая подарила ее уманскому училищу. Въ память этого въ означенномъ училищѣ, въ актовой залѣ, въ стѣнѣ вдѣлана мраморная доска со слѣдующею надписью: „30 марта 1859 г. ея императорское величество, государыня императрица Александра Ѳеодоровна соизволила представить уманскій Царицынъ садъ главному училищу садоводства".

Изъ особенно значительныхъ мѣстъ и сооруженій Софіевки, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени, замѣтимъ слѣдующія:

1. Громовой гротъ. Онъ представляетъ собою большую каменную пещеру, сводъ которой поддерживается большой гранитной колонной. Стѣны и колонна высѣчены неправильно и поддѣланы подъ естественный видъ. Внутри темно и сыро. Съ верхняго пруда въ гротъ проведена вода, которая, проходя по трубѣ сверху внизъ, вытекаетъ въ углу изъ потолка и образуетъ гремящій водопадъ. При открытіи трубы слышится шумъ, который увеличивается все больше и больше и наконецъ раздаются сильные громовые раскаты. Отъ этого громоваго водопада гротъ и получилъ названіе *громоваго*. При входѣ на правой стѣнѣ высѣчена въ камнѣ слѣдующая надпись:

Trać tutaj pamięć nieszczęść, a szczęścia przyjm wieszcze,
A jeśliś jest szczęśliwy, bądź szczęśliwszym jeszcze.

Про надпись эту ходитъ слѣдующій разсказъ:

Въ одно время Потоцкій въ этомъ гротѣ игралъ съ бѣднымъ шляхтичемъ въ карты; шляхтичъ обыгралъ Потоцкаго на очень большой кушъ. Въ память этого и сдѣлана была здѣсь надпись, которая говоритъ, что „здѣсь память счастья"—для бѣднаго и „память несчастья"—для богатаго. Впрочемъ трудно вѣрится, чтобы это было большимъ несчастьемъ для Потоцкаго, обладавшаго громадными имѣніями и несмѣтными богатствами. Можетъ быть эти слова имѣютъ другой смыслъ, для насъ непонятный.

2. Сломанная колонна и три слезы. Два эти памятника, вѣроятно, были сооружены въ память какого нибудь печальнаго событія. Колонна имѣетъ 2½ саж. высоты и на верху сломана. Она находится вблизи ручья, протекающаго по *Елисейскимъ полямъ.* Сбитая вершина, подножіе и вообще вся колонна представляетъ печальный видъ разрушенія. Говорятъ, что такой видъ—древности и разрушенія—былъ поддѣланъ искуственно и напоминаетъ о томъ, что ничего нѣтъ въ мірѣ вѣчнаго.

На ряду съ колонной и не вдалекѣ отъ нея находятся *три слезы.* Онѣ представляютъ три небольшихъ водопада въ ручьѣ, загроможденномъ въ этомъ мѣстѣ грудою камней.

Два эти памятника дополняютъ другъ друга: колонна своимъ видомъ, а три слезы своимъ названіемъ и напоминаніемъ постоянныхъ слезъ. Устроены они, говорятъ, въ память трехъ умершихъ сыновей Феликса Потоцкаго.

3. Бюстъ Трембецкаго. Трембецкій, извѣстный польскій поэтъ, воспѣлъ уманскій садъ въ своей поэмѣ „Софіевка", за что, вѣроятно, и былъ почтенъ Потоцкимъ. Бюстъ его стоитъ надъ ручьемъ. На пьедесталѣ вырѣзаны слѣдующіе стихи изъ его поэмы, относящіеся къ ручью:

Płyń, strumyku, szybkiem biegiem,	Плыви, ручей, теченьемъ быстрым,
Te na zawsze rzucaj cienie;	На дики камни поспѣшай,
Z kwiecistem się żegnaj brzegiem	Простися съ берегомъ тѣнистымъ,
I krapiać dzikie spiesz kamienie!	Мѣста цвѣтущи покидай!
* * *	* * *
Tak szczęśliwy dzień uchodzi,	Счастливый день такъ улетаетъ,
Choć zbyt rzadki dla człowieka:	Хотя онъ рѣдокъ для земныхъ:
Ledwo się go ujrzeć godzi,	Мелькнетъ и быстро исчезаетъ
Tylko błyśnie i ucieka!	Едва узришь его на мигъ!

4. Елисейскія поля. Елисейскія поля представляютъ долину, лежащую ниже верхняго пруда и составляющую часть парка. Это угрюмое, невеселое мѣсто, усѣянное множествомъ большихъ, покрытыхъ мхомъ, камней, на которыхъ и между которыми растутъ дикіе кустарники и деревья. Чрезъ все протяженіе этой долины протекаетъ небольшой ручей, который беретъ начало въ верхнемъ

прудѣ и начинается каскадомъ; конецъ его теряется въ *долинѣ гигантовъ* между громадою гранитныхъ глыбъ и впадаетъ въ нижній прудъ рядомъ съ *большимъ каскадомъ*. Можно думать, что Елисейскія поля служили для Потоцкихъ мѣстомъ грусти и скорби по какомъ-то утраченномъ счастьи, о чемъ свидѣтельствуютъ тѣ надписи на памятникахъ, которые мы разобрали выше, а также устройство самаго парка, значительно отличающагося отъ другихъ частей сада и видъ его (сломанная колонна, три слезы и т. п.). Характеръ этого мѣста носитъ особенный отпечатокъ и опредѣляется даже самыми деревьями и ихъ группировкой: тутъ растутъ чинары, тополи, березы, осина и др. Между прочими тутъ есть четыре замѣчательныхъ дерева, которыя, какъ говорятъ, имѣютъ символическое значеніе. Это четыре осины, которыя выходятъ изъ корня сростшимися, затѣмъ на высотѣ 2-хъ аршинъ они расходятся и потомъ срастаются на высотѣ 2-хъ саж. только три дерева, а четвертое идетъ въ сторону—отдѣльно. Эти деревья, выходящія изъ одного корня, означаютъ самаго Феликса Потоцкаго и его трехъ умершихъ сыновей. Впрочемъ, говорятъ еще, они означаютъ четырехъ братьевъ Потоцкихъ (какихъ, не знаю), изъ которыхъ три были дружны и ни въ чемъ не расходились, а третій измѣнилъ имъ и отечеству.

Съ одной стороны Елисейскихъ полей, ближе къ верхнему пруду, находится громовой гротъ, съ другой—сломанная колонна и три слезы—ближе къ каскаду и нижнему пруду, а посрединѣ бюстъ Трембецкаго.

5. Памятникъ. Онъ находится на возвышеніи надъ нижнимъ прудомъ и видѣнъ еще издали съ большой дороги, идущей изъ города. Отъ него открывается прекрасный видъ на прудъ и *фонтанъ*, находящійся на прудѣ, на *павильонъ* и на *рыбки* (съ противоположной стороны пруда около бассейна, сосредоточіе гуляющихъ). Воздвигнутъ онъ въ 1856 г. „въ память посѣщенія уманскаго царицына сада государемъ императоромъ Николаемъ I въ 1847 г.“ Отъ памятника идетъ красивая каменная лѣстница и оканчивается площадкой, подъ которой когда-то былъ гротъ. На высокомъ утесистомъ берегу нижняго пруда находится гальванопластическая статуя государыни Александры Ѳеодоровны. Она поставлена въ 1850 г. на бѣломъ мраморномъ пьедесталѣ.

6. Павильоны. Одинъ павильонъ находится около нижняго пруда надъ большой дорогой, идущей изъ города въ училище, имѣетъ красивый видъ и отличается изящной отдѣлкой. Во время Потоцкихъ тутъ была сельская хижина, сдѣланная вся изъ древесной коры; потомъ былъ построенъ казной настоящій каменный павильонъ.

Другой павильонъ—маленькій находится на островѣ верхняго пруда и называется *павильономъ* или *бесѣдкой Александры Ѳеодоровны.* Это изящное, красивое строеніе, стоящее какъ разъ посрединѣ острова. Сообщеніе съ островомъ съ одной стороны происходитъ чрезъ мостикъ, а съ другой чрезъ паромъ. Въ южной части сада, на самой возвышенной точкѣ находится *китайская бесѣдка.* Она окружена дубовой рощей—*дубинкой,* въ которой снизу между высокими деревьями просѣчена прямая длинная аллея, идущая по одному направленію съ паденіемъ большаго каскада.

7. Тоннель. Идетъ онъ отъ верхняго пруда къ нижнему на протяженіи приблизительно 50 саж. Для освѣщенія внутри, сверху продѣланы окна на разстояніи 8 саж. другъ отъ друга. Тоннель заканчивается бассейномъ, отъ котораго вода идетъ уступами и низвергается съ пяти-саженной высоты грандіознымъ каскадомъ. Чрезъ бассейнъ перекинутъ красивый желѣзный мостикъ. Прежде въ тоннелѣ были лодки для катанья; для освѣщенія зажигали факелы...

Есть въ Софіевкѣ множество еще и другихъ примѣчательностей: много статуй, фонтановъ, бесѣдокъ и т. п. Изъ сада проведена въ городъ хорошая вода. Начало водопровода и ключъ находится въ *венеріномъ гротѣ.* Недалеко отъ грота водопроводъ прерывается и изъ скалы струится вода и льется въ двѣ подставленныя вазы, поддерживаемыя мѣдными ужами, отчего и мѣсто это называется *ужами.*

Часто мнѣ приходилось слышать отъ старожиловъ, что изъ сада въ городъ есть подземный ходъ. Начинается онъ, по указанію ихъ, къ югу отъ большаго каскада между камнями *гигантской долины;* это приходится ниже того мѣста, гдѣ теперь стоитъ статуя купидона. О достовѣрности этого слуха я говорить не могу. Но все таки можно думать, что тутъ должно быть хотя что нибудь

подобное, давшее поводъ къ такому предположенію. Говорили даже, что тутъ просто зарытъ Потоцкимъ кладъ.

Мѣстность, на которой расположена Софіевка часто служила мѣстомъ для таборовъ различныхъ враждебныхъ силъ, поэтому можно предполагать, что тутъ зарыто не мало кладовъ. Объ этомъ дѣйствительно и говорятъ многіе и даже откапывали нѣкоторыя зарытыя вещи.

Въ Софіевкѣ есть образцовая ферма, огородъ, плодовый садъ и питомникъ. Все это вмѣстѣ съ садомъ относится къ уманскому училищу земледѣлія и садоводства, цѣль котораго—приготовить ученыхъ управителей и садоводовъ.

А. Смонтій.

1882 г. $^{10}/_{23}$ октября
г. Умань.

Старинный южно-русскій театръ и въ частности вертепъ.

О южно-русскомъ театрѣ и въ частности о южно-русскомъ вертепѣ существуетъ уже значительная по объему ученая литература [1]); но она все-таки не исчерпала всего содержанія этого предмета и далеко еще не рѣшила всѣхъ вопросовъ о происхожденіи и развитіи южно-русскаго вертепа. Наглядным доказательствомъ тому варіанты южно-русскаго вертепа по списку г. Галагана, отличающіе этотъ списокъ отъ списка г. Маркевича [2]). Вмѣстѣ съ другими новыми матеріалами второстепеннаго значенія, эти варіанты могутъ, по нашему мнѣнію, пролить новый свѣтъ на судьбы южно-русскаго старинаго театра и вертепа. А это обязываетъ насъ кратко обозрѣть сдѣланныя доселѣ наблюденія и открытія относительно южно-русскаго театра и вертепа и указать новыя пріобрѣтенія въ этой области.

По установившемуся понятію, старинный южно-русскій театръ слагался изъ двухъ основныхъ элементовъ: изъ заимствованной изъ чужа мистеріи и изъ начатковъ народнаго русскаго театра. Первая

---

[1]) Важнѣйшіе труды по этому предмету слѣдующіе: 1) Мистеріи и старинный театръ въ Россіи, Пекарскаго, въ «Современникѣ» за 1857 годъ. 2) Наука и литература при Петрѣ Великомъ, его-же. 3) Лѣтописи русской литературы и древностей, Тихонравова, кн. 5. 4) «Вертепъ», въ брошюрѣ Н. Маркевича: «Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ», Кіевъ, 1860 г. 5) Историческіе очерки средневѣковой драмы, П. Полеваго, С.-Петербургъ, 1865 г. 6) О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ старой кіевской академіи Труды кіев. дух. акад. за 1866 г. 7) Старинный театръ въ Европѣ, А. Веселовскаго. Москва. 1870 г. 8) Кіевская искусственная литература XVIII в., преимущественно драматическая, Н. Петрова. Кіевъ, 1879 г.

[2]) Содержаніе перваго изложено въ октябрской книжкѣ «Кіевской Старины», за настоящій годъ.

заимствована у поляковъ, которые въ свою очередь переняли ее у западно-европейскихъ народовъ; а вторые, замерши въ зародышѣ, нашли потомъ нѣкоторое выраженіе для себя въ искусственной, заимствованной драмѣ, но опять-таки подъ вліяніемъ западно-европейскаго и польскаго театра, допускавшаго сближеніе церковной драмы съ народомъ. Поэтому, между старинным южно-русскимъ театромъ съ одной стороны и западнымъ и преимущественно польскимъ съ другой существуетъ тѣсная и почти неразрывная связь, которая и должна быть для изслѣдователя исходнымъ пунктомъ при его работахъ.

I.

Старинный театръ въ западной Европѣ образовался изъ народныхъ сценическихъ представленій языческаго или вообще свѣтскаго характера и изъ христіанской обрядности и началомъ своимъ восходитъ уже къ первымъ вѣкамъ христіанства и къ послѣднимъ временамъ существованія римской имперіи. Необузданная страсть римлянъ къ языческимъ зрѣлищамъ пережила самое принятіе ими христіанства и, нашедши для себя поддержку въ обычаяхъ варварскихъ народовъ, наслѣдовавшихъ римскую имперію, приражалась къ самой христіанской жизни и церковному богослуженію. Никакія обличенія пастырей и учителей церкви и кары церковныя не могли искоренить этой страсти, такъ что сама зараждавшаяся христіанская обрядность должна была допустить въ себя драматическій элементъ, для противодѣйствія языческимъ зрѣлищамъ и для уясненія народу, въ первобытно простыхъ и наглядныхъ образахъ догматовъ христіанства, или олицетворенія важнѣйшихъ событій евангельскихъ. Самая „месса“, по словамъ Газе, „была со временъ Григорія Великаго почти сплошь драматическимъ изображеніемъ всемірнаго голгоѳскаго позорища, цѣлымъ строемъ религіозныхъ ощущеній, отъ полнаго скорби *miserere* до ликующаго и торжественнаго *Gloria in excelsis*, и отъ того-то она всегда такъ удобно служила текстомъ для величественныхъ симфоній“. Развиваясь дальше, католическая обрядность произвела цѣлый рядъ торжественныхъ зрѣлищъ, процессій и драматическихъ обрядовъ. Таковы, напримѣръ: 1) процессія въ память вшествія Христа во Іерусалимъ, подобная нашему *хожденію на ослятѣ*, при чемъ Христа изображалъ одинъ изъ свя-

щенниковъ, сидящій на ослѣ; 2) процессія страстей Христовыхъ во время страстной недѣли, наглядно изображающая евангельскій разсказъ о страданіяхъ Спасителя; 3) драматическое распредѣленіе чтенія евангелія въ страстную недѣлю между нѣсколькими священнослужителями; 4) богослуженіе Пасхи, сопровождавшееся различными обрядами, олицетворявшими всѣ обстоятельства евангельскаго разсказа о воскресеніи Спасителя; 5) устройство въ храмѣ ясель на Рождество Христово, служащихъ прототипомъ нѣмецкаго Krippelspiel, польской шопки (szopka) и южно-русскаго вертепа; 6) въ праздникъ трехъ царей введеніе въ богослуженіе разговора ихъ съ Богородицей; 7) въ день избіенія вифлеемскихъ младенцевъ—жалобы несчастныхъ матерей и появленіе Ирода, издающаго свое жестокое повелѣніе и проч. Сначала неприкосновенность святыни не допускала людямъ маскироваться въ святыхъ, и ихъ роли въ процессіяхъ исполняли большею частію куклы и маріонетки.

Въ такихъ еще неясныхъ образахъ положены уже были основы дальнѣйшему развитію духовной драмы: всѣ ея главные роды и видоизмѣненія были уже намѣчены; оставалось спаяніемъ въ нихъ духовнаго начала съ народнымъ довершить начатое, преобразить отрывочныя сцены въ цѣльныя драматическія произведенія и постепенно возвысить ихъ отъ служебной роли при богослуженіи до вполнѣ самостоятельнаго существованія.

Драгоцѣнный образецъ духовной драмы въ самомъ ея зародышѣ, когда она еще тѣсно связана была съ богослуженіемъ, представляетъ древнѣйшая итальянская мистерія, найденная Франческо Палермо въ палатинской библіотекѣ. Отдѣлы ея или акты носятъ первобытное названіе *devozioni* и распредѣлены въ подобающихъ мѣстахъ литургіи вслѣдъ за проповѣдью или за произносимыми священникомъ литургическими словами. Эта мистерія пріурочена была къ страстной недѣлѣ и изображала страданія Спасителя.

Около указанныхъ главныхъ церковно-догматическихъ обрядовъ начинаютъ образовываться отдѣльныя группы новыхъ церковныхъ драмъ. Изъ кантовъ и рѣчей, произносившихся изъ-за алтаря, какъ бы отъ лица Богородицы, Іосифа, пастуховъ, въ то время, когда въ церкви стояли миніатюрныя ясли и куклы или писанныя изображенія названныхъ личностей, изъ этого первобытнаго рожде-

ственскаго обряда постепенно образуется рождественская драма: неодушевленные предметы замѣняются дѣйствующими лицами въ костюмахъ, рѣчи клириковъ, скрытыхъ за алтаремъ,—естественными разговорами актеровъ внѣ его, въ виду набожной толпы; наконецъ, одинъ лишь моментъ поклоненія пастуховъ, изображавшійся дотолѣ, обставляется полнымъ пересказомъ повѣствованія евангельскаго и, начиная съ Благовѣщенія, вводитъ всѣ аксессуарныя подробности— избіеніе младенцевъ, разговоръ Ирода съ волхвами, бѣгство въ Египетъ и т. п. Подобнымъ образомъ возникла изъ обряда церковнаго драма пасхальная, обнимающая собою впослѣдствіи изображеніе страстей Господнихъ, воскресенія, явленія апостоламъ.

Возникши въ противовѣсъ языческой, свѣтской драмѣ, церковная драма, однако, не могла побѣдить послѣднюю, уберечься отъ ея вліянія и рано или поздно должна была слиться съ нею. Сначала литургическая драма, преслѣдовавшая богослужебныя цѣли, пользовалась языкомъ церкви, т. е. латинскимъ; но мало по-малу, въ видахъ пайбольшей вразумительности латинскаго богослуженія для народа, она принимаетъ въ себя народный языкъ, а затѣмъ и чисто народныя черты, идущія нерѣдко въ разрѣзъ съ характеромъ остальныхъ отдѣловъ драмы. Такимъ образомъ духовный обрядъ постепенно вырождался и приравнивался къ обычаямъ народа, исключительно жизненнымъ и нерѣдко полнымъ двоевѣрія. Духовная драма своимъ сближеніемъ съ народнымъ говоромъ, введеніемъ свѣтскихъ исполнителей, шла, съ своей стороны, къ разрыву съ первобытнымъ церковнымъ началомъ. Импульсъ въ этомъ случаѣ данъ былъ самою церковію, которая положительно стала запрещать празднества, пляски и драматическіе обряды въ храмахъ и даже мистеріи. Гонимыя изъ стѣнъ церковныхъ, послѣднія долго еще ютились въ церковныхъ оградахъ и кладбищахъ, не прерывая связи съ церковной обстановкой, пока наконецъ и оттуда онѣ не были выгнаны въ XVI вѣкѣ. Тѣснимая отовсюду, духовная драма выходитъ наконецъ за церковную ограду, сбрасываетъ съ себя путы условныхъ клерикальныхъ требованій и идетъ на встрѣчу запросамъ народной жизни. Перекрестокъ, площадь, свободное мѣсто подъ открытымъ небомъ, наскоро сколоченная сцена замѣняютъ собою алтарь, нефы, паперть и разнообразные аксессуары кладбища. Драма дожила до своего освобожденія.

Въ послѣдовательномъ своемъ развитіи духовная драма образовала слѣдующія главныя категоріи мистеріальной драмы: 1) собственно мистерію (отъ ministerium—обрядъ), бывшую первоначально въ тѣсной связи съ церковнымъ обрядомъ, каковы напр. рождественскія и пасхальныя мистеріи; 2) мистеріи чудесъ или *миракли*, посвященныя прославленію жизни, дѣяній и чудесъ святыхъ, наиболѣе популярныхъ въ народѣ, какъ напр. объ Іосифѣ прекрасномъ; 3) морали (moralité), въ которыхъ подъ аллегорическими именами олицетворялись отвлеченныя понятія и нравственныя правила, напр. милосердіе, вѣра, любовь, гнѣвъ, жестокость и т. п.; 4) драматизированныя священно-историческія хроники главнѣйшихъ событій священной исторіи и выдѣлившіяся изъ нихъ пасторальныя мистеріи; 5) историческія мистеріи или хроники, имѣющія своимъ предметомъ историческія лица или событія, но съ вмѣшательствомъ божественной силы въ дѣла людей и вообще постояннымъ присутствіемъ духовнаго начала, каковы напр. были во Франціи крещеніе Хлодвига, жизнь Людовика святаго и короля Тіерри, подвиги Іоанны Д'Аркъ, и т. п., и 6) мистеріи, возникшія изъ народныхъ легендъ, повѣрій или сказокъ, отступающія отъ достовѣрнаго разсказа исторіи, дабы приблизиться къ нерѣдко апокрифическому сказанью или ходячей новеллѣ и повѣсти, и образующія собою звено, соединяющее старый духовный театръ съ театромъ свѣтскимъ. Таковы легенды о Варлаамѣ и Іоасафѣ, о Робертѣ діаволѣ, о папѣ Юттѣ (Іоаннѣ).

Выйдя изъ церковной ограды, мистерія была встрѣчена народомъ съ распростертыми объятіями и создала свою самостоятельную сцену. Теперь требовалось найти средство совмѣстить на небольшомъ пространствѣ изображенія троякаго мѣста дѣйствія передаваемыхъ событій—земли, рая и ада, имѣя въ виду необходимость наглядняго представленія взаимныхъ отношеній силъ неба и тьмы къ земнородимъ. Этой потребности удовлетворило трехъ—ярусное устройство мистеріальной сцены: земля, колеблющаяся между добромъ и зломъ, помѣщалась въ среднемъ ярусѣ, надъ которымъ возвышался рай, а внизу незатѣйливый механизмъ приводилъ въ движеніе двѣ громадныя челюсти, изображавшія зѣвъ ада и принимавшія внутрь себя отверженныхъ грѣшниковъ. Вся постройка возводилась надъ бревенчатымъ помостомъ, который въ

первую пору по изгнаніи мистеріи изъ церкви служилъ единственною ея сценой. Каждый этажъ дѣлился двумя перегородками снова на три отдѣленія; въ нижнемъ ярусѣ, представлявшемъ жилище сатаны, собственно адъ находился въ среднемъ отдѣленіи его, сообщавшемся посредствомъ дверей съ другими. Изъ ада шли боковыя лѣстницы въ средній этажъ, изображавшій землю; устройство его было многосложнѣе другихъ по причинѣ большаго разнообразія въ представляемыхъ мѣстностяхъ и значительнаго числа вставочныхъ сценическихъ подробностей; только одна лѣстница сообщала этотъ этажъ съ верхнимъ, который возводился надъ самой глубиной сцены и отличался вообще небольшими размѣрами. Расположеніе это много способствовало оживленію дѣйствія, такъ какъ иногда случалось играть въ одно и тоже время въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ.

Въ исполненіи мистеріи принимали участіе лица всѣхъ сословій безъ различія званія; усиленію средствъ постановки мистеріи способствовали цехи, артели, братства. Но рано появляются и спеціальные призванники, посвятившіе себя, въ числѣ прочихъ поэтическихъ упражненій, и служенію цѣлямъ духовнаго театра, какъ напримѣръ трубадуры и труверы со своими жонглерами и менестрелями, судебныя ассоціаціи средневѣковой Франціи—знаменитое базошское королевство и Имперія галилейская, парижское братство страстей Господнихъ, братство беззаботныхъ и проч.

Но особыя лица и ассоціаціи, принимавшія участіе въ развитіи и представленіи мистеріальной драмы, все болѣе и болѣе освобождали ее отъ клерикальныхъ оковъ и приближали ее къ чисто народной комедіи.

Начало послѣдней коренится въ народныхъ пѣсенныхъ обрядахъ и праздникахъ и поддерживалось и укрѣплялось бродячими пѣвцами, жонглерами, скоморохами, гистріонами, которыхъ, подъ различными именами, но въ одинаковомъ положеніи и почетѣ мы встрѣчаемъ у всѣхъ народовъ старой Европы. Эти скоморохи и проч., пріурочивая свои представленія къ эпохамъ народной жизни, поддерживали и развивали въ массѣ вкусъ и пристрастіе къ комизму, къ легкой, но рѣзкой насмѣшкѣ, и постепенно выработали цѣлую семью комическихъ типовъ: панталона у итальянцевъ, Гансвурста въ Германіи и т. п. Кромѣ того, существовали цѣлыя кор-

пораціи придворныхъ и барскихъ шутовъ, напр. шутовской орденъ, дижонская инфантерія, къ коимъ нужно причислить отчасти упомянутыя выше судебныя ассоціаціи базошскаго общества, имперіи галилейской и т. п., также много содѣйствовавшія развитію народно-комическаго начала. Подъ такимъ одновременнымъ и дружнымъ вліяніемъ, вкусы народа не могли не подвергнуться съ ранней поры коренному измѣненію въ пользу комедіи. Міряне, призванные (въ видахъ приданія большей торжественности мистеріи увеличеніемъ числа исполнителей) къ участію въ представленіи духовныхъ пьесъ, незамѣтно ни для себя, ни для другихъ, привыкли добавлять подлинный текстъ пьесы, ея сценическій распорядокъ своими вставками, рѣчами отъ себя, которыя мало или къ назидательному тону пьесъ. но удовлетворяли понятной прихоти людей отъ міра сего. Первые слѣды вторженія комическаго элемента замѣчаются въ тѣхъ сценахъ, гдѣ дѣйствуютъ свѣтскіе люди, коимъ поручалось первоначально исполненіе второстепенныхъ ролей. Таковы, напр., пастушескія сцены въ рождественскихъ мистеріяхъ, имѣвшія собственно цѣлью менѣе отмѣтить безыскуственность той среды, которой первой довелось узнать о великомъ событіи. Съ теченіемъ времени введенъ былъ въ драматическую среду постоянный смѣшливый амплуа въ видѣ шута, который, не относясь ни къ одной изъ сторонъ пьесы, вставлялъ свое слово всюду, гдѣ хотѣлъ, не обращая вниманія на то, что его прыжки и остроты приходились часто въ разрѣзъ съ настроеніемъ зрителей. Наконецъ, вторженіе свѣтскаго элемента въ духовную драму становится столь сильно, что приводитъ къ обособленію случайныхъ комическихъ сценъ въ одно цѣлое, къ составленію изъ отдѣльныхъ сценъ небольшихъ комическихъ пьесъ, исполняемыхъ между актами драмы и называвшихся интермедіями и интерлюдіями или „междубровенными забавными играличами". Образовавшіяся первоначально изъ сценъ и рѣчей свѣтскихъ дѣйствующихъ лицъ въ мистеріяхъ, интерлюдіи сохранили отъ своего первообраза особенность частыхъ уклоненій отъ сюжета главной пьесы, уклоненій, ничѣмъ неоправдываемыхъ, кромѣ стремленія развлечь слушателя. Какъ воины, дѣлящіе ризы Христовы, начинали, бывало, въ мистеріи препираться и укорять другъ друга различными семейными дѣлами, и разговоръ принималъ характеръ уличной народной сцены, такъ и интерлюдіи, храня въ началѣ до нѣкоторой

степени связь съ духовной драмой, постепенно освобождались отъ этой связи и лишь механически сопоставлялись съ актами набожной пьесы. Въ старыхъ коллективныхъ мистеріяхъ связь интерлюдій съ основнымъ текстомъ еще замѣтна. Такъ напримѣръ, въ пастушескихъ сценахъ, предшествовавшихъ изображенію Рождества Христова и составляющихъ особый отдѣлъ коллективной мистеріи подъ именемъ Paginae pastorum, слѣдующія согласно евангелію рѣчи пастуховъ прерывались вставочной сценой, гдѣ предъ зрителями являлся великій плутъ и овцекрадъ Макъ, который, притворясь бѣднымъ и удрученнымъ семьею, проситъ позволенія у пастуховъ провести съ ними ночь. Изъ предосторожности, они кладутъ его промежъ себя, надѣясь такъ устеречь свое стадо отъ его нападеній; но ловкій воръ успѣваетъ украсть лучшаго барана, снести его къ женѣ, которая не менѣе удачно хоронитъ концы въ воду. Макъ снова возвращается спать къ пастухамъ. Когда они спохватились барана и стали искать его у Мака, жена Мака притворилась стонущею за перегородкой послѣ родовъ, а баранъ положенъ былъ въ колыбель и изображалъ собою новорожденнаго. Похожденія пастуховъ съ Макомъ внезапно обрываются пѣснью ангеловъ, возвѣщающихъ рожденіе Спасителя, и затѣмъ мистерія идетъ далѣе своей обычной чередой. Отъ такого хотя уже поверхностнаго подчиненія главной пьесѣ интерлюдія переходитъ къ полной независимости, расширяетъ предѣлы своихъ источниковъ и проникается серьезными цѣлями. Тому-же дѣлу, которому служили интерлюдіи въ серединѣ пьесы, служили часто и небольшія сцены столь-же отрывочнаго характера, которыя исполнялись по окончаніи пьесы, въ видахъ возстановленія веселаго настроенія въ зрителяхъ. Какъ интерлюдіи, такъ и заключительныя комическія сцены перешли въ фарсъ (въ болѣе ограниченномъ смыслѣ этого слова), который, будучи всегда почти чуждъ поучительныхъ цѣлей, представляетъ рядъ веселыхъ сценъ, либо схваченныхъ прямо съ натуры, либо придуманныхъ досужей фантазіей автора; порожденный духомъ народнаго юмора, онъ открываетъ обширное поприще для введенія на потѣху современной публики любимыхъ ея сатирическихъ типовъ, тѣхъ личностей и характеровъ, надъ которыми любитъ смѣяться народъ.

Реформаціонное движеніе, постепенно охватившее Европу, глубоко отразилось на судьбѣ старѣвшаго духовнаго театра. Не-

зависимая народная сатира, порицаніе общественныхъ и государственныхъ неустройствъ получило сильную поддержку въ смѣломъ духѣ отрицанія, овладѣвшемъ обширнымъ міромъ господствующей церкви. Въ борьбѣ народной комедіи со старой драматургіей явился новый факторъ, быстро склонившій успѣхъ на сторону свѣтскаго, жизненнаго искусства. Наплывъ реформаціонныхъ началъ образуетъ кризисъ въ существованіи мистеріи, изъ котораго она выходитъ далеко не торжествующею, далеко не обыкновенною. Постепенно крѣпнувшее и раздающееся въ шир реформаціонное движеніе не оставило безъ вниманія и драматическую область, столь много послужившую нѣкогда упроченію католицизма въ Европѣ; оно вступило и тутъ въ борьбу со старымъ началомъ. Послѣдователи Лютера и Кальвина смѣло прибѣгали къ пособію драматическаго начала для своей полемической и пропагандистской дѣятельности. А протестъ реформаціи не могъ не вызвать возраженія со стороны старой церкви и на побочномъ поприщѣ духовной драмы. Въ отвѣтъ на полемическія протестантскія драмы возникъ цѣлый рядъ сценическихъ произведеній, проникнутыхъ ультра-католическимъ духомъ и отражающихъ нападенія противника. Борьба была открыта на всей линіи, повсемѣстно выступали новые бойцы за неприкосновенность католическаго догмата и духовныхъ привилегій. Въ католическихъ академіяхъ и коллегіяхъ вошло въ обычай, въ видахъ утвержденія учащейся молодежи въ истинной вѣрѣ, слагать драмы, возвеличивающія ее и разящія еретиковъ и отступниковъ всѣми возможными карами. Онѣ пріучали также исполнителей къ развязности, быстротѣ дѣйствій и соображеній находчивости, развивали въ молодыхъ людяхъ качества хорошаго проповѣдника, руководителя пропаганды или даже простаго служителя алтаря. Въ этотъ періодъ существованія мистеріи она получаетъ названіе школьной или учебной драмы. Духовной драмѣ отводится подобающее ей мѣсто въ общей программѣ учебнаго курса. Она причислена къ вѣдомству преподавателя поэзіи, которому вмѣняется въ обязанность отъ времени до времени сочинять духовныя пьесы въ подобающемъ стилѣ и давать ихъ разучивать своимъ ученикамъ. Форма, избираемая для школьной драмы, постепенно отдалялась отъ своего прототипа и, подъ вліяніемъ усиливавшагося гуманистическаго движенія и возрожденія вкуса къ классическимъ образцамъ, стала подражаніемъ

формамъ и стиху древней трагедіи; нравоучительныя-же пьесы, moralités, выходившія за предѣлы этого стиля, въ душной школьной обстановкѣ утратили тѣ неотъемлемыя достоинства простоты, искренности религіознаго чувства и наивности аллегорій, которыя дѣлали этотъ родъ драмы однимъ изъ любимѣйшихъ въ народѣ. Олицетворенія отвлеченныхъ понятій отзываются схоластическимъ мудрствованіемъ, или вѣютъ туманнымъ мистицизмомъ. Іезуиты были одними изъ первыхъ руководителей школъ, которые воспользовались возможностію употребить духовную драму, какъ подспорье пропагандѣ и поддержку основательнаго лингвистическаго и проповѣдническаго образованія. Опытные въ искусствѣ эффектно дѣйствовать на человѣческую природу, они окружали свои представленія всѣмъ блескомъ и пышностью свѣтскихъ торжествъ, прибѣгая къ содѣйствію музыки и сценическихъ эффектовъ. При такомъ умѣньѣ искусно привлекать и молодой персоналъ исполнителей и постороннюю публику, присутствіе которой часто бывало необходимо для скрытыхъ плановъ братства, неудивительно, что іезуитскія пьесы съумѣли сохраниться едва не до нашихъ временъ и встрѣчать сочувствіе знати и общества въ минувшее столѣтіе, несмотря на видимое торжество въ массѣ европейской публики идей энциклопедистовъ. Въ іезуитскихъ пьесахъ замѣчается смѣшеніе понятій, стилей, событій, смѣсь христіанскаго настроенія съ миѳологическими картинами, подлаживающаяся подъ вкусы современнаго общества и литературы. Помимо сюжетовъ изъ священной исторіи, драматурги-іезуиты заимствовали ихъ изъ исторіи свѣтской, поскольку избираемыя событія могли служить во славу истинной вѣры.

Старая форма драмы очевидно отживала свой вѣкъ, неудовлетворяя новымъ требованіямъ общества, искавшаго исхода изъ тяжкаго застоя драматургіи. Возрожденіе занятій классическими литературами, начало свѣтлой поры гуманистическаго движенія рано указало этотъ искомый исходъ въ подражаніи древнимъ образцамъ. Еще въ концѣ XV вѣка появляются переводы греческихъ и латинскихъ трагедій и комедій. Классическія пьесы скоро вошли, какъ важнѣйшее и неизбѣжное пособіе при преподаваніи, во всѣ школы, безъ различія ихъ вѣроисповѣднаго характера и направленія, стремясь къ неограниченному господству, давая тонъ и направленіе мѣстной литературной дѣятельности и производя подражанія. Ложь-

ный классицизмъ по-немногу водворялся въ обновлявшихся при помощи его литературахъ. Но и противъ него началась въ Англіи, а отсюда распространилась по всей Европѣ спасительная революція въ драмѣ во имя романтизма, народности, свободы творчества, въ лицѣ Марло, Шекспира и др. и послужила исходнымъ пунктомъ для образованія новаго европейскаго театра.

Таково была, въ общихъ чертахъ, служба стариннаго театра у всѣхъ западно-европейскихъ народовъ и между прочимъ у западныхъ славянъ, чеховъ и поляковъ. Но изъ нихъ наиболѣе интересенъ для насъ старинный театръ въ Польшѣ, имѣвшій непосредственное воздѣйствіе на южно-русскую драму.

II.

Старинный театръ въ Польшѣ тоже слагался изъ двухъ противоположныхъ элементовъ: народныхъ обрядовъ и игръ и духовной мистеріи. Какъ и на западѣ, польское духовенство рѣшилось противопоставить полуязыческимъ зрѣлищамъ иныя, освященныя всѣмъ обаяніемъ церковнаго величія. Въ пору прежнихъ зимнихъ календъ оно учредило храмовую церемонію вертепа; встрѣчу весны оно почти допустило въ новой христіанской обстановкѣ. Введенный почти повсемѣстно у славянъ-католиковъ рождественскій обрядъ нигдѣ не получилъ столь широкаго развитія, какъ въ Польшѣ, которая впослѣдствіи въ измѣненномъ видѣ передала его на Русь. Съ кануна Рождества и до новаго года ставились въ церквахъ небольшія ясли, въ которыхъ лежала статуетка, изображавшая Спасителя; возлѣ находились изображенія вола и быка, нерѣдко даже поставленныя за особыя загородки или стойла; наконецъ, размѣщались изображенія Богородицы, пастуховъ и трехъ царей. Въ церквахъ Литвы до позднѣйшаго времени сохранился этотъ обрядъ, конечно въ измѣненномъ видѣ: въ крещенскій сочельникъ въ церквахъ вѣшаютъ на лентахъ люльки съ восковымъ младенцемъ, около которыхъ стоятъ восковыя-же изображенія Богородицы, Іосифа и трехъ царей. Подходящіе къ люлькѣ сначала качаютъ ее три раза и потомъ молятся. Сценическое изображеніе Рождества и связанныхъ съ нимъ событій дополнялось и разъяснялось или духовными пѣснями, раздававшимися изъ-за алтаря, либо сказываніемъ молодыми церковнослужителями, скрытыми тамъ-же, отдѣльныхъ тирадъ

изъ евангелія, съ строгимъ распредѣленіемъ ролей и рѣчей. Изъ этихъ діалоговъ, сопряженныхъ съ декоративной сценой, образовался тотъ любимый въ Польшѣ и ставшій въ ней народнымъ діалогъ, который слыветъ въ ней подъ названіемъ *szopka* или *jaselka*. Повинуясь неизбѣжному влеченію къ большему простору, свободѣ и сближенію съ народной жизнію, первые исполнители мистерій, внося въ нихъ отъ себя посторонніе элементы, постепенно освобождали ее отъ исключительно духовнаго направленія. Путь этого вторженія свѣтскаго начала былъ обычный: дьяволы, воины, Іуда вмѣсто нѣмыхъ служебныхъ личностей становятся увеселителями народа; они заговариваютъ все смѣлѣе, не стѣсняются богобоязненными приличіями, и изъ ихъ разговоровъ начинаютъ образовываться вставочныя сцены и интерлюдіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ подобныя интерлюдіи входили и вовсе не относившіяся къ пьесѣ лица, взятыя изъ чисто народныхъ сценъ, издавна любимыхъ народомъ, получившихъ начало, вѣроятно, въ средѣ скоморошества и впослѣдствіи достигнувшихъ высокаго значенія и развитія. Мало по-малу на духовной сценѣ являются въ комическомъ видѣ лица изъ духовнаго-же міра; зритель потѣшается надъ забавной личностью приходскаго дьячка, уставщика пѣвчихъ (кантора); въ воинахъ римскихъ видитъ своихъ жолнеровъ, и такимъ образомъ населяетъ сцену найболѣе забавными или почему-либо интересными для него типами. Но тутъ драму постигаетъ суровый запретъ властей: она признана унижающею святость религіи, выходитъ за ограду, здѣсь снова распадается на составные свои элементы—мистерію и комедію, и дѣлается достояніемъ разныхъ слоевъ народа, какъ-то: духовныхъ школъ и монастырей, народа и шляхетскаго и вообще средняго сословія. Мистерія собственно нашла себѣ надежный пріютъ лишь въ школахъ и немногихъ монастыряхъ. Она скоро лишилась тутъ своего первоначальнаго искренно-набожнаго и безхитростнаго характера и стала орудіемъ либо педагогическихъ цѣлей, либо пропаганды, особенно съ тѣхъ поръ, когда ею всецѣло овладѣли іезуиты. Сельскій народъ прилѣпился къ наивнымъ представленіямъ вертепа, спустившимся къ нему изъ церковнаго обихода, и старался вложить въ нихъ свои мысли, знакомые типы, и сблизить съ своей жизнію. Рождественскій обрядъ отразился въ народѣ съ одной стороны въ образованіи цѣлаго ряда духовныхъ стиховъ,

а съ другой—въ развитіи чисто народныхъ представленій Рождества Христова. Въ шляхетскомъ кругу и въ томъ *tiers-état*, который неизбѣжно образовывается въ каждомъ развивающемся обществѣ изъ представителей различныхъ сферъ населенія, начинаютъ обособляться свѣтскіе діалоги, получившіе начало отъ интерлюдій и проникающіеся сатирическимъ направленіемъ. Такова была разрозненность вліяній народа на его театръ,—и неудивительно, что при кастовомъ дробленіи различныхъ родовъ драматическаго искусства, общее движеніе впередъ было слабо и далеко не возвышалось надъ посредственнымъ уровнемъ. Но тѣмъ не менѣе всѣ эти кастовые роды драматическаго искусства польскаго имѣютъ для насъ важное значеніе, такъ какъ всѣ они отразились на исторіи южнорусскаго театра, а потому мы и остановимся на нихъ нѣсколько.

Мистерія, выгнанная изъ церкви, пріютилась сначала въ краковской академіи и происшедшихъ отъ нея коллегіяхъ, а также въ низшихъ школахъ, и приняла видъ духовной драмы, подчинявшейся по формѣ классическимъ образцамъ. Но въ низшихъ школахъ она еще удерживала свою близость къ народной средѣ и нерѣдко допускала перевѣсъ свѣтскаго, житейскаго элемента. Іезуиты, проникшіе чрезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ учрежденія ихъ ордена въ Польшу и быстро овладѣвшіе народнымъ образованіемъ, ввели въ свои коллегіи великолѣпные спектакли, гдѣ латинскія стихотворныя пьесы перемежались съ польскими, сюжеты духовные съ сказаніями классической миѳологіи, и гдѣ житія святыхъ, отечественная исторія, политическія теоріи, любовныя похожденія языческихъ боговъ или легенды свѣтскаго содержанія представляли неисчерпаемый источникъ вдохновенія для іезуитскихъ драматурговъ. Прелесть, новизна и многосторонность іезуитскихъ спектаклей отвлекали молодежь отъ старыхъ школъ и краковской академіи, хотя представители чистой науки не умолкали въ своихъ протестахъ противъ укореняющагося во вредъ ей шарлатанства. Вслѣдствіе этого, нѣсколько противоположнѣйшихъ вліяній не могло не отразиться на воспринятомъ литературномъ родѣ. Съ одной стороны традиціи старой мистеріи находили еще поборниковъ между духовными педагогами, съ другой—надъ ней тяготѣла обязательность латинскаго текста, полезнаго въ школѣ. Наконецъ, пышныя представленія, устраиваемыя іезуитами и нѣкоторыми монашескими орде-

нами, пытались превратить духовный театръ во что-то среднее между придворнымъ пантомимнымъ балетомъ и новомодной тогда въ Германіи staats-action. Очевидно, что перевѣсъ псевдоклассицизма и іезуитскихъ парадовъ имѣлъ всего болѣе вѣроятій на успѣхъ. Образцы старой польской мистеріи почти утратились, тогда какъ напротивъ множество пьесъ, какъ изданныхъ, такъ и хранящихся въ рукописяхъ, относятся къ числу школьныхъ или ученыхъ драмъ.

Совершенно въ другую сторону тянулъ народъ. Послѣ изгнанія духовныхъ пьесъ изъ церквей, интерлюдіи получаютъ обширное развитіе и приводятъ къ созданію комедіи въ полномъ смыслѣ слова. Любимый народомъ вертепъ, всего ближе подошедшій къ массѣ, скоро создастъ свой обширный комическій репертуаръ, поддерживаемый импровизаціями. Кругъ осмѣиваемыхъ личностей становится все шире и отъ церковной сферы переходитъ къ военному быту, шляхтѣ и, хотя рѣдко, къ знати. Насмѣшка обращается наконецъ въ политическую сатиру и выводитъ на сцену олицетвореніе коренныхъ недуговъ польскаго государства. Первыя проявленія комическаго начала сохранились въ свѣтской части szopki. Судя по сохранившимся доселѣ маріонетнымъ пьесамъ, и въ старое время онѣ представляли рядъ отдѣльныхъ, едва связанныхъ между собой пьесъ, въ которыхъ передъ глазами зрителя проходили различные типы изъ окружающей жизни, съ соблюденіемъ характерныхъ особенностей ихъ произношенія, манеръ, своеобразныхъ взглядовъ; выводился краковянинъ, карпатскій горецъ, нѣмецъ, еврей. Всѣ эти типы вереницей проходятъ передъ зрителемъ, образуя какъ-бы оригинальную панораму „племенъ, нарѣчій, состояній“. Рѣчи, которыми сопровождается дѣйствіе, полны выходокъ и отличаются стремленіемъ собрать въ нѣсколькихъ бѣглыхъ чертахъ наиболѣе рѣзко выдающіяся свойства каждаго характера. Иногда эти комическія импровизаціи сплетаются съ народными пѣснями, и колядныя пѣсни замѣняютъ собою оживленный діалогъ. Сцены изъ міра сказочнаго, богатырскаго, излагающія въ драматической формѣ любимыя темы народной поэзіи, нерѣдко смѣняютъ чисто комическія, житейскія сцены. Такъ, общераспространенный мотивъ пренія жизни со смертію подаетъ поводъ къ цѣлой небольшей пьесѣ вертепа, въ которой являются дѣйствующими лицами богатый крестьянинъ, ксендзъ и скелетъ смерти. Въ интерлюдіяхъ, вкравшихся

въ большія пьесы, и въ отдѣльныхъ комическихъ сценахъ, частью прямо возникшихъ на народной почвѣ, частью обособившихся изъ мистерій и moralités, встрѣчаемъ тѣже коренные типы народной сатиры. Ожидая только опытной руки для переработки ихъ въ болѣе стройные организмы народныхъ комедій и фарсовъ, они представляютъ для нихъ готовый матеріалъ. Отъ времени до времени появляются такія частныя передѣлки, а сохранившіеся въ довольно значительномъ количествѣ свѣтскіе діалоги или Rozmowy представляютъ собой образцы небольшихъ комедій. Таковы, напримѣръ, Rozmowy polskie, написанныя въ 1553 году Витомъ Корчевскимъ, при всей своей наивной формѣ, живо и мѣтко схваченныя съ дѣйствительности. Въ одной изъ нихъ выводится пономарь, который жалуется на побои въ корчмѣ отъ крестьянъ, у которыхъ онъ насильно хотѣлъ получить слѣдуемую ему десятину, и ксендзъ, который скорбитъ объ упадкѣ нравственности и умепьшеніи своихъ доходовъ. Споръ причта съ паствой, рѣшительно отказывающей ему въ повиновеніи и платежѣ сбора, переносится на судъ пана, который презрительно отзывается объ обычаяхъ ксендзовъ жить на чужой счетъ и, не трудясь, принимать только привозимые къ нимъ снопы, добытые не ихъ трудами. Ксендзу противопоставлена старая баба колдунья, которая, откровеннѣе его сознаваясь въ разныхъ своихъ продѣлкахъ, выражаетъ ненависть къ человѣку, столь корыстному и продажному. Отъ подобной сцены, сложившейся уже до нѣкоторой степени въ формы фарса, недалекъ переходъ къ комедіи собственно. Она тоже рѣдко грѣшитъ противъ естественности и вѣрности изображенія нравовъ. Такова, между прочимъ, комедія Петра Барыки Z chłopa król, служившая утѣхой двора Владислава IV, въ которой польскій крестьянинъ, опохмѣлившись, видитъ себя королемъ и осыпается любезностями и изъявленіями преданности со стороны гулящихъ жолнеровъ, доставившихъ себѣ забаву отъ скуки. Ощущенія внезапно ставшаго знатнымъ хлопа, который, разлакомившись, спѣшитъ доставить себѣ всѣ привычныя незатѣйливыя удовольствія, все это представляетъ благодарную канву для построенія комедіи. Комедія 1655 года Uciechy и проч. вся основана на осмѣяніи помѣщиковъ и порицаніи ихъ жестокой власти надъ крѣпостными. Монологъ пана, дышащій звѣрскимъ негодованіемъ противъ ослушнаго слуги и жаждой мщенія, возбуждаетъ

невольное содроганіе; это настоящій дифирамбъ тѣмъ владѣльцамъ, которые умѣютъ всегда на славу избить хлоповъ канчуками, взявъ хорошенько за шею. Слѣдствіе такого обращенія тутъ-же на лицо: воспользовавшись похмѣльемъ пана, слуга издѣвается надъ нимъ, призываетъ на него всякое зло и стремится спастись бѣгствомъ къ козакамъ въ Запорожье—воевать съ турками. Если барщина подвергается тутъ позору, то въ *комедіи Рыбалтовской* выступаютъ на сцену и нравы конфедерацій, наносившихъ своимъ разгульнымъ и буйнымъ характеромъ немалый вредъ сельскому беззащитному населенію. Дѣйствующія лица въ названной комедіи сильно возстаютъ противъ разбойническихъ пріемовъ конфедератовъ и противъ безграничнаго ихъ сластолюбія, а образецъ порицаемыхъ нравовъ данъ, кромѣ того, въ лицѣ конфедерата, выжимающаго у крестьянина послѣдній грошъ.

Середины между означенными двумя крайними полюсами, т. е. духовной драмой и народной комедіей, представляютъ драматическія произведенія въ духѣ подражанія классическимъ образцамъ, какъ напримѣръ у Рея и Кохановскаго. Но и этотъ родъ драмы не имѣлъ въ Польшѣ особеннаго развитія, вслѣдствіе наплыва чужеземныхъ элементовъ, которые доканали старинную мистерію и народный фарсъ и проложили путь новому театру, выпедшему изъ чужихъ началъ и осужденному въ свою очередь, вслѣдствіе бурныхъ политическихъ волненій, раздиравшихъ страну въ продолженіе долгаго періода, на робкое и безпомощное состояніе.

III.

Въ сравненіи съ польскимъ и особенно съ западно-европейскимъ театромъ старинный русскій театръ представляется довольно блѣднымъ. Но и въ немъ все-таки замѣчаются нѣкоторыя аналогическія черты съ болѣе крупными явленіями въ исторіи западно-европейскаго театра, какъ-то: наивная вѣра, смѣняющаяся разсудочностію, народность, одерживающая верхъ надъ преобладаніемъ набожнаго характера, мистицизмъ и аллегорія, врывающіеся на сцену, педагогія, овладѣвающая ею, затѣмъ возрожденіе путемъ возврата къ классикамъ, и проч.

Богатые задатки развитія драматическаго начала таились въ пространномъ кругу народныхъ обрядовъ старой Руси, связанныхъ

съ древнѣйшими вѣрованіями народа, какъ-то: въ хороводныхъ пѣсняхъ и плескахъ, обрядѣ чествованія временъ года, въ свадебномъ чинѣ и т. п. Всѣ эти обряды представляютъ рядъ драматическихъ сценъ, болѣе или менѣе оживленныхъ и нерѣдко сопровождавшихся переряживаніемъ и маскированіемъ. Участниками всѣхъ народныхъ важнѣйшихъ обрядовъ, или вѣрнѣе—вдохновителями и организаторами ихъ были скоморохи. Сатирическій элементъ, насмѣшка надъ дѣйствительностію, привычка къ цѣлому ряду предпочтительно забавныхъ типовъ, которыхъ народъ любитъ выбирать предметомъ своихъ остротъ и смѣха, это начало, высказываясь сперва въ скоморошьихъ и иныхъ веселыхъ пѣсняхъ, позднѣйшихъ сказкахъ съ сатирическимъ оттѣнкомъ, народныхъ легендахъ, какъ-бы ждало только удобнаго случая, чтобъ выразиться въ доступныхъ народу формахъ драматическаго произведенія.

Христіанство, появившись въ Россіи, преслѣдовало скоморошьи игры и двоевѣрные народные обычаи и обряды, какъ бѣсовскіе; но и само оно не могло вполнѣ отрѣшиться отъ элементовъ народной драматургіи и отчасти приняло ихъ подъ свое покровительство. Мы здѣсь преимущественно имѣемъ въ виду вѣковые народные обряды въ честь возрождающагося солнца, совпадавшіе съ рождественскими святками и Пасхой. Эти обряды прежде всего и подчинились вліянію церковному и образовали изъ себя нѣчто въ родѣ западно-европейскихъ мистерій, пріуроченныхъ если не всегда къ богослуженію, то непремѣнно къ отправленію христіанскихъ праздниковъ. Г. Веселовскій говоритъ, что будто-бы „извѣстенъ лишь одинъ чисто мѣстный и несомнѣнно позднѣйшій случай, гдѣ скоморохи являются носителями чего-то въ родѣ духовнаго театра. Это такъ называемые въ Бѣлоруссіи *волочебники*, по замѣчанію очевидцевъ, нѣчто въ родѣ древнихъ гусляровъ или баяновъ (?), воспѣвавшихъ въ пѣсняхъ или разсказывавшихъ въ сказкахъ какія-нибудь событія, которыми ознаменованъ такой или иной праздникъ и т. д. Волочебники ходятъ по селамъ въ теченіе всѣхъ святокъ и святой недѣли [1]). Но *волочебники*, вмѣстѣ съ колядниками, упоминаются еще въ грамотѣ Сигизмунда I, данной жителямъ Ново-

[1]) Старинный театръ въ Европѣ. стр. 307.

грудка въ 1511 году, въ которой говорится, что „коляды и волочебнаго (мѣщане) не маютъ на замокъ нашъ даваты подлѣ давнаго обычая“ [1]). Слѣдовательно, колядники и волочебники, какъ представители религіозной драмы, пріуроченной къ праздникамъ Рождества и Пасхи, относятся къ глубокой древности. Къ рождественскимъ-же праздникамъ, именно ко второму дню праздника, пріурочивалось празднованіе полога Богородицы, отчасти удержавшееся и доселѣ. До послѣдняго времени женщины на Волыни, на второй день Рождества Христова, приносили въ церковь хлѣбы, пироги и т. п., что на мѣстномъ нарѣчіи называлось „ходить на родины до Богородицы“. Весь этотъ приносъ, по отправленіи надъ нимъ молитвословія, обращался въ доходъ причту. Этотъ обычай ходить на второй день Рождества Христова „на родины до Богородицы“ въ словѣ христолюбца пріурочивается къ древнему поклоненію роду и рожаницамъ. „То суть идолослужители, говорится здѣсь, иже ставятъ трапезу рожаницамъ, короваи молятъ... Не тако-же простотою здѣ служимъ, но смѣшаемъ съ идольскою трапезою трощарь св. Богородица съ рожаницами въ прогнѣваніе Богу“. Патріархъ Іеремія въ окружной грамотѣ своей 1586 г. говоритъ объ этомъ обычаѣ слѣдующее: „на второй день (назавтріе) праздника Рождества Христова празднуютъ пологъ Богородицы и приносятъ въ этотъ день семидаліонъ, муку печеную (а по другимъ актамъ—пироги), что̀ есть великое нечестіе“, и проч. [2]). Тѣмъ не менѣе въ уніатской церкви этотъ праздникъ существовалъ во все время существованія уніи и имѣлъ особыя службы, какъ-то: службы посѣщенію пресв. Богородицы, пресвятѣй Богородицѣ рожащовой, и проч. [3]).

Если прибавить къ этому нѣкоторые сценическіе обряды сѣверно-русской церкви, какъ-то: вещное дѣйствіе, шествіе на осляти, дѣйство страшнаго суда и сохранившуюся доселѣ церемонію омовенія ногъ, то этимъ и исчерпывается почти весь кругъ зачатковъ религіозныхъ мистерій въ русской церкви. Въ православной церкви,

---

[1]) О народныхъ праздникахъ въ юго-западной Россіи, въ «Трудахъ кіев. дух. академіи», октябрь, 1871 г., стр. 19—20.

[2]) Тамъ-же, сентябрь, 1871 г., стр. 574.

[3]) Западно-русская церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ: А. О. Хойнацкаго, Кіевъ, 1871 г., стр. 79.

гдѣ не предстояло нужды въ разъясненіи того, что такъ ясно говорилъ уму древній, но родственный народу языкъ, стремленіе популяризировать богослуженіе не пошло далѣе пяти—шести обрядовъ, носящихъ въ общихъ чертахъ драматическій характеръ. Этого было слишкомъ недостаточно для зарожденія драмы въ самой церкви, и, еслибъ позднѣе заимствованіе школьной мистеріи не повлекло за собою краткаго періода духовнаго русскаго театра, то самое существованіе его было-бы немыслимо.

Западно-европейскій театръ прокладывалъ себѣ путь въ Россію съ двухъ сторонъ, изъ различныхъ побужденій и источниковъ. Съ одной стороны южная Русь, по примѣру Польши, вводитъ у себя духовныя драмы, воспитываетъ на нихъ цѣлыя поколѣнія будущихъ русскихъ пастырей; съ другой стороны, постепенно усиливающееся тяготѣніе къ европейской жизни, завязывающіяся день ото дня все тѣснѣе связи съ европейскими государствами приводятъ бродячую труппу нѣмецкихъ актеровъ въ варварскую Московію. Ихъ репертуаръ, въ которомъ къ пьесамъ духовнаго содержанія присоединялись свѣтскія комедіи, отражавшія нравы и характеры чуждыхъ народовъ, и пьесы Мольера перемежались съ довольно неуклюжими произведеніями невѣдомыхъ писателей Германіи и Франціи, репертуаръ этотъ внесъ особое оживленіе въ зарождавшійся театръ, ограниченный до этой минуты лишь тѣснымъ кругомъ благочестивыхъ сюжетовъ.

Оставляя въ сторонѣ сѣверно-русскій старинный театръ, какъ не имѣющій отношенія къ нашей цѣли, обратимся собственно къ южно-русскимъ духовнымъ и свѣтскимъ драмамъ подражательнаго характера.

Относительно южно-русскаго духовнаго театра мы не раздѣляемъ мнѣнія нѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей, будто этотъ театръ сразу явился здѣсь въ видѣ школьныхъ духовныхъ драмъ, хотя и не оспариваемъ, что школьная духовная драма была здѣсь преобладающею формою. Первые опыты подражательнаго духовнаго театра южно-русскаго были, по нашему мнѣнію, чисто мистеріальнаго характера и даже иногда привязывались къ церковному богослуженію. Мы разумѣемъ здѣсь церковныя пассіи, доселѣ совершаемыя въ нѣкоторыхъ церквахъ южной Россіи. Идея ихъ появилась еще въ Греціи и выразилась здѣсь въ такъ называемомъ Ни-

кодимовомъ евангеліи и передѣлкахъ его. Никодимово-же евангеліе въ отрывкахъ, или въ цѣломъ видѣ, извѣстно было какъ въ Россіи, такъ и на западѣ Европы, и должно было породить одинаковыя по духу религіозно-обрядовыя явленія, хотя и въ разныхъ формахъ. Выработавшаяся отсюда на западѣ Европы форма пассій могла въ свою очередь имѣть вліяніе на учрежденіе южно-русскихъ пассій, содержаніе и составъ которыхъ, однакоже, заимствованы изъ православныхъ источниковъ. На основаніи одной темной замѣтки на рукописи кіево-михайловскаго монастыря, за № 1644-мъ, полагаютъ, что южно-русскія пассіи введены, въ настоящемъ ихъ видѣ, при кіевскомъ митрополитѣ Іовѣ Борецкомъ на кіевскомъ соборѣ 1629 года [1]). Въ слѣдующемъ 1630 году изданы были во Львовѣ „Верше съ трагедіи Христосъ пасхонъ [2]), изъ трагедіи Χριστὸς πάσχων, приписываемой св. Григорію Назіанзену и впервые изданной въ 1549 году Габріелемъ Гарчіа въ латинскомъ переводѣ. Дѣйствія въ этой мистеріи немного: все оно вращается вокругъ немногихъ лицъ—Богоматери, Маріи Магдалины, евангелиста Іоанна, Іосифа, Никодима и хора, играющаго здѣсь, какъ и въ древней трагедіи грековъ, важную роль. Рѣчи ведены предпочтительно діалогомъ, но многія сцены превращаютъ всю пьесу въ мелодраму, состоя изъ длинныхъ тирадъ одного и того-же лица. О событіяхъ внѣ сцены извѣщаютъ вѣстники, не ограничивающіеся при томъ ролью простыхъ гонцовъ, но относящіеся съ своей точки зрѣнія къ сообщаемымъ событіямъ. Слова Спасителя приводятся рѣдко и по возможности ближе къ евангельскому тексту. Хоръ, находящій всегда слово сочувствія и ободренія Богоматери въ ея горѣ, составляющемъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ пьесы, нерѣдко дѣлится на два полухора и исполняетъ, по видимому, свои партіи антифонически [3]).

Къ этимъ мистеріальнымъ и переводнымъ пассіямъ привиты были и первоначальныя школьныя драмы кіевскія, тоже имѣющія своимъ предметомъ страданія Христовы. Таковы пьесы: „Дѣйствіе

---

[1]) Нѣсколько словъ о происхожденіи пассіи, въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», 1876 г., № 8; см. «Кіев. Епарх. Вѣдом.», 1874 г. № 7.

[2]) «Очеркъ славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго, 1871 г., № 336.

[3]) Старинный театръ въ Европѣ, А. Веселовскаго, стр. 11—12.

на страсти Христовы списанное", половины XVII вѣка, предположительно приписываемое Лазарю Барановичу, и „Мудрость предвѣчная, чрезъ благородныхъ Россіи младенцовъ въ училищномъ коллегіумѣ кіево-могилеанскомъ стихотворнымъ сложеніемъ явствова(вшая)ся". Печальный конецъ обѣихъ пьесъ дастъ понять, что онѣ писались для возбужденія скорби о распятомъ Господѣ и потому болѣе всего приличествовали великопостнымъ днямъ, посвященнымъ воспоминанію страданій Спасителя [1]).

Вслѣдъ за пассіональными драмами получили развитіе въ южно-русскихъ школахъ рождественскія пьесы, имѣвшія своею цѣлію сценическое представленіе рожденія Спасителя. Мы не говоримъ здѣсь о вертепныхъ представленіяхъ, составляющихъ для насъ пока искомую величину, и имѣемъ въ виду лишь параллельныя съ ними рождественскія драмы. По старинству къ нимъ прежде всего должна быть отнесена комедія св. Димитрія Ростовскаго на Рождество Христово. Князь Шаховской говоритъ, что драмы Димитрія Ростовскаго „сперва представлялись студентами кіево-печерской лавры (кіевской академіи)" [2]), слѣдовательно написаны имъ еще во время пребыванія его на югѣ Россіи, приблизительно ~~въ~~ въ третьей четверти XVII вѣка. Комедія Димитрія Ростовскаго на Рождество есть какъ-бы оригинальное смѣшеніе трехъ мистеріальныхъ стилей: вступленіе есть чистая moralité; большая часть пьесы не отступаетъ отъ рутиннаго обычнаго пошиба мистеріи; наконецъ, сцена между пастухами есть характерный образчикъ интерлюдіи. Въ общемъ, эта пьеса довольно блѣдна, безцвѣтна. Вступленіе наполнено нескончаемыми разговорами Людской Натуры, Золотаго Вѣка, Зависти, Смерти и т. д. Разговоры эти почти безцѣльны, не могутъ служить настоящимъ прологомъ и словно случайно примкнули къ пьесѣ. Сама пьеса представляетъ обзоръ событій, обставившихъ Рождество, отъ поклоненія пастуховъ до бѣгства въ Египетъ. Но, при своей блѣдности въ общемъ, комедія Димитрія Ростовскаго на Рождество Христово замѣчательна, какъ переходная ступень отъ подражательности къ выработкѣ самобытныхъ мотивовъ. Натура

[1]) О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ старой кіевской академіи, въ «Трудахъ кіев. дух. академіи», за ноябрь, 1866 г., стр. 359—367.

[2]) Старинный театръ въ Европѣ. А. Веселовскаго, стр. 354—5.

людская, выводимая въ этой комедіи, встрѣчается раньше въ трагикомическихъ діалогахъ Bellerophon Sarmaticus, представленныхъ въ краковской академіи въ 1637 году, а канъ въ пьесѣ Димитрія Ростовскаго, начинающійся словами „Ангелъ пастыремъ вѣстилъ“, и проч., есть почти буквальный переводъ польской набожной пѣсни [1]). Несмотря однако на эти несомнѣнные слѣды подражанія, въ пьесѣ есть замѣтные проблески оригинальности: пасторальная сцена въ ней дышетъ бытовою правдою и естественностію. По замѣчанію г. Пекарскаго, въ выводимыхъ здѣсь пастухахъ легко узнать земляковъ св. Димитрія, безпечныхъ и наивныхъ малороссовъ. Одинъ изъ нихъ, Борисъ, стережетъ стадо, тогда какъ двое товарищей его ушли въ Виолеемъ за припасами. Когда они приходятъ и начинаютъ ужинъ, вдругъ раздалось чудное пѣніе. Мало по малу они замѣчаютъ, что поютъ какія-то странныя существа на небѣ. Начинаютъ спорить о томъ, кто они: одинъ говоритъ, что это птички, другой—что „робятки невелички“. Когда является съ своею вѣстью ангелъ, они не мало дивятся, что такой воевода для нихъ собственно пришелъ. Ангелъ отвѣчаетъ, что „Пастырь сый всѣмъ пастыремъ, васъ пастырей частъ“, они-же простодушно допытываются, не нужно-ли ему чѣмъ поклониться, дары принести, подобно какъ нашему князю, и т. д.

Какъ скоро упрочены были въ кіевской академіи пассіональныя и рождественскія духовныя драмы, за ними стали появляться и другіе ея виды, постепенно отстающіе отъ духовнаго, клерикальнаго направленія и мало по малу воспринимающіе въ себя элементъ свѣтскій, какъ-то: миракли, драматизированныя священно-историческія хроники, историческія мистеріи или хроники, имѣющія своимъ предметомъ историческія лица или событія, но съ примѣсью духовнаго начала, и проч. Всѣ эти виды южно-русской школьной драмы отражали на себѣ слѣды тѣхъ направленій, какія испытывала на западѣ духовная драма подъ вліяніемъ возрожденія классицизма, борьбы католичества съ протестантизмомъ и іезуитскихъ школъ. Такъ напримѣръ, въ духѣ мираклей написанъ діалогъ объ

[1]) См. Kancyonał pieśni nabożnych, Poczajow 1820 г.; см. Богогласникъ почаевскаго изданія 1825 г., № 15, гдѣ она передѣлана изъ латинской пѣсни.

Алексіѣ человѣкѣ Божіемъ, напечатанный въ 1674 году; трагедокомедія Лаврентія Горки „Патріархъ Іосифъ“, 1708 года, можетъ быть названа драматизированной священно-исторической хроникой; трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича „Владиміръ“, написанная имъ подъ вліяніемъ классическихъ образцовъ, равно какъ и слѣдующія за ней пьесы „Милость Божія, Украйну отъ неудобь носимыхъ обидъ лядскихъ чрезъ Богдана Зѣновія Хмелницкого свободившая“, 1728 г., и трагедокомедія Георгія Щербацкаго „Патріахъ Фотій“, 1749 года, могутъ быть названы историческими драмами или хрониками. Трагедокомедія Лащевскаго „О тщетѣ міра сего“, 1742 г., и М. Козачинскаго „Благоутробіе Марка Аврелія“, 1744 года, напоминаютъ собою позднѣйшія іезуитскія пьесы, то обличая лютеранъ и кальвинистовъ, какъ напримѣръ пьеса Лащевскаго, то смѣшивая языческую миѳологію съ христіанскими именами и оставляя исполненіе пьесы эффектными „сальтами“, какъ у М. Козачинскаго [1]).

Всѣ эти пьесы уже значительно уклоняются отъ прежняго мистеріальнаго содержанія и характера духовной драмы и стоятъ какъ-бы на перепутьи отъ этой послѣдней къ свѣтскому театру. Однѣ изъ нихъ излагаютъ чисто гражданскую исторію отечественную, какъ напримѣръ драма „Милость Божія“, 1728 года; другія, напримѣръ трагедокомедія Ѳеофана Прокоповича „Владиміръ“, 1705 года, не смотря на серьезный тонъ свой, мѣстами допускаютъ такія живыя, комическія частности, которыя скорѣе могутъ идти къ какой либо комической интерлюдіи, чѣмъ къ серьезной драмѣ. Таковы у него—описаніе жрецомъ Жериволомъ тощаго козла, принесеннаго въ жертву языческимъ богамъ княземъ Владиміромъ, и описаніе самого Жеривола, о которомъ другой жрецъ Пѣяръ разсказываетъ своему товарищу Куроряду слѣдующее:

Видѣхъ, когда напитанный
Многими онъ жертвами лежаше во хладѣ,
А чрево его бяше превеликой кладѣ
Подобное. Обаче въ сытости толикой
Знаменіе бысть глада и алчбы великой:

[1]) Подробнѣе о всѣхъ этихъ пьесахъ см. въ брошюрѣ: «Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка». Кіевъ, 1880 г.

Скрежеташе зубами памнозѣ безъ мѣры,
Движа уста и гортань, и достойно вѣры
Слово твое, Исаре! время не имѣетъ,
И во снѣ жретъ Жериволъ.

Самыя пассіональныя драмы въ XVIII вѣкѣ прекращаются, и вмѣсто ихъ появляются теперь пасхальныя пьесы, болѣе веселыя и способныя къ дальнѣйшему развитію.

Всего-же замѣтнѣе обнаруживается прогрессъ развитія южнорусской драматической дѣятельности въ такъ называемыхъ „интермедіяхъ“ и „интерлюдіяхъ“ или „междувбросленныхъ забавныхъ игралищахъ“, которыя, не будучи органически связаны съ самыми школьными пьесами, болѣе или менѣе серьезными, не стѣснялись ихъ серьезностію, смѣло допускали комическій народный элементъ и наконецъ пытались образовать изъ себя самостоятельную область народной комедіи.

Школьная теорія „интерлюдій“ несомнѣнно явилась въ Кіевѣ уже въ концѣ XVII вѣка. Въ Лирѣ, рукописной кіевской піитикѣ 1696 года, о комедіи говорится слѣдующее: „въ комедіи выводятся лица легкія, какъ-то—господарь (paterfamilias)“, и проч. [1]). Лаврентій Горка въ своей піитикѣ 1707—8 г. говоритъ о комедіи слѣдующее: „въ комедіи выводятся лица легкія, какъ напримѣръ господарь, дѣдъ, слуга и проч.“ [2]). Митрофанъ Довгалевскій еще болѣе расширилъ кругъ комическихъ лицъ: „въ комедіи,—говоритъ онъ въ своемъ садѣ піитическомъ 1736—7 г.,—выводятся лица легкія, какъ-то: господарь, литвинъ, цыганъ, козакъ, еврей, полякъ, татаринъ, турокъ, грекъ, итальянецъ“ [3]). По правиламъ піитикъ 1726 года и Георгія Конисскаго 1746—7 г. „комедія пишется словами шуточными, низкими, обыденными“, иначе—„слогомъ простымъ, деревенскимъ, мужицкимъ“ [4]). Эти правила о комедіи прилагались собственно къ составленію „интермедій“ и „интерлюдій“.

---

[1]) Рукоп. кіево-мих. монастыря, № 1719, chord. 1, ton. 2, cant. 3.

[2]) Idea artis poëseos, рукоп. кіев. дух. акад., № 0. 4. 7, pars 1, lib. 2. cap. 9.

[3]) Hortus poëticus, рукоп кіево-мих. монастыря, № 1713.

[4]) Рукоп. кіев. дух. акад., № I. III. 92, часть III, и № I. III. 82, кн. II. гл. 2.

Первое упоминаніе объ интермедіяхъ и интерлюдіяхъ мы нашли въ пьесѣ Лаврентія Горки, 1708 г., подъ заглавіемъ „Патріархъ Іосифъ“, въ которой послѣ втораго и четвертаго „дѣйствій“ предполагались „интермедіи“ [1]). Интермедіи эти не дошли до насъ, но за то сохранились почти одновременныя имъ „интерлюдіи или междувброшенныя забавныя игралища“ неизвѣстнаго автора, хотя и касающіяся сѣверно-русской жизни, но составленныя какимъ либо южно-русскимъ ученымъ и дающія понятіе объ этого рода южно-русскихъ драматическихъ произведеніяхъ. Въ „интерлюдіяхъ или междувброшенныхъ забавныхъ игралищахъ“ являются живьемъ взятые съ натуры: цыганъ барышникъ, малограмотный дьячекъ, трепещущій при мысли отдать сыновей въ *семинарію* на муку, раскольникъ съ жидомъ, препирающіеся о томъ, чья вѣра старше и правильнѣе, и докторъ—шарлатанъ, говорящій по-латыни предъ цыганомъ, различные секретари и подьячіе, молодцы изъ веселой горы кабацкой, мужикъ и т. п.; словомъ, видимъ здѣсь нѣсколько чертъ, мѣтко схваченныхъ изъ современной жизни [2]). Но собственно изъ кіевскихъ и вообще южно-русскихъ школьныхъ интерлюдій мы имѣемъ болѣе поздніе, относящіяся къ 30-мъ и 40-мъ годамъ XVIII вѣка. Мы разумѣемъ здѣсь интерлюдіи къ рождественской и пасхальной пьесамъ Митрофана Довгалевскаго, 1736—7 г., и интерлюдіи къ трагедо-комедіи Георгія Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ, 1747 года [3]), представляющія большую аналогію съ подобными польскими произведеніями, напримѣръ Розмовами Вита Корчевскаго, 1553 г., комедіей Петра Барыки Z chłopa król, комедіей Uciechy 1655 г., комедіей Рыбалтовской и проч.

Едва-ли можно назвать случайнымъ то обстоятельство, что кіевскія интерлюдіи сохранились только при пасхальныхъ драмахъ, замѣнившихъ собою пассіональныя, и при рождественскихъ, т. е. при такихъ, которыя менѣе всего были случайными, получили уже

---

[1]) Рукоп. кіев. дух. акад., № 0. 4. 7.

[2]) См. о нихъ «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», Пекарскаго, т. I, стр. 447—8.

[3]) Отрывки первыхъ см. въ «Трудахъ кіев. дух. академіи», за февраль 1865 и ноябрь 1866 г.; интерлюдіи-же къ пьесѣ Конисскаго изданы въ «Древней и Новой Россіи», за ноябрь, 1878 года.

нѣкоторую устойчивость и нашли почву для себя въ народныхъ русскихъ обрядахъ, соединенныхъ съ этими важнѣйшими праздниками русской церкви. Имѣя слабую, чисто внѣшнюю связь съ духовными драмами, къ которымъ относятся эти интерлюдіи, онѣ мало по малу стараются завоевать себѣ независимость отъ духовныхъ пьесъ и сдѣлаться самостоятельными.

Интерлюдіи къ школьнымъ духовнымъ пьесамъ Митрофана Довгалевскаго и Георгія Конисскаго имѣютъ нѣкоторую связь съ ними и слѣдуютъ за духовными пьесами, какъ комическое за высокимъ. Возьмемъ для примѣра не изданную еще вполнѣ пасхальную драму Митрофана Довгалевскаго „Властотворный образъ“, 1737 года, съ относящимися къ ней интерлюдіями, и между ними и явленіями драмы мы увидимъ нѣкоторое соотношеніе и параллель по содержанію. Такъ, въ первомъ явленіи „Властотворнаго образа“ Совѣтъ Божій и Правосудіе Господне препираются между собою относительно сотворенія человѣка; ихъ примиряетъ Милость Божія. Соотвѣтственно этому, и въ первой интерлюдіи выходятъ два мужика-рыболова и спорятъ между собою о мѣстѣ, гдѣ бы поставить сѣти; ихъ примиряетъ третій мужикъ. Во второмъ явленіи „Властотворнаго образа“ Милость Божія вводитъ человѣка въ рай, заключаетъ съ нимъ союзъ и заповѣдуетъ ему не вкушать отъ древа познанія добра и зла, угрожая за нарушеніе этой заповѣди различными бѣдствіями; человѣкъ обѣщаетъ исполнять заповѣдь, но Прелесть склоняетъ его вкусить отъ запрещеннаго плода. Въ параллель этому, во второй интерлюдіи чортъ несетъ жида и заключаетъ съ нимъ договоръ, съ обязательствомъ не ѣсть хлѣба; жидъ соглашается, но, по уходѣ дьявола, разрѣзаетъ себѣ на хлѣбъ и обѣщаетъ не ѣсть одной только свинины; однакожъ при одномъ воспоминаніи о свининѣ у него текутъ слюнки, а тутъ еще является цыганъ и еще болѣе соблазняетъ жида свининою. Въ третьемъ явленіи „Властотворнаго образа“ человѣкъ сѣтуетъ на себя за то, что не уберегся отъ прелести и преступилъ заповѣдь Господню, а Правосудіе Господне, за нарушеніе заповѣди, лишаетъ человѣка дорогихъ одеждъ и украшеній. А въ третьей интерлюдіи мужикъ бранитъ сына за то, что онъ не устерегъ оставленныхъ ему на сохраненіе на возу пироговъ, и лишаетъ его за это шапки, которую прежде обѣщалъ купить ему. Въ пятомъ явленіи „Властотворнаго

образа“ Милость Божія освобождаетъ „стенящихъ и вопіющихъ праведныхъ во адѣ“, повелѣвъ діаволу и смерти вывести ихъ изъ темницы адской. А въ пятой интерлюдіи козакъ освобождаетъ запроданныхъ ляхомъ жиду мужиковъ, забитыхъ въ кандалы и жалобно просившихъ о пощадѣ. Еще больше замѣчается соотвѣтствія между актами трагедокомедіи Георгія Конисскаго о воскресеніи мертвыхъ и соотвѣтствующими имъ интерлюдіями [1]).

Такая связь интерлюдій съ духовными драмами, довольно внѣшняя и непрочная, не мѣшала первымъ совершенно оставлять иногда почву церковности и авторамъ ихъ углубляться въ область собственныхъ вымысловъ и народныхъ преданій, вѣрованій и легендъ. Авторы этихъ интерлюдій знакомы были съ народнымъ бытомъ, нерѣдко сами выходили изъ среды народа и, стараясь пародировать его воззрѣнія, иногда помимо воли и намѣренія высказывали сочувствіе къ нему и довольно вѣрно изображали его умственное состояніе и соціальное положеніе. Доказательство тому—въ тѣхъ-же интерлюдіяхъ Митрофана Довгалевскаго и Георгія Конисскаго, которыя стоятъ въ близкой связи съ южно-русскими народными преданіями и разсказами. Вотъ примѣры тому. Въ третьей пасхальной интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго мужики-литвины смѣются надъ ксендзомъ и папой и въ заключеніе прогоняютъ ксендза. Ксендзъ вышелъ къ литвину, воскреснему изъ мертвыхъ, „пытатися, що на томъ свѣтѣ дѣется“.

Литвинъ. Брешешь ти! тамъ все святцѣ, то въ піеклѣ (зла)дзіее.
Ксендзъ. Якъ-же се тамъ нашему папижу поводзи?
Литвинъ. Памѣнай ужо якъ звалѣ: пропавъ іонъ да и годзѣ.
Ксендзъ. Свенты-же бы былъ въ пеклѣ, щекашь (лжешь) ты, старушку!

Прши нимъ еще была ласка Христусова.
Литвинъ. Правда, правда! угадавъ ти:
Сагнувшись саматужки пречь до піекла дрова,
А хвариштяки акругъ скачуць и играюць,
Гетакими дубцями вотъ такъ поганяюць!

---

[1]) Соотвѣтствіе это указано въ «Древней и Новой Россіи», за ноябрь, 1878 г., стр. 249.

Подобное разсказывается въ южнорусской народной сказкѣ о безсчастномъ Иванѣ, какъ панъ послалъ его довѣдаться на тотъ свѣтъ въ пекло. Воротившись оттуда, Иванъ разсказываетъ пану, что „покойный панъ старый, того пана батько, дрова возитъ у пекло [1]). Въ третьей пасхальной интерлюдіи того-же Довгалевскаго „виздитъ мужикъ на торгъ и зъ синомъ, и оставивши сина, пойдетъ торговати". Въ отсутствіе его приходятъ къ сыну московскіе „яриги" и показываютъ видъ, будто хотятъ снять рога съ вола. Сынъ старался защитить воловьи рога, но они не нужны были ярыгамъ и остались цѣлыми; за то пропали съ воза пироги съ мѣхами. Тотъ-же пріемъ отводить хозяину глаза отъ предмета поживы и при такой-же обстановкѣ встрѣчается въ малорусской сказкѣ „чоловікъ зъ масломъ и москалі". Мужикъ выѣхалъ на торгъ продавать масло, поставилъ его на землю и самъ сѣлъ на него. Замѣтили его два москаля и сговорились между собой: зайди ты сзади,—говоритъ одинъ,—а я подойду къ нему и начну говорить. Подходитъ москаль къ мужику и все присматривается къ нему, какъ будто узнаетъ его, и наконецъ говоритъ: здоровъ, Иванъ!—Здоровъ!—отвѣчаетъ мужикъ. Слово за-слово, и москаль такъ разговорился съ мужикомъ, какъ будто дѣйствительно былъ знакомъ съ нимъ, и наконецъ объявилъ мужику, что пришелъ царскій указъ, чтобы мужика взять въ солдаты. Только не знаю,—прибавилъ москаль,—годишься-ли ты, потому что нужно, чтобы былъ такого росту, какъ эта палка. Встань, помѣряю!—Мужикъ всталъ. Москаль нѣсколько разъ мѣрялъ его, но нашелъ, что мужикъ не подходитъ подъ мѣру, и пошелъ прочь. Между тѣмъ мужикъ оглянулся назадъ и тутъ только замѣтилъ пропажу своего масла [2]).

Интерлюдіи Георгія Конисскаго по внутреннему достоинству своему стоятъ ниже интерлюдій Митрофана Довгалевскаго; но и онѣ приближаются иногда къ народнымъ понятіямъ, вѣрованіямъ, историческимъ преданіямъ, симпатіямъ и антипатіямъ, и удачно схватываютъ и вѣрно передаютъ ихъ. Въ первой интерлюдіи Конисскаго мужикъ говоритъ о себѣ:

---

[1]) Народныя южно-русскія сказки, Рудченка, Кіевъ, 1869 г., вып. 1, стр. 95.
[2]) Тамъ-же, вып. 2, стр. 167—168.

Мы за ёго (Бога) ласку и светую волю
Орюмъ и сѣюмъ на всякого долю.

Слова эти находятъ оправданіе себѣ и въ современныхъ обычаяхъ южно-русскаго крестьянина, который, начиная сѣять, приговариваетъ: „роди, Боже, на всякого долю, и бідного, и багатого“. Въ той-же интерлюдіи мужикъ въ ужасъ пришелъ отъ того, что дѣти его поймали на нивѣ бабу, которая будто-бы дѣлала тамъ закрутки. Закрутка есть извѣстнаго рода завивка нѣсколькихъ стеблей на пашнѣ, дѣлаемая лихимъ человѣкомъ и особенно вѣдьмою для уничтоженія посѣяннаго хлѣба. И въ настоящее время закрутка наводитъ неописанный страхъ на суевѣрнаго мужика, который для вырыванія ея въ прежнее время призывалъ или знахаря, или священника.

Наконецъ, и у Довгалевскаго, и у Колиссаго выводимые въ интерлюдіяхъ жиды, ляхи, москали, цыгане, литвины и проч. изображаются съ такими-же характерами, съ какими они представляются въ народныхъ южнорусскихъ сатирическихъ сказкахъ.

Какъ-бы чувствуя контрастъ съ духовными школьными драмами, въ которыя вставлялись первоначально интерлюдіи, эти послѣднія иногда помѣщались не между актами духовныхъ драмъ, а въ концѣ ихъ, какъ нѣчто самостоятельное, и, можетъ быть, разыгрывались даже отдѣльно отъ духовныхъ драмъ. А отсюда уже не далекъ переходъ и къ самостоятельной комедіи, выработавшейся изъ интерлюдій. Образчикъ такой комедіи мы видимъ, въ концѣ прошлаго вѣка, въ комедіи уніатовъ съ православными, священника Саввы Стрѣлецкаго, писанной, впрочемъ, на польскомъ языкѣ [1]). Дальнѣйшее-же развитіе мѣстной южно-русской литературы попало въ общую струю теченія русской литературы.

IV.

Важнѣйшую составную часть стариннаго южно-русскаго театра представляетъ изъ себя такъ называемый вертепъ, или театръ маріонетокъ, изображавшій въ цѣломъ рядѣ драматическихъ сценъ обстоятельства Рождества Спасителя.

---

[1]) Издана въ русскомъ переводѣ въ «Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ», за 1869 годъ.

Рождественскому вертепному представленію предшествовали въ южной Россіи колядные обряды и пѣсни частію полуязыческаго, частію христіанскаго содержанія и характера, и до сихъ поръ удерживающіяся въ средѣ народной. На почвѣ этихъ обрядовъ и пѣсень и въ зависимости отъ церковнаго богослуженія развилось, съ теченіемъ времени, драматическое дѣйствіе, имѣющее цѣлію наглядно представить важнѣйшія обстоятельства Рождества Христова, дѣйствіе простое, несложное, отрывочное. На западѣ Европы такимъ дѣйствіемъ была коротенькая мистерія о поклоненіи волхвовъ родившемуся Спасителю, XI в. [1]). Аналогическое явленіе мы находимъ и на югѣ Россіи, гдѣ и теперь еще, мѣстами, въ рождественскіе праздники исполняются молодыми людьми отрывочныя, незаконченныя сцены, касающіяся событій Рождества Христова и особенно поклоненія волхвовъ Спасителю. Таковы, напримѣръ, сценическія представленія въ селеніи Исаковой, оргѣевскаго уѣзда, кишиневской губерніи, исполняемыя взрослыми съ третьяго дня праздника Рождества и по 5-е января. Группами въ шесть и болѣе душъ, замаскированные въ костюмы воиновъ, съ жезлами въ рукахъ и касками изъ разноцвѣтной бумаги на головахъ, молодые парни представляютъ въ зажиточныхъ домахъ хозяевъ сцену встрѣчи съ Иродомъ трехъ царей-волхвовъ, шедшихъ на поклоненіе родившемуся Спасителю [2]).

Когда вертепъ явился въ юго-западной Россіи, съ точностію неизвѣстно; но несомнѣнно, что онъ существовалъ уже здѣсь въ концѣ XVI вѣка. Изопольскій видѣлъ въ Ставищахъ древнѣйшій экземпляръ вертепа съ отмѣткой 1591 года. Къ сожалѣнію, онъ ничего не говоритъ о составѣ видѣннаго имъ вертепа. Единственнымъ источникомъ свѣдѣній о составѣ и содержаніи старинной вертепной драмы южно-русской доселѣ служилъ списокъ ея, записанный Н. А. Маркевичемъ въ 1848 году отъ своихъ крестьянъ; но этотъ списокъ носитъ уже на себѣ явные слѣды школьнаго происхожденія пьесы. Въ настоящемъ году сталъ извѣстенъ другой списокъ вертепной драмы по изложенію, которое сдѣлано сосѣдомъ

---

[1]) См. «Историческій очеркъ средневѣковой драмы», П. Полевого. С.-Петербургъ, 1865 г., стр. 73—77.

[2]) «Кишинев. Епарх. Вѣдомости» за 1881 г., № 1-й.

Н. А. Маркевича по имѣнію, нынѣ членомъ государственнаго совѣта, Г. П. Галаганомъ. Повидимому, этотъ списокъ происходитъ изъ одного источника съ первымъ, но имѣетъ нѣкоторыя, иногда весьма важныя отличія. О происхожденіи своего списка Г. П. Галаганъ сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія: „по разсказамъ моего отца, нѣкоторыхъ родныхъ и мѣстныхъ старожиловъ, въ 1770 годахъ къ моему прадѣду зашли съ вертепомъ кіевскіе бурсаки. Вѣроятно, ихъ представленіе принято было съ большимъ сочувствіемъ; потому что мой прадѣдъ, удержавъ на нѣкоторое время странствующихъ артистовъ, устроилъ для себя вертепъ, при чемъ бурсаки передали вертепный текстъ и нотное пѣніе мѣстному хору пѣвчихъ, существующему непрерывно и до сихъ поръ. Такимъ образомъ вертепное представленіе, будучи постоянно повторяемо на рождественскихъ праздникахъ въ продолженіи столькихъ лѣтъ, сохранено не въ устныхъ преданіяхъ, а въ писанномъ текстѣ и въ положенной на ноты музыкѣ, хотя безъ сомнѣнія съ теченіемъ времени въ немъ могли появиться нѣкоторыя отступленія отъ стариннаго текста“ [1]). Къ сожалѣнію, полный текстъ этого списка не приводится въ интересномъ сообщеніи Г. П. Галагана, между тѣмъ было-бы весьма важно опредѣлить разночтеніе этого и другихъ, могущихъ быть открытыми списковъ, такъ какъ исторію вертепной южно-русской драмы въ настоящее время только и можно изучать путемъ сличенія различныхъ ея списковъ и сопоставленія ихъ текста съ соотвѣтствующими памятниками. Мы лично, впрочемъ, имѣли возможность сличить извѣстные доселѣ два списка вертепной драмы, т. е. Н. А. Маркевича и Гр. П. Галагана, съ цѣлію извлечь данныя для внутренней исторіи южно-русскаго вертепа, и представляемъ здѣсь результаты своихъ изысканій.

Извѣстно, что дошедшая до насъ вертепная драма раздѣляется на двѣ части: духовную, вращающуюся около обстоятельствъ рожденія Спасителя, и свѣтскую, которая мало имѣетъ отношенія къ этому всемірному событію. Оба извѣстные списки вертепа *въ общихъ чертахъ* сходны между собою въ обѣихъ частяхъ; разность усматривается главнымъ образомъ въ текстѣ второй части и тогда

[1]) «Кіевская Старина», октябрь, 1882 г., стр. 9.

какъ первая, духовная часть въ обоихъ спискахъ повторяется почти буквально, лишь съ самыми незначительными измѣненіями и отличіями, въ текстѣ второй встрѣчаются значительныя частныя отличія въ обоихъ спискахъ.

Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ покойнаго Н. А. Маркевича, высказаннаго имъ въ своей книгѣ [1]), будто „первоначальное происхожденіе вертепа можно отнести ко временамъ гетмана Конашевича-Сагайдачнаго, къ 1600—1620 годамъ, когда онъ началъ возобновлять кіево-братскую школу и академію", какъ потому, что существованіе въ это время кіево-богоявленской школы и академіи болѣе, чѣмъ сомнительно, такъ и потому, что стихи даже первой части вертепа не носятъ на себѣ слѣдовъ литературнаго языка того времени. Скорѣе первая часть вертепа можетъ идти въ сравненіе съ комедіей на Рождество Христово св. Димитрія Ростовскаго, второй половины XVII вѣка, и особенно съ „Комическимъ дѣйствіемъ" на Рождество Христово, Митрофана Довгалевскаго, 1736 года. Для примѣра, приведемъ одно параллельное мѣсто. Въ „Комическомъ дѣйствіи" Довгалевскаго Декретъ Божій призываетъ Смертъ, а Смертъ—Діавола.

Смертъ (къ Ироду): Не годѣ будетъ сего, яко посѣщу тя,
Но горѣе будетъ ти, яко во адъ возму тя;
Се приглашу и друга, что̀ дѣлать съ тобою,
И возмемъ тя отсюду на жилье съ собою.
Пріиди, друже искренній, первѣйшій владыко,
И увиждь снѣдь готову, намъ сладку толику!
Долгое бо время сего ожидали,
Дабы въ руцѣ Ирода убійцу пріяли.
Дьяволъ. О гостя вождельнна, о друга прелюбезна!
Давно тя ожидаетъ глубочайша бездна, и проч.

Въ вертепѣ есть очень сходныя съ этимъ мѣста. Здѣсь смерть говоритъ Ироду:

Що ты, Ироде несытый, почто се болтаешь
И мене убити воямъ повелѣваешь?

[1]) Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ, Н. Маркевича, Кіевъ, 1860 г., стр. 28.

Изъ пропасти ада будешь ты знати,
Неповинны чада якъ убивати!
Выйди, брате, друже, мени пособити,
Кровопийцю Ирода отъ земли стребити!

Чортъ (къ смерти). Почто, моя другиня, зовешь на пораду?
Тотчасъ умерщвлю и препоручу аду.

И затѣмъ, хватая Ирода въ объятія, говоритъ:

Друже мій вірный, друже прелюбезный!
Довго ждавъ я тебе въ глибочайшей бездни.

Почти буквальное сходство послѣднихъ словъ вертепнаго дѣйствія съ соотвѣтствующими словами „Комическаго дѣйствія“ Довгалевскаго показываетъ, что или вертепъ заимствовалъ кое-что у Довгалевскаго, или-же, наоборотъ, Довгалевскій воспользовался нѣкоторыми частностями вертепной драмы. Во всякомъ случаѣ то нужно считать несомнѣннымъ, что около 1736 года текстъ вертепа въ первой своей части заключалъ уже тѣ самыя мѣста, какія находятся и въ теперешнихъ его спискахъ.

Во второй части вертепа существующіе два списка его представляютъ, какъ мы выше сказали, нѣкоторыя значительныя разности. Особенный интересъ представляетъ въ спискѣ Г. П. Галагана явленіе 12-е, въ которомъ выводится на сцену запорожецъ съ его козацкими пѣснями и думами, проливающими нѣкоторый свѣтъ и на исторію самаго вертепа. Правда, этотъ запорожецъ выводится и у Маркевича и поетъ туже самую пѣсню, но отъ думы въ спискѣ Маркевича остались только безсвязные отрывки, тогда какъ въ спискѣ Г. П. Галагана она сохранилась въ цѣломъ видѣ. Такъ какъ по этому списку пѣсня и дума запорожца цѣликомъ приведены въ октябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“, то, не повторяя ихъ здѣсь, мы замѣтимъ только, что обѣ онѣ отзываются глубокою древностію. Въ частности пѣсня запорожца: „Та не буде лучше, та не буде краще, якъ у насъ та на Украини“ въ томъ-же почти видѣ приводится въ сочиненіи Н. И. Костомарова „Богданъ Хмельницкій“ и отнесена къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго, но безъ указанія, откуда она взята [1]). Текстъ ея воспроизве-

[1]) «Богданъ Хмельницкій», Н. И. Костомарова, 1870 г., т. III, стр. 352—353.

день также въ пѣснѣ о Швачкѣ, относимой М. А. Максимовичемъ къ 1768 году [1]). Что касается думы, то она носитъ на себѣ слѣды еще болѣе древняго происхожденія своего. Въ этомъ отношеніи драгоцѣнно въ ней въ особенности то сохранившееся въ Галагановскомъ спискѣ мѣсто, въ которомъ приводятся слѣдующія слова запорожца:

Да якъ и *лукъ* натягну, брязну *тетивою*,
То мусить съ поля втікать ханъ крымскій зъ ордою.

Оно ясно говоритъ, что дума относится къ тому переходному времени, когда лукъ и тетива только-что стали замѣняться у запорожцевъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, слѣдовательно во всякомъ случаѣ ко времени болѣе раннему эпохи войнъ Хмельницкаго. Другое доказательство древности этой думы то, что отрывки изъ нея нерѣдко воспроизводились на безъимянныхъ изображеніяхъ запорожца, пріурочиваемыхъ иногда къ разбойнику XVIII вѣка Мамаю и дошедшихъ до насъ отъ XVIII вѣка во множествѣ экземпляровъ. По Галагановскому списку вертепа, дума запорожца начинается слѣдующими словами:

Хоть дивись на мене, та ба не вгадаешъ,
Видкиль родомъ и якъ зовуть, пичичиркъ не знаешъ.
Коли трапилось кому у степахъ бувати,
До той може призвище мое вгадати.
А въ мене имя не одно, а есть ихъ до ката,—
Такъ зовуть, якъ набіжишь на якого свата:
Жидъ зъ біды за рідного батька почитае,
Милостивымъ добродіемъ ляхва называе.
А ты якъ хочь назови,—на все позволяю,
Абы лишъ крамаремъ не назвавъ, за те—то полаю.

По словамъ А. М. Лазаревскаго, въ его собраніи древностей есть изображеніе запорожца, принадлежавшее нѣкогда полковнику Полуботку, казненному Петромъ I въ 1722 году, и подъ этимъ изображеніемъ подписаны приведенныя начальныя слова думы запорожца. Тѣ-же слова съ незначительными измѣненіями помѣщены на акварельномъ снимкѣ съ другаго подобнаго изображенія XVIII в., сдѣланномъ г. Де-ла-Флизомъ съ оригинала въ 1850-хъ годахъ.

[1]) См. Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I. Кіевъ, 1876 г., стр. 613.

Хоть на мене дивися, та не угадаешъ,
Якъ зовуть и видкиль родомъ, и якъ прозываютъ,—нечичиркъ не знаешъ.
Коли трапилось кому у степахъ бувати,
То той можетъ мое прозвище угадати.
Жидъ зъ бѣды за ридного батька почитае,
А ляхва дурно милостивымъ добродіемъ называе.
А ты якъ хочешъ, то такъ мене (назови)...
Абы липъ не крамаромъ...

Г. Де-ла-Флизъ называетъ этого запорожца Мамаемъ, считаетъ его историческою личностію и указываетъ Мамаевъ дубъ на урочищѣ Васильковскомъ, Мотронинской дачи, возлѣ деревни Херсонки, чигиринскаго уѣзда. По мѣстному преданію, разбойникъ Мамай вѣшалъ на этомъ дубѣ ляховъ и жидовъ и наконецъ самъ былъ повѣшенъ на немъ по распоряженію польскаго правительства [1]). Дѣйствительно, мы читали въ одной перечневой лѣтописи XVIII столѣтія о казни разбойника Мамая, помнится въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка. Но очевидно, что живописный типъ запорожца существовалъ раньше Мамая и только примѣненъ былъ въ данномъ случаѣ къ этому разбойнику. Наконецъ, въ распоряженіи редакціи „Кіевской Старины“ находится еще подобное изображеніе безъимяннаго запорожца, половины XVIII вѣка. Внизу и по сторонамъ этого изображенія выписаны четыре отрывка изъ вертепной думы запорожца, именно изъ начала, середины и конца этой думы. Вотъ эти отрывки:

1. Хоть дивисъ, то одначе не въгадаешъ,—
   Вѣдки я родомъ, правда нѣчичир(к)ъ не знаешъ.
   Називай мене гайдамакою, розбойнікомъ, пяницею...
2. Що то якъ я бувъ молодъ, що во мнѣ була за сіла!
   Якъ ляхѣвъ боровъ, то и рука не трусила.
   А тепера и вошъ одъ мене сильнѣйша здаеця.
3. Козакъ душа справедливая, сорочки не мае.
   Коли не пье, то вопи бье, то таки не гуляе.
   Того ляхи, не менше попи и чинцѣ, набѣралися жаху.

---

[1]) Этнографическій альбомъ Де-ла-Флизъ находится въ церковно археологическомъ музеѣ при кіевской дух. академіи.

4. Гей, бандура моя золотая!
Коли бъ до тебе молодиця молодая!
Скакала бъ, спѣвала. До сего лиха
Не одинъ бы чумакъ отъчурався грошій мѣха.
Бо якъ заграю, то не одинъ и поскаче,
А подождавше с того веселля то не одинъ и заплаче.

Такимъ образомъ, пѣсня и дума запорожда въ 12-мъ явленіи вертепа по происхожденію своему относятся къ глубокой старинѣ, можетъ быть къ началу XVII вѣка или, по крайней мѣрѣ къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго и обѣ пользовались извѣстностію и въ XVIII вѣкѣ. Когда онѣ вошли въ составъ вертепной драмы, неизвѣстно съ точностію; но такъ какъ и пѣсня, и дума, въ цѣломъ видѣ или въ отрывкахъ, помѣщаются въ обоихъ извѣстныхъ спискахъ вертепа, Маркевичевскомъ и Галагановскомъ, то надобно полагать, что онѣ вошли въ составъ вертепной драмы при установленіи основнаго текста второй части вертепа.

Относительно происхожденія основнаго текста второй, свѣтской части вертепа прежде всего нужно замѣтить, что нѣкоторыя ея мѣста носятъ на себѣ слѣды искуственнаго, школьнаго происхожденія. Не смотря на различныя наращенія и передѣлки, какимъ подвергся текстъ второй части вертепа въ устахъ его исполнителей, въ ней и доселѣ еще можно замѣтить слѣды силлабическаго школьнаго стихосложенія, состоявшаго изъ 13, 12, 11 и т. д. слоговъ, съ риѳмою на концѣ и иногда цезурою въ срединѣ. Такъ напримѣръ, тринадцати-сложное силлабическое стихосложеніе съ цезурою замѣчается въ цыганской пѣснѣ 8-го явленія:

Де-жь, цыгане, ты живешь? Я-жъ не маю хаты;
Що выкую та выдурю,—тільки мыни платы, и проч.

Двѣнадцати-сложное силлабическое стихосложеніе замѣчается въ польской пѣснѣ десятаго явленія, напримѣръ въ словахъ:

Не жалуй, дивчина, барилечка вина,
Бо собѣ достанешъ добрей матки сына, и проч.

Отличаясь веселымъ, забавнымъ содержаніемъ и характеромъ, вторая часть вертепа представляетъ прямую аналогію со школьными

интерлюдіями, каковы извѣстныя уже намъ интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго и Георгія Конисскаго. Въ качествѣ интерлюдій, свѣтскія сцены вертепа первоначально соотвѣтствовали своимъ содержаніемъ актамъ или явленіямъ первой духовной части вертепа, къ которой онѣ относились. Примѣры такого соотвѣтствія можно видѣть отчасти и въ настоящее время. Первая, духовная часть вертепа состояла, повидимому, изъ пролога и четырехъ актовъ. Въ первомъ актѣ говорится о поклоненіи пастырей новорожденному Спасителю; во второмъ—о путешествіи волхвовъ на поклоненіе Спасителю, встрѣчѣ ихъ съ Иродомъ и возвращеніи восвояси; въ третьемъ—объ избіеніи вифлеемскихъ младенцевъ, по повелѣнію Ирода; въ четвертомъ—о смерти Ирода. Первому акту мистеріи соотвѣтствуетъ то явленіе второй части вертепа, гдѣ жидъ, припоминая важнѣйшія событія изъ исторіи еврейскаго народа, высказываетъ надежду на скорое пришествіе Мессіи. Мистеріальной сценѣ поклоненія пастырей рожденному Спасителю и принесенія ему даровъ соотвѣтствуютъ тѣ явленія второй части вертепа, въ которыхъ мужикъ Климъ дарить блудливую и никуда негодную свинью дьяку за обученіе дѣтей грамотѣ. Въ послѣдней сценѣ рождественской мистеріи смерть и чортъ уносятъ Ирода въ адъ. Подобнымъ образомъ и во второй части вертепа чортъ, по приказанію козака, уноситъ съ собой жида, и наконецъ два чорта хотятъ взять къ себѣ и самого запорожца. Съ теченіемъ времени, различныя сцены второй части вертепа стали перемѣщаться съ одного мѣста на другое, дополняться другими сценами, или сокращаться, какъ это наглядно можно видѣть изъ сличенія списковъ Маркевича и Галагана; а вслѣдствіе этого первоначальная связь вертепныхъ интерлюдій съ самой рождественской мистеріей или затемнилась, или вовсе утратилась.

Если смотрѣть на первоначальную форму свѣтской части вертепа, какъ на интерлюдіи къ рождественской духовной драмѣ; то происхожденіе этой части нужно отнести къ самому раннему времени появленія интерлюдій вообще и школьной теоріи ихъ, т. е. по времени не позже конца XVII вѣка, хотя матеріалъ для интерлюдій могъ быть заимствованъ изъ народнаго обращенія и раньше этого существовать въ иной формѣ. Существовалъ-же въ какой-то формѣ вертепъ, видѣнный Изопольскимъ, съ подписью 1591 г.

Само собою разумѣется, что первоначальный текстъ свѣтской части вертепа или вертепныхъ интерлюдій не могъ оставаться неизмѣннымъ и дойти до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ. Давая матеріалъ для составленія новыхъ школьныхъ интерлюдій, вертепныя интерлюдіи въ свою очередь могли заимствоваться отъ нихъ и обогащаться новыми матеріалами и сценами. Этимъ взаимнымъ отношеніемъ между первоначальными вертепными интерлюдіями и позднѣйшими школьными объясняется большое сходство въ частностяхъ между вертепными интерлюдіями съ одной стороны и интерлюдіями М. Довгалевскаго и Георгія Конисскаго съ другой, весьма важное для исторіи текста второй части вертепа. Укажемъ нѣсколько примѣровъ такого сходства. Во второй части вертепа запорожецъ издѣвается надъ двумя чертями и одного изъ нихъ, поймавъ за хвостъ, тащитъ къ свѣту, говоря:

Що се я піймавъ? чи се птичка?
Чи перепелічка?
Чи се тая синичка,
Що вона й не дыше,
Тилько хвостикомъ колыше?

Эти слова почти буквально встрѣчаются и въ первой рождественской интерлюдіи Довгалевскаго. Здѣсь мужикъ Пархимъ обращается съ подобными словами къ поляку—астроному:

А що бакъ ты у чорта и скажи (что) за птиця,—
Чи мишь, чи кажанъ, чи перепелиця?

Голодный цыганъ съ цыганкой во второй части вертепа очень живо напоминаютъ цыганскую чету въ третьей интерлюдіи Георгія Конисскаго. При сходствѣ положенія дѣйствующихъ лицъ въ обѣихъ пьесахъ, мѣстами есть даже буквальное сходство между ними.

У Конисскаго голодный цыганъ говоритъ:

Охъ, істи, істи хочу, панове, ратуйте!
Хотя саломъ смажне губы пошмаруйте!

А въ вертепѣ онъ говоритъ такъ:

Эхъ, юсти, юсти
Смаженои капусты!
Хочь бы сальцемъ зашаровати!

У Конисскаго цыганка обѣщаетъ накормить цыгана и говоритъ:

Навару тобѣ борщу, испеку комара
И накормлю тебе, мого милого господара...
То-то борщь ситій, то-то страва люба!
Возми лишь да покоштуй, ажъ злипнется губа!

Цыганъ. Се-жъ твуй борщь похожъ на ракову юшку.

Цыганка. То-то для смаку кидала снитку й петрушку.

И въ вертепѣ цыганка подобнымъ образомъ угощаетъ своего голоднаго мужа.

Цыганка. Принесу тоби борщику
Въ полывяномъ горщику...
Тутъ-то страва, тутъ-то люба!
Якъ покоштуешь, то стынется (звисне) губа...

Цыганъ. Твій борщь походивъ на раковую юшку.

Цыганка. Кидала мій миленькій (й цыбулю) и петрушку;
И для свого господаря
Кидала кусокъ сала зъ комара.

Послѣ интерлюдій Георгія Конисскаго 1746 года, кіевскій вертепъ едва-ли имѣлъ дальнѣйшее развитіе, такъ какъ съ этого приблизительно времени вертепныя рождественскія представленія теряютъ кредитъ и болѣе и болѣе переходятъ въ низменныя сферы училищной жизни. Въ 1736 году Ѳеофанъ Прокоповичъ, указывая кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому экономическія средства для содержанія кіевской академіи, не благопріятно отозвался о студенческихъ „миркованьяхъ“, составлявшихъ, вмѣстѣ съ вертепными представленіями, источникъ доходовъ для бѣднаго студенчества. Что замѣчаніе Ѳ. Прокоповича принято было къ свѣдѣнію, это видно какъ изъ отсутствія въ послѣдующее время рождественскихъ школьныхъ пьесъ, соотвѣтствующихъ вертепу, за исключеніемъ двухъ отрывковъ, такъ и изъ положительнаго свидѣтельства о томъ, что съ этого приблизительно времени вертепныя представленія пренебрегались лучшими студентами и сдѣлались достояніемъ пьяныхъ пѣвчихъ. Въ одномъ спискѣ „Правила увѣщательнаго пьяницамъ“, 1779 г., но встрѣчающагося въ другихъ спискахъ гораздо ранѣе, говорится слѣдующее: „радуйтеся, пиворѣзы, и паки реку радуй-

тся! се радости день приспѣваетъ, день, глаголю, праздника рождественскаго сближается. Востаньте убо отъ ложей своихъ и воспріимите всякъ по своему художеству орудія, *содѣлайте вертепи*, склейте звѣзду, составьте партесы! егда-же станите по улицахъ со звукомъ бродя, ищущи сивухи, пріймутъ васъ подъ кровы своя". „Достойно и праведно,—говорится въ другомъ мѣстѣ „Правила",— похулити подвиги и труды ваши, горкопійцы; обтекаете бо вселенную, аки орли во облацѣ парящіе отъ града въ градъ, отъ веси въ весь, творяще лядопивство, и гдѣ изобиліе пивницъ и винницъ жители имѣютъ, тамо... возгнѣздитесь" [1]). Такіе-то, вѣроятно, орлы— пиворѣзы залетѣли въ 1770-хъ годахъ и въ Сокиринцы, имѣніе гг. Галагановъ, и разыгрывали здѣсь вертепное предетавленіе. Но очевидно, что они уже не были творцами вертепной драмы, а только ея исполнителями, промышлявшими чужимъ добромъ ради собственнаго прибытка.

Сдѣлавшись достояніемъ пьяныхъ пѣвчихъ, а затѣмъ церковныхъ дьяковъ и полуграмотнаго народа, вертепъ мало по малу терялъ свою первоначальную школьную правильность, утрачивалъ прежнія сцены, дѣлавшіяся анахронизмомъ, или переставлялъ ихъ съ одного мѣста на другое и замѣнялъ новыми въ простонародномъ вкусѣ. Это отчасти можно видѣть изъ текста Галагановскаго списка вертепа и сличенія его со спискомъ Маркевича. Дума запорожца почти совсѣмъ выпущена въ спискѣ Маркевича, вѣроятно потому, что этотъ запорожецъ, давно уже и самъ сошедшій со сцены, говоритъ здѣсь о козацкихъ столкновеніяхъ съ туркамн, татарами и ляхами, о ханѣ крымскомъ съ ордою, и проч. Въ заключительномъ явленіи Галагановскаго списка выходитъ на сцену нищій Савочка, единственный человѣкъ, къ которому благоволитъ запорожецъ. Но въ спискѣ Маркевича это явленіе замѣнено болѣе современнымъ явленіемъ, въ которомъ солдатъ стрѣляетъ изъ пушки и привѣтствуетъ господъ—зрителей словомъ: вивать! На основаніи архаическихъ мѣстъ, удержавшихся въ Галагановскомъ спискѣ вертепа, мы готовы признать его редакцію болѣе древнею, чѣмъ редакція Маркевичевскаго списка, хотя и въ послѣднемъ мѣстами сохранился болѣе древній текстъ, чѣмъ въ спискѣ Галагановскомъ.

---

[1]) Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII в., стр. 76—78.

За небольшими исключеніями, основной текстъ вертепа въ обоихъ спискахъ, Маркевича и Галагана, довольно сходенъ между собою; небольшія разночтенія могутъ служить только къ возстановленію первоначальнаго текста вертепа. Первая, духовная часть вертепа найболѣе осталась вѣрною первоначальному его тексту, тогда какъ во второй части его чувствуется множество искаженій, распространеній и вставокъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что эта часть вертепа пришлась по вкусу исполнителямъ, которые наложили на нее свою руку. Школьное силлабическое стихосложеніе въ этой части вертепа постоянно перебивается и нарушается размѣромъ украинскихъ думъ.

Извѣстно, что въ составъ древняго эпическаго стиха, распространеннаго у другихъ славянскихъ народовъ, входило десять слоговъ съ двумя удареніями. Размѣръ этотъ выдержанъ въ украинскихъ и особенно въ галицкихъ колядкахъ. Но думы отличаются отъ другихъ украинскихъ пѣсенъ разнообразною, вольною мѣрою своихъ стиховъ, слагающихся изъ неравнаго числа тоническихъ стопъ, и въ неопредѣленномъ числѣ слоговъ: есть стихи многосложные, заключающіе въ себѣ около 30 слоговъ; есть также пятисложные, даже трехсложные. Размѣръ думъ основанъ на внутренней потребности мысли оттѣнить въ каждомъ стихѣ вполнѣ отдѣльную часть ея: гармонія звука вытекаетъ изъ внутренней гармоніи мысли, что̀ и даетъ думамъ право на ихъ названіе. Это именно *думы,* сознательные акты мысли, облеченные въ поэтическую форму воспоминаній о прошедшемъ, которое не настолько отдѣлилось отъ пѣвца, чтобы можно было говорить о немъ вполнѣ безпристрастно, въ спокойно размѣренной формѣ традиціоннаго эпическаго стиха. Пѣвецъ, слагатель думы, самъ былъ очевидцемъ и, можетъ быть, участникомъ совершившихся событій; оттого-то эпическій тонъ думы часто переходитъ въ лирическій и драматическій. Другое отличіе украинскихъ думъ отъ эпическихъ великорусскихъ пѣсенъ и юнацкихъ сербскихъ состоитъ въ риѳмѣ, столь привычной для пѣснопѣнья южно-русскаго. Рѣдко встрѣчается въ думѣ стихъ безъ отвѣтнаго и созвучнаго ему стиха; чаще ихъ бываетъ по нѣскольку (до 10-ти) на одну риѳму [1]).

[1]) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. II, 1877 г., стр. 459: «Что такое думы». См. «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія» П. Житецкаго. Кіевъ, 1876 г., стр. 289—290.

Вотъ это-то стихосложеніе украинскихъ думъ, врываясь мало по-малу въ вертепныя школьныя интерлюдіи, нарушало ихъ силлабическій размѣръ, приближало ихъ къ народному складу и произвело во второй части вертепа тотъ видимый безпорядокъ, который теперь замѣчается въ немъ съ перваго разу. Наглядный примѣръ тому представляютъ сцены цыгана съ цыганкой, встрѣчающіяся и въ интерлюдіяхъ Г. Конисскаго, и въ вертепѣ. Вмѣсто 13 или 11 слоговъ интерлюдій, въ вертепѣ является, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, отъ 5 до 14 слоговъ. Этому перебою силлабическаго стихосложенія стихосложеніемъ думъ много содѣйствовала риѳма, усвоенная тѣмъ и другимъ стихосложеніемъ, которая вызывала у исполнителей вертепа новые стихи съ такими-же риѳмами и новыя риѳмы даже въ срединѣ стиховъ. Это видно изъ сличенія какъ цыганскихъ вертепныхъ сценъ съ соотвѣтствующими сценами въ третьей интерлюдіи Георгія Конисскаго, такъ и обоихъ списковъ вертепа между собою. Такъ напримѣръ, въ интерлюдіи Конисскаго мы видѣли слѣдующій стихъ:

Охъ, исти, исти хочу! панове ратуйте!

Въ другомъ мѣстѣ:

Навару тобѣ борщу, испеку комара, и проч.

Но въ спискахъ вертепа каждый изъ этихъ стиховъ раздѣленъ на два меньшіе, по числу слоговъ, стиха, съ приставкою къ первому полустишію риѳмы и необходимаго для нея текста. Такимъ образомъ изъ перваго стиха вышли два слѣдующіе:

Эхъ, юсти, юсти (вм. исти, исти),
Смаженои капусты.

Изъ втораго-же стиха, при помощи новой риѳмы, образовалось слѣдующее двустишіе:

Принесу тоби борщику
Въ полывяномъ горщику.

Нарощеніе нѣсколькихъ риѳмъ, съ соотвѣтствующимъ новымъ текстомъ, на первоначальную риѳму видно изъ сличенія нѣкоторыхъ мѣстъ вертепа по обоимъ его спискамъ. Такъ напримѣръ, первое явленіе второй части вертепа, по Галагановскому списку, начинается слѣдующимъ двустишіемъ:

Отъ, теперъ-же и мы, бабусенько, дождалися, якъ Ирода на світі не стало.
Теперъ, моя молодичко, потанцюймо хоть мало!

Но въ спискѣ Маркевича вмѣсто этого двустишія являются уже три стиха съ одинаковою риѳмою, въ такомъ видѣ:

Отъ, теперъ и намъ припало,
Якъ Ирода вже не стало.

Потанцюймо-жъ, молодычко, мій ружевый квитъ, хоть мало! Въ спискѣ Маркевича девятое явленіе начинается слѣдующими стихами, сравнительно правильными въ силлабическомъ отношеніи:

А цо тута за галаце?
Нѣхъ дзембло возьме гайдамацѣ!
Идзь, хлопку, ведзь до мнѣ кохану!
Я ту краковьяку вытанцевать стану.

Но въ спискѣ Галагана къ двумъ первымъ риѳмамъ прибавляется третья:

А цо тута слыхъ да галаце?
Нѣхъ дзембле возьмо гайдамацѣ!
Идзь, хлопку, до женской палаце!

Послѣ этого, четвертый стихъ оказался уже неумѣстнымъ въ спискѣ Галагана и выброшенъ изъ него.

Такія и подобныя вторженія народнаго стихосложенія въ текстъ вертепа встрѣчаются въ немъ сплошь и рядомъ и сообщаютъ ему народный колоритъ и букетъ. Этотъ послѣдній усиливается, по мѣстамъ, вставками въ текстъ вертепа цѣлыхъ народныхъ пѣсенъ, или отрывковъ изъ народныхъ произведеній, или очевидныхъ подражаній имъ. Такова, напримѣръ, въ первомъ дѣйствіи второй части вертепа пѣсня: „Ой пидъ вишенькою", и теперь распѣваемая независимо отъ вертепа.

Благодаря привнесенію народнаго элемента, южно-русскій вертепъ сдѣлался любимымъ народнымъ развлеченіемъ, получилъ широкое распространеніе и перешелъ даже въ Сибирь. Еще въ 60-хъ годахъ нынѣшняго вѣка, говорятъ, онъ разыгрывался въ кіевскихъ балаганахъ, на торговыхъ площадяхъ, и привлекалъ къ себѣ толпы зрителей изъ простаго народа. Поэтому южно-русскій вертепъ имѣетъ право на полное вниманіе со стороны лицъ, заботящихся о развитіи народнаго театра, такъ какъ этотъ вертепъ и знакомитъ насъ съ театральными вкусами простаго здѣшняго народа, и можетъ дать матеріалъ для современнаго народнаго театра.

Н. Петровъ.

БАНДУРИСТЪ ИВАНЪ КРЮКОВСКІЙ.

(Текстъ девяти думъ, съ біографическою замѣткой).

Въ томъ переходномъ фазисѣ своей исторической жизни, который переживаетъ теперь малорусское племя, остатки національной старины таютъ и исчезаютъ съ поразительной быстротой. Рѣшительныя и рѣзкія перемѣны послѣдняго двадцатипятилѣтія,—крестьянская реформа, общая воинская повинность, желѣзныя дороги—повліяли сильнымъ образомъ на сложившійся подъ иными условіями народный бытъ. Но нигдѣ исчезновеніе старыхъ преданій незамѣтно такъ сильно, какъ въ области историческаго народнаго самосознанія. Не поддержанное школой и научнымъ путемъ, сознаніе это, отодвинутое отъ стараго строя столѣтіемъ жизни въ иныхъ условіяхъ, теряетъ съ нимъ всякую связь. Подъ вліяніемъ этихъ-же новыхъ условій жизни одинъ изъ факторовъ такого сознанія,—народная историческая поэзія, безвозвратно умираетъ на нашихъ глазахъ.

Хранителей поэтическихъ произведеній историческаго характера,—кобзарей, бандуристовъ, лирниковъ, которыхъ въ пятидесятыхъ годахъ насчитывали еще десятки, въ настоящее время надо считать единицами. Еще недавно почтеннаго Остапа Вересая считали послѣднимъ представителемъ малорусскихъ рапсодовъ. Потомъ нашлось два кобзаря въ нѣжинскомъ уѣздѣ, съ менѣе обширнымъ репертуаромъ. Заключеніе о Вересаѣ, какъ о единственномъ живомъ хранителѣ народнаго эпоса, было слишкомъ поспѣшно. Въ глухихъ уголкахъ Малороссіи есть еще нищіе слѣпцы, прошедшіе свою *науку* въ 50—60 годахъ, когда на искусство ихъ былъ еще нѣкоторый спросъ, и поющіе по двѣ, по три историческихъ пѣсни

общаго характера. Но кобзарей стараго типа, хранящихъ въ памяти большой запасъ думъ и пѣсень, помнящихъ еще то время, когда къ этимъ пѣснямъ прислушивалась народная толпа, на всей Украйнѣ, дѣйствительно, найдется теперь не болѣе двухъ-трехъ, да и тѣ одной ногой стоятъ въ могилѣ. Бандуристъ, именемъ котораго озаглавлена эта замѣтка, одинъ изъ этихъ послѣднихъ могиканъ. Живетъ онъ въ Лохвицѣ, полтавской губерніи, гдѣ я и записалъ отъ него печатаемые нынѣ варіанты думъ.

Первые собиратели произведеній народной поэзіи не оставили намъ никакихъ замѣтокъ о личностяхъ почтенныхъ слѣпыхъ пѣвцовъ, память которыхъ сохранила эту народную святыню. Произошло-ли это отъ того, что въ то время, въ первую четверть нашего вѣка, кобзари были еще явленіемъ общимъ, не обращавшимъ на себя вниманія своею рѣдкостью, или отъ полнаго отсутствія въ то время уваженія къ личности въ людяхъ изъ народа, но ни князь Цертелевъ, ни гг. Срезневскій, Лукашевичъ и Максимовичъ ни словомъ не упоминаютъ о кобзаряхъ, отъ которыхъ заимствовали матеріалъ для своихъ сборниковъ. Впервые кобзари названы въ „Южно-русскихъ пѣсняхъ“ Метлинскаго, вышедшихъ въ 1854 году. Три года спустя П. А. Кулишъ, въ своихъ „Запискахъ о южной Руси“, этой книгѣ, которой нѣтъ равной въ литературѣ малорусской этнографіи, далъ нѣсколько характеристикъ знакомыхъ ему кобзарей, набросанныхъ съ обычнымъ этому писателю живымъ талантомъ. Такимъ образомъ нѣкоторая извѣстность досталась только рапсодамъ позднѣйшаго времени, дольше протянувшимъ нить народнаго историко-поэтическаго преданія и какъ-бы въ награду за то. Наибольшая доля вниманія выпала въ этомъ отношеніи Остапу Вересаю, скромное имя котораго проникло даже на чопорныя страницы „Revue des deux mondes“. Къ маленькой серіи кобзарскихъ біографій должно примкнуть и это сообщеніе о лохвицкомъ бардѣ [1]).

[1]) Къ списку кобзарей, помѣщенному въ статьѣ „Остапъ Вересай, его пѣсни и думы“ („Кіевская Старина“, 1882 г. № 8), составленному главнымъ образомъ по замѣткѣ г. Бѣлозерскаго (въ сборникѣ Метлинскаго), надо прибавить еще имена: лирника Дмитра Погорилого, изъ Звенигородки, кіевск. губ., Ѳедора Кононенка, изъ с. Александровки, лубенскаго уѣзда, полт. губ. и Александра Михайлюка, изъ того-же уѣзда. Думы отъ нихъ записывалъ Кулишъ. Упомянемъ, кстати, что въ изданіи Л. Жемчужникова „Живописная Украйна“ (1861—62 г.) помѣщено нѣсколько портретовъ кобзарей, нарисованныхъ издателемъ и Кулишемъ. Таковы портреты Андрея Шута, Архипа Никоненка, Дмитра Погорилого и Вересая, лѣтъ 25 назадъ.

Лѣтъ шестьдесятъ назадъ, при въѣздѣ въ печальную и нынѣ, а тогда совершенно захолустную Лохвицу, стояла панская усадьба—обиталище мелкопомѣстныхъ дворянъ Крюковскихъ. Земля ихъ была при городѣ; тутъ-же, близъ исчезнувшей нынѣ усадьбы, при томъ-же „городѣ", стояли панскія хозяйственныя постройки, а въ убогихъ хаткахъ, размѣщалось десятка два крѣпостныхъ крестьянъ. Въ 1820 году, на зимняго Миколу, у пана родился сынъ, а три недѣли спустя, тоже сынъ родился у одного изъ его подданныхъ—Григорія Кравченка. Когда мальчику исполнилось три года, его взяли въ комнаты, къ паничу. Пока Иванъ былъ маленькій, назначеніе его было—играться съ паничемъ, когда-же онъ немного подросъ и окрѣпъ и отъ него можно было получить болѣе серьезныя услуги, обязанности его перемѣнились и онъ превратился въ лакея-попыхача. Такъ, въ „комнатахъ", прожилъ онъ до 15-ти лѣтъ. Въ это время у него стали болѣть глаза и болѣли три года. Наконецъ зрѣніе совсѣмъ стало измѣнять ему и онъ долженъ былъ убѣдиться, что слѣпнетъ. Паничъ не вѣрилъ этому и, по разсказу кобзаря, „все було шуткуе: скаже менi—туди иди, або туди,—а я пiйду та-й впаду. Звiсно—паны тодi знущались надъ людьми!—А пiсля того панъ старый уже бачить, що я слiпый, та й одпустивъ мене". Ни хаты, ни поля онъ ему не далъ.

— Ты слiпый, сказалъ ему панъ, на що тобi хата? Ты у людей де нѣбудь проживешъ.

Въ то время отецъ Ивана уже умеръ, жива была одна мать. Она то и вздумала отдать сына въ ученье къ кобзарю. Въ село Гапоновку (лохвицкаго уѣзда), незадолго передъ тѣмъ, явился кончившій свою *науку* слѣпецъ Кравченко (однофамилецъ нашего бандуриста). Къ нему-то и отправила мать Ивана на обычные три года, сказавъ: „иди, сыну, може ты у ёго чогось научишся"!

Кравченко былъ старше Ивана и учился въ зѣньковскомъ уѣздѣ у стараго кобзаря Хмельницкаго. Онъ умеръ года три назадъ въ с. Венславовкѣ, близъ Гадяча, куда потомъ переселился. Онъ не былъ, впрочемъ, единственнымъ учителемъ Ивана. Странствованія по ярмаркамъ сближали его и съ другими кобзарями, отъ которыхъ онъ, при хорошей памяти, перенималъ пѣсни и думы. Особенно памятенъ ему старый Гаврило Волкъ, жившій гдѣ-то въ зеньковскомъ уѣздѣ. Ему было лѣтъ 90. „Вiнъ такий бувъ, що и

кобзу свою вже покинувъ,—не здужавъ грать. Такъ, словесно було розсказуе. Я ёму за кажду пісню дававъ четвертакъ. У почі оце, було, яхъ посходимось,—вінъ мені разивъ три, чи чотири прокаже, то у мене памьять була дò-обра, то я й затверж̀у. То и вінъ каже бувало,—царство Боже!" „Эге, сыну, не те вже теперъ! Не такихъ співають! Багато и я позубувавъ. А колись чувъ доброго, хороше знавъ!"...

Время шло. Спросъ на думы и пѣсни все болѣе и болѣе уменьшался въ народѣ и нашъ кобзарь повѣсилъ на гвоздь бандуру и почти исключительно занялся витьемъ веревокъ и дѣланьемъ возжей, обычнымъ ремесломъ малороссійскихъ нищихъ-слѣпцовъ.

Надо было устроить какъ нибудь жизнь. Пашъ не далъ ничего, кромѣ своего имени: по странной иронiи судьбы кобзарь нашъ является теперь носителемъ и продолжателемъ исчезнувшей фамилiи Крюковскихъ. Такъ назвали его съ самаго начала его скитальческой жизни; подъ этимъ именемъ знаютъ его всѣ и теперь. Въ 27 лѣтъ Иванъ женился. Бракъ этотъ далеко не былъ безплоднымъ: число дѣтей кобзаря достигло, съ лѣтами, числа сыновей Iакова. Изъ этой огромной семьи въ живыхъ осталось только три сына. Жива и жена, еще далеко не старая женщина (она моложе своего мужа на 11 лѣтъ). Вмѣстѣ сколачивали они деньги и два раза было построились, одинъ разъ въ м. Сенчѣ, другой—въ Лохвицѣ, но два раза погорѣли. Послѣ того, лѣтъ двѣнадцать, семья жила въ чужой хатѣ. Въ это время жена и старшій сынъ, поднявшійся уже на ноги, въ теченiи трехъ лѣтъ, ходили на Донъ, на заработки. Жена приносила рублей по 45 (она жала, вязала и проч.), сынъ рублей по 80 (онъ косилъ). Такимъ образомъ они сколотились на грунтъ и на хату. То и другое куплено въ пригородѣ Лохвицы-Прилипкѣ, гдѣ и живетъ теперь Крюковскiй.

Быть можетъ кому нибудь будетъ страннымъ представить себѣ кобзаря въ городской обстановкѣ. Бывшiе въ Лохвицѣ поддержатъ меня, а не бывшiе повѣрятъ на слово тому, какъ мало городского въ этомъ „городѣ". Что-же касается предмѣстья Прилипки, гдѣ стоитъ хата Крюковскаго, то это совершенная деревня. Соломенныя крыши, плетневые заборы, сады и огороды, съ торчащими кое-гдѣ огромными ольхами и липами, клуни, окруженныя скирдами, собаки въ дворахъ и свиньи на улицахъ—все здѣсь, какъ слѣдуетъ быть

въ селѣ. Даже эта строгая деревенская тишина, подъ которой чуется трудовой недосугъ, насущная работа, то очевидное прямое дѣло земледѣльческаго труда, которое наполняетъ все деревенское время, всю деревенскую жизнь и такъ выгодно отличаетъ ее отъ ничѣмъ не наполненнаго, пустого и унылаго прозябанья маленькихъ городковъ.

Колеся по полтавской губерніи и услышавъ о Крюковскомъ, я завернулъ въ Лохвицу и безъ труда нашелъ его хату, а въ ней и самаго хозяина, старика за 60 лѣтъ, средняго роста, сѣдого, съ волосами чубомъ, въ усахъ и съ двухнедѣльной бородой. Лицо его, съ довольно правильными чертами, грубовато, но смягчается оттѣнкомъ добродушія. Мы скоро познакомились и перешли къ интересовавшему меня предмету. Крюковскій охотно диктовалъ мнѣ думы, псальмы и пѣсни и не разъ сѣтовалъ на то, что многое перезабылъ изъ всего этого. „Я іхъ знавъ всіхъ пісень 70, такъ що-жъ?— Рідко приходится співать. Хоть-би кожного году по разу всі проспівавъ, то й то-бъ помнивъ, а то рідко-рідко коли проспіваешъ. На ярмарки я тількі за-молоду ходивъ, а вписля покинувъ. То ти, що зъ лирою,—то вінъ сяде середъ ярмарку та грае, та голосить, то люде его и слухають; а то співай дві чи три,—а тобі достанется ота копійка або дві! Люде старихъ пісéнь и не слухають. Ще прежде старики колись звали співать імъ, а теперъ молоді все позабували; ему співай про старовину, а вінъ не знае, що воно таке и е. Теперъ я такъ, для себе граю, та отъ коли хто зъ панівъ покличе, то граю імъ".

Говорили о кобзаряхъ. Припоминали нѣкоторыхъ изъ нихъ. Кобзари знаютъ другъ друга и распросы у нихъ лучшій способъ сдѣлать новыя находки въ этой области, еслибъ такія находки были еще возможны. Крюковскій зналъ Андрея Шута, вечірского (пирятинскаго уѣзда) Антона (ломéръ торікъ!), Трихона, зъ Великихъ Бубнівъ (ромепскаго уѣзда, умеръ два года назадъ), Потапа, въ с. Новой Греблѣ, лохвицкаго уѣзда, Алексѣева изъ Крячковки (пирятинскаго уѣзда), Архипа Никоненка („той далеко живъ, такъ мы рідко стрічались"). Всѣ они поумирали. Знаетъ Вересая, но видѣлся съ нимъ лѣтъ двадцать назадъ.

Самъ онъ *зіньковской науки* и, какъ сказано, главный свой пѣсенный фондъ перенялъ отъ Кравченка, учившагося у Хмель-

ницкаго, въ Зеньковѣ. Хмельницкій умеръ раньше Вовка и съ этимъ учителемъ своего *майстра* онъ не встрѣчался никогда. У самаго Крюковскаго есть ученики, но историческихъ пѣсень онъ пѣть ихъ не учитъ, во первыхъ потому что на это пѣтъ теперь никакого спроса, во вторыхъ потому что это трудно: „Иншому разъ двадцять прокажи—нічого не тямить!“ Также трудно и научить играть на бандурѣ. Одного ученика онъ играть научилъ. То былъ сиротка, плохого здоровья, слѣпой и горбатый и жилъ у нихъ. Теперь онъ ушелъ.

Для меня былъ вынесенъ изъ коморы „струментъ“, хотя я и не затруднялъ старика пѣніемъ всѣхъ думъ и прослушалъ съ бандурой только тѣ, которыя онъ самъ захотѣлъ пѣть. Голосъ у Ивана довольно свѣжъ. Думы поетъ онъ быстрыми речитативами съ протяжными окончаніями при перемѣнѣ мелодіи. Довольно гармонично звучатъ также нѣсколько исполняемыхъ имъ на одной кобзѣ, безъ пѣнія, пьесъ.

Матеріальное положеніе Крюковскаго плохо. Изъ большой семьи, рабочихъ рукъ, этого обычнаго источника крестьянскаго благосостоянія, въ живыхъ осталось только три сына. Младшему всего лѣтъ шесть, средній еще въ ученьи у кузнеца и только старшій, парубокъ, помогаетъ отцу въ его ремеслѣ,—выдѣлкѣ издѣлій изъ конопли, которыя они возятъ продавать на ярмарки и дѣлаютъ, по заказу, на мѣстѣ.

Всѣ девять думъ, записанныя мною отъ Крюковскаго, извѣстны печатно. Тѣмъ не менѣе эти, послѣдніе, можетъ быть, по записи, варіанты не лишены значенія. Сохранились они въ памяти кобзаря довольно полно всѣ, кромѣ думы о Самойлѣ Кошкѣ, изъ которой онъ могъ, по его выраженію, припомнить „хиба десяте слово“. Помѣщеніе и этого послѣдняго варіанта объясняется тѣмъ, что настоящій клочокъ варіанта есть первый, встрѣчающійся собирателямъ пѣсень послѣ того, какъ превосходная дума эта записана была въ 30-хъ годахъ Лукашевичемъ. Сравненіе остальныхъ думъ съ извѣстными прежде текстами обнаружило также отличія. Я не стану, однакожъ, удлинять безъ надобности размѣры статьи сравненіемъ этихъ варіантовъ съ прежними строка за строкой, указаніемъ что въ нихъ есть и перечисленіемъ чего нѣтъ, по примѣру русскаго композитора, печатавшаго нѣкогда списокъ произведеній, которыхъ

онъ *не пишетъ*. При наличности девяти думъ это потребовало-бы чуть-ли не цѣлой книги. Спеціалисты сдѣлаютъ сравненіе сами; для нихъ нуженъ самый текстъ, который я и передаю въ томъ порядкѣ, въ какомъ самъ записалъ ихъ, начиная, по примѣру Крюковскаго, съ излюбленной думы бандуристовъ.

Олексій Поповичъ.

У святую неділеньку, рано—пораненько,
На Чорному морі, та на камені біленькому,
Сидівъ сокілъ ясненькій, жалібненько квилитъ—приквиляе,
Свою головку низенько склоняе,
А на Чорне море спильна поглядае,
Що на Чорному морі усе не добре починае:
Береть судно козацьке—молодецкее на три части розбиває;
Одну часть узяло у орабську землю занесло,
А другу часть ухватило у Дунайске гирло забило,
А третя часть—де ся мае?—
Посередъ Чорного моря на бистрій хвилі потопае...
А при той части бувъ гетьманъ Кошовий,—
Грицько Збурівскій.
То вінъ на чердакъ изхожае,
Гірко плаче, та рыдае
Словами промовляе:
—„Ой, вы, сотники и полковники и козаки рядовиі!
Сповідайтеся, братця, и къ Чорному морю,
И напередъ Богу милосердному и отоману Кошовому:
Который на собі найбільше гріхівъ мае!“
То всі сотники, усі полковники замовчали,
Тільки озывается Олексій Поповичъ Пирятинській, писаръ військовий и козакъ лейстровий,
То вінъ на чердакъ изхожае, словами промовляе:
—„Ой, вы сотники, вы и полковники и козаки рядовні,
То добре вы собі учиніте, возьміть мене, чорною китайкою очи завьяжите,
Та білий камінь до шиі причепите,
Та візьміть мене самого на Чорне море пустите.
Нехай я буду на Чорному морі своею головою дарувати,
Ажъ не товарыства сердешного невинноі душі терятн!...

Я то, каже, братця, зъ города Пирятина виїжавъ,
Изъ отцемъ, изъ матірью прощенія не ймавъ,
На свого доброго коня сідавъ,
Свого отця и матіръ въ груди поторкавъ,
И близкихъ сусідівъ зъ хліба и соли збавлявъ,
Свого старшого брата за брата не мавъ,
Добрымъ конемъ по улиці пробігавъ,
И чужихъ дітокъ ростурчавъ,
И кровь христіянську на сыру землю проливавъ;
А мимо церковъ іхавъ, мимо святого Миколи,—
Шличка не скидавъ,
На собі хреста не покладавъ;
А лишъ-бы то я на свого доброго коня поглядавъ,
Та на свое здоровье козацьке-молодецьке уповавъ.
Коли-бъ то мені Богъ помігъ у добромъ здоровьи у сіеі потребі сходити,
То могъ-бы я отцеву й материну молитву рано й пізно споминати!„
То якъ ставъ Олексій Поповичъ свої гріхи милосердному Богу и Чорному морю и отаману Кошовому по правді повідати,
То стало Чорне море унімати.
То такъ воно унімало,
Якъ-бы віколи и не грало!
Ставъ изъ Днінра тихий вітеръ повивати,
—Стало судно козацьке-молодецьке до буйної Приспи прибувати.
То одну часть взяло—зъ орябської землі вынесло,
А другую часть исхватило—изъ Дунайського горла вырвало,
Та до буйної Приспи прибило...
То всі козаки на сыру землю зхожали,
Къ сырій землі низкі поклоны ударяли;
А Олексій Поповичъ Пирятинській на сыру землю схожае,—
Береть у руки святое письмо читае,
До сотниківъ, до полковниківъ словами промовляе:
—„Ой-же козаки, паны всі молодці,
Отъ тимъ-то, каже, братця, годится отцева й материна молитва!
Хто отцеву и материну молитву споминае,
То отцева и материна молитва и помощь спомагае,
Изо-дна моря душу выймае,
И одъ гріхівъ одъ смертельныхъ искупляе!“...
То всі сотники и полковники тее зачували,
До Лексія Поповича словомъ промовляли:
—„Одъ-же, Олексію Поповичу, хотя ты береш въ руки святе письмо, читаешъ,

А лишъ-бы то ты більше гріхівъ на собі маешъ?!"...
Та тоді воны на сирій землі проживали,
Молебні наймали,
Отцеву й материну молитву споминали,
Сами поміжду собою дивомъ дивували:
—„Шо на якій-то бистрій филі на Чорнімъ морі мы пробували,
На серединн потопали,
Та не одного козака не втеряли!
Шо насъ Господь милосердный вынісъ
На край веселый,
Между миръ хрещеный!"...

—

Дай, Боже, миру царському,
Народу христіянському,
На многі літа,
До конця віка!

Варіантовъ этой думы извѣстно болѣе десяти [1]). Въ четырехъ изъ нихъ героемъ является Олексій Поповичъ пирятинскій, какъ и въ нашемъ спискѣ; въ остальныхъ—передъ смертью, въ виду неминуемой гибели, каются другъ другу въ грѣхахъ два утопающіе брата. Мораль всѣхъ варіантовъ—одна и таже. Это—святость сыновней любви, сыновняго долга, честной жизни и чудодѣйственная сила родительской молитвы.

Въ прекрасно сохранившемся въ памяти нашего кобзаря, варіантѣ этой думы, описываемый козацкій набѣгъ на турецкіе берега представленъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ прежнихъ варіантахъ. Тутъ, подъ начальствомъ гетмана Грицька Збурівского (Самуила Зборовскаго), находятся полковники и сотники и вообще цѣлая козацкая флотилія, что не противорѣчитъ и историческимъ свидѣтельствамъ. Впрочемъ, какова-бы ни была достовѣрность историческихъ подробностей этой прелестной думы, по своимъ высокимъ художественнымъ достоинствамъ, она должна быть отнесена къ самымъ замѣчательнымъ образцамъ малорусской народной поэзіи. Признаніе въ своихъ грѣхахъ ради спасенія ближнихъ, беззавѣтная жажда душевнаго очищенія, открытая исповѣдь предъ Богомъ, людьми и природой въ нарушеніи святѣйшихъ завѣтовъ честной

[1]) См. „Историческія пѣсни малорусскаго народа" часть I стр. 176.

жизни честныхъ предковъ и, какъ отвѣтъ на укрощеніе этой душевной бури, наступившій миръ и успокоеніе природы—все это счастливѣйшіе мотивы, какіе могутъ встрѣчаться въ поэзіи. Поразительно сильна, при всей сжатости, описательная, картинная часть думы. Любопытнымъ образчикомъ поэтическаго единоборства являются варіаціи Шевченка на первыя строки „Олексія Поповича“ [1]). По этому граціозному перепѣву, можно убѣдиться, сколько въ произведеніяхъ народной музы кроется живой и свѣжей силы для творческаго вдохновенія поэтовъ.

Слѣдующая дума Крюковскаго „Відчимъ“ встрѣчается въ сборникахъ князя Цертелева и Максимовича („Отъѣздъ козака изъ родины“, „Отъѣздъ козака изъ дому“) и входитъ также въ репертуаръ Вересая. Какъ въ нашемъ варіантѣ, такъ и въ другихъ, приставка объ отчимѣ, по всей вѣроятности, есть позднѣйшее прибавленіе, сдѣланное кобзарями, съ цѣлью сдѣлать думу сочувственною большему числу слушателей, послѣ того какъ основной ея мотивъ,—прощанье козака съ семьей предъ отъѣздомъ въ походъ, съ перемѣной строя жизни, сталъ мотивомъ чуждымъ. Первыя девять строкъ думы какъ-бы оторваны отъ остального и между ними и послѣдующимъ не чувствуется органической связи. Тоже самое еще рельефнѣе выступаетъ въ варіантѣ Максимовича („Украинск. народн. пѣсни“ 1834 г.) который почему-то замѣчаетъ даже отъ себя, что „сія небольшая дума персложена изъ пѣсни „Гомонъ, гомонъ по дубровѣ“. На самомъ дѣлѣ у этой думы съ помянутой пѣсней общаго не много.

Відчимъ.

Що у святую неділеньку,
Барзо рано поранєнько,
Мати рідненька
Слізами проливає,
До свого сына словами промовляє:
—„Иди ты, сыну, міжъ чужиі люде,

---

[1]) Въ прозаической повѣсти „Матросъ“. Отрывокъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ напечатанъ, въ числѣ другихъ, въ газетѣ „Трудъ“ 1881 г. декабря 12.

Чи не лучше тобі буде!
Нехай тебе вторяй отець не лає, не проклинає,
Щастя й долі козацькоі твоеі не теряє!“...
Старша сестра коня выводила,
А середужча сестра зброю выносила,
А найменьша сестра хустину выносила,
Та горко плакала и рыдала
И словами промовляла:
— „Відкіля-ж тебе, братіку, въ гості выглядати:
Чи зъ буйного вітру,
Чи зъ широкого степу,
Чи зъ славнаго війска Запорожья?“
То братъ тее зачуває,
До сестры словами промовляе:
— „Возьми ты, сестра рідненька, та жовтого піску жменю,
Та посій по білому каміню.
То якъ буде жовтий пісокъ на білому каміню схожати,
Хрещатимъ зеленимъ барвінкомъ білий камінь устилати,
То тоді будешъ мене, сестра, въ гості обжидати!“
То сестра тее зачуває,
Горко плаче та рыдає,
Дрібними слізами проливає:
„Я, каже, братіку, одъ старыхъ людей сёго не чувала,
Шобъ жовтий пісокъ на білому каміні схожавъ,
Хрещатимъ барвінкомъ зеленымъ устилавъ.
То не буде хрещатимъ барвінкомъ білий камінь устилати,
То, набуть, не буду я тебе, братіку рідненькій, голубоньку сивенькій, більше
въ світі видати!“...
Выслухай Господи,
У просьбахъ, у нещетныхъ молитвахъ!...
Дай Боже міру царському,
Народу христіянському,
На многі літа,
До конця віка!

Это прощанье съ сестрами и въ особенности образъ тоскующей младшей сестры одинъ изъ любимыхъ образовъ не только малорусской, но и всей народной славянской поэзіи. Мотивъ этой, популярной нѣкогда, думы перешелъ цѣликомъ въ народныя пѣсни. Въ прилуцкомъ уѣздѣ полтавской губерніи я записалъ пѣсню почти

буквально перефразирующую „Отчима“. Привожу ее здѣсь, какъ любопытный образчикъ—одинъ изъ многихъ—переработки формъ въ народной поэзіи:

У неділю рано
Батько сына лае,
Горко проклинае:
—„Иди, сыну, прічъ одъ мене,
Черезъ тебе що дня змага у мене!“...
Що старша сестра коня веде,
Підстарша сестра сідло несе,
Сама меньша—платокъ дае,
Платокъ дае, та й питае:
—„Ой ты, брате нашъ,
Ты одинъ у насъ,
Покидаешъ насъ, ой коли-жъ ты прибудешъ
У гості до насъ?“
—„Пійди, сестро, по-надъ моремъ,
Візьми піску жменю,
Та посій по каміню;
Та уставай ранесенько,
Поливай пісокъ частесенько,
Коли жовтий пісокъ по каміню зійде,
Тоді вашъ братъ изъ походу прийде!“...
Нема піску, нема сходу,
Нема брата изъ походу!...

Дума „Соколій“ принадлежитъ къ циклу „невольницкихъ“. До сихъ поръ она записана была только отъ Верссая. Имя Ивана Богословця, упоминаемое въ ней, есть вѣроятно искаженіе Ивана *Богуславця*. Послѣднее встрѣчается въ одной исторической пѣснѣ [1]) и въ „Исторіи руссовъ“—Конисскаго. По свидѣтельству помянутой пѣсни, это былъ ренегатъ, принявшій „бусурманскую вѣру“ и вступившій въ бракъ съ турчанкою, женою „Кізлевського“ паши (изъ г. Козлова). Въ качествѣ ренегата, онъ могъ отличаться въ неистовствахъ надъ своими плѣнными соотчичами и дума, въ этомъ случаѣ, не дѣлаетъ ошибки противъ психологическаго опыта. Вся она сложена въ формѣ поэтическаго иносказанія и тонъ этотъ вы-

[1]) См. „Историч. пѣсни малорусск. народа“ т. I, стр. 241.

держанъ вплоть до освобожденія „бездільного, безрідного ясного соколяти“ отцемъ изъ пышной цареградской неволи.

Думу эту Крюковскій перенялъ отъ кобзаря Клима Губы, учившагося въ прилуцкомъ уѣздѣ.—„Такъ собі кобзаришка бувъ, вспоминалъ онъ о немъ, „вінъ молодымъ и умéръ. Самъ вінъ срібряньскій бувъ (изъ м. Сребного, прилуцк. уѣзда), такъ тутъ у насъ у Жабкахъ приставъ до жінки; такъ года чотири, чи що, поживъ, та й умéръ!“

Присутствіе одинаковыхъ думъ въ репертуарѣ Вересая и Крюковскаго и вообще кобзарей сосѣднихъ мѣстностей объясняется легко тѣмъ, что думы перенимались у учителей и товарищей большею частью ближайшихъ по мѣсту жительства и такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, когда репертуаръ кобзарей переставалъ обновляться, удерживались, по преданію, *по районамъ*.

Пропѣвши думу, Крюковскій говорилъ: „Це, бачте, такъ у пліпъ, у неволю брали“ и, переходя къ собственнымъ, наболѣвшимъ воспоминаніямъ, продолжалъ сравненіемъ: „Якъ, мовлявъ, були панські люде, то візьметь до себе, та мучить, мучить того бідолашнёго чоловіка,—отъ якъ и менс... То воно такъ и зложено. Отъ про христіяньску землю такъ и нема, щобъ измучили підъ конецъ жизни чоловіка,—а все невіра! Тоді воно було такъ,—и теперъ те-жъ саме!“...

Изъ послѣднихъ словъ ясно, что недавніе разсказы о болгарскихъ звѣрствахъ проникли и въ убогую кобзарскую хату.

Соколи.

Вилинули соколи зъ чужої стороны,
И сіли—упали у лісі, на превольдобному древі орісі;
Звили собі гніздо щерлатне,
А знесли яйце жемчужне,
И вывели собі дитя, бездільне—безрідне ясне соколя.
То якъ полетівъ старый сокілъ
На чужу Украіну живности доставати,
Та живности не доставъ, а свое бездільне та безрідне ясне соколя утерявъ...

Шли стрільці—Булахівці,
Щерлатне гніздо усмотріли,
Та оріхъ—дерево зрубали,
Та бездільне—безрідне ясне соколя забрали.
То старый сокілъ на свою Украіну прилітае,
Та свого дитяти, бездільного—безрідного ясного соколяти, на місті не заставае.
То вінъ то жалібненько квилить—проквиляе,
Сизокрилого орла у вічі забачае,
Та словами до ёго промовляе,
Горко плаче, дрібними слізами проливае:
—„Чи ты, сизокрилий орле, не чувъ, чи не бачивъ,
Де мое бездільне та безрідне дитя, ясне соколя, поділося?“
То сизокрилий орелъ тее зачуває,
До ясного сокола словами промовляе:
—„Ой, соколе ясний! Шли стрільці—Булахівці,
Та щерлатне гніздо твое усмотріли,
Оріхъ—дерево зрубали,
Та твое безрідне—бездітне ясне соколя забрали,
Та сребраные пута на ноги надівали,
Жемчугомъ очі ёму закрывали,
Та у Царіградъ-городъ, Івану-Богославцю, на утіху продавали.
То якъ-бы ты, ясний соколе старый, полетівъ на Царіградъ-городъ,
То буде Иванъ-Богославець у Царіграді-городі гуляти,
Твое дитя, ясне соколя, на рукахъ держати,
Самъ себе буде втішати;
То нехай воно въ Ивана-Богословця на рукахъ не такъ безпешно просвіщае,
Головку низенько свою склоняе,
Будто якъ нездорове бувае.
То вінъ будеть, Иванъ-Богославець, великую радість мати,
До своіхъ слугъ словами промовляти:
—„Отъ уже, довжно буть, що бездільне та безрідне дитя, ясне соколя, здорове не бувае!
Ой вы слуги мои вірніі! Вы добру безпешность собі майте,
Сребранні пута зъ ясного соколяти зъ ногъ здіймайте,
И жемчугъ изъ очей искидайте,
Та на высокій валъ ёго выношайте;
Чи не буде тихій вітеръ на ёго повивати,
Чи не буде воно на свое здоровья змагати?“
То слуги тее зачували,

Сребраное путо зъ нігъ здіймали,
И жемчугъ зъ очей скидали
На высокій валъ ясне соколя выношали,
Изъ рукъ ёго на сыру землю пускали.
То ясній сокілъ велике милосердіе мае,
Та на сыру землю сідае,
Та свое дитя, бездільне та безрідне ясне соколя, на крыла хватае,
Та підъ высоку высоту залітае,
Жалібненько квилить—проквиляе,
Та Царіградъ-городъ заклинае:
—„Ой-же хотя ты, Царіградъ-городъ, дорогими вещами украшеный,
И въ тобі сребра и злата много пробуваe,
Ну чоловікові одрадости ніякому немае!“...
Одъ Цариграда-города ясній сокілъ одлітае,
Та до своего дитяти словами промовляе:
—„Чи лучше, каже, бездільне—безрідне ясне соколя, у чистому полі безпешно гуляти,
Ніжъ у Цариграді-городі у Ивана-Богословця на рукахъ проживати“...
Дай, Боже, мирові царському,
Народу христіянському,
На многіе літа,
До конця віка!

Печатаемые далѣе три думы: „Про сестру и брата“, „Про вдову та сынівъ“ и „Озовські браты“—принадлежатъ къ произведеніямъ болѣе общаго характера, почему и задержались долѣе въ памяти кобзарей, какъ доказываютъ многочисленные списки ихъ, существующіе въ сборникахъ. Воспѣвающія не дѣятельность забытыхъ историческихъ лицъ и не описывающія изгладившіяся изъ памяти народа событія, своимъ обще-житейскимъ содержаніемъ, думы эти были ближе слушателямъ недавняго времени и современнымъ. И теперь еще попадаются изрѣдка молодые нищіе—слѣпцы, которые, сверхъ своего обычнаго ярмарочнаго репертуара, поютъ ту или другую изъ этихъ думъ. Для тѣхъ, кто странствуетъ еще по малорусскимъ захолустьямъ, укажемъ въ полтавской губерніи молодыхъ кобзарей Ивана и Афанасія въ м. Хомутцѣ, миргородскаго уѣзда, кобзаря въ м. Комышнѣ, того-же уѣзда и лирника въ м. Сенчѣ, близъ Лохвицы. Дума объ азовскихъ братьяхъ должна быть отнесена къ XVI вѣку и описываетъ побѣгъ изъ турецкой неволи:

но преобладающій въ ней моральный элементъ помогъ сохраниться этому благородному образцу малорусскаго эпоса до нашихъ дней.

Про сестру и брата.

У святу неділю, барзо рано пораненько,
Не сива зозуля закувала,
Не дрібна птиця въ бору защебетала,
Якъ сестра до брата, изъ чужої сторони,
У далекі города листи писала,
Та братіка рідненького, голубонька сивенького, у гости прохала та благала:
—„Братіку мій рідненькій, голубоньку сивенькій,
Прошу я тебе: прибудь ты до мене,
И созвідай мене на чужій чужині,
При бідній, нещасній моій злій хуртовині!
Шо я, братіку, на чужій чужині проживаю,
Усякий день дрібними слізами проливаю“...
То братъ тее зачувае,
Назадъ листи одсылае,
Та до своій сестры рідненької словами промовляе:
—„Радъ-бы я, сестро, къ тобі прибути,
Тебе созвідати,
Такъ не могу за быстрыми водами
И за широкими степами,
За дальніми, далекими сторонами,
За темними високими лугами![1])“
—„То хотя то ты, мій братику рідненькій,
Голубоньку сивенькій,
Черезъ быстрині воды білимъ лебедонькомъ переплыви,
А черезъ широки степи малымъ, невеличкимъ перепелонькомъ перебіжи,
Черезъ дальніе-далекі стороны,
Черезъ темни-високи луги,
Яснимъ соколомъ передини,
А на мое подвіръя сизокрылимъ голубомъ упади,
Та жалібненько заквили, та мое серце звесели!“...

---

[1]) На вопросъ: „Якъ-же це—високий лугъ?“—кобзарь отвѣчалъ:—„Стало быть то птиці—не високий, а чоловікові, якъ далекій,—то темний и високий; добиться якъ его?“

Шо вже-жъ то, каже, братіку, идеть праздникъ, Христово пресветле Воскресеніе,

Людямъ радость—а мені смутость...

Шо люде на праздникъ до Божого дому идуть,

Якъ бджола гудуть,

А зъ Божого дому виступають,

Якъ маковимъ білимъ цвітомъ процвітають;

Пола изъ полою схожае,

Братъ изъ сестрою плече о плече черкае,

На хлібъ на сіль завертае,

А на мене, бездільню та бездрідну, братіку, никто не погляне,

Мовъ-бн то насъ никто и родомъ не знае!

Якъ мы въ свого отця и матери проживали,

Якъ у насъ то пили та гуляли,

Не світъ я не зоря на-добридень давали,

На хлібъ на сіль зазивали;

А якъ пришибла лиха-нещасна хуртовина,

То тоді одрекшся усі кумы побратими,

И вся своя названа рідная родина.

Трудно, братику, рибі безъ воды пробувати,

Птиці и звіру безъ ліса у чистімъ полі гуляти,

А ище трудніше, тяжче й важче бездільному та безрідному чоловікові на чужій Украіні проживати!..

Про вдову та сынивъ.

Ой у святую неділеньку рано—пораненько,

То не сосна въ бору зашуміла,

Якъ бідна вдова, стяра жена,

Изъ сынами въ своій домівці гомоніла:

—„Ой, сыны-жъ вы моі, дітн молодіі!

Якъ я васъ изъ-малу до зросту годувала,

Пучками и ручками хліба и солі заробляла,—

А теперъ—чого я одъ васъ дождала?“...

Стали вдовиченки підростати,—

Стали молоде собі подружжя занімати,

Стали свою матусю рідненьку,

Вдову стареньку,

Изъ своего двора изгоняти.

То у святу неділеньку рано пораненько
Бідна вдова, стара жена, изъ двора выходила,
За дрібними слізами Божого світу не виділа...
Умылася дрібними слізами,
А вдарятся о поли білими рученьками,
Плаче горко, бідна вдова, дрібними слізами!
То близкі сусіди тее зачували,
До вдови словами промовляли:
—„Ой, удово, старенькая жоно!—
Не плачъ, не журися!
Иди ты у мій двіръ проживати,
Будешъ ты у мене хатку промітати,
Будешъ ты мені дітокъ маленькихъ доглядати,
Буду я тебе за матіръ рідненьку, вдову стареньку, поважати!“
То бідна вдова, старая жена, на чужому дворі двападцять літъ прожила,
То всякій день дрібними слёзами проливала.
То вона усякій день дрібними слёзами проливае,
А сыпамъ усімъ трёмъ, вдовиченкамъ, на своімъ дворі прожитку не мае.
Стали люди зъ довиченківъ насміхатись,
Ставъ ихъ Господь милосердный невинно карати.
—„Шо то, изможить старший братъ середульшему, а середульший—меньшому,
Ой шо то мы, браття, не добре учинили,
Шо мы свою матусю рідненьку, вдову стареньку, прогнівили, изъ двора зогнали!
Добре мы, братця, учінімо,
Та ходімъ удову стареньку, свою матіръ рідненьку, у свій домъ призовімо.
Якъ буде у насъ матіръ рідненька, вдова старенька, проживати,
Чи не буде насъ такъ Богъ милосердный карати?“
Та у святу неділеньку, рано пораненько,
Не сизи орли заклектали,—
Якъ три удовиченка на чужій двіръ прибували,
До своеі матусі рідненькоі и вдови старенькоі низенько до ніг упали,
Та въ свій домъ прохали ii и благали:
—„Ой иди-жъ ты, мати, на свій двіръ проживати,
Будемъ мы свої жони молодиі испинити,
Будемъ дітокъ маленькихъ научати,
То не будуть тебе, при старості літъ, чужі діти у плечі торкати,
Будешъ ты у своімъ кутатстві хліба й соли вживати!“

А вдова тое, стара жена, зачувае,
Горко плаче та ридае,
Дрібними слёзами проливае
И до своіхъ сынівъ словами промовляе:
—„Ой, сыны моі діти молодіі,
Що теперешнёго часу который чоловікъ отцеву й материну молитву рано й пізно споминае,
То отцева и материна молитва на помощъ спомогае,
Чумакові—въ чумацстві и богатому—въ богатстві
То отцева и материна молитва на всякий часъ помогае!“
Дай, Боже!...
и проч.

Про озовськихъ братівъ.

То не сині тумани вставали,
Не дрібні дощі накрапали
И не чорні хмари наступали,
А якъ три брата рідненькихъ, голубоньківъ сивенькихъ,
Зъ города Озова, зъ тяжкої неволи, каторги турецької, віри бусурмевськоі втікали...
Два брата кіньми утікали,
Третій братъ міжъ ними пішій пішаниця, якъ би й тая чужаниця!
То вінъ біжитъ-підбігае,
И пожаръ подъ ноги підпадае,
И кровъ християнськая сліди заливае.
То своіхъ братівъ кінних догоняе,
Меньи коні вбігае
И коні за стремена хватае,
До братівъ словами промовляе:
—„Братики моі старші, рідненькі, голубонькі сивенькі!
Добре въ собі учиніте,—
Мене, найменьшого брата, пішого піхотинця, на коні озьміте,
Хошъ мало-немного мене надвезіте,
Шобъ я знавъ, куди въ города християнскні до отця до матери, до роду своего дохожати!“
То старшій братъ тее зачувае,
До брата найменшого словами промовляе:
—„Братіку нашъ найменшій! У насъ коні не дишлі,
Мы сами не втечемо
И тебе не ввеземо;

Будеть изъ города Озова великая погоня, віра бусурменьска, каторга турецька, за нами, кінними братами, уганяти,
То буде насъ, кінних братівъ, доганяти,
Або стріляти,
Або рубати,
Або живьемъ у каторгу турецьку, у віру бесурменьску завертати!
То два брата кіньми утікали,
А найменшого брата, пішого піхотинця, у чистому степу, на ясному сонцю, на буйному вітрі при шляху ёго покидали.
То ище-якъ то найменшій братъ на здоровье свое козацьке-молодецьке измагае,
Свої біленькі ніжкі на сире коріння, на біле каміння спотикае,
Та за кінними братами уганяе,
Ажъ пожаръ підъ ноги підпадае,
И кровъ христіянская сліди ёго заливае.
То вінъ инжъ коні убігае,
Коні за стремена хватае,
Горко плаче-ридае,
Дрібними слёзами проливае,
До братівъ словами промовляе:
—„Братики мої старші, якъ голубоньки сивенькі!
Добре вы собі дбайте, булатну шаблю зъ ножна вийнайте,
Та мені, козацьку молодецьку, найменшому брату, голову зъ плечей издійнайте,
Тіло мое, козацьке-молодецьке, въ чистому степу хорошенько поховайте,
Птиці звіру на поталу мене не подайте!
То середульшій братъ тее зачувае,
Горко плаче, та ридае,
Словами промовляе:
—„Братику-якъ нашъ найменшій, милій, якъ голубоньку сивій!
Булатна наша шабля шві найменшого брата не йме,
Рука наша не оздойметця,
Серце не осмілитця,
И душа гріха до смерти не скупитця!“
То два брата кіньми утікали,
А найменшого брата, пішого піхотинця, въ чистому степу покидали...
Якъ стали брати рідненькі, якъ голубоньки сивенькі, у терни, у зелени байраки уізжати,
Ставъ середульшій братъ велике милосердіе мати,
Ставъ тернами байраками зелене вітя верхи истинати.
Та найменшому брату прижету давати,

Шобъ и вінъ знавъ, куда въ городи христіянськиі до отця, до матері, до свого роду дохожати.

То їхали старші брати не день, не два, не три, не чотирі...

Якъ стали старші брати зъ тернівъ, зъ байраківъ виізжати,

До річки до Кримки прибувати,

Ставъ середульший братъ до старшого словами промовляти:

—„Отъ тутъ, каже, брате старший рідненький, голубоньку сивенький, трави зелені. очерета воздобні, а води довольні,

Станьмо мы тутъ, коні попасімо, а найменшого брата пішого піхотинця підождімо!“

А старший братъ зачувае,

До середульшого словами промовляе:

—„Якъ будешъ ты, середульший братъ, за найменшимъ жалкувати,

Буду я шаблю булатну изъ ножна выймати,

Та твою голову зъ плечей издіймати,

И твое тіло козацьке—молоденьке на три части рубати,

А въ города христіянські до отця до матері самъ буду доізжати;

То я й самъ знатиму, який отцеві-матусі одвітъ оддавати.

То ты, брате середульший, не знаешъ,

Що якъ буде найменьший братъ межъ нами пробувати,

То буде отець и мати батьківщину на три части паювати,

То будемъ мы въ трёхъ велику между собою супереку мати“.

Середульший братъ тее зачувае,

До старшого словами промовляе:

—„Мы-жъ будемъ въ городи христіянські до отця, до матері, до свого роду доізжати,

Буде насъ отець и мати на здоровье стрічати,

Буде объ своёму сыну и объ нашому брату питати“.

—„Тобі-жъ то, каже, брате середульший, сёго не знати,

Якій отцеві и матері одвітъ оддавати?—

Були мы въ городі Озові въ вірі бусурменьскій, въ каторгі турецкій,

То мы ношної добы утікали,

Свого брата найменшого одъ сна будили—не збудили,

То тамъ ёго въ каторзі турецкій, у вірі бусурменській, у городі Озові, приостановили“.

Якъ стали старші браты рідненькі, голубоньки сивеньки, Муравськими шляхами проізжати,

Ставъ середульший братъ велике милосердіе мати:

Та одинъ на собі дорогой кантанъ мае,

Та зъ підъ того киръ-китайку выдирае,

Та найменшому брату, пішому піхотинцю, примету давае.

Шобъ и вінъ знавъ, куди въ города христіянські до отця, до матері, до роду своёго дохожати.

Якъ ставъ найменшій братъ, пішій піхотинець, зъ тернівъ, изъ байраківъ на Муравські шляхи выхожати,

Ставъ киръ-китайку въ вічі забачати,
Ставъ горко плакати та рыдати,
Дрібними слёзами проливати,
И словами промовляти:

—„Шо не дурно моіхъ старшихъ братівъ дорогі шити киръ-китайки по шляху валяе,

Мабуть іхъ живихъ на світі не маc!
Була зъ города Озова велика погоня,
Віра бусурменська, каторга терецька за моіми братами кіньми угоняла,
Можеть іхъ постріляла, або порубала,
Або живьемъ у каторгу турецьку, у віру бусурменську, у городъ Озовъ, завертала,
А мене, найменшого брата, пішого піхтинця у тернахъ, та у байракахъ на спочинкахъ минала".

Якъ ставъ найменшій братъ, пішій піхотинець, Муравськими шляхами прохожати,

Ставъ буйный вітеръ повівати,
Ставъ бідного козака, найменшого брата, пішого піхотинця, зъ білихъ пігъ валяти.

„Оттакъ-то, каже, Господи милосердный, у чистому степу,—
Одно безхлібья,
А друге безвіддя,
А третє бездоровья!"...

Якъ ставъ найменшій братъ до Саворъ-могилы прихожатя,
Спочивати лягати,
Та до ёго сизокрыли орлы налітали,
Въ головахъ насідали...

Та ще вінъ на свое козацьке—молодецьке здоровья измагае,
До сизокрылихъ орлівъ словами промовляе:

—„Братики моі рідненьки, сизокрили орли, гості моі премилі,
Хочъ мало вы мені надождіть,
Поки зъ Двіпра буде тихій вітеръ повивати,
Тоді моя буде душа зъ тіломъ розлучатись".

Якъ ставъ изъ Дніпра тихій вітеръ повивати,
Стала козацька душа, пішого піхотинця, найменшого брата, зъ тіломъ розлучатись.

То сизокрили орли до его налітали,
Въ головахъ насідали,
На чорни кудрі наступали,
И зъ ліба очі вибирали,
Кровъ христіянську випивали;
А сірохманці-вовки его тіло, козацьке-молодецьке, на Саворъ-могилі знаходили,
Та его жовтні кості по тернахъ по байракахъ разносили,
Та до міста схожали, хорошенько поховали, надъ нимъ похоронъ одправляли;
Та сиви зозулі до его налітали,
Жалібненько закували,
Якъ рідни сестриці оплакали его!..

. . . . . .

Якъ стали старші браты рідненьки, голубоньки сивеньки, у города христіяньскі, до отця, до матері доіжжати,
Ставъ отець и мати на здоровья стрічати,
А не такъ на здоровья, якъ объ меншому сыну, а объ ихъ брату питатя.
А старшій братъ зачуває,
До свого отця-матері словами промовляе:
—„Мы були у городі Озові у вірі бусурменській, у каторзі турецькій, у тяжкій неволі,
Та пошвої добя утікали,
Свого брата отъ сна будили—не збудили,
Та тамъ его у каторзі турецькій, въ вірі бусурменській, у тяжкій неволі приостановили“.
Якъ ставъ середульшій братъ изъ отцемъ, изъ матіръю, изъ добрыми людьми на підпиткахъ пити та гулятя,
Ставъ горко плакати и рыдати,
Дрібні слёзи проливати,
Та отцеві-матусі весь одвітъ откривати...
То отець и мати стали старшого сына зневалкати,
Изъ двора свого изгонятя.
Ставъ его Господь милосердний невинно каратя:
Що якій то вінъ собі домъ коштовний збудувавъ,—
То вінъ громовыхъ огнемъ пішовъ...
А середульшій братъ ставъ изъ отцемъ изъ матіръю проживати,
Ставъ ёму Господь милосердний всегда благодать изъ небесъ посилати;
А старшій братъ по чужихъ хатахъ ставъ валятись,
Чужого хліба й соли заробляти...
Отъ-же хотя трёхъ братівъ озовськихъ найменшого брата, пішого піхотинца, голова на Саворі-могилі полягла,—

Такъ ёго слава, козацкая й молодецкая, не помре, не поляже,
Помежду панами,
Помежду козаками,
Отъ нині и до віка
И на многая літа!

Послѣ этой думы, гдѣ мастерской обрисовкѣ трехъ характеровъ и грандіознымъ картинамъ степной природы могъ-бы позавидовать величайшій поэтическій талантъ, я заговорилъ о „Самійлѣ Кішкѣ“. Не легко было выпытать слѣдующіе далѣе обрывки этой думы. Кобзарь говорилъ, что лѣтъ двадцать какъ пѣлъ ее и совершенно забылъ. Въ этомъ, съ грустью, убѣдились мы оба, когда онъ, по моему настоянію, сталъ припоминать стихи думы.—„Воно не такъ!—Такъ що я казатиму?“ постоянно восклицалъ онъ.—„Щекуди! Багацько, багацько немає! Більше літъ двадцяти якъ співавъ! Прежде було старику якому проспіваю, то вінъ те-жъ и собі старовину споминає: отъ-такъ и такъ воно діялось!—А иноді, якъ нікому не трапилось співать, то,—була охота,—самъ собі, було, проспіваю.—Такъ давня вже річъ!—Це може черезъ десяте у двадцяте слово!“

Начало думы въ особенности передано въ видѣ безформенныхъ клочковъ. Вторая часть глаже. Но если къ уясненію этого превосходнаго произведенія прибавится хотя черта, то и тогда надо благодарить Крюковскаго. Какъ извѣстно, до сихъ поръ ни разу не случалось встрѣтить варіанта этой думы и Лукашевичъ, записавшій ее въ переяславскомъ уѣздѣ, близъ м. Березани, отъ замѣчательнаго бандуриста (имя котораго онъ даже не помянулъ), одинъ только украсилъ ею свой сборникъ [1]). Въ нашихъ отрывкахъ отъ списка Лукашевича разнится начало и упомянуто новое лицо—легендарный „дідъ Соленко“, турецкій плѣнникъ. По словамъ Крюковскаго дума эта пѣлась когда-то пирятинскими и переяславскими кобзарями. Онъ зналъ кобзаря Гордія въ Тепловкѣ, пирятинскаго уѣзда, пѣвшаго эту думу. Самъ онъ перенялъ ее отъ Вовка.

---

[1]) Малорос. и червонорусскія народн. пѣсни и думы“. Спб. 1836 г. стр. 15—27.

Самійло Кішка.

У лузі у Базалузі бувъ курінь нетязьскій
И тамъ живъ-проживавъ Кішка Самійло, гетьманъ козацькій...

. . . . . .

И вінъ около себе мавъ сорокъ чоловіка нетягъ...
...Да вони тамъ у лузі—Базалузі проживали
Ніякого горя не знали...

. . . . . .

Та по Чорному морю молоде паня, турецьке баша, галярою гуляе,
Лугъ-Базалугъ завидало,
До луга до Базалуга поспішно прибувало,
Кішку Самійла, гетьмана козацького и сорокъ чоловікъ нетягъ сонних заставало,
Та у плінъ забірало,
И на руки и на ноги залізні пута надівало;
На закови забрало,
И на свою галяру поміщало
И до дівкі до Санджаківни прибувало..
Тамъ воно одъ неділі до неділі проживае,
И тіхъ бідних нетягъ и Кішку Самійла по три раза въ день залізними прутьями въ одно місто затинае...

. . . . . .

...И коло іхъ дідъ—Бутурлакъ проживае,
На іхъ згрозна гука...

. . . . . .

Дай той-же іхъ и бье.—Вінъ шістдесятъ літъ живъ у турка у клюшникахъ; то вінъ на его и звірився.
...То імъ дівка Санджаківна разні напитки-наідки присилае,
То імъ Бутурлакъ дідъ всего не одкрывае,
А тільки по одному стакану въ день вина одпущае...
(—Значить вона імъ хорошо присилае, а вінъ не оддае, та складае...)
А по три раза въ одно місто залізними прутьями затинае...

. . . . . .

...Шо вони у дівкі у Санджаківни одъ неділі до неділі проживали,
На підпиткахъ пробували,
У неділю на Чорне море до свого дому одъізжали,
На галярі почивать всі полягали...
То турецьке паня, молоде баша, отъ сна уставае,
Та до діда до Бутурлака словами промовляе:

—„Ой то то, каже, діду, Бутурлаку, що то менї сонъ дивний и предивний, чудний и пречудний снився,

Що будто мене взято,
У Чорне море заметано,
Ні одного насъ не оставлено!“
Дідъ Бутурлакъ тее зачуває,
До молодого паві, до турецького баші, словами промовляє:
—„Сему сну, каже, ви не потурайте,
Та впьять спочивать лягайте!“
А до Кішкі Самійла, до козака, до гетьмана словами стихенька промовляє
И ключъ зъ кармана вийнае:
—„Цитьте, хлопці, не гряміте
И залізомъ не стучите;
Дружка-дружку одмикайте,
Залізо у Чорне море метайте,
И молодого паню, турецького башу, и памьять ёго у Чорне море изъ галяри скидайте!...
Тоді чи не дасть намъ Богъ безпешно по Чорному морю проізжати,
Турецькі калавури минати“...

. . . . . .

Якъ вони паню, турецького башу у море пометали,
Тоді на себе турецьке платте надівали...

. . . . . .

То дідъ Бутурлакъ до калавуру приізжае,
Ключі зъ кармана выймае,
До калавуру словами промовляє:
—„Цитьте! каже, не шуміте,
Турецького паню, молодого башу, не збудіте,
Потихеньку ворота одчиніте,
Бо мы у дівки у Санжаківни на гуляннї пробували,
То мало мы одночивали“ [1])...
. . . То вони, турецькі калавури якъ проізжали,
По Чорному морю тоді безпешно гуляли,
Та турецьку землю, віру бусурменську на віки заклинали:
—„Ой-же хотя ты, земле турецькая, віра бусурменськая!
Хотя въ тобі весело проживати,

---

[1]) Що того, бачъ, вже й немае. А ему аби то той калавуръ проіхать, такъ вінъ забувся и думать!.. Не зложу такъ, якъ було!.. Десяте слово, той то не въ ладъ!..

Много сребра и золота въ тебе пробуває,
А чоловікові ніякої одрадости немає!“...
. . . . . .
То якъ стали вони по Чорному морю гуляти,
До буйної Присни прибувати,
Та до діда до Соленка [1]) у гості заіжжати...
. . . Той дідъ Соленко якъ іхъ забачае,
И горко плаче—рыдае,
Дрібними слізами проливае,
До Господа милосердного словами промовляе:
—„Благодарю тебе, Господи милосердный, що за сорокъ літъ Господь мене привівъ
Козака гетьмана Самійла у вічі повидати!“...
. . .То вони тамъ, у діда у Соленка двенадцять день безпешно гуляли,
Та віру православну споминали,
А турецьку славу, віру бесурменську кляли—проклинали:
Коли-бъ іхъ Богъ милосердный такъ побідивъ,
Якъ вони насъ зобіждали,
Що вони у плінъ забіряли,
Ніякої намъ веселости не одлавали,
Ніякої мы одради собі не мали
И роду свого у вічи не видали!“...
. . . Та тоді вони речі хороші другъ до друга промовляли,
На галяру всі посідали [2])...
„Вынеси, калкуть, насъ, Господи милосердный,
Между миръ хрещеный,
На край веселый!
Чи не дасть намъ Богъ милосердный своіхъ братівъ повидати,
Хочъ-бы мало—немного свою жизнь провождати,
Между миромъ хрещенымъ проживати!...
. . . . . .

Стараясь не упустить ничего изъ историческаго репертуара Крюковскаго, я изъ разспросовъ узналъ, что, сверхъ продиктованныхъ, ему извѣстна была еще дума о Тарасѣ Бульбѣ. Понятно, такое открытіе крайне возбудило мое любопытство. Кобзарь отго-

[1]) Вінь проживавъ тожъ на острові той дідъ—сорокъ літъ. Его турокъ тежъ заверъ.

[2]) Всі. Значить забравъ и діда того Соленка Кішка Самійло изъ собою.

варивался однако тѣмъ, что совершенно забылъ эту думу. Подозрѣвая, нѣтъ-ли здѣсь какой нибудь ошибки и не измѣняетъ-ли старику память, я выразилъ сомнѣніе въ существованіи такой думы. Но Крюковскій стоялъ на своемъ: „Дума була настояща и співалась, говорилъ онъ, старинна, довга, отъ якъ „Конівченко", такъ и співалась"... На просьбу мою припомнить хоть содержаніе думы, или сказать, если знаетъ, хоть нѣсколько стиховъ, Крюковскій разсказалъ слѣдующую легенду:

Тарасъ Бульба та сыны.

Тарасъ Бульба самъ чи въ Чигиринѣ проживавъ, чи що... У ёго три сына було: старшій Терешко, середульшій—Дмитро, а меньшого не спомлю якъ... Такъ вони безпешно гуляли у городі Чигринѣ, та пішли турківъ, чи татаръ, чи ляхівъ воювать, Чигринъ-городъ оборонять. У ёго и хлопці були хороші! Терешкові було 22 года и 22 пуда вісу, а Дмитрові було 18 годъ и 18 пудовъ... А меньшій, якъ пошли вони, значить, розбивать татаръ та ляхівъ, то вінъ взявъ іхъ и покинувъ, та утікъ у Польщу, та тамъ у Польщі не багацько проживавъ, та віттиля навстрічъ зъ поляками, та давай на батька итти, щобъ то, бачъ, батька звоевать, чи що... Такъ батько якъ стрівъ ёго, то голову ёму и знявъ, та каже Терешкові:

Якъ будешъ ты віру христіянську теряти,
То буду я тобі зъ плечъ голову здіймати...

. . . . . .

. . . Эй, ходімо, каже, хлопці, ходімо турківъ та ляхівъ воювати,
Чи не дастъ намъ Богъ якої добичі достати,..

. . . . . .

Такъ вони трое пошли, то той Терешко лігъ на степу спать, а біля себе положивъ свій мечъ и добре молодецьке свое копьє (а въ ёго мечъ бувъ шість пудовъ вісу) и коня доброго молодецького свого вороного поставивъ въ головахъ, а самъ заснувъ въ степу: (звісно якъ вінъ богатыръ, то вінъ нічого и не боится, лігъ собі, заснувъ богатирскимъ сномъ). Такъ ёго найшли татари, набігли ёго сонного. А вінъ-то якъ на то саме и прокинувся, та бачить, що іхъ не мало—„э, каже, хлопці, такъ вы хотіли мені смерті придати! Глядіть-же, хлопці, постережіть мені коня и моего копья, а

я, говорить, пійду по цёму степу погуляю, подивлюсь, чи васъ ще де есть?"... Такъ вони стали росказувать, що іхъ ще есть багато; такъ вінъ якъ покинувъ імъ коня и копье, а шаблю взявъ, та якъ пішовъ по тому степу, та найшовъ шайку іхъ, та якъ взявъ колоть, то вибивъ всіхъ. Тільки одинъ, значить, ёго якійсь, чи татаринъ, чи що, обранивъ по плечу: якъ заходився воювать зъ нимъ, такъ по плечу ударивъ, та одрубавъ плече, такъ вінъ байдуже, и не чувъ!... Вінъ изъ нихъ все тамъ познімавъ, череса то що, та приіхавъ до батька, такъ батько каже: „Що у тебе, сыну, таке красніе?"—А вінъ, гулькъ, а у ёго кровъ біжить.—„Та візьми-жъ ты, каже батько, святої землі, та затопчи, а вінъ каже, що воно на живому чоловіку скоро заживе. Вінъ затоптавъ, такъ воно и зажило, кровъ остановилась, ёму не дуже вредно було. Батько ставъ питаться: „Де-жъ твій мечъ, копье твое, та кінь добрый, молодецький?"—„Э, каже, на степу покинувъ".—"Щобъ увівъ хто?".—„Э, ні, каже, не уведе нихто!" А вінъ тімъ приказавъ, якъ покинувъ коня:—якъ будете тікать, то все ровно жизнь вашу поріпу, не будете далеко, такъ вони и не тікали. Вінъ до іхъ якъ прийшовъ, та дававъ череси, дававъ вибірать—хай узнаєе де чьего родича чересъ, чи батьківъ, чи що... А другимъ каже: „а вы тікайте, біжіть, а то якъ набіжить батько, або братъ Дмитро, то й васъ не буде. Вамъ те буде, що и тімъ.

— Вамъ тутъ, каже, не проживать, Чигрина-города не займать, а якъ тілько Чигринъ-городъ будете займать, такъ и сами на світі не будете проживать!"...

Кто сколько нибудь знакомъ съ характеромъ и складомъ думъ, не допуститъ ни на одну минуту, чтобъ эта легенда была остовомъ исчезнувшей думы. Имя Тараса Бульбы приплетено къ ней совершенно механически. Герой легенды, Терешко—обыкновенный сказочный богатырь, о другихъ-же сыновьяхъ упоминается совсѣмъ вскользь. Два двустишія, попадающіяся въ разсказѣ, не доказываютъ также ничего. По своему общему характеру они могли быть взяты изъ любой думы. Крюковскій очевидно спуталъ и, смутно помня что-то, прибавилъ имя гоголевскаго героя къ какой нибудь старой сказкѣ. Все это не говоритъ, впрочемъ, противъ того, чтобъ

думы о Бульбѣ не существовало вовсе. Быть можетъ Гоголь слышалъ ее мимоходомъ и взялъ изъ нее сюжетъ и имя героя (какъ взялъ сюжетъ для „Вія“ изъ народнаго преданія). Возможно также и то, что пересказъ безсмертной поэмы какими нибудь судьбами дошелъ и до кобзаря и оставилъ въ его памяти свой слѣдъ. Во всякомъ случаѣ историческихъ свидѣтельствъ о Бульбѣ и сыновьяхъ надо искать не въ этой легендѣ, по фантастичности своей оставляющей безконечно далеко позади всѣ историческія „вольности“ Гоголя, перенесшаго въ поэмѣ основаніе кіевской бурсы и академіи съ XVII вѣка во времена Наливайка и проч.

Думъ о временахъ Хмельницкаго Крюковскій не зналъ. Относительно думъ о Мазепѣ слышалъ, что много ихъ было забыто въ то время, какъ имя гетмана сдѣлалось опальнымъ и произносить его было рисковано. Насчетъ Палія выразилъ недоумѣніе: „Хиба и про ёго співають? То-жъ только у книгахъ про ёго пишуть“.

Двѣ послѣднія думы, хорошо сохранившіяся въ памяти кобзаря, близки къ варіантамъ Вересая, что подтверждаетъ еще обычное сходство варіантовъ по близости мѣста ихъ записыванія.

Хведоръ Безрідный.

По потребі, по потребі барзо то по царській,
Много війска и помножено и посічено,
То никто-жъ то помижъ тимъ трупомъ живъ не бувае,
Тільки джура Ярема промешкае,
Та тільки Хведора Безрідного та бездільнаго, на рани смертельніе пострілянного та порубаного, знахожае;
Чотири рани широкихъ, а чотири глибокихъ...
То ще-жъ вінъ личочъ пздіймае,
До Хведора до бездільного та безрідного словами промовляе:
—„Эй здоровъ, здоровъ, Хведоре, бездільний та безрідний!
Чі ты живый пробуваешъ,
Яку ты мені славу козацьку-молодецьку одкриваешъ?“
То ще-жъ Хведоръ бездільний та безрідний зачувае,
До джури до Яреми словами промовляе:
—„Джуронько мій, малий-невеличкий! Возьми ты мого доброго коня вороного!“
И свій каптанъ дорогій изъ себе скидае
И тяги червоніе изъ себе знимае,

Та джурі Яремі на руки отдавае:
—„А візьми-жъ ты, джуронько мій, малий-невеличкий Яремо,
Каптанъ дорогій отъ пілъ до коміра золотомъ гаптований,
И тяги червоніі на себе надівай,
И на мого доброго коня сідай,
Та передо мною козацький обичай увесь обертай;
Чи можешъ ты знати
Козацький звичай козакамъ отдавати?
Біжи-жъ ты скоренько, та поспішненько по надъ Дніпромъ лугомъ,
Якъ будуть ушкали густи, то ты схоронися,
А якъ будуть козаки Дніпромъ-Славутою ити, то ты озовися,
И про мене Хведора бездільного та безрідного козакамъ обозвися!“...
Шо якъ побігъ джура Ярема по-надъ Дніпромъ-Славутою,
Козацькимъ поспіхомъ поспішненько,
То вінъ іхавъ—не день, не два...
Ушкали гудуть,—
А козаки Славутою не йдуть! [1])..
Якъ ставъ вінъ по-надъ Дніпромъ изъ лугівъ изъ зеленихъ виізжати,
Стали козаки джуру Яремy стрічати,
Стали молодецького доброго коня и тяги червоніі и каптанъ дорогій въ вічі забачати,
Стали на ёго згрозна гукати:
—„Эй, джуроньку малий-невеличкий Яремо!
Де ты сёго доброго вороного коня запопавъ,
И тяги червоніі и дорогій каптанъ заслуживъ?
Мабуть, каже, ты Хведора бездільного та безрідного, або продавъ,
Або живцемъ у землю закопавъ? [2])
Джура Ярема тее зачувае,
Шличокъ издіймае,
И козацький обичай увесь передъ козаками отдавае.
—„Ні, каже, я Хведора бездільного та безрідного не запродавъ,
Живцемъ у землю не закопавъ,
А тільки чуть живого между трупомъ заставъ,
На чотирі рани глибокихъ,
А на чотирі широкихъ
Посіченного, порубаного знаходивъ;

---

[1]) Не набіжить козаківъ сердешній!

[2]) Значить, вони бачять его заслужчини, такі клопочутця. То-жъ бувъ іхъ атаманъ.

То вы козацький звичай добре знайте,
Та Хведора бездільного та безрідного тіло козацьке-молодецьке
На поталу птиці-звіру не подайте;
Хорошенько тіло его, козацьке-молодецьке, поховайте![1]
То вони ті слова зачували,
Сорокъ чоловіка изъ табору одлучали,
Та по Хведора бездільного та безрідного посилали.
То вони-жъ то сорокъ чоловіка та двинадять день помежду трупомъ промешкали,
Поки Хведора бездільного та безрідного тіло козацьке-молодецьке знаходили,
Ну, живого его, козака, не застали.
То вони его тіло козацьке-молодецьке на червону китайку забірали,
Та зъ Дніпра чистої води набірали,
Та ёго рани глибокиі и широкиі промивали;
Та булатними шабляки глибоку яму копали,
Та ёго тіло, козацьке-молодецьке хорошенько поховали.
Та шличками перстъ носили,
И високу могилу висипали;
И въ головахъ дубовий прапірокъ[2]) поставили,
Хорошенько поховали;
А чимъ ёго поминали,
Що въ себе сухарі въ сумкахъ мали[3])...
Хотя Хведора бездільного та безрідного голова полягла,
Такъ ёго слава, козацька молодецька, не вмре, не поляже.
Між панами,
Між козаками,
Між всіма православними христіянами.
Одъ нині до віка,
На многиі літа!

Иванъ Коновченко.

На славній Украіні,
Въ славному городу у Корсуні,
Та тамъ живъ корсунський полковникъ Филонъ;
То вінъ по городахъ листи засплавъ

---

[1]) Стовпъ.
[2]) Більше-жъ тамъ нічого не було въ іхъ!

Сотниківъ и полковниківъ и козаківъ рядовихъ въ охотне війско викликавъ:
—„Ой вы сотники и полковники и козаки рядовиі!
Который охотникъ пійти изо мною на Черкеню-долину гуляти,
Слави-царствія заживати,
За віру христіянську у въ одній стані стати!...
Чи не дастъ намъ Богъ якоі добичі собі мати?“
То всі сотники и полковники замовчали.
Тількі жила у городі у Черкасі, по прозванію Коновчиха, а по мужу Грициха, удова.
То вона собі мала Ивася—сына единчика;
То вінъ ті листи у вічі забачае,
До своій матусі рідненькоі, вдови старенькоі словами промовляе:
—„Ой вдово, старенькая жоно, ты мати моя рідненька!
Благослови ты мене мати
Съ корсунськимъ полковникомъ, съ паномъ Филономъ, на Черкеню-долину пітти погуляти,
Слави-царствія заживати,
За віру христіянську у въ одній стані стати!
Чи не дасть намъ Господь милосердний якоі добичі собі мати?“
А вдова сее зачувае,
До свого Ивася единчика, прекрасного лицаря, словами промовляе;
—„Ой Ивасю, сыну единчику, не благословлю я тобі, сыну, на Черкеню-долину гуляти,
А благословлю я тобі, сыну, чотири коні вороніі изъ загороди одлучати,
Та пти у поле хліба пахати“.
—„Ой хотілось мені, мати, съ корсунськимъ полковникомъ пійти на Черкеню-долину полуляти,
Та хотілось мені, мати, весь козацкій звичай узнати;
Якъ-би ты, вдова старенька, матусю моя рідненька мою волю вволила,
Та чотири коли чабаниі, и чотири коні вороніі изъ загородъ одлучила,
Та дванадцять червонцівъ доложила,
Та до города до Крылова одіслала,
Та до жида до Линдаря, та мені доброго молодецького коня купила,
Которого моя душа влюбила та ухвалила“.
То вдова тее зачувае,
До свого Ивана нічого словами не промовляе,
Та до Божого дому на моленіе схожае,
А свого Ивася Коновченка, единчика свого, на прочімъ ёго покидае.
То Ивась Коновченко отъ сна уставае,
По стінахъ поглядае,

Що батьківского ружья по стінахъ и ни одного немае [1]).
По світлиці вінъ прохождае,—
Тільки у запічку батьківска семиньядна пищаль усіяе.
То вінъ козацький звичай знае,
Батьківску семиньядну [2]) пищаль за плечи закладае,
До корсунського полковника сімсотъ верстъ піший махае,
Та корсунського полковника на Черкені-долині на спочивкахъ заставае;
То вінъ до палати прихожае,
Шапку скидае,
Громкимъ голосомъ окликае.
То корсунський полковникъ ёго голосъ зачувае,
Отъ сна уставае,
За білу руку ёго береть поспішно хватае,
Словами промовляе,
Здоровъямъ ёго поздоровляе:
—„Эй здоровъ, здоровъ, Ивасю Коновченку, прекрасний лицарю!
Чи то по своій волі зайшовъ, чи тебе добрий конь занісъ?
Чи ты здоровъямъ змагаешъ?
Чи ты въ себе доброго молодецького коня маешъ?“
—„Я, каже, доброго коня не маю,
А на молодецьке на добре здоровъя змагаю;
Благослови, корсунський полковнику, пане Филоне слави-царствия заживати,
И за віру християнськую у одній стані стати
И по Черкені-долині безпешно погуляти!“...
Якъ стали турки и татари по Черкені-долині гулять,
Та Ивась Коновченко не дуже безпешно піший гулявъ:
Сімсотъ душъ рубавъ, а сімсотъ живьемъ на арканъ забравъ,
Те до корсунського полковника на примету представлявъ.
А ёго мати рідненька вдова старенька зъ Божого дому, зъ моленія прихожае,
Та свого Ивася Коновченка у домівці своей не заставае
Та горко плаче да рыдае,
Дрібними слізами проливае,
Та чотирі воли чабаніи, чотирі коні вороніі изъ загороди одлучае,
Дванадцать червонцівъ докладае,
Та до города до Крилова жида та до линдаря отгоняе,
Та молодецького доброго коня получае,

---

[1]) Мати поховала вже!

[2]) Сімъ пядей. Довга пищаль.

Та донськимъ козакомъ Иваномъ Захарютою одсилае
И низкій поклонъ ёму передавае:
—„Ой, Ивасю, единчику, Коновченку, бодай тебе, сыну, шашка не рубала
И бистра пуля минала!“...
То Иванъ козакъ Захарюта бере коня вороного за шовкові поводи,
На Черкеню-долину пріизжае;
То Ивась Коновченько оддали доброго коня своёго въ вічи забачае,
Та до корсунського полковника словами промовляе:
—„Эй, корсунський полковнику, пане Филоне,
Я-жъ думавъ, що мене мати кляне—проклинае,
Ажъ вона мені хорошій гостинець передавае,
Которого коня, доброго молодецького моя душа улюбила, та вже й ухвалила.
Отъ теперъ, корсунський полковнику, благослови на Черкені-долині безпешно погулять!“
А корсунський полковникъ тее зачувае,
До Ивася—единчика словами промовляе:
—„Не благословлю, каже, я тобі на Черкені-долині безпешно гуляти,
А благословлю я тобі на червоній китайці сидіти,
Бо ще жъ ты дитя молодое“.
То Ивась Коновченко тее зачувае,
До корсунського полковника слова промовляе:
—„Эй, корсунський полковнику, пане Филоне,
Возьми ты утя одно старое, а другее малое,
Та пусти ты на Чорнее море,
Чи не поплине те малое, такъ якъ-бы и старое?
А ты, корсунський полковнику, благослови мені оковитого зеленого вина уживати,
Та тоді пойду на Черкеню-долину безпешно гуляти“!
То корсунський полковникъ тое зачувае,
Словами промовляе:
—„Хиба тобі, Ивасю Коновченку, единчику, прекрасний лицарю, оковитее вино закрите?“
То вінъ козацький звичай знае, до сорокової бочки приступае,
Та зеленого вина скілько вгодно уживае;
То вінъ такъ зеленого вина свій кубокъ наливъ
И козацьке свое сердце звеселивъ...
То тоді свого доброго коня молодецького поспішненько и тугенько сідлае
И по Черкені-долині безпешне гуляе.
Исъ сідьмого часу до четвертого гулявъ,

Такъ ни одного ни турка, ни татарина живого не оставлявъ,
И между тимъ трупомъ безпешно по Черкені-долині гуляе,
Свою головку низенько коневі на гриву склоняе [1])...
А сідобородий татаринъ между трупівъ вставае,
Та ззаді забігае,
То вінъ ёго не дуже взявъ,
А тільки чуть у пілъ съ конемъ не перерубавъ [2])...
То корсунській полковникъ по Черкені-долині поглядае,
То вже Ивана Коновченка, прекрасного лицаря живого немае;
То ще-жъ то вінъ помежъ тимъ трупомъ промешкае,
Ёго тіло козацьке-молодецьке знахожае,
На червону китайку забирае,
Та ёго тіло, козацьке-молодецьке, хорошенько на Черкені-долині ховае,
Доброго молодецького коня забирае,
До города до Черкаса до вдови старенькоі назадъ одсилае,
И самъ у гості до староі вдови заізжае,
И козаківъ запорожскіхъ засилае,
И низкі поклони отдавае,
До вдови староі, Коновчихи, словами промовляе:
„Эй здорова, здорова, старая жоно, по прозванью Коновчихо, а по мужу Грицихо!
Чи ты горко плачешъ, плачешъ та ридаешъ,
За своімъ Ивасемъ Коновченкомъ и скучаешъ?
А твій сынъ на Черкені-долині одружився,
Взявъ собі жену німкеню!“...
То вона тіі слова зачувала,
До корсунського полковника словами промовляла,
У свій домъ зазивала
И корсунського полковника, пана Филона угощала,
И всімъ донськимъ козакамъ запорозськимъ по червонцю награди давала.
А тільки корсунській полковникъ, панъ Филонъ, со двора зъізжавъ [3]).
То горко заплакавъ, заридавъ,
Що прекрасного лицаря Ивася Коновченка на Черкені-долині утерявъ.
То въ свою Украіну приізжае,
До вдови Коновчихи листи посилае:

[1]) Уже нема нікого!

[2]) Той притаівся между трупомъ, а Ивась уже іздивъ,—уморився, ёго и вивъ розибрало.

[3]) Вінъ ій не приглядався тоді, якъ самъ бувъ!

—„Ой удово, старенькая жено, не дуже радуйсь, веселися.
Бо твій сынъ не оженився, а получивъ собі жену високу могилу и вірну дружияну!“
То вона тоді ті листи въ вічі забачае, горко плаче-рыдае,
Та корсунського полковника споминае:
—„Бодай ты, корсунський полковнику, щастя свого долю мавъ,
Якъ ты мого сына, прекрасного лицаря, Ивася Коновченка, на Черкені-долині утерявъ!
Отъ-же хоть на Черкені-долині Ивася Коновченка голова полягла,
Такъ ёго слава козацька-молодецька не вмре, не поляже.
Между панами,
Между козаками,
На многая літа
До конця віка!

Два дня на Прилипкѣ минули какъ сонъ. „Поважныя“ думы, „уродливые“, по мнѣнію умниковъ, псальмы, грубоватыя шутливыя пѣсни,—весь этотъ скарбъ сѣдой головы бандуриста выгружался предо мною и погружалъ меня въ какой-то особый міръ крестьянской поэзіи, гдѣ, на ряду съ старыми преданіями, видѣлся цѣликомъ особенный, давній умственный строй. Въ старческомъ голосѣ кобзаря, въ его старосвѣтскихъ речитативахъ, въ тихомъ рокотаньи бандурныхъ струнъ чуялись самые образы старой жизни, вѣяло дыханіе сермяжной музы, слышались голоса прошлаго.

Подвигаясь на сѣверъ, я покидалъ милую Полтавщину съ ея безбрежными равнинами, гдѣ нѣтъ препонъ ни глазу, ни воображенію, мирными селами съ старыми трехглавыми церковками посреди, безконечными, далекими лугами, гдѣ тихо струятся Пселъ и Сула, окружая себя то зеленью лѣсовъ, то сыпучими бѣлыми песками... Среди незначительныхъ дорожныхъ встрѣчъ, столь рѣдкихъ осенью на проселкахъ, почти на выѣздѣ изъ лохвицкаго уѣзда, мнѣ попалась на полѣ кучка людей, какъ-бы землемѣровъ. Протягивали цѣпь, вбивали вѣхи и колки въ землю. То было „изысканіе“ будущей желѣзно-дорожной линіи (отъ ст. Талалаевки либаво-роменской ж. д. на Кременчугъ). Инженеръ, „всемірный гражданинъ“, въ ботфортахъ, съ шапкой на уши, съ биноклемъ въ рукахъ, стоялъ на полѣ и распоряжался рабочими, направляя ихъ съ инструмен-

тами по проэктированному пути. Какъ разъ на чертѣ будущей дороги пришлась степная могила, какихъ много на границѣ роменскаго и лохвицкаго уѣздовъ. Безстрастный пришелецъ—„изыскатель“ далъ знакъ и заступъ ударился въ грудь старой могилы для водруженія желѣзно-дорожной вѣхи. Глядя на этотъ живой образъ столкновенія стараго міра съ новымъ, думалось невольно о томъ, что принесетъ за собою эта новая „цивилизація“ въ еще дѣвственный край. Что внесетъ она вслѣдъ за этимъ механическимъ сооруженіемъ, которое есть только одно изъ вспомогательныхъ *средствъ* новой жизни, что пробудитъ она въ умственной жизни этого края и какіе новые всходы замѣнятъ хотя-бы тѣ, взращенные этой почвой, цвѣты поэзіи, которыми полна еще была моя душа?.. Степной вѣтеръ гулялъ надъ могилой и „равнодушная“, безтрепетная предъ будущимъ, созидательница-природа улыбалась подъ лучами осенняго солнца...

В. Горленко.

Самозванный флигель-адъютантъ солдатъ Семеновъ.

(1826 г.)[1])

Извѣстныя изъ исторіи декабристовъ волненія, происшедшія въ 1825 году между войсками расположенными въ юго-западномъ краѣ, отразились въ слѣдующемъ 1826 году между крестьянами множествомъ ложныхъ слуховъ и толковъ о предстоящей въ скоромъ времени рѣзнѣ помѣщиковъ, шляхты и вообще всѣхъ, кто такъ или иначе стоялъ во враждебныхъ отношеніяхъ къ крестьянству.

По всей южной половинѣ кіевской губерніи пронесся слухъ объ указахъ, будто-бы полученныхъ священниками, въ которыхъ повелѣвалось послѣднимъ покончить исповѣдь прихожанъ къ великому четвергу и освятить пасхи въ этотъ день, потому что на свѣтлый праздникъ всѣ церкви должны быть запечатаны, и крестьяне, отъ мала до велика, должны идти истреблять пановъ. Въ Уманьщинѣ разсказывали о появленіи сына Гонты; говорили, будто-бы онъ разослалъ всѣмъ панамъ указы съ предложеніемъ отдать всю землю крестьянамъ и выбраться, какъ можно поскорѣе, въ Варшаву; кто-же не послушается указа и до свѣтлаго праздника останется на мѣстѣ, тотъ падетъ отъ крестьянской руки.

Крестьяне подъ вліяніемъ такихъ слуховъ становились все смѣлѣе въ заявленіяхъ протеста противъ угнетеній своихъ помѣщиковъ: во многихъ мѣстахъ слышались угрозы, въ другихъ крестьяне не хотѣли отработывать барщины; въ Яблоновкѣ (таращанскаго уѣзда) крестьяне хвалились, что ихъ озеро „достачить“ на сколько угодно человѣкъ оружія; въ Ситковцахъ (того-же уѣзда) составляли списки ополченія.

---

[1]) Настоящій разсказъ извлеченъ изъ дѣла, хранившагося прежде въ архивѣ кіевской уголовной палаты и переданнаго теперь въ кіевскій центральный архивъ.

Но наступили и прошли свѣтлые праздники, а возстаніе не вспыхнуло; тогда народная молва перенесла срокъ его на Ѳомину недѣлю.

Около этого послѣдняго срока, въ субботу, 3-го апрѣля 1826 года, провокатые изъ с. Дзендзелевки привели въ с. Иваньки (уман. уѣзда) къ мѣстному соцкому солдата днѣпровскаго полка Алексѣя Семенова. Онъ возвращался изъ домашняго отпуска (изъ с. Хмѣлеваго, орловской губ.) и, какъ видно, не особенно поспѣшалъ въ свой полкъ: въ каждомъ селеніи проживалъ онъ по два, по три дня. Это замѣтилъ экономъ с. Кутовъ и распорядился о доставленіи Семенова подъ карауломъ къ его полку, стоявшему въ м. Соколовкѣ: онъ съ десяцкими отправилъ Семенова въ сосѣднее село, написавъ всѣмъ лежащимъ по дорогѣ экономіямъ, чтобы съ такимъ-же карауломъ препровождать его дальше.

Теперь привели его въ Иваньки и подали соцкому записку кутовскаго эконома; но случившійся тутъ дьячекъ, котораго соцкій просилъ прочитать, не зналъ по-польски, тогда Семеновъ подсунулъ свой билетъ, а записку спряталъ. Дьячекъ, посмотрѣвъ на билетъ, сказалъ „хорошо“, и соцкій повелъ солдата на квартиру.

За „вечерей“ въ избѣ крестьянина Григорія Бенедя послѣдній сталъ распрашивать Семенова о новостяхъ.

— У насъ прошелъ было слухъ, началъ Семеновъ, что вышелъ отъ царя указъ забирать всѣхъ пановъ въ Петербургъ, и когда всѣхъ заберутъ, то крестьяне будутъ свободны, не будутъ больше на панщину ходить.

— Та и у насъ пішла була поголоска, що-бъ святили паски въ великий четвергъ, бо на Великдень всі мали й велики, підуть різать панівъ: та отъ и Великдень пройшовъ, а нічого съ того не вийшло. А, якъ-бы то який чортъ взявъ нашого...

На этомъ и кончился разговоръ. Солдатъ сообразилъ, каково настроеніе крестьянъ и какъ имъ воспользоваться, и въ этотъ-же вечеръ составилъ цѣлый планъ грабежа мѣстныхъ пановъ. Вскорѣ послѣ этого разговора зашелъ въ избу Бенедя соцкій, чтобы освѣдомиться, какъ устроился солдатъ на квартирѣ и узнать отъ него что нибудь новое. Семеновъ выслалъ всѣхъ домашнихъ изъ хаты, заперъ на крючекъ дверь и, вынувъ изъ ранца записку кутовскаго

экономa, началъ разсказывать соцкому и Бенедю о своемъ мнимомъ назначеніи.

— Вотъ указъ отъ государя императора, въ немъ велѣно мнѣ забирать по всей кіевской губерніи пановъ и везти къ нему въ Петербургъ. Вы не смотрите на то, что я въ простомъ солдатскомъ мундирѣ; но я не солдатъ, у меня оберъ-офицерскій чинъ и орденовъ, орденовъ; да только мнѣ нельзя такъ показываться, а то какъ увидятъ паны, сейчасъ-же узнаютъ меня и начнутъ прятаться, тогда ищи ихъ. Такъ ты, соцкій, собери на завтра крѣпкій карауль, человѣкъ въ сорокъ, приготовь кандалы и три тройки; я теперь ѣду въ Романовку и другія села, а завтра вернусь и возьму вашего поссесора, такъ смотри, чтобъ все было готово. Да, смотрите, никому не говорить объ этомъ до моего возвращенія; а то услышитъ вашъ панъ и уѣдетъ, тогда будете искать сами; а не найдете, въ Сибирь, въ каторгу сошлю.

Затѣмъ потребовалъ у соцкаго тройку и уже поздно вечеромъ поскакалъ въ сосѣднее село Романовку. Здѣсь онъ переночевалъ; въ воскресенье утромъ, когда явился къ нему соцкій и сталъ распрашивать, по какому виду онъ ѣдетъ, то Семеновъ, ударивъ его нѣсколько разъ плеткой, велѣлъ сейчасъ-же подать тройку и къ обѣду собрать значительный караулъ изъ надежныхъ людей, такъ какъ онъ на возвратномъ пути будетъ препровождать очень важныхъ арестантовъ. Тоже продѣлалъ онъ и въ с. Мошуровѣ, и въ Тальномъ, вездѣ разсыпая удары нагайкой всякому, кто сколько-нибудь ослушивался или медлилъ исполнять его приказанія.

Приготовивъ такимъ образомъ для себя возможность спастись бѣгствомъ, когда откроется его продѣлка и станутъ его преслѣдовать, Семеновъ приступилъ къ выполненію задуманнаго плана.

Вернувшись изъ Тальнаго въ Мошуровъ, онъ засталъ уже здѣсь собранныхъ соцкимъ до пятидесяти крестьянъ, готовыхъ исполнять всѣ приказанія столь строгаго начальства.

Я присланъ отъ царя взять вашего пана и объявить вамъ, что вы съ этого времени свободны, что-бы никто васъ на панщину не требовалъ; идите-же за мной и помогите мнѣ взять его,—такъ зарекомендовалъ себя Семеновъ передъ собравшимися крестьянами.

Толпа, образовавшись, двинулась за Семеновымъ по направлению къ панскому двору, вооружаясь по дорогѣ кольями, вытяну

тыми изъ встрѣчавшихся по пути плетней. Это происходило въ воскресенье, селяне по большей части отдыхали дома отъ работы недѣльной, поэтому къ двигавшейся по улицѣ толпѣ приставало очень много любопытныхъ, и вскорѣ она возрасла до двухъ сотъ душъ.

Дорогой соцкій началъ жаловаться Семенову, что экономъ Квицинскій запретилъ выдавать ему почту. Семеновъ обѣщалъ раздѣлаться съ нимъ за ослушаніе и, отдѣливъ тридцать человѣкъ, приказалъ имъ пойти и окружить домъ поссесора Ганлея, а самъ съ прочими завернулъ къ эконому.

— Здравствуй, с.... с..., мошенникъ! Ты какъ смѣлъ спрашивать у меня бумагу?—обратился солдатъ къ Квицинскому.

Перепуганный экономъ началъ было извиняться, обзывая солдата чуть не высоко-превосходительствомъ, предлагалъ сейчасъ-же приготовить нѣсколько троекъ; но Семеновъ не слушалъ его.

— Я тебѣ покажу бумагу! У меня ея цѣлый мѣшокъ,—продолжалъ онъ кричать на эконома.

— Эй, соцкій, кандаловъ! Заковать его! А вы чего стоите безъ шапокъ, надѣвайте, уже ихъ панство кончилось; на панщину никто не посмѣетъ гнать васъ.

— Ваше высоко-превосходительство, это имѣніе генерала Нарышкина, проговорилъ едва слышно экономъ.

— А, Нарышкина?! Ну, такъ можно немного работать;—только не много!!

Крестьяне, понуждаемые плетью и кулаками Семенова, быстро заклепали въ желѣза эконома; тогда самозванный царскій посланный, поставивъ подлѣ него караульныхъ, повелъ стоявшихъ тутъ крестьянъ къ поссесору Ганлею.

Между тѣмъ Ганлей, увидавъ такую толпу съ дрекольемъ въ рукахъ и припомнивъ слухи о рѣзнѣ, испугался и велѣлъ затворить всѣ окна и двери и спрятался съ семействомъ въ бывшій подъ домомъ погребъ. Семеновъ приказалъ брать домъ приступомъ: крестьяне принялись бить стекла въ окнахъ, а другіе, подхвативъ лежавшее позади дома бревно, стали разбивать двери. Ударили разъ, другой; двери—дубовыя, не поддаются; за третьимъ разомъ съ грохотомъ и трескомъ повалились въ сѣни. Семеновъ, какъ стоялъ передъ крыльцемъ верхомъ на лошади соцкаго, такъ и двинулся прямо въ панскіе покои.

Въ сѣняхъ стоялъ перепуганный Ганлей.

— Ты, кто таковъ? спросилъ его Семеновъ и ударилъ нѣсколько разъ нагайкой.

— Я хозяинъ дома, отвѣчалъ Ганлей. Семеновъ приказалъ ему слѣдовать за собой въ залу. Здѣсь, ударивъ нѣсколько разъ Ганлея по щекѣ кулакомъ, Семеновъ велѣлъ сельскому атаману заковать пана въ кандалы, перевести въ другую комнату, раздѣть тамъ до нага и обыскать. Крестьяне сняли платье съ Ганлея и подали солдату. Въ карманѣ сюртука лежало полтораста рублей ассигнаціями и шесть рублей серебряной монетой; Семеновъ деньги вынулъ и взялъ себѣ, а платье подалъ назадъ хозяину.

Затѣмъ онъ позвалъ экономическаго писаря и приказалъ ему сейчасъ-же составить опись всего имущества Ганлея, а самъ съ другими крестьянами пошелъ въ кладовую, гдѣ взялъ двѣ серебряныхъ ложки, ножъ и бутылку вина, и воротился назадъ въ покои. Опись была составлена. Семеновъ посмотрѣлъ на нее, сложилъ и сунулъ въ карманъ. Въ это время пришелъ какой-то отставной офицеръ Хржановскій и сталъ ругать Семенова за безчинства; Семеновъ скомандовалъ крестьянамъ дать офицеру двѣсти розокъ, и тѣ исполнили приказаніе; затѣмъ по распоряженію Семенова Хржановскаго забили также въ колодки и посадили подлѣ Ганлея.

Теперь я у васъ покончилъ, нужно ѣхать въ Романовку,—обратился Семеновъ къ крестьянамъ; ты, соцкій, поставь здѣсь крѣпкій караулъ и береги ихъ до моего возвращенія, да приведи сюда также и эконома.

Привели эконома. Семеновъ посадилъ всѣхъ троихъ пановъ посреди комнаты, вокругъ ихъ поставилъ двадцать человѣкъ стражи, потребовалъ себѣ отъ поссесора верховаго козака Захарія Кутерногу для разсылокъ и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Романовку.

Въ Романовкѣ соцкій также собралъ указанное число крестьянъ и дожидалъ пріѣзда Семенова. Да и какъ было не собрать, не послушаться его приказаній? „Вінъ-же вдавъ зъ себе такого строгого начальника“,—такъ крестьяне объясняли свое увлеченіе на допросѣ. Да, нашъ крестьянинъ того времени, привыкшій встрѣчать отъ засѣдателя и исправника самое грубое обращеніе, создалъ представленіе о высокомъ чиновникѣ, какъ о человѣкѣ съ кнутомъ и крѣпкимъ кулакомъ, разсыпающемъ удары на право и на лѣво, и чѣмъ сильнѣе

эти удары, тѣмъ важнѣе, значитъ, чиновникъ, а Семеновъ такъ искусно выполнялъ столь несложную роль.

Въ Романовкѣ объявили ему, что помѣщика дома нѣтъ, выѣхалъ куда-то, остался только его экономъ Чайковскій, при чемъ жаловались на послѣдняго за его жестокое обращеніе съ крестьянами. Семеновъ велѣлъ написать и подать ему жалобу; обѣщалъ наказать его и послалъ за Чайковскимъ козака Кутерногу. Чайковскій не пошелъ и заперся въ своихъ „официнахъ". Тогда Семеновъ съ шестьюдесятью крестьянами двинулся къ панскому двору, окружилъ домикъ экономa, приказалъ бить стекла въ окнахъ, выбить двери и вытащить Чайковскаго на дворъ.

— Ты какъ смѣлъ ослушаться моихъ приказаній?—закричалъ Семеновъ на Чайковскаго. Разложить его! И Семеновъ отсчиталъ экономy собственноручно двѣсти плетей. Чайковскій сошелъ кровью и лежалъ безъ чувствъ. Ожесточеніе крестьянъ противъ экономa было столь велико, что никто не тронулся пособить ему.

Затѣмъ Семеновъ повелъ крестьянъ къ помѣщичьимъ кладовымъ, отбилъ у нихъ замки и взялъ голову сахару, серебряную сахарницу, ножницы и нѣсколько связокъ табаку.

Было уже около четырехъ часовъ по полудни. Семеновъ почувствовалъ усталость отъ трудовъ и не захотѣлъ уже ѣхать къ Иваньки, а послалъ отъ себя козака Кутерногу съ романовскими войтомъ и атаманомъ, поручивъ имъ арестовать иваньковскаго нотаріуса Яворскаго и ожидать его пріѣзда. Въ знакъ полномочія онъ надѣлъ на Кутерногу взятую у Гаплея саблю.

Иваньковская громада давно уже съ нетерпѣніемъ ожидала пріѣзда „флигель-адъютанта изъ Петербурга", какъ тутъ окрестили Семенова, и когда полупьяный Кутернога, указывая на саблю, объяснилъ крестьянамъ свое назначеніе и сказалъ имъ идти за нимъ, то вся толпа ринулась въ панскій дворъ.

На крыльцѣ встрѣтилъ толпу Яворскій и обращаясь къ Кутерногѣ, спросилъ:

— Ты хто такий и звідки взявся?

— Я самъ собі чоловікъ, приїхавъ взять тебе; а отъ, за мною скоро прійде жандаръ, такъ пропадешъ тоді, якъ собака,—отвѣтилъ Кутернога и ударилъ Яворскаго плетью.

Яворскій скрылся въ комнаты и заперъ за собою двери, затѣмъ, увидѣвъ черезъ окно соцкаго, закричалъ ему:

— Эй, соцкій, бійся Бога! що ты робишъ, чомъ не вяжешъ цихъ розбійниківъ? Я ніякого указу не читавъ и не бачивъ, се якійсь обманъ.

— Такъ я бачивъ і чувъ, якъ читали,—отвѣтилъ соцкій: пропала теперъ твоя голова, Яворскій!

Яворскій выслалъ двухъ дюжихъ ниіхтичей, чтобы связали козака, но крестьяне не позволили имъ этого сдѣлать и поколотили ихъ. Послѣ этого Кутернога ударилъ плетью по окну, выбилъ стекла и думалъ было черезъ окно пробраться въ комнаты, но былъ оттолкнутъ находившимися тамъ экономами Яворскаго и упалъ на землю. Разсерженный такимъ сопротивленіемъ, онъ приказалъ разбивать двери. Между тѣмъ за это время Яворскій успѣлъ спрятать свое семейство въ безопасное мѣсто, а самъ рѣшился отдаться въ руки взбунтовавшихся крестьянъ, поэтому отперъ двери и пустилъ ихъ въ комнаты. Крестьяне бросились вязать поссессора и его экономовъ: принесли сдѣланныя въ этотъ-же день спеціально для своего пана колодки и набили ихъ на ноги Яворскому. Кутернога съ саблей на-голо расхаживалъ по панскимъ покоямъ и раздавалъ приказанія, копируя своего начальника: писарю онъ велѣлъ описать все имущество Яворскаго, опечатать кладовыя, погреба, а соцкому послать надежныхъ людей въ с. Полковничую и тамъ также арестовать пана и доставить въ Иваньки.

Запировали тогда мошуровскіе, романовскіе и иваньковскіе крестьяне по случаю столь легко и неожиданно полученной воли; Семенова угощали водкой, курами, яйцами. Но не долго продолжалась ихъ радость: вечеромъ того-же дня имъ пришлось разочароваться въ мнимомъ посланникѣ царскомъ, а на слѣдующій день испытать всѣ ужасы экзекуціи.

Въ ту пору, какъ Семеновъ наказывалъ въ Романовкѣ экономовъ Чайковскаго, черезъ Тальное проѣзжалъ засѣдатель Скинтѣевъ. Увидѣвъ стоявшую подлѣ почтовой станціи толпу крестьянъ, онъ остановился и спросилъ, по какому случаю они тутъ собрались. Соцкій отвѣтилъ ему, что пріѣзжалъ какой-то важный чиновникъ изъ Петербурга, велѣлъ ему приготовить пять троекъ и крѣпкій карауль для препровожденія арестованныхъ въ сосѣднихъ селахъ

пановъ. Скинтѣевъ въ недоумѣніи, чтобы это значило, помчался по дорогѣ къ Мошурову, куда, какъ указали ему крестьяне, уѣхалъ петербургскій чиновникъ. Дорогой онъ старался угадать, кто-бы это могъ быть, и рѣшилъ, что, вѣроятно, пріѣхало какое нибудь весьма важное лице, чтобы арестовать пановъ, замѣшанныхъ въ исторіи декабристовъ; изо всѣхъ силъ спѣшилъ онъ встрѣтить должнымъ образомъ эту важную особу. Но въ Мошуровѣ его недоумѣніе разсѣялось: видъ разбитыхъ стеколъ и дверей, закованныхъ и избитыхъ пановъ, ограбленіе Ганлея—все этого было дѣломъ, свойственнымъ больше разбойнику, чѣмъ представителю власти. Сообразивъ быстро, Скинтѣевъ помчался по слѣдамъ за Семеновымъ.

Семеновъ въ это время выѣхалъ изъ Романовки по дорогѣ въ Иваньки, но, угостившись черезмѣрно, не могъ дальше ѣхать и тутъ-же, за селомъ, подлѣ стоявшихъ чумаковъ прилегъ и заснулъ. Тутъ его и настигъ Скинтѣевъ.

Разбуженный ударомъ Скинтѣева, Семеновъ поднялся, вынулъ ножъ и уже занесъ его надъ Скинтѣевымъ, но былъ удержанъ чумаками. Его связали, положили на повозку къ Скинтѣеву и подъ карауломъ отвезли въ Мошуровъ.

Не рѣшаясь оставить такого важнаго преступника безъ своего личнаго присмотра, Скинтѣевъ отрядилъ десять дюжихъ шляхтичей и поручилъ имъ арестовать въ Ивань кахъ козака Кутерногу и другихъ главныхъ зачинщиковъ, а самъ остался въ Мошуровѣ и арестовалъ мѣстныхъ крестьянъ.

На другой день привели закованнаго и избитаго Кутерногу, явились войска, пріѣхалъ судъ; на улицахъ запылали костры подъ громадными котлами, а по селу бѣгали солдаты, хватая куръ, гусей и поросятъ, и все это тащили къ костру.

Крестьяне долго не знали, кому вѣрить: освобождавшему-ли вчера отъ панщины чиновнику въ солдатскомъ мундирѣ, или закрѣпощавшимъ на другой день засѣдателю и исправнику, рѣшили, что паны подкупили начальство и покорились своей судьбѣ...

Семенова по суду приговорили къ смертной казни, а изъ ста пятидесяти арестованныхъ крестьянъ однихъ сослали въ Сибирь, въ каторжныя работы, другихъ на поселеніе, третьимъ присудили по пятидесяти ударовъ кнутомъ, нѣкоторыхъ оправдали.

К. К—къ.

КЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ.

ВНУТРЕННІЕ РАСПОРЯДКИ.

I.

Приговоръ большой экстраординарной „рады“.

Въ запорожскомъ войскѣ бывали годовыя и полугодовыя „рады“, то есть общія собранія всѣхъ чиновъ „товарищества“,—первыя для выбора кошеваго и всей „войсковой“ старшины, то есть судьи, обознаго, эссауловъ и другихъ, а полугодовыя—для отдачи по жеребью степей, рѣчекъ и другихъ угодьевъ. Экстраординарныя „рады“ или сходки собирались по особеннымъ случаямъ, какъ-то: для выслушанія высочайшихъ указовъ, гетманскихъ универсаловъ, внезапному наряду козаковъ на пограничную службу, отпускъ „громадскихъ“ денегъ, а также рѣшенія спорныхъ дѣлъ и принятія особенныхъ мѣръ по внутреннимъ распорядкамъ. Къ этому послѣднему разряду принадлежитъ „рада“ 23 декабря 1764 года, приговоръ которой, списанный нами, къ несчастію съ весьма ветхаго документа, предлагаемъ здѣсь съ возможною точностію. Этотъ документъ весьма любопытенъ и по особенной его формѣ изложенія, и по прикосновенію его къ исторіи гайдамачества, въ томъ особенно смыслѣ, что опровергаетъ категорически участіе Запорожья, какъ общины, въ набѣгахъ на поляковъ и жидовъ.

1764 года декабря въ 23 день.

„Мы всѣхъ куреней атаманы, со всѣми старшими козаками, съ стариками и молодыми, добросовѣстными, въ Кошу запорожскомъ, при собраніи полномъ войсковомъ всѣхъ старшинъ, стариковъ и атамановъ, по приговору и желанію къ доброму порядку всего Коша дали сію въ Кошу росписку въ нижписаннемъ:

„Гдѣ есть степами и лугами, нашихъ куреней, воры и злодѣи и какой бы не былъ ватажекъ, передержатель и покупщикъ воровскаго, не только гдѣ жили, но и гдѣ шатались въ чатахъ и собраніяхъ, до единаго прибрать въ руки, искоренить и удержать вовсе отъ воровства, дабы ни въ татаръ, ни въ Польши ни въ россійскихъ подданныхъ, по шляхамъ и по зимовникамъ, ни на одну копѣйку веточъ отъ сего дне не чинили-бъ; зо всѣми до единаго козака смотрѣть отнюдь удержать обовязать; защищать, передерживать винного и за нимъ ручиться нигдѣ не будутъ; къ бунтамъ и радамъ ни одного не допускати, и за то худобою своей и горломъ со всѣмъ куренемъ ставить, не щади одинъ одного и по всѣмъ приказамъ всегда будемъ въ послушаніи въ Кошевого и старшинъ войсковыхъ: воровство вовсе истребить приступаемъ и прійдется (?) вѣрно. А ежели въ какомъ куренѣ атамамъ не исправенъ, ослушенъ и потатчикъ злодѣйствамъ будетъ, то господину Кошевому вольно его покарати и того приказать отставить, а другого изобрать, и только добраго и исправнаго заразъ поставить, а его во всѣхъ куреняхъ всякой чести лишить и въ другой разъ атаманомъ не выбирать и не становити. А господину Кошевому и войсковой старшинѣ отъ сего же дня за нами, якъ и за всѣми куренями такъ смотрѣть, щобъ были мы всегда въ добромъ страду и порядку и на кому что явится, не миновати и нѣякого воровства не допускать и карати, по войсковому обычаю, потачокъ, дозволенія не на что худое никому не давати, взятковъ съ винныхъ не брати и ихъ не выпускати безъ наказанія всего Коша, ни за малѣйшую воровскую вину; ни на какіе поруки воровъ и ихъ согласниковъ не давати; а кто прійдетъ за такимъ ручитись, то и того оковати и съ воромъ равно держати и карати".

„А ежели не такъ поступатиметь господинъ Кошовій, судія, писарь и асауль, и явится въ чемъ потакунъ, или добрыхъ или невинныхъ козаковъ будетъ напрасно обижать, то, не дожидая рады годовой или полугодовой, атаманамъ и старикамъ такихъ правителей, заразъ съ доносомъ главнымъ командамъ, отъ Коша отставить и никогда того подозрительнаго и слабаго старшину уже не выбирать и въ ни какой чинъ не ставить, и якого дѣла и обидъ не окончить, то съ самаго того взыскать. При томъ-же они господа въ Кошу правящіе землю войсковую отъ всякихъ утисковъ оберегать и милости отъ ея императорскаго величества высочайшихъ правительствъ и главныхъ командъ искать, за всѣ

нужды и надобности, и не пропускать никакихъ дѣлъ и всегда смотрѣть по всему Кошу о добрыхъ состояніяхъ".

„Дабы въ полномъ послушаніи, чести и вѣрности все могло жити и войсковыми прежними полезными обычаями и привиллегіями на вѣки пользовались и на то все войско въ войсковій особливый скарбецъ и табель восковій сдѣлати, съ чего лучше можно, и умножити такъ, якъ въ другихъ войскахъ, и при сборѣ стариковъ и атамановъ считати, терятн и содержати: скрынку войсковую неподвижную при церкви расходную для Коша [1]) въ судіи и о томъ всемъ стараться правящимъ въ Кошу. Тако-жъ порохъ и свинецъ войсковій неподвижно содержати. На каждую потребность атаманамъ и старшинѣ казны войсковой себѣ никогда не дѣлити и не касаться, безъ стариковъ, до скарбцу неподвижнаго войсковаго, подъ смертнымъ штрафомъ, и кто на то настояти маетъ и сей войсковый уставъ и подписи наше перемѣнитиметь, то горломъ карать и всю худобу его забирать, не уважати ни на старшину, ни на атамановъ и ни на кого. А что-бъ всегда войско запорожское низовое исправно было ружьемъ, коньми со всѣмъ прибором, того господину Кошевому и атаманамъ всѣмъ смотрѣти и приказывать безъ забутку, и за всѣми козаками атаманы будутъ неусыпно того наблюдати и на службу его императорскаго величества отъ мала до велика готовы состоять и состоятимуть на вѣки".

„Въ томъ подписуемся всякъ куреня атаманъ зъ стариками и козаками по простотѣ крестами, а кто можетъ письмомъ, и что должны все вышеписанное содержати и исполняти непремѣнно сугубо и охотно обовязуемся, а въ аппробацію и подверженіе господинъ Кошевый атаманъ и войсковые старшины нынѣшніе и бывшіе на семъ подписываться имѣютъ, и войсковую печать при всѣхъ приложить, и представить всѣмъ высокимъ властямъ, и читать сіе всегда въ радѣ при сборѣ старшинъ".

За симъ слѣдовали цѣлыя тетради подписей, но они пропали, а уцѣлѣли лишь 26 подписей одного титоровского куреня, и во главѣ ихъ подпись, т. е. крестъ „атамана куреннаго Федора Шамрая".

---

[1]) Вѣроятно „съ ключемъ".

II.

Ордеръ по пограничнымъ дѣламъ съ татарами.

„Вамъ Маркови Каженови, куренному (атаману) незамоевскому и знатному войска нашего запорожскаго низоваго товарищеви, такожъ и прочимъ войска нашего при Камянце [1]) сидячимъ и по иныхъ мѣстахъ по близу козакамъ симъ нашимъ войсковымъ открытымъ листомъ, объявивъ, приказуемъ:

„Понеже отъ насъ войска нарочно опредѣленные куренные атаманы, два человѣка: куреня корсунскаго *Пазель Козлецкій*, да куреня васюринскаго *Иванъ Шостакъ*, и придавъ къ нимъ пристойное число козаковъ, къ перевозу Кизи-Керменскому [2]), поставленному отъ хана крымскаго, для изслѣдствія и распросу, почему оный при Кизи-Кермени перевозъ отъ татарской стороны учрежденъ, и маютъ-ли они отъ кого на то повелительный указъ или нѣтъ, и дабы на томъ ихъ кизи-керменскомъ перевозѣ людей никакихъ купецкихъ и прочихъ не пуская, ихъ оттоль отвергнуть и возить не дерзать, запретить посылаются".

„Того ради и вамъ пригрозя приказуемъ: по ихъ вышеозначенныхъ атамановъ требованію не чинясь ослушными, всякое удобовозможное спомоществованіе чинить, и сами собою потрудитесь, и тако сколько можно будетъ съ околичныхъ тамошнихъ зимовниковъ козаковъ и взявши оныхъ къ себи, съ выше прописанными нарочно посланными атаманами, къ перевозу кизикерменскому имѣете поѣхать, и что они прикажутъ вамъ дѣлать, не ослушаясь то и дѣлайте, а сверхъ ихъ приказу отнюдь вамъ ничего не сочинять и жадныхъ ссоровъ и дракъ, такожъ и озлобленій никому не показовать, подъ жесточайшимъ штрафомъ. Данъ зъ Коша сентября 27, 1743 году".

На означенномъ подпись: „Якимъ Игнатовичъ, атаманъ кошевый войска запорожскаго низоваго съ товариствомъ".

(М. П.).

Причиною такого распоряженія было то, что татарс, дабы переманить купцовъ и солевозовъ на свою сторону мимо запорожской переправы въ камянскомъ форпостѣ, устроили свой у нынѣшняго Борислава, существующій доселѣ.

---

[1]) С. *Каменка* херсонской губер. и уѣзда на рѣчкѣ сего имени, впадающей въ Днѣпръ, выше Борислава. Тамъ въ 1711 году была времезная Сѣчь и переправа на крымскую сторону.

[2]) *Кизи-Кермень*—нынѣ *Бориславъ* херсонской губерніи.

III.

Духовная умершаго запорожскаго козака.

Одинъ польскій губернаторъ прислалъ въ Кошъ духовное завѣщаніе умершаго въ его округѣ запорожца, купца Ивана Высочина, на польскомъ языкѣ написанное и въ Сѣчи переведенное на русскій—и какъ видно полякомъ. Мы списываемъ этотъ документъ буквально, раздѣливъ его только на 3 §, т. е. на *состояніе* умершимъ оставленное, на его *распоряженіе* и на *исполненіе* этого распоряженія. Гдѣ именно умеръ завѣщатель, мы еще не узнали.

„Я *Иванъ Высочинъ*, запорожецъ, симъ моимъ остатнимъ тестаментомъ записую, сколько имѣю собственной своей мизеріи и какъ оказуе, и записую настоящія доказательно такъ, дабы, по смерти моей, турбаціи и споровъ какихъ-либо какъ въ Польской Области, такъ и въ Запорожьѣ не было, всякому кому вѣдать надлежатиметъ, объявляя".

1.

„Впервыхъ имѣю я товару: горѣлки ганнусковой (анисовой) пробной до третьи воды спустивъ [1]) 220, за которую горѣлку выдавши совсѣмъ, вышло суммы . . . . . 420 р. — к.
да Иванъ Шаргородченко виноватъ . . . . . 5 р. 50 к.
Яковъ Зерденовскій виноватъ . . . . . 2 р. — к.
Грицько Солодивый виноватъ . . . . . 6 р. — к.
При мнѣ готовыхъ . . . . . 18 р. — к.

2.

„Герасимови братови записую коня бѣлаго съ кульбакою и рушницею; ратище, жупанокъ зеленый, опанчу (въ Сѣчи), шаровары синіе, ковдре (одѣяло) и килимъ (коврикъ)".

„Деревни Плещаневѣ, гдѣ были родичи мои, записую на сорокоустія за помершихъ . . . . . 10 р.
На тую жъ церковь записую . . . . . 10 р.
Тамъ-же и за мене грѣшнаго записую . . . . . 5 р.

„Что остается денегъ товарискихъ у Грицка Односума (вѣроятно по куреню), то прошу изчислити при атаманѣ Яцку, и по расчетѣ, что въ мою часть надлежатиметъ, прошу каждому просящему дать".

„Такъ-же до „Святыхъ Горъ" (въ харьковской губ.) 20 р. — к.
Въ Камянку до чудного образа Матери Божіей . . 10 р. — к.

[1]) Спустъ—три ведра.

Герасимови братови записую . . . . . 10 р. — к.
Въ курень прошу обѣдъ справить рублей на . . 3
За похороны священникамъ: Зятковецкому 15 зл. п. 1 р. 5 к.
Мелешневскому . . . . . 1 р. — к.
Дякамъ съ товарищми. . . . . 1 р. — к.
Пономарю . . . . . — р. 10 к.
Братству . . . . . — р. 50 к.

Лошакинъ съ Односумомъ товарищскихъ пять.

Хутро (шубу) и кунтушъ отдать до Сѣчи, и Односумъ нехай продасть и деньги на церковь дасть".

„Сіе взаписую при людяхъ достойныхъ, а именно: Андрею Дубовому, Яцку Пидгѣрносу, Ивану Рудому, Василію Бѣлицкому, Костѣ Микитису, Якову Шередя и Ивану Шароградскому".

3.

„Реестръ по умершему Ивану Высочину, ще выдано на разные расходы за его покойнаго душу, а именно:

„Зъ денегъ: попу изъ братствомъ того-жъ храма готовыхъ денегъ . . . . . 12 р. — к.
Дякамъ того-же храма . . . . . 1 р. — к.
Отцу Василію Мелешковскому . . . . . 1 р. — к.
Поломареви 10 к.; дякови Мелешковскому 5 к.; братчикамъ того-жъ храма 50 к.; за ладанъ на похороны сдержано 5 коп.
За кабана на обѣдъ употреблено. . . . . 1 р. 5 к.
За борошно (муку) пшеничное. . . . . 1 р. — к.
За маслосвятіе . . . . . 1 р. — к.

„Горилки на маслосвятіе употреблено полспустъ, на обѣдъ спустъ, а потомъ вторично полспустъ".

„Попу дано хутро (шубу) чорное и кунтушъ.

„Арендарю Шліоми долженъ остался по. . . . . 4 р. 25 к.
Беркови шинкарю . . . . . — р. 5 к.
Писареви . . . . . — р. 5 к.
Иванови Шароредску . . . . . — р. 5 к.
Въ Ладыжичъ на позвонье. . . . . 1 р. — к.
За подковку коня и за подковы . . . . . — р. 20 к.

Взято на подкову 15 фугъ.

„За росписку, которую далъ покойный Иванъ къ отсылкѣ до Сѣчи, имѣвшуюся отъ жида Затковскаго, то прошу, чтобъ сюда назадъ была прислана чрезъ Ивана Шаргородіенка, яко

жидъ проситъ, что-бъ ему обратно отданъ былъ, о чемъ и Герасимъ сознаетъ, что куда выдано".

Это примѣчаніе сдѣлано вѣроятно губернаторомъ польскимъ, приславшимъ въ Сѣчь духовную Высочина.

Для насъ въ особенности интересна цѣна припасовъ и вознагражденіе церковнослужителей. Кабанъ стоитъ всего 1 руб. 5 коп., да ладанъ 5 к. Дьяку и попомарю дано всего по 5 коп.

На подлинномъ документѣ замѣчено: „переводъ съ польскаго на русскій діалектъ".

IV.

„Печатка" по случаю опасеній нападенія татаръ, въ 1769 году.

Печатками [1]) назывались въ Запорожьи тѣ приказы Коша, которые разсылались по паланкамъ и перевозамъ, особенно въ началѣ существованія войска, за неимѣніемъ писарей; онѣ состояли изъ одной печати, наклеенной на воскѣ или бумагѣ, а содержаніе ихъ передавалось изустно. Прилагаемая здѣсь „печатка" принадлежитъ уже позднѣйшимъ годамъ. Происхожденіе ея было слѣдующее: по свѣдѣніямъ доставленнымъ полковниками самарской и орельской паланокъ (нынѣ верхнеднѣпровскій уѣздъ, екатеринослав. губерніи), татары сожгли 72 зимовника и въ нихъ убили 54 чел., въ плѣнъ взяли 256 душъ обоего пола и захватили 22,080 штукъ скота, овецъ и лошадей.

„По полученіи сей печатки всѣ по зимовникамъ стоящіе въ Тарасовскомъ, Бѣленкомъ и Хортицахъ [2]) имѣютъ неотмѣнно какъ себя, такъ и тѣхъ, кто съ ихъ господаремъ живетъ, и могущественные и таковые, въ коихъ лошадей не имѣется, а они могутъ за що себѣ купить, ружемъ каждаго и по парѣ лошадей приспособить. Служителей-же своихъ, ружежь чтобы было у каждаго, а когда хозяинъ пожелаетъ, то и парою лошадей приспособить-же, и всякій козакъ хозяинъ, со всѣми въ зимовнику, быть во всемъ къ походу и отпору противъ татарскаго движенія готови, и такъ что ежели куда повелѣно будетъ выступать, то

[1]) Въ 1770-хъ годахъ были еще *карточки* посылаемыя по куренямъ о нарядѣ козаковъ на посты и чаты.

[2]) Херсонской губерніи и уѣзда, на границѣ.

всѣ зъ зимовника какъ конные, такъ и пѣшіе, оставя при скотѣ въ зимовникѣ для смотрѣнія онаго одного человѣка, выступить въ повелѣнное мѣсто; а безъ позволѣнія никуда движенія не имѣть, и всѣ безотлучно находились-бы всегда при зимовникахъ".

„Сію „печатку" посылать зимовникъ отъ зимовника самоскорѣе и какъ всѣ зимовники обойдетъ, то возвратить опять до Коша и отдать въ канцелярію войсковую; посылается-жъ съ Коша, 1768 года, ноября 13".

Наша печатка, къ сожалѣнію, до того была ветха отъ сырости, что мы были принуждены дополнять ее иногда своими собственными словами.

V.

По церковнымъ дѣламъ.

Въ 1759 году запорожское войско пожелало сдѣлать для своей сѣчевой церкви паникадило серебренное, по образцу кіевской печерской лавры. Но такъ какъ это было вѣсомъ въ 7 пудовъ, то рѣшено было заказать въ Москвѣ паникадило серебренное въ 5 пудовъ и 2 аршина вышины. Къ этому случаю относятся слѣдующія два письма запорожскихъ посланцевъ, довольно любопытныя.

1) *1759 года іюня 17, изъ Кіева.* Запорожскій полковникъ Максимъ Куликовскій, посланный въ Кіевъ для снятія образцовъ съ печерскихъ паникадилъ, пишетъ Кошевому (Алексѣю Григорьеву Бѣлицкому) слѣдующее:

„Софійскаго кіевскаго монастыря всечестнѣйшій отецъ намѣстникъ, бывшій въ батуринскомъ монастырѣ игуменомъ, Іосифъ Миткевичъ, просилъ къ себѣ, въ котораго въ самый праздникъ (Сошествіе св. Духа) будучи, кушали всѣ и по нашему у его прошенію, за ходатайствомъ, у преосвященнаго митрополита кіевскаго Арсенія были, и благословеніе въ понедѣльникъ на Троицу получить удостоились; а за скорымъ моимъ съ атаманомъ отходомъ въ квартиру, оставшіеся только два Онисимъ Семеновъ, да писарь у стола преосвященнаго кушали и довольно гуляли, и при отходѣ оба раза въ квартиру нашу въ межигорскій дворецъ [1]) софійскимъ монастыря поѣздомъ (экипажемъ) цугами отвозили и такъ отъ него всечестнаго угощены, что его

[1]) Подворье межигорскаго монастыря на Подолѣ Кіева.

благопріятствомъ весьма проникнуты и предъ В. В. безъ похвалки оставить было невозможно".

Само собой разумѣется, что отъ Софійскаго и другихъ монастырей посланъ былъ въ Сѣчь, съ дозволенія митрополита, монахъ (намѣстникъ батуринскій), для сбора милостыни.

2) *Изъ Глухова, 22 сентября 1759 года* атаманъ дядьковскаго куреня, Онисимъ Семеновичъ, пишетъ тому-же Кошевому:

„По словесному повелѣнію В. В. и общему приговору, я серебро, взятое мною изъ Сѣчи для издѣланія паникадила въ Москву возилъ, и тамо какъ я самъ, такъ и его высокопреподобіе, отецъ архимандритъ новоспасскій въ издѣланіи онаго прилагалъ старанія, только-жъ въ Москвѣ тамошніе золотари, безъ выдачи заразъ денегъ, взять не похотѣли. Хотя-жъ и были тые, что нѣкоторые взять и принимались, но не скоро сдѣлать обѣщевались. Мое-жъ намѣреніе было, что-бъ взявши, по приговору войсковому съ казны жалованной деньги, которые по нашему намѣренію принять желалось въ Москвѣ, самому до сдѣлки прожить. Токмо отъ Статсъ-Конторы выдачу не въ Москвѣ, но въ Кіевѣ ассигновано принимать. Почему я принужденъ тое серебро, ѣдучи обратно, взять отъ отца архимандрита и въ Глуховѣ, по совѣту мѣщанъ, въ томъ числѣ и Григорія Приблудова (кои и ручались), отдать ко издѣланію къ майстру глуховскому мѣщанину и жителю, Карлу Яковлевичу *Кеппину*, съ такимъ договоромъ, что онъ до принятаго отъ мене 1-го пуда 20 фунтовъ и 20 лотовъ, кои состоить 8° пробы, своего прибавить 3 пуда и 8 фунтовъ 12-й пробы; фунтъ цѣною по 15 рублей. И съ того всего серебра, т. е. 4½ пуда, сдѣлать оное (паникадило) 1760 г. въ декабрѣ мѣсяцѣ; а деньги съ перваго теперешняго времени, за пріемомъ въ Кіевѣ казны тысячу рублей, а по сдѣлки половинной части паникадила, нѣкоторую часть, да за привозомъ на его коштъ, всѣ остальные отдать росписку обовязался. О чемъ въ контрактѣ пространнѣе изъяснено".

Подпись: „Онисимъ Семеновъ".

VI.

Инструкція для ревизіи паланокъ и сбора податей 1762 г.

„Изъ Коша войска запорожскаго низоваго панамъ атаманамъ (куреней): деревянковскому Николаю *Тимофѣеву*, левушковскому Якову *Качалову*, дядьковскому Гаврилу *Щирому*".

ИНСТРУКЦІЯ.

„Въ Кошѣ извѣстно учинилось, что по ревизіи въ минувшемъ 1756 году о дворовомъ числѣ въ вѣдомствахъ кодацкомъ и самарскомъ чиненной, по якой отъ означеннаго году по нынѣ и годовой окладъ на войско зъ обивателей взиманъ былъ, за расходомъ зъ прочихъ селъ въ другіе мѣста обивателей, не малое несходство въ написанномъ числѣ имѣется, потому что въ какомъ селѣ написано было дворовъ большимъ числомъ, за сходомъ, нынѣ остается малымъ, а гдѣ меньшимъ было, состоитъ большимъ. Отъ того слѣдуетъ и слѣдовать можетъ народу немалая тяжесть и во взятіи за изшедшихъ излишняго платежа обида и разореніе. Дабы впредь того не слѣдовало, повелѣли Мы, полнымъ Собраніемъ, для учиненія самою вѣрностью: гдѣ именно въ вѣдомствахъ кодацкомъ и самарскомъ, въ селахъ, какимъ числомъ дворовъ тяглыхъ и пѣшихъ состоитъ, въ тѣ вѣдомства для составленія ревизіи отправить васъ, и вы имѣете получа сію нашу инструкцію, учинить нижеписанное:

1.

„Слѣдовать въ вышепрописанные вѣдомства въ кодацкое и самарское, за пріѣздомъ атаманамъ „посполитымъ“ [1]) кодацкому и самарскому приказать о всѣхъ ихъ вѣдомства подданныхъ, наличныхъ, тяглыхъ и пѣшихъ, подать вѣрные списки, по якимъ вы, объѣхавъ обоихъ вѣдомствъ села, освидѣтельствовать и надлежаше безъ упущенія сочинить вѣдомости, и оные, за поворотомъ, намъ въ Кошъ представить.

2.

Живущимъ кодацкаго вѣдомства въ Биленковатомъ, Росоховатомъ и въ прочихъ байракахъ и мѣстахъ, тако-жь гдѣ козацкія зимовники имѣются, и отъ обивателей тѣснятся, объявить, дабы они болѣе уже тамо жителями не были и утѣсненія остаючимъ зимовниками козакамъ холостымъ не дѣлали, приказать въ села войти непремѣнно, по посланному въ козацкую паланку приказу.

---

[1]) *Посполитыми* они назывались для отличія отъ куренныхъ, т. е. военныхъ, все были семейные поселяне, или „поженившіеся“ козаки.

3.

Богородичанъ[1]), призвавъ въ самарскую паланку, каковые отъ тамошняго атамана Байраке чинятся обиды, озлобленіе и разоренія народу, спросить и по спросѣ учинивъ надлежащее разсмотрѣніе, и буде дойдетъ, что доносимыя намъ сюда обиды богородичанскимъ обивателямъ отъ него же будетъ до прама, то яко ему Байраку не до чиненія богородичанскимъ обивателямъ обидъ отъ Коша атаманску должность править велѣно,—другимъ, кого тамошніе обиватели похотятъ, добронадежнымъ человѣкомъ перемѣнить.

4.

„Воровъ и разбойниковъ, если гдѣ провѣдаете, сискивать, ловить и поступать по войсковымъ обычаямъ; равножъ съ самовольцами, ослушниками и не почитающими команды, поступать безъ поноровки, съ добрыми-же и честными запорожскаго войска козаками поступать вамъ обходительно.

„Зъ Коша, генваря 9, 1762 года“.

Въ этомъ, вообще интересномъ документѣ, любопытнѣе всего для насъ сдѣланное наставленіе, чтобы вышедшія въ степь на поселеніе „обиватели“ возвращалися въ свои усадьбы, дабы *не отыскять* козаковъ въ ихъ зимовникахъ. Между тѣмъ въ этихъ двухъ паланкахъ, занимавшихъ большую часть нынѣшняго екатеринославскаго и новомосковскаго уѣздовъ, т. е. на 15,500 квадратныхъ верстъ было всего 2,400 осѣдлыхъ семействъ, или до 8,000 душъ обоего пола, жившихъ въ 31 усадьбахъ, и нѣсколько сотъ козаковъ по зимовникамъ, а теперь здѣсь населенія болѣе, чѣмъ 300 тысячъ душъ обоего пола.

А. Скальковскій.

---

[1]) *Богородицкій* ретраншаментъ при впаденіи р. Самары въ Днѣпръ, близъ Новомосковска, построенъ въ 1711 году.

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи и переводѣ).

1643—1651 г.

(Окончаніе). *)

Іюля 16. Король продолжалъ предначертанный путь, съ намѣреніемъ преслѣдовать врага до самыхъ его кочевій и тамъ его истребить; но, сообразивъ, что при такой малочисленности своего войска, если онъ отправится лично въ непріятельскую область, то подвергнетъ большой опасности и себя и всю Рѣчь Посполитую, онъ собралъ совѣтъ для обсужденія, не будетъ-ли полезнѣе отправить гетмановъ съ войскомъ въ Украйну, самому же возвратиться для того, чтобы руководить доставкою новыхъ средствъ для продолженія кампаніи. Тщательно взвѣшены были всѣ побужденія, клонившіяся въ ту и въ другую сторону; наконецъ, въ воскресенье, ставъ лагеремъ у Орли, въ полторы мили отъ Кременца и въ мили отъ передоваго отряда, двигавшагося впередъ подъ начальствомъ польнаго гетмана, король объявилъ, что онъ возвратится назадъ съ своимъ дворомъ. Многіе офицеры протестовали весьма грубо противъ этого рѣшенія, особенно-же князь Вишневецкій, требовавшій, чтобы король непремѣнно отправлялся въ дальнѣйшій походъ съ войскомъ; изъ придворныхъ чиновниковъ къ этому-же мнѣнію склонялся канцлеръ (Андрей Лещинскій). Но король заставилъ ихъ замолчать, напомнивъ князю Вишневецкому, что самъ онъ не пожелалъ отправиться въ тылъ козацкаго табора иначе, какъ въ сопровожденіи 15,000 войска, теперь-же требуетъ, чтобы король съ половиною этого количества войска отправлялся въ отдаленный походъ.

---

*) См. январь, февраль, май, іюнь, сентябрь и ноябрь „Кіев. Ст.“

Іюля 17. Король пожелалъ передъ выѣздомъ произвести генеральный смотръ войску, съ этою цѣлью онъ отправился въ понедѣльникъ въ Кременецъ; но такъ какъ случились въ то время проливные дожди, то онъ отмѣнилъ смотръ и во вторникъ уѣхалъ въ одномъ только экипажѣ, даже не попрощавшись съ тѣми полками, которые находились въ передней стражѣ. Вечеромъ этого дня онъ прибылъ въ Броды, гдѣ ночевалъ у хоруніія коронпаго (Конецпольскаго), котораго здоровье уже тогда поправилось. На слѣдующій день онъ ночевалъ въ Бѣломъ Камнѣ.

Іюля 20 въ четвергъ король ночевалъ въ Глинянахъ. Во время его путешествія постоянно шелъ проливной дождь, приходилось ѣхать по грязи, оставивъ всѣ возы и подвергаясь всякимъ неудобствамъ; королю путь этотъ опротивѣлъ въ десять разъ болѣе, чѣмъ пребываніе въ лагерѣ. Если этотъ отъѣздъ короля и былъ невыгоденъ для Рѣчи Посполитой, то вся вина падаетъ на дворянское ополченіе, которое лишило его средствъ продолжать походъ, не только потому, что само удалилось, но и потому, что подало поводъ къ бѣгству всѣмъ тѣмъ, которые состояли въ войскѣ на жалованьѣ, теперь-же подъ предлогомъ поступленія въ новыя милиціи, убѣжали скоропостижно; изъ королевскаго полка осталось только три хоругви, которыя и послѣдовали за королемъ и принесли извѣстіе о томъ, что на остальныя королевскія хоругви нѣтъ никакой надежды. Не смотря на все это, Господь рѣшился до конца не оставлять насъ: панъ Суходольскій возвратился изъ-за Винницы съ извѣстіемъ, что ханъ и Хмельницкій находятся въ Крыму и что татаре вездѣ на обратномъ пути убивали и угоняли въ полонъ крестьянъ и козаковъ; наши также истребляютъ ихъ въ разсыпную. Притомъ Господь послалъ на нихъ повсемѣстный страхъ; наши, двигавшіеся „татарскимъ шляхомъ", встрѣчали на всякой переправѣ множество потонувшихъ коней. Панъ Суходольскій утверждалъ положительно, что повсемѣстно чернь затворяется въ городахъ, и вездѣ, гдѣ встрѣтится съ козаками, убиваетъ ихъ и даже истязаетъ ихъ женъ въ отместку за свои семьи, угнанныя татарами въ Крымъ. Такъ поступило ополченіе черни, которое въ числѣ до 15,000 отправлялось въ помощь козакамъ подъ начальствомъ наволочскаго войта, и по дорогѣ встрѣтивъ татаръ, было ими истреблено на половину. Чернь вездѣ заявляетъ готовность къ покорности и если это настроеніе продолжится, то подлинно можно сказать, что самъ Господь за насъ сражается, ибо мы сами не дѣлаемъ ничего такъ, какъ слѣдуетъ, хотя наши

солдаты и доблестно сражались въ теченіи трехъ дней. Въ войскѣ съ гетманами остался писарь польный Пржыемскій; князь Радзивиллъ и Убальдъ собираются уѣзжать. Король приказалъ, чтобы ротмистры оставались при хоругвяхъ, но многіе изъ нихъ сбѣжали.

Іюля 21. Король прибылъ во Львовъ; онъ явился въ городъ вечеромъ инкогнито и до ночи остановился въ одномъ частномъ саду; затѣмъ ночь провелъ въ забавахъ и развлеченіяхъ вмѣсто того, чтобы начать съ благодарственнаго молебствія Господу за ниспосланный по его милости неожиданный успѣхъ кампаніи. Во Львовѣ король остановился недѣли на двѣ, потому что онъ заболѣлъ вслѣдствіе неудобствъ лагерной жизни. Затѣмъ, излечившись, онъ уѣхалъ въ Варшаву.

Между тѣмъ получились самыя разнообразныя вѣсти отъ разныхъ лицъ о судьбѣ Хмельницкаго: одни утверждали, что онъ въ сопровожденіи 30 козаковъ отправился въ Крымъ вмѣстѣ съ ханомъ и что, потерявъ всякую надежду на возстановленіе козачества, онъ рѣшился принять исламизмъ. Извѣстіе это подверждали гонцы господаря волошскаго, которые находились при ханѣ во время его переправы черезъ Днѣпръ у Санкермена (sic) и увѣряли, что видѣли тамъ Хмельницкаго. Другіе утверждали, что ханъ насильно увелъ съ собою Хмельницкаго въ оковахъ, имѣя намѣреніе отмстить ему за посрамленіе и потерю своего войска, такъ какъ онъ отправился въ походъ, полагаясь на ложныя увѣренія Хмельницкаго, будто войско наше весьма слабо и малочисленно. Многіе, подтверждая послѣднее извѣстіе, прибавляли однако какъ достовѣрное свѣдѣніе, что Хмельницкій откупился отъ хана, уплативъ ему 150,000 злотыхъ или талеровъ, вслѣдствіе чего былъ отпущенъ на свободу. Кажется, что нѣчто подобное случилось дѣйствительно; во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что онъ остался въ Украйнѣ и въ Крымъ не поѣхалъ, доказательствомъ этого служатъ универсалы, разосланные имъ изъ Бѣлой-Церкви 2 іюля, т. е. нѣсколько дней спустя послѣ битвы, въ которыхъ онъ зазываетъ разсѣявшихся хлоповъ вновь собираться. Вотъ ихъ подлинный текстъ:

„Богданъ Хмельницкій, гетманъ, съ войскомъ запорожскимъ господамъ полковникамъ: бѣлоцерковскому, винницкому, брацлавскому, уманьскому и паволоцкому добраго здоровья отъ Господа Бога желаемъ. Извѣщаемъ васъ, что по совѣту съ товариствомъ мы рѣшили: немедленно быть на готовѣ и собираться, не откладывая сбора до двухъ или даже до одной недѣли; по-

тому приказываемъ вамъ стянуть всѣ названные полки къ Бѣлой-Церкви подъ начальство бѣлоцерковскаго полковника, остальные же полки соберутся подъ моимъ начальствомъ у Корсуня. Теперь необходимо намъ принять предосторожности, дабы враги не захватили насъ въ разбродѣ по домамъ. Съ этого времени всѣ извѣстія, какія дойдутъ до васъ, не теряя ни минуты, днемъ и ночью, сообщайте намъ; мы-же, въ свою очередь, будемъ васъ увѣдомлять обо всемъ, что узнаемъ, услышимъ или порѣшимъ въ нашемъ совѣтѣ. Вторично при томъ вамъ напоминаемъ, чтобы вы были на готовѣ и собирались въ одно мѣсто. Орда уже выступила и мы надѣемся, что враги наши не будутъ имѣть успѣха. За симъ поручаемъ васъ покровительству Господа Бога. Дано подъ Бѣлою-Церковью, дня 2 іюля, 1651 года. Богданъ Хмельницкій рукою власною".

Хотя многіе были увѣрены вполнѣ, что Хмельницкій находится въ Крыму, и потому считали эти универсалы подложными и опубликованными исключительно для того, чтобы ввести насъ въ обманъ, но впослѣдствіи истина обнаружилась, когда онъ самъ лично 9-го іюля явился съ нѣсколькими десятками козаковъ въ Любартовъ; вмѣстѣ съ нимъ находилось 2000 татаръ и три мурзы; они расположились лагеремъ у города, но вели себя скромно и смирно. Хмельницкій пообѣдалъ въ городѣ и выѣхалъ изъ него, взявъ съ собою съѣстные припасы, которыми нагрузилъ двѣ повозки.

Описавъ весь ходъ Берестецкой кампаніи и ея послѣдствій, возвращусь къ разсказу о нашемъ походѣ въ Подгорье, который имѣлъ слѣдующій исходъ: выступивъ изъ лагеря 26 іюня, какъ о томъ выше было упомянуто, мы двигались ускореннымъ маршемъ, понуждая къ нему и пѣхоту, для того, чтобы поскорѣе достигнуть Чорштына и потушить намъ вспыхнувшее пламя бунта. Чтобы избѣгнуть замедленія и траты времени на переправахъ въ белзской землѣ, гдѣ онѣ очень многочисленны и трудны, мы, переправившись черезъ Бугъ у Сокаля, раздѣлились на два отряда: мечникъ коронный и староста Сандецкій съ наемнымъ войскомъ отправились по дорогѣ на Нароль, мы-же пошли ближайшимъ путемъ на Любачевъ; мы все болѣе и болѣе ускоряли нашъ походъ, такъ какъ получали частыя вѣсти не только о происках Костки, но и о томъ, что на той границѣ собираетъ войска Сигизмундъ Ракочій, который состоялъ въ связи и съ нашими бунтовщиками и съ Хмельницкимъ. Но какъ его намѣре-

нія оказались тщетными, такъ и наша поспѣшность, стоившая намъ столько трудовъ, была излишня; ибо, еще до нашего прихода, противъ Костки отправилась пѣхота, находившаяся въ Краковѣ въ качествѣ гарнизона, и рать краковскаго епископа; ему не хватило ни пороху, ни съѣстныхъ припасовъ въ чорштынскомъ замкѣ, и потому горцы, которыхъ 40 человѣкъ, отъявленныхъ разбойниковъ, затворилось вмѣстѣ съ нимъ, потерявъ надежду на спасеніе и получивъ обѣщаніе, что будутъ отпущены на волю, выдали его нашимъ 24 іюня вмѣстѣ съ другими начальниками, которыхъ переписка выше была приведена. Всѣхъ ихъ казнили 18 іюля въ устрашеніе другимъ бунтовщикамъ. Начальникъ, называвшійся Косткою, но въ дѣйствительности бывшій или Паперскимъ или Симеономъ Бзовскимъ, и принявши самозванно титулъ старосты Чорштынскаго, былъ посаженъ на колъ; на допросахъ подъ пыткою онъ показалъ, что онъ принялъ фамилію Костки лишь потому, что воспитывался въ домѣ пановъ Костковъ, дѣйствительная же его фамилія Паперскій, притомъ онъ назвалъ себя незаконнорожденнымъ сыномъ короля. Передъ смертью онъ назвалъ себя Симеономъ Бзовскимъ. Маршалокъ Лентовскій былъ четвертованъ, а ректоръ Пцимскій обезглавленъ; тѣло послѣдняго, вслѣдствіе усиленной просьбы его сына, служившаго тогда органистомъ у краковскаго епископа, дозволено было похоронить при церкви св. Катерины, но голову его прибили къ висѣлицѣ, рядомъ съ другими казненными.

Мы очень сожалѣли, что извѣстіе о его поимкѣ сообщено намъ было слишкомъ поздно; ибо мы напрасно утруждались походомъ и лишены были возможности принять участіе въ битвѣ подъ Берестечкомъ. Желая имѣть по крайней мѣрѣ точныя извѣстія, мы поспѣшили впередъ въ Краковъ, оставивъ свой отрядъ назади; здѣсь извѣстіе вполнѣ подтвердилось. Не имѣя повода далѣе оставаться въ этомъ краѣ, мы переговорили съ краковскимъ епископомъ о дальнѣйшихъ мѣрахъ защиты, присутствовали вмѣстѣ съ нимъ на смотру войска, вновь навербованнаго для защиты краковскаго воеводства, и затѣмъ отправились назадъ въ Кальбушовую, намѣреваясь оттуда отправиться обратно въ лагерь, оставивъ лишь пѣхоту, которая была сильно утомлена. Но здѣсь мы получили письма, извѣщавшія насъ о томъ, что войско пошло въ Украйну, что дворянскія ополченія разбрелись по домамъ и что король возвратился въ Варшаву; вслѣдствіе этого мы и отказались отъ предположеннаго похода.

Между тѣмъ войско наше, разставшись съ королемъ, отправилось въ Украйну; но оно двигалось весьма медленно и съ большими затрудненіями, такъ какъ постоянно падалъ дождь, переправы оказались вездѣ плохія и испорченныя, лошади были изнурены и страшно страдали отъ оводовъ. Едва 30 іюля войско достигло Лабуни, но городъ этотъ и замокъ въ немъ были сожжены раньше. Во время этого похода наемныя хоругви поступали весьма своевольно и, желая вознаградить себя за то, что не получали жалованья отъ Рѣчи Посполитой, онѣ страшно грабили и опустошали мѣстности, по которымъ проходили.

Между тѣмъ литовскій гетманъ, князь Радзивиллъ, побуждалъ настоятельными письмами вождей нашихъ, чтобы они поскорѣе двигались къ Кіеву; онъ извѣщалъ ихъ о значительной побѣдѣ, одержанной имъ надъ козаками и о томъ, что онъ приблизился къ Кіеву, надѣясь рѣшительно одержать верхъ въ случаѣ, если оба войска соединятся. Но наше войско не могло ускорить своего движенія какъ по вышеприведеннымъ причинамъ, такъ и вслѣдствіе сильнаго голода, господствовавшаго въ томъ краѣ.

Хлопы украинскіе, ускользнувъ отъ опасности, разбрелись по домамъ своимъ; они совершенно пали духомъ и въ первое время готовы были отказаться отъ всякихъ бунтовъ и своеволія и стали подчиняться панамъ и ихъ прикащикамъ и управляющимъ и исполнять свои повинности; но когда они узнали, что шляхтичи разъѣхались по домамъ, что король, одно имя котораго наводило на нихъ страхъ, оставивъ войско, возвратился въ Варшаву, и что войско наше едва двигается черепашьимъ ходомъ, они немедленно стали опять помышлять о бунтѣ, вождей нашихъ и войско безъ короля они презирали, управляющихъ стали прогонять, распоряженія ихъ и письменныя инструкціи рвали, отъ исполненія повинностей отказывались и, побуждаемые универсалами Хмельницкаго, стали вновь собираться толпами.

Августа 20. Въ этотъ день, послѣ кратковременной болѣзни, скончался въ лагерѣ доблестный рыцарь князь Іеремія-Михаилъ Вишневецкій, воевода русскій, мужъ для отечества полезный во всякое время, но преимущественно теперь, для текущей кампаніи; все войско о немъ глубоко сожалѣло и, если-бы это было возможно, готово было бы собственною кровію искупить его кончину.

Августа 21. Я пріѣхалъ въ свое имѣніе Закоморье, которое сильно опустошили и враги и собственные наши солдаты; я про-

жилъ здѣсь нѣсколько дней. Въ это время я ѣздилъ въ Берестечко, для того чтобы осмотрѣть мѣстность, прославившуюся столь важными битвами и побѣдою; я видѣлъ непріятельскіе окопы, весьма крѣпкіе какъ вслѣдствіе мѣстоположенія, такъ и по возведеннымъ фортификаціямъ. Затѣмъ я посѣтилъ Броды, резиденцію покойнаго великаго гетмана Конецпольскаго; городъ сожженъ до основанія; остался только замокъ, укрѣпленный на подобіе голландскихъ крѣпостей и превосходящій всѣ другіе замки роскошью украшеній. Въ минувшіе годы крѣпость эта выдержала въ теченіи 12 недѣль осаду отъ 36,000 козаковъ и успѣшно ихъ отразила. Видѣлъ я также мѣстечко Лесневъ, оно все обращено было въ пепелъ татарами, когда они въ первый разъ шли аттаковать наше войско. Съ глубокимъ сожалѣніемъ осматривалъ я Подгорцы, славившіяся нѣкогда во всей Польшѣ крѣпостью и прекраснымъ дворцемъ, украшеннымъ фонтанами, гротами и каскадою. Дворецъ этотъ выстроилъ гетманъ Конецпольскій, предназначая его служить мѣстомъ отдыха послѣ утомительныхъ военныхъ походовъ и другихъ услугъ Рѣчи Посполитой. Мысль эту онъ выразилъ въ слѣдующей надписи, изсѣченной на мраморной доскѣ, помѣщавшейся надъ воротами:

Sudaris Martis—victoria
Victoriae—triumphus
Triumphi praemium—quies [1]).

Теперь все это разрушено и испорчено бѣшенствомъ разъяренныхъ хлоповъ.

Сентября 4. Относительно войска нашего и его похода въ Украйну ничего существенно важнаго не случилось въ теченіи цѣлаго мѣсяца; все это время оно двигалось впередъ крайне медленно по выше указаннымъ причинамъ. Враги сразу смутившіеся не только ободрились въ это время, но успѣли вновь скопить значительныя силы, такъ что они были въ состояніи вести не только оборонительную, но и наступательную войну. Правда на первыхъ порахъ они потерпѣли неудачу: не зная о томъ, что литовское войско выступило изъ Кіева для соединенія съ войскомъ коронным, непріятель отправилъ 3,000 отборной конницы къ Кіеву сухимъ путемъ и столько-же водою съ порученіемъ оттѣснить

[1]) „Награда трудовъ военныхъ—побѣда, побѣды—тріумфъ, тріумфа-же—отдыхъ“ Подгорцы и Лесневъ мѣстечка въ złoczowскомъ округѣ въ Галиціи.

литовское войско отъ Кіева, или по крайней мѣрѣ нанести ему чувствительный уронъ. Нашъ передовой отрядъ наткнулся на тѣхъ козаковъ, которые двигались сухимъ путемъ и разбилъ ихъ столь основательно, что немногіе только успѣли спастись; такая-же участь постигла и тотъ отрядъ, который плылъ по Днѣпру. Однако эта потеря была незамѣтна при многолюдствѣ враговъ, которые собирались большими толпами и съ той стороны Днѣпра и со всей Украйны. Впрочемъ самыя упорныя волненія и бунты своевольныхъ хлоповъ происходили по обыкновенію въ Брацлавщинѣ вслѣдствіе подстрекательства Богуна; здѣсь, на берегахъ Днѣстра, скопища безчинствовавшихъ опрышковъ (разбойниковъ) не дозволили возвратиться никому изъ нашихъ. Александренко и Чугай[1]), истребивъ шляхтичей въ окрестности Бара, сожгли въ этомъ городѣ замокъ, экономію и даже скирды хлѣба въ полѣ и затѣмъ, собравъ 10,000 людей, отправились къ своему войску. Чугай былъ убитъ случайно выстрѣломъ, который въ знакъ привѣтствія выпалилъ одинъ изъ хлоповъ, но Александренко, принявъ начальство надъ всѣмъ скопищемъ, расположился лагеремъ у Браилова, разослалъ разъѣзды во всѣ стороны, занялъ волости: Багрыновцы, Ваньковцы, Дубовую и другія помѣстья въ той мѣстности; козаки воспользовались помѣщичьими житницами, шляхту ограбили и истребили. Притомъ среди хлоповъ были распространены универсалы Хмельницкаго, въ которыхъ онъ приглашалъ ихъ обрабатывать и обсѣменять всѣ поля, утверждая, что ляхи находятся у него въ рукахъ, что уже нѣсколько недѣль назадъ къ нему пришло много татаръ. Господарь извѣщалъ насъ обо всемъ этомъ, равно какъ и о намѣреніи хана выступить въ походъ со всею ордою; онъ совѣтовалъ кастеляну краковскому кончать войну скорѣе, предостерегая, что въ Украйнѣ, особенно около Уманя, происходитъ наборъ лошадей для татаръ.

Вслѣдствіе того, что враги успѣли собрать значительныя силы и получили помощь отъ татаръ, наше войско, углубившись въ страну, столь отдаленную, очутилось какъ-бы въ осадѣ; враги захватили всѣ дороги и пути сообщенія, прервали всѣ сношенія, безпокоили нашихъ частыми стычками и произвели въ войскѣ нестерпимый голодъ, не допуская въ лагерь подвоза припасовъ. Хлопы въ селахъ и мѣстечкахъ вездѣ насмѣхались надъ нашими, восклицая: „ляхи отрѣзали насъ отъ Днѣпра, а мы ихъ отъ Вислы!“

[1]) Въ подлинникѣ имя этого предводителя названо разъ Чугай, другой разъ Чуйко.

Паны гетманы, видя, что войска его королевской милости и Рѣчи Посполитой сильно страдаютъ какъ отъ безпрестанныхъ стычекъ съ врагами, такъ и отъ голода, что силы враговъ постоянно увеличиваются подходящими къ нимъ отрядами козаковъ, и татаръ (въ лагерѣ Хмельницкаго у Бѣлой-Церкви находилось уже 160,000 козаковъ и 10,000 татаръ подъ начальствомъ Карашъ-мурзы и Мехметъ-мурзы), что всѣ пути ими заняты, наши-же не имѣютъ надежды ни на какія подкрѣпленія, старались изыскивать всѣ средства для того, чтобы покончить дѣло или сраженіемъ или договоромъ на приличныхъ условіяхъ. Враги, какъ казалось, также склонялись къ переговорамъ, но тѣмъ не менѣе они не пропускали малѣйшаго случая для того, чтобы нанести уронъ нашему войску. Наконецъ Хмельницкій прислалъ трехъ козаковъ къ краковскому кастеляну, предлагая ему отправить довѣренное лице для переговоровъ объ условіяхъ мира съ его писаремъ Выговскимъ. Гетманъ отправилъ пана Маховскаго.

Сентября 11. Литовское войско подошло къ коронному и остановилось въ четверти мили отъ него, впослѣдствіи-же оно съ нимъ соединилось. Вечеромъ возвратился отъ Хмельницкаго панъ Маховскій; козаки просили, чтобы гетманы назначили коммисаровъ для веденія съ ними приговоровъ; при чемъ Хмельницкій и полковники принесли клятву, что они будутъ соблюдать международное право и обезпечатъ безопасность коммисаровъ; они просили послѣднихъ пріѣхать въ Бѣлую-Церковь ради собственной безопасности и не совѣтовали вести переговоровъ въ полѣ, опасаясь нападенія на коммисаровъ отъ своевольныхъ татаръ.

Сентября 18. Отправились въ качествѣ коммисаровъ: воеводы Адамъ Кисѣль кіевскій и Лебовичъ смоленскій, также стольникъ литовскій Гонсевскій и подсудокъ брацлавскій Коссаковскій въ сопровожденіи 500 драгунъ и двухъ полковъ кавалеріи; но конвой этотъ возвратился изъ Бѣлой-Церкви.

Переговоры продолжались въ теченіи двухъ дней; согласились на нѣсколько условій, а именно: что Хмельницкій уплотитъ нашему войску жалованье за нѣсколько четвертей года, что козаковъ останется въ регистрѣ только 12,000, что Хмельницкій останется гетманомъ по прежнему. Условія эти вызвали среди козаковъ большое волненіе. Чернь вознегодовала на Хмельницкаго: „ты пріобрѣлъ славу и богатство *нашими головами*, говорили они, *теперь еднаешся* (миришься), изъ регистра насъ исклю-

чаешь, *ляхамъ насъ подаешь* [1]), они сядутъ намъ на шею и т. п.“ Когда они наконецъ притихли, коммисары наши въ среду, на канунѣ дня св. Матѳея, собрались ѣхать въ свой лагерь, для утвержденія предположенныхъ условій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ изъ числа козацкой старшины. Но едва обозъ коммисаровъ выступилъ изъ города, козаки и татаре напали на возы, разграбили ихъ и все бывшее въ нихъ имущество расхитили; при этомъ убили до 30 товарищей, въ томъ числѣ и члена коммисіи пана Нагорецкаго, многихъ челядинцевъ захватили въ плѣнъ. Коммисары уже было тронулись въ путь вслѣдъ за обозомъ, когда получили извѣстіе о томъ, что творится впереди. Немедленно Выговскій и два полковника отвели ихъ обратно въ замокъ и отправились унимать буйство. Хлопы едва не вломились въ замокъ вслѣдъ за коммисарами и стали вынимать палисады; но по ту сторону частокола размѣщены были нѣсколько сотенъ регистровыхъ козаковъ, которые стали отражать нападавшихъ хлоповъ и рубили имъ руки при палисадѣ.

Когда это происходило въ Бѣлой-Церкви, оба войска наши перешли черезъ рѣчку Ольшанку; тотчасъ 1,000 татаръ подъѣхали подъ нашъ лагерь и нанесли намъ значительный уронъ, захвативъ многихъ солдатъ возвращавшихся съ провіантомъ. Въ то-же время прибѣжалъ одинъ рядовой изъ Бѣлой-Церкви съ извѣстіемъ, что коммисары находятся въ крайней опасности, ибо разъяренная чернь штурмомъ желаетъ добыть ихъ изъ замка и несомнѣнно она-бы ихъ разнесла саблями, если-бы не прибѣжалъ самъ Хмельницкій съ полковниками и не приказалъ казнить тутъ-же 15 человѣкъ черни. Гетманы и войско были опечалены этимъ извѣстіемъ и стали обдумывать различныя средства для освобожденія ихъ. Уже склонялись къ тому предложенію, чтобы всю конницу направить на Бѣлую-Церковь съ тѣмъ, чтобы или освободить коммисаровъ, или вмѣстѣ съ ними сложить головы. Одинъ только кастелянъ краковскій полагалъ, что нужно повременить. Въ это время пришло извѣстіе, что коммисары уже возвращаются, но что орда ихъ преслѣдуетъ и что они просятъ подать имъ помощь, какъ можно скорѣе. Немедленно ударили въ гетманскіе котлы, войско поспѣшно вскочило на коней и выступило въ поле. Но было уже поздно, ибо всѣ экипажи коммисаровъ были уже разграблены: воевода смоленскій и стольникъ литовскій лишились

[1]) Подчеркнутые слова въ подлинникѣ по русски.

денегъ болѣе, чѣмъ на 100,000 злотыхъ, воевода-же кіевскій и подсудокъ брацлавскій болѣе, чѣмъ на 30,000.

Сентября 21. Въ день св. Матѳея возвратились коммисары наши въ лагерь подъ эскортою нѣсколькихъ тысячъ регистровыхъ козаковъ; вмѣстѣ съ ними Хмельницкій прислалъ Гладкого и еще кого-то другого (Москаленка) для окончательнаго утвержденія условленнаго договора. Но когда пришлось обсуждать его статьи въ палаткѣ кастеляна краковскаго, въ присутствіи гетмановъ, сенаторовъ и полковниковъ, то собралась въ палаткѣ большая толпа товарищей и среди нихъ поднялся шумъ и ропотъ. Гетманъ литовскій (кн. Янушъ Радзивиллъ), нашъ польный гетманъ (Калиновскій) и все войско протестовали противъ статей договора и негодовали за оскорбленіе нашихъ коммисаровъ. Когда кастелянъ краковскій предложилъ сѣсть козацкимъ посламъ, то польный гетманъ вскричалъ: „я приказалъ уже приготовить колы, на которыхъ они будутъ посажены, здѣсь-же среди насъ они недостойны сидѣть!“ Такимъ образомъ переговоры не состоялись; войско должно было двинуться въ походъ къ Бѣлой-Церкви. Когда оно уже остановилось въ виду этого города, прибыло посольство къ краковскому кастеляну отъ Хмельницкаго, спрашивая, почему онъ приблизился съ войскомъ къ городу, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявляя, что запорожское войско не можетъ согласиться на предварительныя условія договора и требуетъ возстановленія статей договора зборовскаго.

Сентября 23. Въ виду ихъ двоедушія, кастелянъ краковскій расположилъ войско въ боевой строй такой же, каковъ былъ у насъ въ битвѣ у Берестечка; надъ правымъ крыломъ, которому угрожала самая большая опасность, ибо впереди его находились пасѣки, рвы и болота, принялъ начальство князь гетманъ литовскій, лѣвое крыло было подъ начальствомъ польнаго гетмана, центромъ-же командовалъ кастелянъ краковскій вмѣстѣ съ писаремъ польнымъ Пржыемскимъ. Козаки, которыхъ Хмельницкій угостилъ водкою, вышли въ поле вмѣстѣ съ татарами; многіе изъ нихъ наблюдали съ вершины кургановъ за движеніями нашего войска. Кастелянъ краковскій полагалъ, что не слѣдуетъ вступать въ битву; но всѣ другіе были иного мнѣнія. Между тѣмъ войска сошлись такъ близко, что необходимо было начать сраженіе. Шесть хоругвей нашихъ бросились впередъ и врѣзались въ середину непріятелей, за ними бросился съ своимъ полкомъ хорунжій сандомирскій, ему-же доставлялъ подкрѣпленія воевода подольскій.

Въ то-же время князь гетманъ литовскій наступилъ впередъ весьма быстро правымъ крыломъ; онъ согналъ съ поля враговъ, которые обратились позорно въ бѣгство къ своему табору. Убитыхъ было немного, ибо все дѣло состояло болѣе въ бѣгствѣ, чѣмъ въ сраженіи. Въ этотъ день мы могли одержать если не окончательную, то весьма значительную побѣду, но лѣвое крыло не съумѣло воспользоваться удобнымъ случаемъ, когда литовцы отогнали враговъ отъ болотъ и пасѣкъ на обширную равнину, лежавшую противъ этого крыла.

Сентября 24. Утромъ Хмельницкій прислалъ сказать, что онъ радуется тому, что дѣло обошлось безъ большого кровопролитія; онъ утверждалъ, что вчера противъ насъ выступили только татаре и своевольные люди, которыхъ онъ не могъ удержать; онъ изъявилъ готовность возобновить переговоры. Между тѣмъ около полудня въ поле выступило болѣе 10,000 козаковъ, другіе прокрадывались къ намъ, скрываясь среди болотъ, татаре-же напали сзади на нашъ лагерь, такъ что нашимъ пришлось отражать ихъ. Однако Божіею милостью уронъ нашъ былъ незначителенъ, хотя татаре и захватили многихъ челядинцевъ. Вечеромъ Хмельницкій объявилъ, что завтра начнетъ переговоры.

Сентября 25. Съ утра до вечера происходили постоянныя стычки съ татарами въ разсыпную.

Сентября 26. Опять Хмельницкій прислалъ пословъ, заявляя, что онъ готовъ принять предложенныя коммисарами статьи договора, но только требовалъ, чтобы количество козаковъ было не менѣе 20,000; наши должны были согласиться на это, хотя противъ воли. Притомъ онъ требовалъ, чтобы кастелянъ краковскій уступилъ ему Черкасы и Боровицу; но на это кастелянъ не могъ согласиться безъ соизволенія короля и сейма.

Сентября 28. Взявъ въ качествѣ заложниковъ въ свой таборъ подскарбія литовскаго (Михаила Тризну?) и старосту краснославскаго (Яна Собѣсскаго), Хмельницкій пріѣхалъ въ нашъ лагерь въ сопровожденіи двухъ полковниковъ и Выговскаго; онъ, стоя на колѣнахъ передъ кастеляномъ краковскимъ, просилъ прощенія и благодарилъ за помилованіе. Затѣмъ прочли статьи договора слѣдующаго содержанія:

Статьи договора, заключеннаго съ козаками подъ Бѣлою-Церковью:

1) Козаковъ регистровыхъ полагается 20,000. Они должны жить исключительно въ воеводствѣ кіевскомъ, въ королевскихъ

имѣніяхъ, и не имѣютъ права селиться въ воеводствахъ брацлавскомъ и черниговскомъ, а также въ помѣстьяхъ частныхъ лицъ, откуда предоставляется право переселиться въ королевскія имѣнія тѣмъ, которые будутъ записаны въ регистръ.

2) Составленіе регистра должно быть кончено къ празднику Рождества Христова. Регистръ, за подписью гетмана, долженъ быть представленъ королю и явленъ въ кіевскія гродскія книги.

3) Войско коронное будетъ занимать квартиры въ воеводствахъ брацлавскомъ и кіевскомъ и не будетъ размѣщаться тамъ, гдѣ живутъ козаки.

4) Помѣщики воеводствъ кіевскаго, брацлавскаго и черниговскаго, равно какъ и старосты могутъ немедленно возвратиться въ свои помѣстья или прислать своихъ управляющихъ и принять въ свое распоряженіе имѣнія и всѣ доходы: корчмы, мельницы и т. п., но они не будутъ требовать податей и даней впредь до составленія регистра, дабы тѣ лица, которыя попадутъ въ регистръ, имѣли время для того, чтобы выселиться и дабы точно опредѣлилось разграниченіе между козаками и подданными.

5) Чигиринъ, согласно выданной королемъ привиллегіи, остается во владѣніи гетмана и его преемниковъ; гетманы козацкіе должны подчиняться верховной власти гетмановъ коронныхъ; они будутъ получать уставныя грамоты и, принимая должность, должны приносить присягу на вѣрность королю. Всѣ полковники и козацкая старшина будутъ назначаться гетманомъ и состоять подъ его властью.

6) Греческая вѣра, исповѣдуемая войскомъ запорожскимъ, остается свободною, согласно съ древними правами; соборы, церкви, монастыри и кіевская коллегія останутся неприкосновенными. Въ случаѣ, еслибы оказалось, что въ смутное время кому-либо были пожалованы церковныя имущества, то такія грамоты теряютъ всякое юридическое значеніе.

7) Общая амнистія дается какъ дворянамъ римскаго и греческаго исповѣданія, принявшимъ сторону козаковъ, такъ и кіевскимъ мѣщанамъ.

8) Евреи имѣютъ право по прежнему проживать и арендовать доходныя статьи въ имѣніяхъ какъ королевскихъ, такъ и шляхетскихъ.

9) Орда, находящаяся нынѣ въ Украйнѣ, должна немедленно удалиться, не причиняя никакого вреда въ областяхъ его королевской милости. Впредь татаре не имѣютъ права останавли-

ваться на кочевья въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой и козацкій гетманъ обѣщаетъ склонить татаръ къ повиновенію волѣ короля. Хмельницкій обязывается за себя и за своихъ преемниковъ не входить никогда въ тайныя сношенія ни съ ордою, ни съ другими сосѣдними народами и монархами и пребывать въ вѣрномъ подданствѣ короля его милости.

10) Такъ какъ козачество никогда не простиралось въ предѣлы великаго княжества литовскаго, то и впредь туда простираться не должно.

11) Такъ какъ Кіевъ есть столица воеводства и мѣстопребываніе суда, то въ городѣ должно быть по мѣрѣ возможности меньше козаковъ зачислено въ регистръ.

Статьи эти для большей вѣры и крѣпости должны быть подтверждены присягою какъ коммисаровъ, такъ и запорожскаго гетмана и старшины, и должны быть точно приведены въ исполненіе.

Послѣ прочета этихъ статей, Хмельницкій исполнилъ присягу. Дай Господи, чтобы онъ ее соблюлъ точнѣе, чѣмъ предшествовавшія!

Послѣ замиренія, коронное войско удалилось немедленно въ назначенныя ему для стоянки мѣста, на которыхъ должно было оставаться впредь до составленія регистра; оно расположилось у Животова, гдѣ назначенъ былъ генеральный смотръ. Литовское войско возвратилось въ Литву. Орда должна была уйти во свояси, а козаки были отпущены по домамъ. На предстоящій сеймъ козаки должны были отправить пословъ съ изъявленіемъ благодарности королю за ихъ помилованіе.

Вышеупомянутый договоръ заключенъ былъ съ козаками на условіяхъ, не отвѣчавшихъ чести и достоинству Рѣчи Посполитой, но вынужденныхъ бѣдственнымъ состояніемъ нашего войска. Тѣмъ не менѣе онъ удовлетворялъ многихъ, особенно тѣхъ, которымъ наскучила война и постоянный сборъ податей на содержаніе войска, и которые, вслѣдствіе этого, желали какъ можно скорѣе заключенія мира, полезнаго какъ для нихъ, такъ и для отечества. Не смотря дѣйствительно на нашу безъурядицу, на малочисленность и страданія войска, договоръ принесъ Рѣчи Посполитой многія выгоды, а именно: 1) помѣщики трехъ воеводствъ: брацлавскаго, кіевскаго и черниговскаго, были освобождены отъ тяжелаго ярма, возложеннаго на нихъ зборовскимъ договоромъ, разрѣшавшимъ записывать въ регистръ козаковъ, жив-

шихъ въ частныхъ помѣстьяхъ, 2) расторженъ былъ опасный союзъ козаковъ съ татарами, который долженъ окончательно прекратиться въ концѣ декабря, 3) войска наши получили вновь, право квартировать въ трехъ украинныхъ воеводствахъ, котораго лишены были по зборовскому договору, 4) постыдная и позорная граница, признанная по статьямъ того договора, какъ будто отчуждавшая въ пользу козаковъ три воеводства, теперь была уничтожена и предана забвенію.

Впрочемъ большинству дворянъ и самому королю договоръ не особенно понравился; они были недовольны тѣмъ, что булава гетманская была оставлена Хмельницкому, что признано было законнымъ слишкомъ большое число козаковъ, что обязанность уплаты жалованья войску, возложенная въ началѣ на Хмельницкаго, потомъ не состоялась; особенно-же неудовольствіе происходило отъ того, что въ виду столь счастливаго начала кампаніи, надѣялись завершить ее крайне выгодными условіями договора. Впрочемъ, если результатъ не отвѣчалъ надеждамъ, то на то были весьма важныя и многочисленныя причины, а именно: 1) разстроенное здоровье кастеляна краковскаго, вслѣдствіе чего не только военныя дѣйствія не могли быть ведены энергично, но ко временамъ войску угрожала серьезная опасность. 2) Несогласіе вождей, вслѣдствіе котораго въ войскѣ происходили крупные скандалы; ибо польный гетманъ публично оскорблялъ друзей и довѣренныхъ лицъ великаго гетмана, вслѣдствіе чего, что стыдно даже писать, они ругались взаимно матерними словами и хватались за сабли. 3) Войско наше страдало отъ голода, который можетъ безъ битвы привести въ разстройство самыя многочисленныя арміи; въ лагерѣ нашемъ за коровай хлѣба платили по 4 злотыхъ, а за кварту простой водки, если только возможно было ее достать, по 8 злотыхъ. 4) Войско наше, теряя постоянно людей отъ голода и болѣзней, не имѣло надежды на полученіе подкрѣпленій, между тѣмъ какъ таковыя постоянно прибывали къ врагамъ. 5) Большая ошибка сдѣлана была въ выборѣ пути: войско наше попало въ уголъ между рѣками Росью и Руткомъ и не могло оттуда ни возвратиться вспять, ни двинуться впередъ, не подвергаясь большой опасности. 6) Въ помощь козакамъ приближался многочисленный отрядъ орды подъ начальствомъ Нуреддина и находился уже у Корсуня. 7) Существовало постоянное опасеніе, что литовское войско, соскучившись вслѣдствіе голода, недостатка и безъурядицы нашей, оставитъ насъ и

возвратится домой. Литовцы открыто говорили своему гетману, князю Радзивиллу: „напрасно ты привелъ насъ сюда смотрѣть на безначаліе“! Князь едва могъ обуздать неудовольствіе, прибѣгая къ неимовѣрной скромности и вѣжливости; онъ упрашивалъ ихъ успокоиться такъ, какъ будто онъ былъ не вождь, а рядовой воинъ. Вообще о князѣ Радзивиллѣ всѣ отзывались съ похвалою: указывали на его выдающійся умъ въ военныхъ совѣтахъ, на образцовую скромность, на умѣнье удержать среди солдатъ дисциплину и повиновеніе, на несокрушимое мужество въ битвѣ и искреннюю преданность благу Рѣчи Посполитой. Качества эти онъ заявилъ въ дѣлѣ, бывшемъ въ субботу (23 сентября), о которомъ упомянуто выше: князь настаивалъ на необходимости вступить въ сраженіе, атаковалъ храбро непріятеля, принудилъ его очистить поле битвы и вѣроятно уничтожилъ-бы окончательно его силы, еслибы наше войско его поддержало. Но онъ убѣдился въ нашей вялости, и потому на слѣдующій день, когда его спросили въ совѣтѣ: слѣдуетъ-ли продолжать начатые переговоры или нѣтъ, онъ отвѣтилъ: „еслибы вчера я убѣдился въ исправности и мужествѣ коронаго войска, то я предпочелъ-бы сражаться, но замѣтивъ въ немъ лишь безпорядокъ и апатію, я, по чистой совѣсти, могу вамъ совѣтовать лишь переговоры о мирѣ“. 8) Обстоятельство, вызвавшее также уступчивость съ нашей стороны, заключалось въ состояніи погоды: дождь и слякоть, продолжавшіеся безпрерывно въ теченіи трехъ сутокъ, до того были вредны для войска. что въ одну ночь умерло до 300 человѣкъ изъ иностранныхъ наемныхъ полковъ, остальные-же иностранцы, не будучи въ состояніи долѣе выносить нестерпимаго голода и слякоти, стали перебѣгать къ врагамъ. 9) Наконецъ, совершенное почти отсутствіе управленія, этой души военнаго дѣла, проявилось въ такой-же мѣрѣ, какъ и въ предшествовавшихъ событіяхъ, и войско дѣйствовало скорѣе на угадъ по волѣ судьбы, чѣмъ по разумно обдуманному плану. 10) Вслѣдствіе всѣхъ перечисленныхъ причинъ сдѣлана была самая крупная ошибка: въ субботу не послѣдовало рѣшительнаго сраженія, которое могло-бы увѣнчать и закончить кампанію полнымъ успѣхомъ. Сами враги впослѣдствіи сознавались, что когда войско наше въ этотъ день двинулось въ атаку, построенное въ такомъ-же порядкѣ, какъ у Берестечка, по совѣту и стараніями польнаго писаря Пржыемскаго, то всѣ хлопы, объятые страхомъ, бросились въ бѣгство; даже полковники стали отступать за Рось

и самъ Хмельницкій сильно струсилъ. Любимецъ его Выговскій говорилъ: „мы хотѣли бѣжать, подобно тому, какъ бѣжали у Берестечка, но Господь вамъ отнялъ разумъ".

И такъ, принявъ во вниманіе всѣ перечисленныя обстоятельства, мы должны воздать благодарность Господу за то, что онъ дозволилъ намъ заключить миръ и охранилъ насъ и Рѣчь Посполитую отъ окончательной гибели, которая могла послѣдовать вслѣдствіе нашего неустройства.

Октябрь доказалъ намъ, что на столько-же легко, находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, заключить договоръ, на сколько потомъ трудно и тягостно удержать оный и исполнить, когда для этого потребуется нѣкоторое время и когда минуетъ угрожавшая опасность. Примѣръ этого явилъ Хмельницкій, который, показывая полную готовность исполнить подтвержденныя его присягою статьи договора, сталъ ихъ толковать на свой ладъ, согласно съ своими интересами. Онъ сообщилъ пану Маховскому, отправленному къ нему изъ лагеря, что онъ разрѣшаетъ войску занять квартиры въ брацлавскомъ воеводствѣ, но ограничилъ право сбора провіанта и прибавилъ условіе, чтобы солдаты вели себя во всѣхъ отношеніяхъ скромно и сдержанно. Тягостно показалось вождямъ и войску отъ подданнаго получать ограниченія и предписанія, но, уступая тяжелой необходимости и не желая нарушать изъ-за мелочи заключеннаго договора, они подчинились. Войско было распредѣлено въ Украйнѣ по селамъ и мѣстечкамъ, начиная съ Савраня по всей почти Уманьщинѣ; оно, согласно съ требованіемъ Хмельницкаго, получило право на сборъ самаго ничтожнаго провіанта. Панъ Маховскій привезъ еще и другую, болѣе серьезную и тревожную новость, что Хмельницкій намѣренъ отправить своего сына Тимоша съ частью войска въ Молдавію, для бракосочетанія съ дочерью молдавскаго господаря, согласно съ обѣщаніемъ, полученнымъ отъ послѣдняго; съ Тимошемъ онъ рѣшилъ отправить и татаръ, кочевавшихъ на Капустяной долинѣ у Корсуня, и назначилъ время сбора въ походъ черезъ двѣ недѣли. Кастелянъ краковскій, убѣжденный въ томъ, что это предпріятіе клонится къ большой невыгодѣ и опасности для Рѣчи Посполитой, не распустилъ войска на квартиры, но остановилъ его въ сборѣ у Махновки подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Брацлавщинѣ не прекратились еще крестьянскія волненія. По причинѣ тяжелой болѣзни онъ сдалъ начальство польному гетману, самъ же 22 октября уѣхалъ для возстановленія совершенно разстроеннаго

здоровья въ Хмѣльникѣ. Бунты не унялись и за Днѣпромъ, гдѣ хлопы продолжали своевольничать и, не обращая вовсе вниманія на универсалы Хмельницкаго и на его приставовъ, похвалялись выбрать другого гетмана и никого изъ нашихъ не пропускали за Днѣпръ, если-жо кто-либо отваживался переѣзжать туда, то его убивали.

Ноября 20. Скончался въ Хмельникѣ кастелянъ краковскій послѣ продолжительной болѣзни, оставивъ свободное поле для соискательства лицамъ, желавшимъ воспользоваться оставшимися послѣ его смерти вакантными должностями. При дворѣ долго колебались и отстрачивали ихъ раздачу, но наконецъ преимущество было оказано тѣмъ, которые съ своей стороны предложили болѣе возмездія. Должность краковскаго кастеляна была предоставлена воеводѣ мазовецкому Варшицкому, несмотря на то, что по общественному мнѣнію право на нее имѣлъ краковскій воевода. Барское староство передано князю Богуславу Радзивиллу, люблинское—кастеляну сендомирскому Витовскому подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ недавно оказалъ значительную услугу, принявъ на себя должность посланника въ Москву; но въ дѣйствительности его успѣху гораздо болѣе спомоществовало то обстоятельство, что онъ поднесъ въ подарокъ королю 15,000 червонцевъ. Нѣжинское староство предоставлено маршалу коронному (Любомирскому), булаву-же гетмана великаго король пока оставилъ при себѣ до дальнѣйшаго усмотрѣнія. Другія, мелкія доходныя мѣста покойника оставлены были его наслѣдникамъ для того, чтобы помочь имъ уплотить выкупъ, не выплаченный еще татарамъ за его освобожденіе изъ плѣна.

Декабря 15. Между тѣмъ изъ Украйны получались постоянно новыя вѣсти о томъ, что козаки и хлопы не смирились, но безпрестанно возобновляли попытки къ бунтамъ и волненію; они не только продолжали къ намъ относиться враждебно, но производили безпорядки и въ собственной средѣ: такъ они убили бѣлоцерковскаго полковника Громыку, пытавшагося усмирить ихъ своеволіе, а также многихъ другихъ лицъ, желавшихъ прекращенія бунта. Своевольники жившіе за Днѣпромъ, избрали себѣ новаго гетмана, нѣкоего Вдовиченка и вчали междоусобіе. Но Хмельницкій энергически отстоялъ свое положеніе и авторитетъ своей власти и казнилъ до двадцати бунтовщиковъ. Въ виду этихъ событій нашъ польный гетманъ, который вслѣдствіе смерти гетмана великаго принялъ верховное начальство надъ войскомъ, не полагаясь на

строгія мѣры, принятыя Хмельницкимъ и опасаясь, чтобы волненіе, вспыхнувшее между козаками, не разразилось неожиданно бѣдствіемъ для Рѣчи Посполитой, приказалъ немедленно всему войску, расположившемуся было уже на квартирахъ, собираться въ лагерь, назначивъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ полковъ мѣстечко Животовъ; онъ такимъ образомъ принялъ мѣры для того, чтобы всякое возможное, но непредвидѣнное событіе не застигло его въ расплохъ.

Письмо кн. Н. В. Репнина къ императору Николаю Павловичу

(по дѣлу сложенія недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ полтавской и черниговской губерній).

Всемилостивѣйшій Государь!

При тягостныхъ событіяхъ отечества нашего, обращающихъ на себя всепопечительное вниманіе вашего императорскаго величества, не дерзнулъ-бы я обременять васъ новымъ представленіемъ моимъ, еслибы не вынужденъ къ тому былъ крайнимъ положеніемъ малороссійскихъ губерній и не побужденъ къ сему священною волею вашего императорскаго величества, чтобы правда невозбранно достигала подножія престола вашего. Я ручался вамъ, всемилостивѣйшій государь, въ первыхъ дняхъ сего года, что ни какіе происки людей злонамѣренныхъ не могутъ нарушить законнаго порядка Малороссіи и что здѣшнее дворянство, гордясь принадлежать вамъ, какъ государю твердому, справедливому и дѣятельному, уповаетъ на милосердіе ваше и въ васъ единомъ находитъ залогъ благоденствія и спокойствія отечества; я утверждалъ тоже, что малороссійскіе козаки, племя народа воинственнаго, съ восторгомъ вооружатся на защиту отечества, и, къ счастью моему, событія истекшаго полугодія оправдали ручательство мое. Но въ тоже время, всемилостивѣйшій государь, исполнилъ я долгъ правды и чести, обращая отеческое вниманіе вашего императорскаго величества на тягостное положеніе малороссійскихъ поселянъ, а черезъ то и дворянства, и въ отношеніи моемъ къ генералу Бенкендорфу, отъ 19 генваря, не льстилъ, яко царедворецъ, но смѣло говорилъ, что побужденіе мѣстнаго начальства къ платежу податей, несоразмѣрныхъ съ силами поселянина, а тѣмъ болѣе недоимокъ за годы неурожайные и общихъ несчастій возраждаютъ ропотъ на правительство, и что нищета и скорбь производятъ часто въ

простолюдинахъ тѣже преступныя дѣйствія, какія возникаютъ отъ пагубныхъ заблужденій людей, ложно образованныхъ.

Ваше императорское величество услышали мольбу подданнаго и истинно вамъ преданнаго, козакамъ простили милліоны и уменьшили подати ихъ на будущее время. Отеческое желаніе ваше исполнилось: полмилліона подданныхъ вашихъ счастливы и съ радостнымъ восторгомъ благословляютъ священное имя ваше; казеннымъ крестьянамъ предстоитъ таже надежда на милосердіе, чрезъ представленіе г-ну министру войти въ положеніе ихъ; въ сложеніи-же недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ комитетъ гг. министровъ положилъ рѣшительно отказать, но взысканіе сіе производить съ нѣкоторою умѣренностію и снисхожденіемъ, не опредѣливъ однакожъ мѣры сего снисхожденія, слѣдовательно дѣлая сіе невозможнымъ для мѣстнаго начальства и обвиненныхъ тѣмъ-же положеніемъ комитета гг. министровъ въ упущеніи и послабленіи! Трудно мнѣ, всемилостивѣйшій государь, оправдать себя и подчиненныхъ мнѣ, ибо на сіе положеніе комитета гг. министровъ послѣдовало уже высочайшее вашего императорскаго величества утвержденіе, и сверхъ того г. министру финансовъ угодно было сдѣлать изъ ходатайства моего о нуждахъ общихъ дѣло частное; но я измѣнилъ-бы вамъ, всемилостивѣйшій государь, и отечеству, еслибы умолкъ, предвидя стонъ шести сотъ тысячъ вашихъ подданныхъ, и разрывъ той связи народа, на коей обезпечено доселѣ спокойствіе Имперіи. Основываясь на свѣдѣніяхъ положительныхъ и на коренныхъ законахъ, осмѣливаюсь я изложить оправданіе наше въ прилагаемой у сего запискѣ, а здѣсь, всемилостивѣйшій государь, представляю на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества важнѣйшую причину испрашиваемаго милосердія.

Прежніе малороссійскіе земледѣльцы (поспольство) мало чѣмъ различествовали отъ козаковъ и коль скоро пріобрѣтали собственность, поступали въ сіе сословіе, покуда пользовались правомъ вольнаго перехода до 1783 года; но въ сіе время порабощены они происками тогдашнихъ царедворцевъ, клевретовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ щастіемъ родины для собственныхъ выгодъ. Каждый шестидесятилѣтній поселянинъ пользовался всѣми выгодами свободы, и память разсказовъ объ ней есть главнѣйшая причина ропота крестьянъ на ихъ помѣщиковъ и зависти къ козакамъ; но сіи вредныя для общаго спокойствія чувства не усугубятся-ли въ помѣщичьихъ кресть-

янахъ, когда увидятъ они милосердіе вашего императорскаго величества оказанное козакамъ и попеченіе правительства о собратіяхъ ихъ, казнѣ принадлежащихъ, а на себѣ почувствуютъ всю строгость тягостнаго взысканія податей и недоимокъ?!.. Не покажется-ли имъ рабство ихъ еще тягостнѣе прежняго, не станутъ-ли они проклинать своихъ владѣльцовъ, служащихъ для нихъ, какъ будто преградою отеческаго милосердія вашего императорскаго величества ко всѣмъ вѣрноподданнымъ вашимъ? Наконецъ отобраніемъ дворянскихъ имѣній въ опекунское управленіе и, вслѣдствіе закона, не только удаленіемъ помѣщиковъ изъ ихъ помѣстій на многіе годы, но и запрещеніемъ слушаться ихъ распоряженій, не разрушаетъ-ли само правительство слабую связь здѣшнихъ владѣльцовъ съ ихъ крестьянами?

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ, уповаю, донесъ вашему императорскому величеству, что распоряженія о взысканіи недоимокъ по обѣимъ малороссійскимъ губерніямъ сдѣланы мною еще 18 истекшаго мѣсяца, слѣдовательно я не умедлилъ исполнить высочайше утвержденное положеніе комитета гг. министровъ; но признаюсь вамъ, всемилостивѣйшій государь, что я долго колебался обременять ваше императорское величество симъ представительствомъ моимъ, боясь, чтобы оное, по заключенію г. министра финансовъ, не почлось искательствомъ собственныхъ выгодъ; но совѣсть моя не укоряетъ меня въ сей подлости, ни предъ Богомъ, ни предъ вами, ни предъ честью, и я рѣшился исполнить долгъ вѣрности и ходатайствовать въ послѣдній разъ у милосердія вашего императорскаго величества о помощи порученныхъ управленію моему, съ тою откровенностію, правда, которую я всегда дерзалъ имѣть въ донесеніяхъ вашему императорскому величеству. Можетъ быть иные осудятъ меня за сію дерзость; но могу-ли я страшиться послѣдствій, предавъ судьбу и честь мою въ непосредственную защиту вашего императорскаго величества? Справедливость ваша, всемилостивѣйшій государь, взвѣситъ сорокалѣтнюю службу мою, непоколебимую во время оной вѣрность мою Отцу, Брату и вамъ,—терпѣніе, съ коимъ она побуждала меня переносить многія оскорбленія, правду, съ которою осмѣливался я всегда излагать донесенія мои, бескорыстіе въ мѣстахъ, въ коихъ зависѣли отъ распоряженій моихъ многіе милліоны, отчужденіе себя отъ всякихъ происковъ и связей, не разлучныхъ съ высшими званіями въ государствѣ, наконецъ единое упованіе на справедливость и защиту вашу. Вы взвѣсите все сіе, всеми-

лостивѣйшій государь, съ обвиненіемъ меня, и уповаю, ваше императорское величество удостовѣритесь, что я никогда не ограждалъ себя отъ дѣйствій силы закона, но напротивъ былъ всегда ревностнымъ блюстителемъ общаго порядка. Таже справедливость и прозорливость, всемилостивѣйшій государь, оправдаетъ жену, о коей я съ гордостью скажу, что жизнь ея не безполезна отечеству, и ваше императорское величество удостовѣритесь, что если расчесть недоимку, крестьянами ея невыплаченную, по числу душъ, то они ни чѣмъ болѣе другихъ не виновны, и что г. министръ финансовъ ошибается, почитая богатѣйшею помѣщицею владѣтельницу, хотя тринадцати тысячъ душъ крестьянъ, но изъ коихъ пять тысячъ совершенно нищихъ, не дающихъ ей ни одной копѣйки дохода, три тысячи едва усмиренныхъ мятежниковъ нижегородской губерніи и пять тысячъ скудныхъ, и которые она получила отъ родителей своихъ въ наслѣдство съ двумя милліонами восемью стами тысячъ долгу.

Тяжко мнѣ обременять ваше императорское величество частнымъ дѣломъ въ то время, когда благотворное сердце ваше скорбитъ о испытаніяхъ судьбами Всевышняго, на отечество наше налагаемыхъ; но я вынужденъ къ тому, всемилостивѣйшій государь, ибо, оправдая себя, могу только вновь пріобрѣсти довѣріе вашего императорскаго величества, лишась коего, не полезенъ уже буду для службы и чести государства и порученной надзору моему странѣ,—напротивъ совершенно вреденъ. Не могу помыслить, чтобы сіе несчастіе было для меня невозвратно и если польза государства побудитъ ваше императорское величество смѣнить меня въ мѣстѣ, нынѣ мною пятнадцать лѣтъ занимаемомъ, то милосердіе ваше, всемилостивѣйшій государь, навѣрно не откажетъ мольбѣ моей,—употребить меня на защиту отечества въ степени хотя гораздо ниже той, на которую возвела меня благость вашего императорскаго величества. Истинно русскіе должны нынѣ окружать престолъ вашъ и съ вѣрностію и съ восторгомъ принесть въ жертву отечеству жизнь, достояніе и честолюбіе. Скажу, что таковымъ я былъ и до конца дней моихъ пребуду съ благоговѣніемъ навсегда, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданный

Князь Николай Репнинъ.

31 іюля 1831 года.

Приведенный документъ, взятый „во время оно“ изъ домашняго хранилища наслѣдниковъ князя Николая Васильевича Репнина, въ Яготинѣ, В. А. Животовскимъ и переданный мнѣ, сохранялся у меня не одинъ десятокъ лѣтъ. Изъ прочтенія недавно изданнаго, цѣннаго труда М. К. Чалаго: „Жизнь и произведенія Тараса Шевченка“ (стр. 41) выясняется обликъ и духовный складъ двухъ лицъ: князя Н. В. Репнина и его дочери Варвары Николаевны, аристократовъ по происхожденію и по существу. Счастливая и богато одаренная семья! Среди окружающей тьмы панскаго „мочемордія“, среди животнаго мракобѣсія, какъ ярко свѣтящія солнца блистали эти два лица семьи, именитой въ краѣ. Князь Николай Васильевичъ былъ малороссійскимъ губернаторомъ, имѣя въ своемъ управленіи губерніи черниговскую и полтавскую, которыя одни тогда назывались малороссійскими, и оставилъ по себѣ самую свѣтлую память. Прочитавъ приведенное письмо его къ государю Николаю Павловичу, кто не усмотритъ въ немъ истинно государственнаго человѣка, кто не оцѣнитъ его заботливости о нуждахъ края, его прямоты, съ которою онъ высказываетъ истину строгому государю, и смѣлости, съ которою онъ идетъ противъ цѣлой партіи приближенныхъ государя? Испросивъ прощеніе недоимокъ козакамъ и казеннымъ крестьянамъ, Репнинъ настаиваетъ на сложеніи недоимокъ съ крестьянъ помѣщичьихъ, не смотря на брошенный въ него укоръ въ своекорыстіи. То были дѣйствительно тяжкія времена едва оконченныхъ двухъ войнъ, послѣдовавшихъ за ними чумы, холеры и голода и начавшагося польскаго возстанія. Чуткая къ бѣдствіямъ народа душа князя спѣшитъ къ нему на помощь, рискуя всею своею карьерою. Но не однимъ этимъ драгоцѣнно приведенное письмо его: оно приподнимаетъ завѣсу съ неутвердившагося еще въ лѣвобережной Украйнѣ крѣпостничества, указываетъ на господствовавшія тогда политическія опасенія и политическія-же интриги и бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на темный конецъ карьеры князя, съ которымъ пострадали тысячи невинныхъ людей. Мы еще въ дѣтствѣ, живя въ центрѣ бывшаго управленія князя Ник. Вас. Репнина, слышали о происках и клеветѣ нѣкоей партіи на дѣйствія князя. Кто-бы могъ подумать, что этотъ видный государственный дѣятель, горячій патріотъ, преданнѣйшій слуга престола и отечества былъ заподозрѣнъ и почти обвиненъ ни болѣе, ни менѣе,

какъ, говоря по нынѣшнему, къ сепаратизмѣ и украинофильствѣ. И однако это такъ. И не одинъ князь пострадалъ отъ нелѣпой интриги, но и множество людей ни въ чемъ неповинныхъ. Дѣло въ томъ, что во время возмущенія поляковъ, въ 30-мъ году, энергическимъ и вмѣстѣ заслуженнымъ довѣріемъ Репнинъ сразу поставилъ нѣсколько полковъ козацкихъ. Интрига не усумнилась сію скорость, исправность и чистоту дѣла очернить особеннымъ, опаснымъ для цѣлости государства вліяніемъ... Темное преданіе связываетъ эту печальную исторію съ женитьбой Репнина на дочери гетмана Разумовскаго и родствомъ его съ А. Гудовичемъ, ради котораго якобы императоръ Павелъ хотѣлъ возстановить гетманское достоинство. Какъ-бы то ни-было, но по усмиреніи польскаго возстанія, сформированные по поводу его козаки не возвращены на родину, но отправлены на Кавказъ, гдѣ и образовали линейные полки миргородскій и полтавскій, а когда эти невольные переселенцы заявили, что не могутъ оставаться въ одиночествѣ, то съ мѣста ихъ родины для нихъ отправлено соотвѣтственное количество невѣсть, а земли ихъ, перешедшія въ другія руки, и въ настоящее время составляютъ предметъ трудно разрѣшимаго вопроса. Въ настоящемъ письмѣ Репнина сквозятъ грустныя черты, перешедшія потомъ въ сдва вѣроятный фактъ, а преданіе указываетъ въ лицѣ иноземца Канкрина (сына крещеннаго еврея), главнаго коновода „тогдашнихъ царедворцевъ и клевретовъ ихъ“, какъ выражается князь въ своемъ письмѣ. Другое выраженіе князя: „истинно русскіе должны нынѣ окружать престолъ вашъ“ указываетъ на происходившую тогда борьбу коренныхъ силъ съ иноземными, изъ которой выродилось столь пригодное для многихъ дѣтище въ формѣ подозрѣванія вездѣсущей измѣны. Государственныя заслуги Репнина, были, конечно, неизмѣримо выше того страннаго обвиненія, какимъ враги его старались теперь бросить въ него, и не оно было ближайшею причиною внезапнаго удаленія его въ 1834 г. отъ службы; тутъ примѣшались новыя обстоятельства: растрата якобы суммъ по постройкѣ полтавскаго института и личное столкновеніе строгаго формалиста Репнина съ прибывшимъ по дѣлу постройки института флигель-адъютантомъ Строгановымъ. Въ заключеніе мы находимъ необходимымъ оговорить значеніе словъ князя о томъ, что долгъ превышалъ цѣнность доставшагося ему за женою имѣнія. Не одними

долгами обременены были доставшіяся по наслѣдству имѣнія князя; по нимъ велись нескончаемые и весьма убыточные процессы. Дѣло въ томъ, что въ первое время послѣ уничтоженія гетманщины крѣпостничество, широко развернувъ свои когти, запускало ихъ и въ чисто козачьи поселенія. Изъ таковыхъ очутились въ кабалѣ у Разумовскихъ: часть Батурина, Великій Санборъ, Малый Санборъ и Корибутовъ, и объ нихъ-то и говорится здѣсь. Свободные владѣльцы земель—козаки, очутившись въ объятіяхъ кабалы, не хотѣли остаться въ ней ни пока числились во владѣніи Репниныхъ, ни когда остались „выморочными“ за казною, какъ стоившіе уже свыше стоимости долга. Долго ходаки ихъ хлопотали о возстановленіи ихъ „первобытнаго положенія“, т. е. полной свободы со своимъ земельнымъ достояніемъ, долго возили свои животы, но, уставъ порядкомъ и видя, что дѣло все болѣе затягивается, „плюнули“, сказавши: „то въ паньскій двіръ ворота широки, а зъ паньского вельми тісни“...

Ст. фонъ-Носъ.

Нѣсколько данныхъ о судьбѣ Желѣзняка послѣ его ареста въ Умани.

Послѣ усмиренія „Коліивщины“ судьба человѣка, игравшаго въ ней самую важную роль, Максима Желѣзняка, теряется въ неизвѣстности: изъ польскихъ мемуаровъ знаемъ только, что онъ былъ арестованъ въ лагерѣ у Умани полковникомъ Гурьевымъ и отправленъ въ Кіевъ; затѣмъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о его участи не имѣется. Встрѣтивъ случайно нѣсколько документовъ, относящихся къ Желѣзняку послѣ его ареста, мы находимъ возможнымъ дополнить хотя нѣсколькими незначительными чертами скудныя вообще свѣдѣнія объ этомъ иниціаторѣ „Коліивщины“.

Покойный М. А. Максимовичъ сообщилъ намъ небольшую пачку документовъ, извлеченную изъ „кіевскихъ плацъ-маіорскихъ дѣлъ“, въ которой находится нѣсколько фактическихъ указаній на первое время ареста Желѣзняка и его товарищей. Въ пачкѣ этой сохранились слѣдующіе документы: 1) рапортъ плацъ-маіора кіево-печерской крѣпости Лбова о томъ, что онъ принялъ подъ караулъ Желѣзняка съ 73 его товарищами, 8 іюля (20 іюля по новому стилю) 1768 года; 2) распоряженіе кіевской губернской канцеляріи о выдачѣ суммы для продовольствія арестованныхъ гайдамакъ впредь, пока судьба ихъ не будетъ рѣшена коллегіею иностранныхъ дѣлъ (17 іюля); 3) рапортъ Лбова (отъ 8 августа) о томъ, что онъ израсходовалъ отпущенную на продовольствіе сумму и 4) постановленіе кіевской губернской канцеляріи о вторичномъ отпускѣ суммы на содержаніе арестантовъ до окончанія надъ ними суда (отъ 11 августа). Изъ послѣдняго документа мы узнаемъ, что судъ происходилъ въ кіевской губернской канцеляріи, ибо, давая распоряженіе объ отпускѣ кормовыхъ денегъ, канцелярія эта мотивируетъ свое распоряженіе слѣдующимъ образомъ: „а какъ по при-

сланному изъ оной государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 24 іюля сего году указу велѣно надъ оными присланными изъ полской Украйны, оказавшимися въ разбоѣ и во смертномъ убивствѣ, запорожцами произвести кіевской губернской канцеляріи надлежащій судъ, то въ разсужденіи того приказали... означеннымъ арестантамъ до окончанія объ нихъ суда кормовыхъ денегъ выдать".

И такъ изъ приведенныхъ документовъ видно, что 8 іюля 1768 года Желѣзнякъ съ товарищами были заключены въ кіево-печерскую крѣпость, что въ концѣ іюля послѣдовало распоряженіе о предапіи ихъ суду въ кіевской губернской канцеляріи и что въ началѣ августа судъ уже началъ свои дѣйствія. Приговоръ его неизвѣстенъ намъ, но вѣроятно онъ кончилъ свои дѣйствія только въ октябрѣ и приговорилъ осужденныхъ къ ссылкѣ на востокъ. Послѣднее мы узнаемъ изъ документа, сообщеннаго намъ обязательно А. А. Андріевскимъ, въ которомъ значится, что 1-го ноября Желѣзнякъ съ товарищами былъ уже на путя къ Бѣлгороду (курской губ.). Въ окрестности Ахтырки арестанты обезоружили конвой и спаслись бѣгствомъ, но большинство ихъ, и въ томъ числѣ Желѣзнякъ, были вскорѣ настигнуты и вновь взяты подъ стражу.

Этими немногими данными и ограничиваются тѣ свѣдѣнія, которыя намъ удалось извлечь изъ указанной выше переписки. Въ виду заключающихся въ ней не безъинтересныхъ подробностей, мы сообщаемъ ниже in extenso три изъ числа перечисленныхъ документовъ. **В. А.**

1. *Рапортъ кіевскаго плацъ-маіора Василія Лбова о принятіи въ кіево-печерскую крѣпость 74 гайдамакъ и въ числѣ ихъ полковника Максима Желѣзняка. 1768 года, іюня 9.*

Кіевской губернской канцеляріи въ секретную экспедицію отъ кіевскихъ плацъ-маіорскихъ дѣлъ рапортъ.

Сего іюля 8-го дня прислано изъ Польши пойманныхъ гайдамакъ семьдесятъ четыре человѣка, коимъ при семъ именной списокъ прилагается, которые и содержатся въ кіево-печерской крѣпости подъ карауломъ и пропитанія никакова ни откуда не имѣютъ; о семъ секретной экспедиціи симъ представляю: что повелено будетъ съ оными чинить, имѣю ожидать резолюціи. Плацъ-маіоръ Василій Лбовъ. Іюля 9 дня, 1768 году.

Списокъ приведеннымъ за конвоемъ, взятымъ подъ мѣстечкомъ Гуманемъ, запорожскимъ старшинамъ и козакамъ, а именно:

Называемые: атаманъ Павло Таранъ, полковникъ Максимъ Зелѣзнякъ.

Козаки: Власъ Лаевской, Макаръ Черной, Амелко Чубъ, Иванъ Бѣлой, Степанъ Якубовичъ, Михайло Моторный, Кондратъ Верховойтъ, Андрей Калыболоцкій, Иванъ Зелепскій, Иванъ Лысой, Андрей Белой, Лукьянъ Долгопалой, Ефимъ Прейма, Максимъ Рудь, Екимъ Жерлай, Гаврило Таранъ, Власъ Сокуръ, Радко Марковщина, Иванъ Губа, Корней Черной, Давыдъ Вербенко, Степанъ Саганакъ, Семенъ Тарасенко, Андрей Майданникъ, Фома Дурной, Каленикъ Медведевскій, Федоръ Волошинъ, Яковъ Щербитенко, Лытко (sic) Грива, Петръ Бондуренко, Павло Столбовый, Иванъ Таранъ, Грицко Кочаръ, Мосей Неживенко, Евстухъ Бескуздый, Никита Таранъ, Корней Белой, Кирило Стирчакъ, Денисъ Кобинякъ, Иванъ Заверуха, Харко Круглой, Михайло Белоусъ, Филипъ Безрукавый, Грицко Таранъ, Иванъ Шрамъ, Василей Гасной, Демко Балаганъ, Иванъ Жулай, Федоръ Булка, Лецко Бурганъ, Алекса Смишко, Нестеръ Литвиненко, Кирило Мадсейчанъ, Гаврило Губа, Семенъ Ивановичъ Демьянъ Чернявской, Петръ Таранъ, Михайло Черной, Федоръ Кулбаса, Василь Таранъ, Михайло Плохий, Василей Скулчанъ, Ничипоръ Лаштабей, Игнатъ Побошкородичъ, Федоръ Губа, Василей Морчукъ, Трофимъ Чуприна, Иванъ Байрицкій, Фома Сукуръ, Павло Лабазинъ, Мосей Павловъ, Яковъ Безродной.

Итого семьдесятъ четыре человѣка. Плацъ-маіоръ Василей Лбовъ.

2. *Постановленіе кіевской губернской канцеляріи о выдачѣ кормовыхъ денегъ, по двѣ копѣйки въ день на человѣка, для содержанія поименованныхъ гайдамакъ. 1768 года, іюля 17.*

1768 году іюля 17 дня. По указу ея императорскаго величества кіевская губернская канцелярія, слушавъ присланнаго отъ находящагося въ Польшѣ каргопольского карабинерного полку полковника Гурьева рапорта, въ которомъ между протчимъ объявлено: что по командированіи его, полковника Гурьева, съ онымъ каргопольскимъ полкомъ, отъ генералъ-маіора Кречетникова къ польскому мѣстечку Умани для истребленія оказавшихся тамо гайдамакъ, поймано тамо онымъ полкомъ запорожскихъ козаковъ 48, да предъ тѣмъ поймано жъ тверского карабинерского полку поручикомъ

Калагриновымъ таковыхъ-же запорожскихъ козаковъ 25; итого 73 человѣка, между коими оныхъ разбойниковъ начальникъ называемой полковникъ Железнякъ. И оные гайдамаки присланы въ Кіевъ при приложенномъ при томъ рапортѣ спискѣ, по которому явствуетъ, что изъ показанныхъ въ ономъ Гордей Кибитной въ дорогѣ умре; а притомъ кіевского гарнизона плацъ-маіоръ Лбовъ письменно представляетъ, что изъ оныхъ арестантовъ Павла Лабазина надлежитъ исключить, потому что онъ бѣлевского полку бѣглой солдатъ и что настоящее его имя Андрей, а прозваніе Кобызевъ. А по поданному отъ онаго плацъ-маіора Лбова списку явствуетъ, что за исключеніемъ изъ оныхъ арестантовъ вышеписанныхъ: умершаго Гордѣя Кибитнаго да бѣглаго солдата Андрея Кобызева, имѣетъ быть присланныхъ отъ онаго полковника Гурьева арестантовъ 71, да прежде того присланныхъ въ Кіевъ съ письмомъ изъ Умани отъ гайдамацкихъ начальниковъ два; итого всѣхъ 73 человѣка. Причемъ оной-же плацъ-маіоръ Лбовъ письменно представляетъ, что на содержаніе оныхъ арестантовъ, то есть на покупку имъ хлѣба, меньшимъ числомъ обойтится не можно, какъ двумя копѣйками на день на каждаго человѣка; а какъ оные арестанты присланы сюда по извѣстнымъ, происходящимъ въ Польшѣ обстоятелствамъ, о которыхъ уже на резолюцію представлено въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, того ради приказали: вышеозначеннымъ присланнымъ каргопольского карабинерного полку отъ полковника Гурьева 71, да отъ гайдамацкихъ начальниковъ двумъ, итого 73 человѣкамъ арестантамъ, до воспослѣдованія объ нихъ на опое, учиненное отсюда, представленіе резолюціи, производить кормовые денги по двѣ копѣйки на день на каждого человѣка, съ приводу ихъ въ Кіевъ, то есть сего іюля съ 8 числа и на произвожденіе имъ тѣхъ кормовыхъ денегъ выдать помянутому плацъ-маіору Лбову 50 рублевъ изъ имѣющейся въ кіевской губерской канцеляріи опредѣленной на заграничныя расходы суммы мѣдною монетою, записавъ въ расходъ съ роспискою и о томъ расходчику, архиваріусу Бѣлоезерскому дать указы и плацъ-маіору Лбову на записку тѣхъ денегъ въ приходъ и въ расходъ, за губерскою печатью и за секретарскою по листамъ скрепою, книгу. Означенного же бѣглого солдата Андрея Кобызева, для поступленія о немъ по указамъ и воинскимъ регуламъ, отослать при ордерѣ къ генералъ-маіору, кіевскому оберъ-коменданту Ельчаninову. При чемъ оному плацъ-маіору Лбову объявить, чтобы по издержкѣ тѣхъ денегъ, въ приходъ требовалъ выдачи еще на

произвожденіе онымъ арестантамъ кормовыхъ денегъ.—Федоръ Воейковъ. Петръ Веселицкій.

3. *Приказъ кіевской губернской канцеляріи о разысканіи бѣжавшихъ изъ подъ стражи на пути изъ Кіева въ Бѣлгородъ гайдамакъ съ замѣткою о поимкѣ уже 36 изъ бѣжавшихъ, въ томъ числѣ и Максима Желѣзняка. 1768 года, декабря 19.*

1768 году, декабря 19 дня. По указу ея императорскаго величества кіевская губернская канцелярія, слушавъ промеморіи изъ канцеляріи новороссійской губерніи, въ которой объявлено, что изъ отправленной изъ оной канцеляріи за надлежащимъ конвоемъ для препровожденія въ Бѣлгородъ 71 человѣка колодниковъ, Максимъ Желѣзнякъ съ товарищи, согласясь съ протчими 51 человѣкомъ, во время ночлегу ахтырской провинціи въ слободѣ Котельвѣ, ноября 1 дня сего 1768 году, ночью, разбивъ караулъ, и выломавъ двери, и отбивъ у солдатъ десять ружей и у козаковъ копья и ружья; изъ которыхъ колодниковъ 52-хъ человѣкъ Желѣзнякъ съ товарищи 33 человѣки, да въ малороссійскомъ полтавскомъ полку два человѣка пойманы, а 16 человѣкъ за побѣгомъ ихъ не пойманы и тою промеморіею требуется о подтвержденіи, куда надлежитъ, о присматриваніи и поимкѣ, по показаннымъ въ приложенномъ при оной промеморіи спискѣ приметамъ, оныхъ бѣглыхъ колодниковъ, и, если пойманы будутъ, о присылкѣ оныхъ въ ту канцелярію новороссійской губерніи подъ карауломъ для отправленія ихъ въ надлежащія мѣста. Приказали: въ кіевской магистратъ, такожъ въ полицмейстерскую контору и на состоящіе въ кіевской губерніи главные пограничные форпосты послать указы и при оныхъ приложить съ оного, присланнаго при промеморіи изъ канцеляріи новороссійской губерніи бѣжавшимъ колодникамъ списка копіи, и велеть тѣхъ бѣжавшихъ 16 человѣкъ колодниковъ, по показаннымъ въ томъ спискѣ примѣтамъ, присматривать и ловить, и ежели гдѣ усмотрены и пойманы будутъ, то, забивъ ихъ въ колодки, прислать подъ крѣпкимъ карауломъ въ кіевскую губернскую канцелярію немедленно, и для ведома о томъ въ оную канцелярію новороссійской губерніи сообщить промеморіею. Наумъ Ск..., Василій Флеровъ, секретарь Василей Черняевской. Подписано 20 декабря 1768 года.

Библіографія.

D-r Antoni I. Opowiadania historyczne—serija trzecia. T. 1—2. Warszawa. 1882.

Д-ръ Антоній I. Историческіе разсказы—серія третья, томъ 1—2. Варшава. 1882.

Подъ этимъ заглавіемъ неутомимый докторъ Антоній издалъ новый рядъ историческихъ очерковъ (числомъ 11), которые, за малымъ исключеніемъ (кромѣ 2-хъ), относятся болѣе или менѣе непосредственно къ исторіи южной Руси. Большинство очерковъ посвящены концу XVIII столѣтія. Въ числѣ ихъ находятся три біографіи болѣе видныхъ дѣятелей тарговицкой конфедераціи: Антонія Злотницкаго, Венедикта Гулевича и Дызмы Томашевскаго. Не одобряя цѣлей и пріемовъ дѣйствія самой конфедераціи, авторъ старается обрисовать совершенно безпристрастно избранные имъ типы, не произнося надъ ними огульнаго осужденія; онъ видитъ въ Томашевскомъ человѣка искренно-преданнаго старошляхетскимъ идеаламъ, считавшаго старое устройство Рѣчи Посполитой неприкосновенною святынею и всѣ попытки, клонившіяся къ расширенію правъ другихъ сословій, къ установленію вѣротерпимости и къ обузданію дворянскаго произвола—преступленіемъ; такого рода убѣжденія побудили Томашевскаго къ участію въ конфедераціи, имѣвшей, какъ извѣстно, послѣдствіемъ прекращеніе политическаго существованія Польши. Игравшій видную роль въ той же конфедераціи—Гулевичъ дѣйствовалъ также по убѣжденію: онъ ожидалъ только отъ помощи Россіи спасенія для Польши и исключительно руководился въ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ этою мыслью. Иной типъ представляетъ, по мнѣнію автора, Злотницкій, который и убѣжденія и

общественное дѣло готовъ былъ посвятить личной наживѣ и карьерѣ. Всѣ три впрочемъ названныя лица носятъ одну общую черту: они всѣ стоятъ въ зависимости въ полу-служебныхъ, полу-дружескихъ отношеніяхъ къ богатому вельможѣ—Феликсу Потоцкому и политическая карьера ихъ является гораздо болѣе результатомъ вліянія на нихъ этого магната, чѣмъ какихъ-либо убѣжденій. Не смотря на собранныя очень тщательно черты индивидуальнаго ихъ характера, помимо воли автора, изображенные имъ типы прежде всего дѣлаютъ впечатлѣніе сателлитовъ и паразитовъ важнаго пана, что конечно также составляетъ черту быта нравственно разложившагося въ XVIII вѣкѣ шляхетскаго общества. Представителемъ того же разложенія является и Іосифъ Стемпковскій, біографію котораго помѣстилъ въ числѣ другихъ докторъ Антоній, подъ эффектнымъ заглавіемъ: „грозный Іосифъ". Эпитетъ „грознаго" данъ ему вслѣдствіе жестокихъ казней, которыми онъ истреблялъ крестьянъ послѣ усмиренія „Коливщины", но въ сущности, согласно съ меткою характеристикою автора, мы думали бы, что Стемпковскій заслуживаетъ скорѣе эпитета „пошлый". Вся его жизнь посвящена на то, чтобы выслужиться, не разбирая средствъ, сдѣлать карьеру, скопить деньги и потомъ нагроможденныя средства прокутить самымъ легкомысленнымъ и сибаритскимъ образомъ. Жестокія казни крестьянъ въ 1768 году не истекаютъ ни изъ убѣжденій, ни изъ личнаго его права, онъ расточаетъ ихъ лишь потому, что ошибочно полагаетъ, что жестокій образъ дѣйствія будетъ угоденъ королю;—убѣдившись въ противномъ, онъ оставляетъ казни и ищетъ другихъ средствъ отличія: мелкія стычки съ гайдамаками раздуваетъ до размѣровъ рѣшительныхъ сраженій и наконецъ добивается того, что легкомысленное столичное и особенно придворное общество, смотритъ на него, какъ на спасителя отечества; затѣмъ онъ является постояннымъ агентомъ и клевретомъ короля въ сеймовыхъ агитаціяхъ, за что выпрашиваетъ должности, староства, ордена, доходныя бенефиціи и т. д.; всѣ эти знаки королевской милости онъ перепродаетъ, закладываетъ и т. п. и вырученныя деньги употребляетъ на изысканную эпикурейскую роскошь, пока наконецъ апоплексическій ударъ не спасъ его отъ банкротства, долговъ и нищеты.

Во второмъ томѣ разсказовъ мы находимъ слѣдующія монографіи, содержаніе которыхъ относится къ XVI и XII столѣтіямъ: 1) Княжескій столъ за женщину, 2) Жизнь на Украйнѣ до

козацкаго возстанія, 3) Одинъ изъ числа многихъ, 4) Немиричи. Предметомъ перваго служитъ неудачное сватовство Криштофа Зборовскаго на сестрѣ молдавскаго господаря Богдана Лопушнано (1569—1572 г.). Оскорбленный отказомъ господаря, Зборовскій схватилъ его на пути и заключилъ въ темницу; когда-же господарь уплатилъ выкупъ и получилъ свободу, то оказалось, что престолъ его уже былъ занятъ однимъ изъ его соперниковъ. Эпизодъ весьма характерный для даннаго времени и для обрисовки отношеній пограничныхъ магнатовъ къ Молдавіи и ея господарямъ; онъ разсказанъ весьма живо и обставленъ подробностями, поясняющими характеръ того времени.

Второй очеркъ, не менѣе интересный, составленъ по архивнымъ матеріаламъ (1570—1642 г.); онъ повѣствуетъ о продолжительной враждѣ двухъ семействъ земянъ брацлавской земли: Микулинскихъ и Козюбъ Якушинскихъ и изобилуетъ многочисленными бытовыми, весьма интересными подробностями.

„Одинъ изъ числа многихъ“ — это біографія шляхтича изъ Брацлавщины, нѣкоего Жука-Скоршевскаго, попавшаго въ плѣнъ козакамъ въ 1648 году и спасшагося съ неимовѣрными усиліями бѣгствомъ, благодаря покровительству Адама Киселя. Жукъ поселился потомъ на берегахъ Збруча, въ имѣніи Ляцкоронскаго, но здѣсь навлекъ на себя гнѣвъ этого магната, вслѣдствіе того, что осмѣлился посвататъ его дочь; подвергшись нападенію со стороны одного изъ родственниковъ Ляцкоронскаго, убилъ его въ дуэли, происходившей ночью на паромѣ, середъ Днѣстра, и вслѣдствіе этого долженъ былъ убѣжать въ одну изъ отдаленныхъ областей Польши.

Послѣдній очеркъ „Немиричи“, составленный болѣе обстоятельно, разсказываетъ исторію этого древняго кіевскаго земянскаго рода, начиная съ Ивана Немирича (упоминаемаго въ 1535 году) и до конца XVII столѣтія; въ концѣ прибавлена въ видѣ дополненія небольшая замѣтка о Генрихѣ Немиричѣ, подвергавшемся суду въ исходѣ прошлаго вѣка по обвиненію въ атеизмѣ. Біографіи Немиричей составлены по архивнымъ источникамъ и очерчены весма отчетливо; такъ какъ многія лица, принадлежавшія къ этому роду, исповѣдывали социніанство, то авторъ прибавилъ общій очеркъ распространенія этого религіознаго ученія въ южной Руси. Разсматривая генеалогію Немиричей, авторъ полагаетъ, что дворянскій родъ Немиричей разбогатѣлъ и пріобрѣлъ значеніе потому, что онъ особенно сочув-

ственно отнесся къ люблинской уніи и умѣлъ скорѣе другихъ приноровиться къ новому порядку вещей. Мы полагаемъ, что это положеніе автора ошибочно, такъ какъ Немиричи гораздо раньше люблинской уніи принадлежали къ числу богатыхъ и знатныхъ земянъ кіевской земли. Самъ докторъ Антоній нашелъ одно указаніе на этотъ фактъ въ описаніи овручскаго замка 1552 года, гдѣ Іосифъ Немиричъ поименованъ въ числѣ „пановъ кіевскихъ", въ качествѣ „державцы" 4 селъ; ему также извѣстно, что отецъ Іосифа Иванъ владѣлъ селами Чернеховомъ, Марморичами и тремя пустошами. Къ указаніямъ этимъ можемъ прибавить еще нѣсколько свѣденій: въ 1531 году тотъ-же Иванъ Немиричъ пріобрѣлъ покупкою отъ дворянки Ульяны Потаповичевой село „дѣдистое Ворахобовичи у Бѣлыхъ Берегахъ"; онъ былъ женатъ на послѣдней представительницѣ богатаго кіевскаго рода земянъ Скобейковъ, принесшей ему въ качествѣ приданнаго вотчины и выслуги своего рода (въ томъ числѣ и Чернеховъ); Іосифъ-же Немиричъ владѣлъ дворами въ замкахъ овручскомъ и житомирскомъ. Такимъ образомъ поземельное состояніе Немиричей и значеніе ихъ рода можно констатировать уже лѣтъ за 30 до люблинской уніи.

Вообще всѣ очерки новой серіи „историческихъ разсказовъ" д ра Антонія І. написаны съ такимъ-же талантомъ и знаніемъ историческаго матеріала, какія мы отмѣтили и въ прежнихъ сочиненіяхъ того-же автора, хотя и не лишены, какъ намъ кажется, и прежнихъ недостатковъ—злоупотребленія эпитетами и нѣсколько исключительной, предвзятой тенденціи. **В. А.**

Опись актовой книги кіевскаго центральнаго архива. № 13. Составилъ Л. В. Ильницкій (оффиціальное изданіе архива). Кіевъ. 1882 г.

Вышедшая на дняхъ книжка составляетъ уже 24-й выпускъ описей актовыхъ книгъ, издаваемыхъ кіевскимъ центральнымъ архивомъ. Обладая громаднымъ научнымъ матеріаломъ, архивъ позаботился о томъ, чтобы привести этотъ матеріалъ въ извѣстность и, по мѣрѣ возможности, облегчить къ нему доступъ лицамъ, разыскивающимъ нужныя указанія. Съ этою цѣлью съ 1866 года приступлено было къ составленію краткихъ, но отчетливыхъ описей актовъ, хранящихся въ архивѣ и, по мѣрѣ того

какъ подвигалось составленіе этихъ описей, архивъ печаталъ ихъ; каждый выпускъ описей обнимаетъ документы, вписанные въ отдѣльную актовую книгу. Составленіе описей происходитъ по строго выработанному плану и, по нашему мнѣнію, вполнѣ удовлетворяетъ предположенной цѣли: описи дѣлаются кратко и сжато, но притомъ такъ, чтобы не опустить ни характеристическихъ подробностей содержанія, ни личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ каждомъ документѣ. Желающій пользоваться описью можетъ въ теченіи часа ознакомиться съ содержаніемъ каждой описанной книги и вымѣтить себѣ акты, нужные для занимающаго его сюжета, между тѣмъ какъ безъ описи пересмотръ книги и ознакомленіе съ ея содержаніемъ потребовало бы по меньшей мѣрѣ недѣлю усидчиваго труда. Притомъ лица, живущія внѣ Кіева, могутъ по самой описи собрать богатый запасъ фактовъ, хотя лишенныхъ подробностей, но все таки могущихъ доставить значительный научный матеріалъ для любого историческаго или историко-юридическаго сюжета.

Вышедшая нынѣ книжка (№ 13) представляетъ опись актовой книги житомирской городской, записовой и поточной 1617—1618 годовъ. Огромная эта книга содержитъ до 1500 листовъ, на которыхъ записано 1200 актовъ, въ числѣ которыхъ весьма многіе представляютъ историческій интересъ. Въ числѣ ихъ мы находимъ данныя и для политической исторіи края: о походахъ противъ татаръ и турокъ, о походѣ поляковъ подъ Москву въ 1618 г., о мѣрахъ польскаго правительства для укрощенія козаковъ и т. п. и еще болѣе для исторіи бытовой всѣхъ сословій края: духовенства, дворянъ, мѣщанъ, крестьянъ, козаковъ, жолнеровъ и евреевъ. Сверхъ того есть документы, относящіеся къ всевозможнымъ областямъ общественной и частной жизни даннаго времени: постановленія областныхъ сеймиковъ, мѣры для сбора податей и налоговъ, указанія на конные суды, на производство заводское (поташные заводы) и торговлю, на семейный бытъ и т. п. Для генеалогіи, біографій отдѣльныхъ лицъ, исторической топографіи описи доставляютъ также обильный матеріалъ, такъ напримѣръ въ теченіи двухъ лѣтъ мы находимъ множество матеріаловъ для біографіи: Елисея Плетенецкаго, Веніамина Руцкаго, князя Януша Острожскаго и т. д., обильныя указанія на топографію Кіева и его окрестностей, на исторію кіевскихъ церквей и монастырей и т. п.

Для того, чтобы дать понятіе о томъ, на сколько удовлетворительно составлены описи и насколько онѣ даютъ точное по-

нятіе о содержаніи самихъ актовъ, выпишемъ для примѣра нѣсколько самихъ описей, выбравъ ихъ на угадъ:

№ 226—жалоба вознаго Николая Пузовскаго на дворянина Яна Кучковскаго, приказывавшаго жалобщику съѣсть принесенные имъ позвы и, послѣ отказа въ этомъ, нанесшаго ему тяжкіе побои".

„№ 90. Свидѣтельство вознаго по жалобѣ дворянина Витинскаго о томъ, что *копа* села Вересова въ дѣтинцѣ житомирскаго замка безвинно и противузаконно подвергла пыткѣ раскаленнымъ желѣзомъ его крестьянина, заподозрѣннаго въ кражѣ лошади у вересовскаго крестьянина".

„№ 631. Жалоба кіево печерскаго архимандрита Елисея Плетенецкаго на ложное обвиненіе его кіевскими мѣщанами въ незаконной торговлѣ водкою и въ устройствѣ ярмарки".

„№ 491. Жалоба кіевскаго городничаго Станислава Вигуры о грабежѣ кіевскими мѣщанами сѣна и захватѣ ими подъ г. Кіевомъ острова Муравица въ грунтѣ *Милославщизны*".

Полагаемъ, что этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе о пріемахъ составленія описей и возможности пользоваться ими для научныхъ цѣлей. **В. А.**

Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych. Wydane przez krajowe biuro statystyczne pod redakcyą prof. d-ra Tadeusza Pilata. Rocznik szósty. Zeszyt drugi. Lwów. 1881 r.

Мы выписали въ заглавіи одинъ изъ выпусковъ „Статистическихъ Вѣдомостей", издаваемыхъ въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ „Львовскимъ Статистическимъ Бюро", въ видѣ отдѣльныхъ „Стат. Вѣдомостей". Онъ представляетъ собою брошюру въ 48 стр. (отъ 133—182) и состоитъ изъ XII таблицъ, раздѣленныхъ на два отдѣла: первый отдѣлъ содержитъ въ себѣ цифровыя даты о землѣ, второй—о населеніи Галиціи, подъ особымъ заглавіемъ: „Najważniesze wyniki spisu ludności Galicyi z 31 grudnia 1880 według tymczasowych zestawień powiatowych"...

Какъ видно изъ двухъ коротенькихъ предисловій, которыми снабжены оба отдѣла, свѣдѣнія о землѣ собраны въ самое послѣднее время при „обычномъ урегулированіи поземельнаго налога", и добыты редакціей изъ краевой коммисіи", учрежденной для урегулированія поземельнаго налога, а данныя о населеніи

представляютъ результатъ однодневной переписи, произведенной 31 декабря 1880 г. во всей австрійской имперіи, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ; систематизація-же тѣхъ и другихъ данныхъ принадлежитъ самому редактору „Стат. Вѣд.", проф Пилату. Всѣ цифры разверстаны между 74 уѣздами (powiat или starostwo), на которые дѣлится Галиція. Въ 1-мъ отдѣлѣ всего двѣ таблицы, изъ которыхъ въ первой проставлены цифровыя данныя о землѣ по угодьямъ (огороды, поля, луга и т д.), во 2 мъ—процентныя отношенія по тѣмъ же рубрикамъ. Во второмъ отдѣлѣ X таблицъ.

Таблицы I, II, III, IV содержатъ свѣдѣнія о населеніи по поламъ и мѣсту жительства, съ указаніемъ процентныхъ отношеній, таблица V—а) представляетъ населеніе по вѣроисповѣданіямъ, V—в) и VI по образованію съ процентными отношеніями, табл. VII, VIII и IX—по языку, тоже съ процентными указаніями. Наконецъ въ послѣднюю X-ю таблицу вошли общія цифры о населеніи по судебнымъ округамъ, которыхъ въ Галиціи II.

Какъ источникъ, изъ котораго взяты цифры, такъ и полнота и новизна самыхъ данныхъ (до этого времени не обнародованныхъ) дѣлаетъ эту брошюру, какъ и вообще Статистическія Вѣдомости львовскаго Бюро, весьма цѣнною для всякаго, интересующагося судьбою нашихъ единоплеменниковъ въ Галиціи, и мы со своей стороны рекомендуемъ непосредственно ознакомиться съ этой книжкой „Стат. Вѣдомостей", какъ и вообще съ изданіемъ, богатымъ статистическимъ матеріаломъ.

Мы не станемъ сообщать въ библіографической замѣткѣ подробнаго содержанія самыхъ цифръ, а ограничимся въ этомъ отношеніи только данными относительно русскаго населенія Галиціи, какъ болѣе интереснаго для читателей „Кіевской Старины".

Изъ 74 повѣтовъ Галиціи русское (точнѣе южно-русское) населеніе преобладаетъ въ 46, составляя отъ 89, 926% (это maximum въ повѣтѣ Turka) до 56,746% (это minimum въ повѣтѣ Sanok). Такимъ образомъ южно-русское населеніе занимаетъ 9,503,854 морга земли изъ общей суммы 13,640,554, т. е. $^2/_3$ всего пространства Галиціи. Въ этой южно-русской Галиціи живетъ 3,445,101 человѣкъ, а за выключеніемъ пришлого населенія (ludnosci zakrajowa 15,640) постояннаго населенія въ южно-русской Галиціи 3,439,461. По вѣроисповѣданіямъ это населеніе заключаетъ въ себѣ 944,015 католиковъ, 2414 армяно-католиковъ (ormiańsko unickie), 33 staro katolickie, 812 православныхъ, 30,463

лютеранъ, 63 англиканца, 698 менонитовъ, 498,459 іудеевъ, 1153 разныхъ иныхъ вѣроисповѣданій и 2,383,110 греко-уніатовъ. Относительно языка въ указанномъ районѣ: a) говорящихъ польскимъ языкомъ 827,340, b) нѣмецкимъ—274,167, c) на прочихъ языкахъ 2579 и d) на русскомъ 2,452,030. Населеніе южно русское характеризуется въ Галиціи уніатскимъ вѣроисповѣданіемъ и русскимъ языкомъ, а потому цифра уніатовъ 2,516,542 представляетъ контингентъ малороссовъ въ Галиціи; изъ нихъ 2,383,110 обитаетъ въ 46 округахъ, въ восточной Галиціи, а 133,432 въ западной ея половинѣ.

Въ цитируемыхъ нами данныхъ „Стат. Вѣдом." есть еще весьма характерныя цифры, это цифры табл V b), изъ которыхъ узнаемъ, что въ восточной Галиціи умѣющіе читать и писать составляютъ 8,94%, только читать 2,50%, а совершенно безграмотные 88,29%. Если-же примемъ во вниманіе то обстоятельство, что грамотность, какъ извѣстно, вообще развита больше въ высшемъ классѣ, затѣмъ между горожанами и послѣднее мѣсто занимаетъ населеніе деревень, въ Галиціи-же привилегированный классъ составляютъ поляки, а городское населеніе нѣмцы и евреи, то результатъ получится еще болѣе печальный. Въ южно-русскихъ провинціяхъ поляки составляютъ болѣе 23%, нѣмцы около 8, а вмѣстѣ 31%, такъ что, игнорируя уже цифру еврейскаго населенія, мы увидимъ, что русское населеніе въ Галиціи поголовно безграмотно. Процентъ грамотности въ польской Галиціи болѣе высокъ, именно совершенно неграмотные составляютъ тамъ 72,18%.

И. Житецкій.

Высокопреосвященнѣйшій Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій. Москва. 1882 г.

Помники по пр. Филаретѣ, епископѣ рижскомъ, въ кишиневской дух. семинаріи, съ портретомъ его. Л. М. Кишиневъ, 1882 г.

Эти двѣ небольшія брошюры, стр. 50—70 каждая, посвящены памяти тѣхъ скончавшихся въ этомъ году архипастырей, именами которыхъ онѣ названы. Это не некрологи и не біографіи, но, какъ говорится, вѣнки на могилу почившихъ: одинъ сплетенъ въ Москвѣ, другой въ Кишиневѣ. Обѣ брошюры вышли почти одновременно и одновременно сошлись въ нашихъ рукахъ;

мы и соединяемъ ихъ въ одной общей о нихъ замѣткѣ, имѣя на то особыя причины.

Имена Макарія Булгакова, митрополита московскаго, и Филарета Филаретова, епископа рижскаго, принадлежатъ къ числу особо чтимыхъ въ сферѣ духовной и въ обществѣ свѣтскомъ. Объ нихъ, по поводу ихъ смерти, много писалось, еще болѣе говорилось. По видимому, намъ тѣмъ болѣе было повода говорить объ нихъ, что оба эти архипастыря по мѣсту окончательнаго ихъ образованія, отчасти службы и дѣятельности принадлежатъ кіевской академіи. Но обезличенная ко времени ихъ академія не положила на нихъ мѣстнаго отпечатка, въ свою очередь и они ничего не сдѣлали и не могли сдѣлать для возрожденія ея историческаго духа и характера, а слѣдовательно какъ ни почтенна ихъ дѣятельность, она мало имѣетъ общаго съ тѣмъ, что составляетъ задачу нашего изданія, чтобы говорить о ней нарочито. Иное дѣло сказать по поводу того, что говорилось и что имѣетъ прямое къ намъ соотношеніе; это мы и исполняемъ теперь, говоря о двухъ названныхъ нами брошюрахъ.

Брошюра московская о митрополитѣ Макаріѣ—это такъ сказать цвѣты краснорѣчія, разсыпанные при гробѣ его и собранные неизвѣстнымъ почитателемъ его памяти. Тутъ въ 15-ти отдѣльныхъ статейкахъ различныхъ авторовъ соединено все, что говорилось (6-ть надгробныхъ словъ и рѣчей) и писалось по поводу смерти и погребенія московскаго архипастыря. Брошюра, можно сказать, не оставляетъ въ немъ ни одной стороны и ни одной черты не разсмотрѣнною; тутъ свѣдѣнія о немъ какъ администраторѣ, богословѣ, проповѣдникѣ, историкѣ и человѣкѣ,—объ его происхожденіи, образованіи, воспитаніи, характерѣ, направленіи, самыхъ разнообразныхъ его отношеніяхъ и домашней жизни и обстановкѣ. Помимо высокихъ достоинствъ и несомнѣнныхъ и великихъ заслугъ ученаго архипастыря, все здѣсь сказанное и написанное имѣетъ видъ хвалебнаго гимна и потому еще, что говорилось и писалось въ виду такъ-сказать не закрытаго еще гроба. Изъ всего этого мы отмѣтимъ, что митрополитъ Макарій—воспитанникъ кіевской академіи, преобразованной уже за 20-ть лѣтъ предъ тѣмъ по общему шаблону, что одно-годичное его въ этой академіи баккалаврство по каѳедрѣ русской церковной исторіи не оставило, конечно, ни въ ней, ни въ немъ никакого слѣда, что вскорѣ потомъ онъ написалъ ея исторію, не обнявъ ея духа и характера, что впослѣдствіи онъ сдѣлалъ для

своей almae matris въ годъ ея юбилея пожертвованіе въ 25,000 р., что наименованный винницкимъ епископомъ, въ должности ректора петербургской академіи, никогда онъ Винницы не видалъ и никакихъ дѣлъ съ нею и подольскою епархіею не имѣлъ, что въ управленіе епархіями харьковскою и литовскою онъ не внесъ ничего такого, что сообразовалось-бы съ историческими ихъ особенностями и что наконецъ въ своемъ монументальномъ трудѣ „Исторія русской церкви" онъ не мало труда приложилъ къ разработкѣ исторіи южно-русской церкви. У насъ сохранились воспоминанія о его мимолетномъ кіевскомъ баккалаврствѣ и необычайномъ его трудолюбіи и аккуратности. Петербургъ выработалъ въ немъ счастливѣйшую, хотя мало цѣнимую людьми способность примѣняться къ людямъ и обстоятельствамъ,—которой онъ, помимо своихъ высокихъ достоинствъ, много обязанъ своею блестящею карьерою. Сохранилось много интересныхъ разсказовъ о томъ, какъ онъ проходилъ сквозь тернія Протасовскаго и послѣдующихъ режимовъ, но насъ это также мало занимаетъ, какъ и поднятый извѣстной партіей вопросъ о томъ, былъ-ли онъ по Москвѣ или Москва по немъ. Положительныя достоинства митрополита Макарія такъ несомнѣнны, заслуги его такъ велики, дѣятельность его такъ обширна и многоплодна, что память о немъ не умретъ между русскими людьми. Своими учено-литературными трудами онъ самъ поставилъ себѣ прочный памятникъ. И къ митрополиту Макарію вполнѣ приложились слова, сказанныя имъ надъ гробомъ С. М. Соловьева. „Онъ умеръ для насъ своимъ тѣломъ, но не умеръ въ своихъ безсмертныхъ ученыхъ твореніяхъ. Онъ разстался съ нами своей душой, воспарившей въ міръ горній; но онъ остался среди насъ сокровищами своей души, которыя завѣщалъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ. Не довольно продолжительна была его земная жизнь, и намъ жалко, что онъ скончался еще рано; но и въ данный ему періодъ онъ совершилъ столько, сколько иные не совершили-бы въ продолженіе даже столѣтней жизни".

Брошюра кишиневская, посвященная памяти пр. Филарета, епископа рижскаго, есть плодъ прекраснаго чувства признательности къ нему его воспитанниковъ и слушателей. Въ немноголюдномъ Кишиневѣ набралось ихъ до 20-ти въ разныхъ вѣдомствахъ. Раздѣленные службою и жизнію, они сошлись, чтобы помянуть своего наставника и начальника не только молитвою, но трапезою и общею бесѣдою. Одинъ изъ нихъ, Л. М., произ-

несъ въ этомъ кружкѣ задушевную рѣчь въ память почившаго, и она-то и составляетъ главное содержаніе брошюры.

Пр. Филаретъ также воспитанникъ кіевской академіи; но онъ посвятилъ ей 20 лѣтъ службы и связь его съ нею продолжительнѣе и тѣснѣе. Сопоставляя однако личность его, какъ она опредѣляется и въ разсматриваемой брошюрѣ, съ личностью митрополита Макарія, мы видимъ итоги жизни далеко неодинаковые. Отъ довольно продолжительной, дѣятельной и даже кипучей жизни человѣка талантливаго и высоко поставленнаго не осталось какъ будто ничего. Литературная производительность пр. Филарета почти совсѣмъ не видна и единственнымъ плодомъ ея осталась диссертація *о книгѣ Іова*, писанная во исполненіе требованій новаго академическаго устава. Въ ней несомнѣнно проявились и обширная эрудиція автора и его глубокій умъ; но покойный митрополитъ Арсеній сдѣлалъ невыгодный о ней отзывъ со стороны духа и направленія и докторантъ не получилъ искомой степени, а потомъ и вовсе уже не стремился къ ней.

Вся жизнь пр. Филарета ушла на административную дѣятельность. Плоды этой дѣтельности, по существу своему, съ трудомъ поддаются точному измѣренію и взвѣшиванію, и достоинство ихъ часто бываетъ спорнымъ. Во всякомъ случаѣ дѣятельность администратора скорѣе можетъ сдѣлаться жертвою забвенія, чѣмъ дѣятельность литератора. Книгу прочтутъ и оцѣнятъ чрезъ 200 лѣтъ; но дѣятельность администратора нужно захватывать, такъ сказать, *по горячимъ слѣдамъ*, чтобы спасти ее отъ забвенія.

Тѣмъ съ большимъ любопытствомъ мы встрѣтили брошюру Л. М., посвященную памяти Филарета, какъ ректора кіевской академіи, которой онъ служилъ такъ долго и въ которой болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, могутъ быть видны плоды его дѣятельности, хотя-бы и административной. Заслуги Филарета для академіи, по объясненію Л. М., состояли главнымъ образомъ въ его отношеніяхъ къ академическому журналу и къ академическому музею древностей. „Онъ далъ“ (говорится въ брошюрѣ стр. 15—16) „новую постановку съ 1861 г. академическому журналу *Труды кіевской духовной академіи*; такъ что хотя этотъ журналъ задуманъ и основанъ нѣсколько раньше его ректорства, но настоящимъ организаторомъ его справедливо можно назвать Филарета. Онъ всегда старался держать этотъ академическій органъ на высотѣ *научныхъ* требованій. „Труды кіевской духовной академіи“ въ его время дѣйствительно были трудами ученыхъ людей, имѣвшихъ въ виду всестороннюю разработку

богословской науки; цѣлей *вне-научныхъ* они себѣ не ставили. Когда Филарету замѣчали, что чрезъ это академическій журналъ имѣетъ мало подписчиковъ, онъ отвѣчалъ, что значитъ мало развита наука въ Россіи и что слѣдуетъ водворять эту науку... Научный характеръ „Трудовъ кіевской духовной академіи“ привлекалъ къ нимъ симпатіи людей науки и въ этомъ состоитъ существенная оцѣнка ихъ тогдашняго достоинства“...

Достоинство этой заслуги, конечно, вполнѣ понятно лицамъ академическаго кружка, къ которому относятся и кишиневскіе почитатели пр. Филарета, но трудно судить о ней читателю постороннему, въ виду того, что въ наукѣ вообще имя почтеннаго академическаго органа столь-же мало извѣстно, какъ и имя его редактора *ex officio*, каковымъ неизмѣнно становится всякій ректоръ. Мы можемъ отмѣтить, что въ указываемое время въ академическомъ журналѣ разработка мѣстной исторіи сдѣлала значительные успѣхи, но не можемъ сказать, на сколько въ этомъ проявилось личное вліяніе офиціальнаго редактора „Трудовъ“. Извѣстно, что самъ онъ ничего не писалъ и какою-либо спеціальностію познаній, кромѣ еврейскаго языка, не обладалъ; но любилъ все новое и смѣлое въ наукѣ, въ какую спеціальную и сухую форму оно ни было-бы облечено. Впрочемъ заслуга, о которой рѣчь, выяснилась и выросла впослѣдствіи, когда академія раздробила и размѣняла на мелочь свою учено-литературную дѣятельность и кромѣ своихъ давнихъ изданій: „Трудовъ“ и „Воскреснаго Чтенія“, притянула къ себѣ отъ консисторіи и „Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости“ съ ихъ обязательною подпискою, устремляясь какъ-бы разомъ за многими зайцами...

Другая заслуга пр. Филарета для кіев. академіи указывается въ его отношеніяхъ къ церковно-археологическому музею. „Филаретъ (говорится въ брошюрѣ стр. 16) основалъ при академіи кіевской новое учено-вспомогательное учрежденіе, какихъ нѣтъ (вѣрнѣе сказать: до того времени не было) при другихъ академіяхъ. Разумѣемъ церковно-археологическое общество съ музеемъ древностей при немъ. Для того, чтобы сразу же *поставить*, такъ сказать, *на ноги* это учрежденіе, Филаретъ на собственныя деньги (12 стр.) пріобрѣлъ знаменитую (?) сорокинскую коллекцію древнихъ иконъ и пожертвовалъ ее музею. Въ основаніи археологическаго общества и музея состоитъ важнѣйшая заслуга Филарета для науки, которой никогда не забудутъ будущія поколѣнія“. Въ интересахъ истины сдѣлаемъ къ этимъ строкамъ нѣсколько поправокъ. Первая

мысль объ основаніи археологическаго музея принадлежитъ проф. П. А. Лашкареву, который привезъ ее съ 1-го археологическаго съѣзда; Филаретъ на первое время относился къ этой мысли скептически, и только впослѣдствіи расположился къ ней, когда дѣло уже пошло въ ходъ неусыпными трудами другаго профессора, Н. И. Петрова [1]). Далѣе: изъ употребленныхъ на покупку сорокинской коллекціи 12,000 р., только около 2,000 р. с. затрачено лично пр. Филаретомъ, остальные-же 10,000 р. с. пожертвованы въ его личное распоряженіе, безъ означенія цѣли, одною дамою, пытавшеюся однако получить деньги обратно, когда ей стало извѣстно данное имъ назначеніе.

Вообще въ многочисленныхъ воспоминаніяхъ о пр. Филаретѣ, вызванныхъ его внезапною кончиною, ему не мало приписано такого, что вовсе не принадлежитъ ему, какъ напр. основаніе при кіевской семинаріи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей", когда Филаретъ находился еще въ Казани, или-же выдача имъ изъ собственныхъ средствъ пособій наставникамъ академіи, но опущено то, что сдѣлано имъ по собственному почину, какъ напр. капитальное переустройство обоихъ академическихъ зданій и приспособленіе ихъ ко всѣмъ потребностямъ заведенія и академическаго конвикта, обновленіе внутренняго вида братскаго храма и превращеніе онаго въ теплый, измѣненіе порядка студенческихъ испытаній, предоставленіе академической корпораціи большей самостоятельности, не смотря на то, что самъ онъ велъ съ нею иногда упорную борьбу, изгнаніе изъ академической жизни послѣднихъ остатковъ формализма и такъ называвшагося монашескаго духа и наконецъ забота о томъ, чтобы поставить на ноги академическую библіотеку, безъ которой, по выраженію Ѳ. Прокоповича, *какъ безъ души, академія.* Независимо отъ новаго помѣщенія библіотеки и снабженія ея новыми цѣнными изданіями, нельзя не указать на крайнія его въ 1869 г. усилія дать академіи библіотекаря въ лицѣ извѣстнѣйшаго библіографа С. И. Понамарева, хотя сама академическая корпорація оказала ему въ этомъ рѣшительное препятствіе. Не подлежитъ оспариванію, что это былъ замѣчательно свѣтлый и глубокій умъ, характеръ твердый, несокрушимый. Сравнивая пр. Филарета съ митр. Макаріемъ, можно

[1]) Впрочемъ Филарету и прежде были присущи археологическія тенденціи, какъ это доказывается его заботами о списываніи портретовъ академ. дѣятелей, для торжеств. акад. залы, на что онъ потратилъ не мало хлопотъ и денегъ.

сказать, что онъ превосходилъ его богатствомъ дарованій. И однако какая громадная разница въ результатахъ и размѣрахъ дѣятельности обоихъ! Причиною сему, между прочимъ, съ одной стороны неровность въ характерѣ пр. Филарета, невыдержанность его и крайняя прямота, съ другой—природная тяжесть, малоподвижность натуры его, нѣкоторая какъ-бы апатія и сонливость, когда ничто ее не возбуждаетъ. Такимъ онъ былъ въ своихъ лекціяхъ, такъ относился онъ къ лекціямъ другихъ, которыхъ никогда не посѣщалъ, такъ глядѣлъ онъ и на всякое заурядное дѣло. Но являлось препятствіе, столкновеніе и—тутъ закипала его страстная натура и много времени и силъ уходило, иногда даже безплодно. Тѣневыя стороны дѣятельности пр. Филарета неумолчаны и въ разсматриваемой брошюрѣ о немъ. „Натура его (говорится въ брошюрѣ стр. 17—18) была *нервная*, горячо ко всему относившаяся... Это горячее, *сердечное* воспринятіе всего съ теченіемъ времени развило въ немъ *болѣзненную раздражительность*, которая разумѣется не могла не проявляться такъ или иначе въ его отношеніяхъ къ обѣимъ сторонамъ академической корпораціи, отношеніяхъ и начальническихъ, и человѣческихъ". И еще: „Филаретъ какъ будто иногда уставалъ—разочаровывался, сердился, раздражался" (стр. 25). Это вѣрно, и всякій, кто служилъ въ академіи при пр. Филаретѣ, скажетъ, что это вѣрно. Но прямота и честность Филарета были такъ ясны для всѣхъ, что ради ихъ даже люди, недовольные имъ, кое-что такъ сказать сбрасывали ему со счетовъ. Его безкорыстіе и нестяжательность были такъ велики, что, получая едва не министерское содержаніе, онъ не рѣдко занималъ копѣйки у своего-же келейника, и то для того, чтобы отдать другимъ. Его равнодушіе къ тому, что называется карьерою, могло-бы служить для многихъ поучительнымъ примѣромъ. Пожалѣть можно о томъ, что столь свѣтлый умъ и столь сильный характеръ такъ мало принесъ видимыхъ плодовъ академіи, которой онъ такъ долго служилъ, мало, по видимому, интересуясь ея историческимъ характеромъ и задачами. Но его память въ академіи увѣковѣчена устроенною имъ въ большей части на свои средства портретною галлереею въ академической залѣ, въ которой предъ глазами посѣтителя проходитъ вся исторія этого древнѣйшаго въ Россіи училища и вся его многообразная и разносторонняя жизнь. Л. Т.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ЗАПОРОЖЦЫ.

(народное преданіе).

Не смотря на довольно позднее появленіе въ исторіи запорожскихъ, или низовыхъ козаковъ, наши и польскіе лѣтописцы и историки, какъ извѣстно, отодвинули далеко въ глубь вѣковъ начало запорожскаго козачества и облекли его происхожденіе туманомъ вымысловъ.

Объясняя возникновеніе южно-русскаго козачества, всѣ почти историки, какъ принимавшіе туземное происхожденіе нашихъ козаковъ, такъ и выводившіе ихъ отъ другихъ народовъ, признавали первоначальнымъ пунктомъ появленія козачества Запорожье и уже отъ запорожцевъ выводили городовыхъ козаковъ. Грабянка, напримѣръ, полагалъ, что малороссійскій народъ произошелъ отъ славянскаго племени козаръ: „козаровъ-же нарицаніе малороссійскіе вои мало что перемѣнивши, вмѣсто козаровъ, козаками именуются". Но первые козаки поселились около Днѣпра ниже пороговъ „въ пустыхъ мѣстахъ и въ дикихъ поляхъ"; образовались-же они изъ жителей Украйны, не желавшихъ работать на поляковъ, которые, по присоединеніи Малороссіи, „усовѣтоваша въ работѣ имѣти живущіе въ нихъ (въ малороссійскихъ странахъ) люди" [1]). Было высказываемо и такое мнѣніе, что запорожскіе козаки произошли отъ

[1]) Лѣтопись Григорія Грабянки К. 1854 г. стр. 15—18.

великороссійскихъ: козаки цѣлымъ столѣтіемъ прежде появленія ихъ въ Малой Россіи были уже извѣстны по Волгѣ и на Дону, и въ Рязани въ 1444 году, и за разбои въ княжествѣ курскомъ и мещерскомъ были выгнаны оттуда еще въ началѣ XVI вѣка и ушли въ Запорожье, гдѣ на островахъ могли найти остатки прежнихъ черныхъ клобуковъ, половцевъ и проч. [1]). Польскіе историки также высказывали различныя, болѣе или менѣе произвольныя, предположенія о происхожденіи нашихъ козаковъ, связывая ихъ происхожденіе съ производствомъ имени козаковъ. Между другими, наприм., Вespасіанъ Коховскій производитъ имя козаковъ отъ дикихъ козъ, которымъ они подобны скоростію до брани и ловомъ которыхъ найболѣе упражнялись [2]). Не менѣе запутанности въ вопросѣ о происхожденіи южно-русскаго козачества можно найдти и у прежнихъ историковъ Малороссіи. По мнѣнію Маркевича, запорожское козачество возникало если не три, то, по крайней мѣрѣ, два раза. Въ первый разъ тотчасъ послѣ завоеванія южной Руси монголами горсть безпріютныхъ скитальцевъ, удалившись съ пепелищъ своей родины, поселилась на днѣпровскихъ островахъ... „Тамъ, безъ женъ и дѣтей, питаясь звѣриною и рыбною ловлею, тревожа набѣгами враговъ вѣры и отечества, они приняли имя исчезнувшаго, но знаменитаго войска козаковъ и черкасъ“ (т. е. черныхъ клобуковъ и торковъ). Подъ 1401 г. Маркевичъ упоминаетъ уже о городовыхъ козакахъ, не поясняя ихъ происхожденія. За тѣмъ оказывается, что на островахъ днѣпровскихъ жили козаки въ началѣ XVI столѣтія, но были разсѣяны и неустроены: переходили съ мѣста на мѣсто, и не имѣли постоянной организаціи; первымъ настоящимъ организаторомъ ихъ былъ Евстафій Дашковичъ, котораго они избрали кошевымъ. Организованы они были послѣ 1511 года, т. е. послѣ Піотрковскаго сейма, на которомъ Дашкевичъ защищалъ мысль о необходимости учрежденія постоянной стражи противъ татаръ, у днѣпровскихъ пороговъ [3]). Бантышъ-Каменскій относитъ происхожденіе южно-русскаго козачества къ началу XV столѣтія и считаетъ также, что первыми козаками на югѣ были запорожцы: „Въ сіе

---

[1]) «Черниг. Губерн. Вѣдомости» 1852 г. № 5 ст. Раковича о козакахъ.

[2]) Лѣтопись Грабянки, стр. 15.

[3]) Исторія Малороссіи, т. I-й стр. 16, 32, 33.

время впервые появились въ Польшѣ козаки, каковое названіе приняли тогда днѣпровскіе островитяне отъ татаръ“ [1]).

Между тѣмъ, изданные въ послѣднее время разнаго рода акты даютъ возможность вполнѣ отчетливо опредѣлить причину и время возникновенія запорожскаго войска. Изъ этихъ документовъ видно, что первоначально были одни городовые козаки, которые жили въ предѣлахъ нынѣшней кіевской губерніи. Эти козаки находились подъ главнымъ завѣдываніемъ кіевскаго воеводы и украинскихъ старостъ: кіевскаго, черкасскаго и каневскаго. Въ XV и XVI-мъ столѣтіяхъ они уже выходятъ ежегодно на югъ для ловли рыбы и звѣрей и время отъ времени появляются тамъ для нападенія на татаръ, но всегда возвращаются осенью домой. Вслѣдствіе того, что кіевскіе воеводы и украинскіе старосты дозволяли козакамъ ходить на татарскіе улусы для добычи, которой козаки дѣлились со старостами, между турецкимъ и татарскимъ правительствомъ, съ одной стороны, и польскимъ съ другой, происходили большія непріятности и столкновенія. Это побуждало польскихъ королей писать украинскимъ воеводамъ и старостамъ со строгими внушеніями, чтобы тѣ приняли мѣры къ воздержанію козаковъ отъ нападеній на татаръ и даже сами указывали и предлагали эти мѣры: въ королевскихъ грамотахъ предлагается старостамъ, чтобы они, отпуская козаковъ на ловлю рыбы и бобровъ, знали точно ихъ число и наблюдали-бы, съ какой добычей возвращаются домой козаки. Чтобъ удержать козаковъ въ повиновеніи, велѣно было всѣхъ ихъ вписать въ реестры [2]). Разумѣется, такія мѣры шли совершенно въ разрѣзъ съ желаніями козаковъ, назначеніемъ которыхъ была борьба съ невѣрными и защита отъ нихъ мирнаго южно-русскаго населенія. Въ видахъ противудѣйствія указаннымъ мѣропріятіямъ, часть городовыхъ козаковъ, безъ приказанія и вѣдома короля и украинскихъ старостъ, удалилась изъ Украины на низовье Днѣпра и стала тамъ „въ полю и на иныхъ входахъ перемѣшкивать (проживать)“; поселясь же тамъ, они начали нападать на подданныхъ турецкаго султана, чабановъ, и татаръ перекопскаго хана. Это было передъ

[1]) Исторія Малой Россіи, т. I-й, стр. 114.

[2]) Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, изд. археограф. коммис., т. I-й, стр. 109. Королев. грамота 1541 года.

1568 годомъ, какъ видно изъ универсала, написаннаго въ упомянутомъ году королемъ Сигизмундомъ-Августомъ къ удалившимся козакамъ, которымъ предписывалось возвратиться обратно въ замки и города [1]). Такимъ образомъ приведенные акты свидѣтельствуютъ, что войско запорожское возникло позже всѣхъ другихъ видовъ козачества, именно въ началѣ второй половины XVI столѣтія, но что южно-русскіе козаки раньше этого времени хорошо были знакомы съ низовьями Днѣпра, такъ какъ они ходили туда для нападеній на татаръ и даже временно поселялись на островахъ, какъ напримъ это было при Димитріѣ Вишневецкомъ около 1556 г., когда тотъ укрѣпилъ о. Хортицу и засѣлъ на ней съ козаками. Еще лучше знали они низовыя мѣста по той причинѣ, что издавна имѣли тамъ свои „входы", т. е. угодья съ озами и бобровыми гонами, и ежегодно отправлялись туда „въ добытки на рыбы и бобры". Интересенъ тотъ фактъ, что не только козаки правобережной Украйны имѣли право входа въ низовыя мѣста, но даже полтавскіе козаки и севрюки (сѣверяне) нынѣшней черниговской губерніи ходили туда для ловли рыбы и звѣрей [2]), даже въ болѣе позднее время, когда уже существовала Запорожская Сѣчь, и тѣ мѣста должны были, повидимому, принадлежать исключительно низовому войску. Вѣроятно, право пользованія рыбными и звѣриными угодьями на низахъ принадлежало издавна южно-русскому населенію и оно пользовалось этими мѣстами на основаніи изстари установившихся обычаевъ. Если это такъ, то югъ съ давнихъ временъ былъ хорошо знакомъ нашимъ предкамъ и они имѣли въ тѣхъ мѣстахъ временныя жилища, курени и землянки, на подобіе тѣхъ, какіе и теперь устраиваются разнаго рода промышленниками: баштанниками, рыболовами и т. п.

Какъ лѣтописцы и историки наши путались въ своихъ объясненіяхъ причинъ и способовъ возникновенія сѣчеваго козачества, также точно и народъ въ своихъ преданіяхъ о происхожденіи запорожцевъ. Еще во время существованія Запорожья была у сѣчевиковъ легенда, которая относила ихъ происхожденіе къ 948 году. По этой легендѣ, запорожцы обязаны своимъ существованіемъ нѣ-

---

[1]) Архивъ юго-запад. Россіи. Ч. 3-я, т. 1-й, стр. 4.

[2]) «Кіевск. Старина», апрѣль стр. 18 и историко-статистич. описаніе харьков. епархіи Филарета. Отд. 2, стр. 320.

косму Семену, выходцу изъ правобережной Украйны, который поселился сначала одинъ при устьѣ р. Буга для производства промысловъ, „для битья дикихъ козъ, кабановъ и прочей дичи", затѣмъ привлекъ къ себѣ болѣе ста человѣкъ своихъ сосѣдей, которые назвали его своимъ атаманомъ. Они, по словамъ легенды, „сшили себѣ кафтаны и штаны изъ кожи дикихъ козъ, и тако произошли въ великую славу, что славные стали быть стрѣльцы, и прозвали ихъ козарами". Упомянутыхъ казаръ съ ихъ атаманомъ Семеномъ призвалъ къ себѣ на службу греческій императоръ для войны съ сарацинами. Умноживъ свои войска добровольцами изъ Украйны, Семенъ счастливо воевалъ съ сарацинами. За это греческій царь по окончаніи войны милостиво жаловалъ ихъ и назвалъ ихъ козаками и писалъ объ нихъ къ королю польскому, чтобы ихъ, за храбрые поступки, подъ своею протекціею имѣлъ и велѣлъ называть козаками, а не козарами. Возвратясь изъ похода, Семенъ поселился по очаковской сторонѣ, при р. Днѣпрѣ [1]).

Настоящее преданіе, подробно изложенное Мышецкимъ въ его исторіи о казакахъ запорожскихъ, по всей вѣроятности дало тему для разнообразныхъ объясненій и толкованій нашихъ лѣтописцевъ относительно происхожденія запорожцевъ. Конечно, въ приведенномъ преданіи нельзя не видѣть отраженія книжныхъ извѣстій, и поэтому нужно думать, что оно было сложено какимъ либо грамотнымъ и даже книжнымъ человѣкомъ. Но что оно извѣстно было также простымъ козакамъ, въ этомъ можно убѣдиться, зная о существованіи до сихъ поръ въ народѣ преданія, которое производитъ запорожцевъ отъ козаръ. П. А. Кулишъ записалъ въ Корсунѣ отъ старика преданіе о запорожцахъ, которое именно говоритъ, что запорожцы сначала назывались казары и имѣли свою Сѣчь прежде въ Капевѣ, потомъ въ Романовкѣ и Старомъ Кодакѣ, наконецъ ниже Никополя. „Служило ихъ три у короля. Король заплативъ двомъ жалованне, а третёму сказавъ: отъ же я двомъ заплативъ гришми, а ты, коли хочъ, иди въ Капевъ, осади собі тамъ слободу. Отъ вінъ пишовъ, та й завівъ тамъ Січъ [2]). Такъ кратко, но не ясно говоритъ народное преданіе о происхожденіи запорожцевъ.

---

[1]) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Мышецкаго. Од. 1851 г., стр. 1—3.

[2]) Записки о южной Руси Кулиша, т. I-й, стр. 150.

Сообщаемое нами ниже преданіе о томъ, откуда взялись запорожцы, уже не носитъ на себѣ никакой книжной окраски и не ищетъ происхожденія сѣчевиковъ въ глубинѣ вѣковъ; напротивъ, оно преисполнено чисто народно-фантастическаго духа, хотя и относитъ основаніе Запорожья къ самому позднѣйшему времени, именно къ царствованію Екатерины 2-й. Причину возникновенія Сѣчи наше преданіе находитъ въ войнѣ между Россіей и Турціей. Если-бы можно было принимать приводимое преданіе лишь какъ объясненіе народомъ возникновенія послѣдней Сѣчи запорожской, то оно имѣло-бы нѣкоторый видъ правдоподобія. Замѣчательно наше преданіе въ томъ отношеніи, что оно желаетъ охватить все время существованія Запорожья, начиная отъ его возникновенія и оканчивая появленіемъ запорожцевъ въ Турціи послѣ паденія Сѣчи.

Приводимый ниже разсказъ, согласно съ другими народными преданіями, представляетъ запорожцевъ людьми сильными, храбрыми, смѣтливыми: онъ называетъ ихъ также *манощвиками*, т. е. людьми умѣющими напускать *ману*, околдовывать враговъ. Вообще разсказъ рисуетъ запорожцевъ симпатическими чертами и указываетъ на глубокую привязанность народа къ Запорожью.

Говоря объ этой послѣдней сторонѣ народныхъ преданій о запорожцахъ, нельзя не обратить вниманія на тотъ фактъ, что память народная о запорожцахъ, по крайней мѣрѣ, въ болѣе позднее время, начинаетъ затемняться и вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ воспоминаній о нихъ раздвояется: тогда какъ одни, болѣе старые люди, высказываютъ большую симпатію къ запорожцамъ, считая ихъ чуть-ли не идеальными рыцарями, другіе, болѣе молодое поколѣніе, хотятъ видѣть въ нихъ лишь разбойниковъ. Послѣдній взглядъ возникъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ затемняющихся преданій о гайдамакахъ. Въ подтвержденіе сказаннаго можно остановиться на одномъ изъ воспоминаній о запорожцахъ, переданномъ въ журналѣ „Устои“ за нынѣшній годъ (кн. 1, стр. 78, Записки южно-русскаго крестьянина). Въ упомянутой статьѣ бурлака (бѣглый крестьянинъ) разсказываетъ, какъ онъ въ началѣ 50-хъ годовъ, будучи еще мальчикомъ, встрѣтился въ херсонской губерніи съ однимъ глубокимъ старикомъ изъ козаковъ полтавской губерніи и какой произошелъ между ними разговоръ, по поводу малороссійскихъ козаковъ вообще и запорожцевъ.— То-жъ были разбойники, говорилъ мальчикъ. „Не вѣрь, убѣждаетъ

старикъ, то не розбойники, они были козаки, какъ вотъ теперь солдаты... Было у нихъ своей земли много, а сами они воевали; за-то и назвали ихъ разбойниками и ворами, а они были добрые люди, какъ и всѣ люди". А я говорю: какъ же это: такіе люди, а ихъ назвали такими?—„Потому что они были „*неуваи*", не давали спуску никому". А я и говорю: какъ же это не давали спуску: значитъ, они были разбойники?—А онъ говоритъ: „если кто нападалъ на нихъ, то они были сердиты и зададутъ, бывало, жару; это была ихъ земля". А я думалъ, что они разбойники. Тогда дѣдусь и говоритъ мнѣ: „тогда козаки были, какъ теперь паны: они были военные; у нихъ была своя крѣпость возлѣ Херсона, называлась Сѣчь и этотъ Херсонъ, онъ не Херсонъ назывался, а иначе".

Не такая-ли самая разница во взглядахъ, а можетъ быть и симпатіяхъ, относительно козачества вообще и Запорожья въ частности, замѣчается въ настоящее время и между нашими изслѣдователями прошлаго, принадлежащими къ двумъ противуположнымъ направленіямъ: централистическому и народническому?

Вотъ самый разсказъ, переданный намъ Г. Я. Стрижевскимъ и записанный послѣднимъ въ 70-хъ годахъ въ г. Полтавѣ отъ семидесятилѣтняго старика, бывшаго крѣпостнаго крестьянина, Павла Кислого.

Була царица велика, и сама вона царювала. Тильки супостатъ находе, богатырь, що: „подай на войну—выходи"! А вона не сміе—боиться.

„Ну, якъ ты не сміешъ выходити, такъ дай мени двадцятеро чоловіка салдатъ" (такъ, значитъ, якъ-бы у плінъ).

Вона зраділа и заразъ послала: ідіть каже, оттуды й туды! Вони пішли. Ну, послани, есть вони тамъ,—царица думае.

Пішли; не дійшли до ёго, а відъ ей відійшли. Окатилися собі, компомъ стали. Каже, „чого мы до ёго підемо: пехай вінъ насъ шука! „Прожили собі годъ въ степу, такъ—бурлаками діло: де вівцю вкрадуть, де корову счигають.

На другий годъ требуе вийять полководецъ, каже: „вставай, иди, а то я на тебе йду! Чомъ ты мені не послала двадцятеро чоловіка?" А вона каже: именно, именно послала. Потимъ того

сорокъ чоловіка требуе. Вона вспоружила и послала сорокъ чоловіка: абы-бъ тильки ты мене не йшовъ рубати!

Потимъ того ище годъ... То пакъ: ті пишли сорокъ чоловіка, тимъ степомъ, найшли тіхъ першихъ.

„Здрастуйте!“

— Здорові! куды вы йдете?

„Цариця послала у плінъ“.

— Та й мы, каже, йшли, та тутъ окопилися; зоставайтесь и вы тутъ зъ нами, будемо жити!

Вони й остались. И стало ихъ 60 чоловіка.

На третій годъ вінъ, полководець, каже: „э, ні, царице Екатерино! ты мотаешъ, ты не посылаешъ салдатъ, якъ казала“. А вона одписуе, шо я послала, уже 60 чоловіка послала.

„А! ну ще пошли 60 чоловіка!“

Вона послала 60 чоловіка и наказала: идіть-же, каже, та щобъ вы именно тамъ були!

Добре. И ті пішли. И зновъ до тихъ пристали. Якъ разъ саме на перестриті, въ степу.

„А куда йдете?“

— Оттакъ, такъ и такъ.

„Та й мы, каже, йшли. Чого вы туда підете? Оставайтесь тутъ; будемо жити!“

И вже вони припасы зробили, и орудія, и все. И стало ихъ 120-ро чоловіка. И стали вони запорожьці.

Теперъ выходе той полководець воюватися. Цариця проситьця, каже: що я тобі винна?

„Ні, каже, давай воюватися!“

Уже цариця йде зъ своими варміями. Тутъ сі йдуть—наши, а тутъ ті йдуть.

(При этомъ разскащикъ сдѣлалъ движеніе руками съ противуположныхъ сторонъ въ одну точку).

Ще-жъ наши йдуть, а вже ёго дойшли якъ разъ до ціхъ, що въ степу окопилися.

Идуть, ажъ лісъ такий, та терны!

Запорожці поприсідали, попригинались, поставали, а имъ здаеця лісъ, що нибы-то дерева стоять. Якъ почали вони но межъ тими тернами продиратися. То отце иншого запорожець и

возьме за чуба, то той такъ отчеплюе, дума, що за гильлячку зачепивсь...

Отъ якъ пройшли вони той лісъ, тоді запорожьці прямо стали и хоругвъ выкинули й у трубы заграли. Тіи озирнулись, ажъ страшенне військо за ими стоить (А ихъ усихъ 120-ро чоловіка було!). Вони до орудія: тутъ бахъ! бахъ! изъ орудія—а воно тильки пссъ! вода! А запорожьці понаставляли полы, беруть тіи ядра й кули, та имъ кидають.

Запорозьці маноцивники були, такіи лыцари були—страшне діло! Оце розстелють бурку по воді, та сядуть по вуглахъ чотыри чоловіка, та й плывуть, люльки курячи, та ще й у карты граючи! Эге! Якъ-бы оце запорожець изъ нами сидівъ оттутъ биля грубы, то вінъ-бы таке напустивъ, що намъ здалося-бъ, що домъ горить: мы-бъ жахнулись, а вінъ-бы сидівъ собі, ій-богу!

Такъ вони такъ и тутъ поробили: тіи стріляють изъ орудія—стріляють гораздъ, здаетьця, якъ слідъ, а выстриле, такъ вода: тильки пссъ... та й більшъ нічого. Тоди запорозьці якъ жахнули! такъ чисто все забрали, а татаръ на кгамузъ порубали.

Це-жъ тіхъ татаръ порубали, а тутъ идуть варміи відъ цариці изъ орудіями... Приходять... и сі наткнулися. Побачили, то страшне діло! військо стоить! Заразъ, бахъ! бахъ! изъ орудія, а воно тилько—пссъ! вода!

„Э, каже, такъ не візьмемо; тутъ нечиста сила бьеть!“

Прийшлось на пытихи. Тутъ запорозьці на колінка впали. Що-жъ, говорять, мы-бъ васъ и били, такъ що-жъ, коли вы наши браты.—(Що може тамъ чий дядько, або батько есть!)

„Що-жъ вы такс?“—питають.

— Мы, каже, запорозьці, мы тіи саміи, що царица послала. Такъ и такъ, каже, скажить царици, що мы есть запорозьці. А татаръ, каже, вже мы порубали. Такъ и царыці скажить.

Вернулися варміи назадъ. А вони зостались.

Царыці доложили, що, мовъ, такъ и такъ. Отъ царица заразъ: „узять ихъ!“

Швидко сказать добре, тилько взять ихъ не добре. Що не робили и солдаты вставали, такъ нічого не зроблять.

Такъ уже зібрались усі генералы, усі полковники—порадьмося, що имъ зробити, якъ ихъ обгорнути!

Такъ тамъ и межъ ими выбрався одинъ маноцивничокъ. „О, стривайте, каже, вы, каже, не знаете, що робити! Не знаете“?

— Не знаемо! кажуть.

„Постривайте-жъ каже; розложу я бурку, простелю та въ середыні хлібъ та дрибокъ соли положу; а вы который достаньте, та тільки на бурку не ступай“. Узявъ, бурку прославъ, положивъ хлібъ посередыні и соли дрибокъ изъ-верху.

„А! каже, бачите цей хлібъ? Ну хто зъ васъ, каже, розумнійшій? достань цей хлібъ и сіль, тільки не ступай на бурку. не ступай. Оттутъ стій, осьдечки; нахились тільки, а на бурку не ступай“.

Отъ, котори смілівіши, засміялись, кажуть: то вінъ выгадує?

А той каже: „не смійся, ты достань, та колінъ не згинай, а нахились та достань хлібъ; тутъ стій осьдечки, о! Та не досягнешъ. не досягнешъ“!

Отъ тутъ заходились... такъ и справді не досягнуть. Инший нахилиться та й не встойть, та носомъ объ хлібъ. А той маноцивничокъ регочется. „А що“? каже...

Тоді всі до ёго приступили. А ну-жъ, ты, кажуть, и ты не досягнешъ!

„Ні досягну“!

— А-ну, досягни!

„Добре. О, каже, вы не знаете якъ“.

Лежить бурка розистлана. Вінъ узявъ, одинъ край загнувъ трішечки и—далі: пидійшовъ изъ другого краю, трішечки загнувъ, потимъ изъ третёго—ледви знати, изъ четвертого... Та такъ то зъ того, то зъ того краю пидгинавъ—пидгинавъ—пидгинавъ, де забігъ; усе потрошку—поки й бурку згорнувъ! Тоді нахилився, хлібъ узявъ. „Ось“! каже.

— Ну, такъ!—кажуть [1]).

Якъ узяли-жъ вони турбоватись, якъ узяти, по той бікъ Ворсклы. А то въ букыньщині була гетьманьщина—це були тіи,

[1]) Этотъ маноцивничокъ изъ числа русскихъ генераловъ, вѣроятно, и указалъ какъ побѣдить запорожцевъ или, по крайней мѣрѣ, какъ ихъ обуздать.

богатыри, стало буть, були. Якъ почали ихъ то зъ того боку, то зъ того. Отъ вони до Нехворощи подалися и за Орель передалися. А по сей бікъ Орели линія була, а по той бікъ Орели, за Нехворощею, полководчина була. А то, що могилы, то тамъ були сторожи, щобъ уже якъ побачимъ невіру, той тікай.

Тільки вони за Орелью пожили небагато. И відтиль ихъ попхнули. Якъ передались вони черезъ Орель, такъ вони якъ дійшли до Самары, такъ и теперъ церква е зъ дванадцятьма баднями. Отъ и теперъ співаетьця:

Ой Самаръ річка да невеличка
Да промывае кручи...
Ой да заплакавъ та панъ Коповый
А видъ цариці йдучи!

(При этомъ разскащикъ отеръ слезы).

Значить, вони й цариці жалілись, що-бъ ихъ не руйновали.

Такъ оттамъ, якъ окошились вони, добре, добре жили! Якъ вони добре жили тамъ у Самарі!

Тілько якъ стало сутужно й тамъ, и тамъ ихъ стали обижати, такъ вони рушили тоді підъ турка на островъ. Покинули свое життя й церкву — все, и пішли, бо дуже стали ихъ обижати.

Ото-жъ тіи запорожьці! ото-жъ ихъ завежденія! ото-жъ ихъ завежденія.

Оце недавно, може, пятнадцать... ні, не буде! прислали вони двадцять тысячъ на поправку, щобъ така була, якъ мы покинули; щобъ не руйновалась.

Вони й теперъ у Турещині живуть на острові; и Семенъ Палій изъ ними.

П. Ефименко.

Н. Д. МИЗКО

(НЕКРОЛОГЪ).

Недавно умеръ въ Москвѣ Николай Дмитріевичъ Мизко. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ личностей изъ среды состоятельныхъ землевладѣльцевъ нашего юга, которые серьезно интересовались русской литературой, а также настоящимъ и прошлымъ

южной Россіи, и писали о нихъ. Вотъ причина, по которой его слѣдуетъ помянуть на страницахъ „Кіевской Старины".

Родъ Мизокъ происходитъ изъ козаковъ нынѣшняго борзенскаго уѣзда. По свѣдѣніямъ, заключающимся въ историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи, арх. Филарета, прадѣдъ Н. Д. Мизка, Ѳедоръ, былъ козакъ, а дѣдъ Тимофей († 1738—1816 г.) сначала причетникъ, потомъ дьяконъ, много лѣтъ былъ потомъ священникомъ въ г. Борзнѣ; онъ зналъ хорошо иконописаніе, такъ что ему было поручено написать иконы для черниговскаго преображенскаго собора. Отецъ покойнаго, Дмитрій († 1772—1847 г.) учился въ кіевской духовной академіи и по окончаніи курса служилъ почти въ продолженіи 30-ти лѣтъ директоромъ екатеринославской гимназіи, которая была имъ-же и открыта въ 1805 году. Изъ рода Мизокъ извѣстенъ также дядя Николая Дмитріевича Григорій († 1782—1867 г.), который былъ съ 1817 по 1833 г. попечителемъ въ обществѣ израильскихъ христіанъ.

Всѣ члены рода Мизокъ отличались особенной религіозностью, по всей вѣроятности, унаслѣдованной отъ ихъ предка Ѳедора, который направлялъ своего сына на духовное поприще. О священникѣ Тимофеѣ сохранилось свидѣтельство въ его документѣ, что онъ былъ „доброй и набожной жизни". Директоръ Димитрій особенно любилъ сообщество лицъ духовнаго сана и передалъ эту наклонность сыну, Николаю, памяти котораго посвящены настоящія строки. Григорій принадлежалъ къ тому мистическому направленію, которое было названо масонствомъ. Пріобрѣтя въ Новороссіи хорошія матеріальныя средства, Мизки не забывали своей первоначальной родины, Борзны, жертвуя на церкви этого города разныя церковныя вещи и деньги; на ихъ средства выстроена въ Борзнѣ, надъ могилою священника Тимофея, церковь во имя Воскресенія Христова [1]).

Николай Дмитріевичъ воспитывался въ той-же гимназіи, что и пишущій настоящія строки, т. е. въ екатеринославской. Мы помнимъ его, когда онъ, окончивши курсъ въ гимназіи и подъ ру-

---

[1]) Историко-статист. описаніе черниг. епархіи, кн. 6-я, стр. 424, 428, 435, 436, 439.

ководствомъ учителя гимназіи Андрея Степановича Понятовскаго, замѣчательнаго педагога [1]), готовился къ выдержанію экзамена на званіе дѣйствительнаго студента въ харьковскомъ университетѣ. Помнимъ время 1846—1847 г., когда Мизко уже состоялъ редакторомъ „Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей", гдѣ онъ усердно работалъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ мы встрѣчали его въ городахъ Кіевѣ и Борзнѣ, въ домѣ землевладѣльца Н. Д. Бѣлозерскаго, служившаго въ то время сборнымъ пунктомъ для всѣхъ интересовавшихся южно-русскимъ краемъ и работавшихъ для него. Но настоящее знакомство наше съ нимъ относится уже къ 1874 году, когда онъ разстался окончательно съ екатеринославской губерніей и переселился въ г. Воронежъ.

Располагая значительнымъ состояніемъ (онъ въ 1847 г. получилъ отъ отца въ наслѣдство до 6000 десят. земли), Мизко не имѣлъ надобности въ государственной службѣ; онъ все время посвящалъ лишь хозяйству и литературѣ. Во время своихъ хозяйственныхъ поѣздокъ по разнымъ мѣстамъ Малороссіи и новороссійскаго края, Мизко имѣлъ возможность познакомиться со всѣми выдающимися южно-русскими писателями и патріотами 40—50-хъ годовъ. Гулакъ-Артемовскій, Метлинскій, Забѣла, Кулишъ, Шевченко, Аѳанасьевъ, Чужбинскій, Бѣлозерскій и др.—вотъ лица, съ которыми онъ былъ близокъ или знакомъ. Сношенія съ указанными лицами не могли не отразиться на воззрѣніяхъ и симпатіяхъ покойнаго. Онъ принадлежалъ къ такъ называемому украинскому направленію; симпатіи къ родинѣ не помѣшали ему посвятить свои силы русской литературѣ,—онъ много писалъ по исторіи и теоріи словесности въ разныхъ журналахъ 40—70-хъ годовъ: въ „Отечеств. Запискахъ", „Москвитянинѣ", журналѣ „Мин. Нар. Просв.", „Библіографическихъ Запискахъ", „Филологическихъ Запискахъ", газетѣ „Донъ" и др. Изъ отдѣльныхъ его сочиненій стоитъ упомянуть о „Столѣтіи русской литературы" (Одеса 1849 г.) и книгѣ для чтенія при изученіи исторіи древней классической поэзіи (Москва 1865 г.). Кстати здѣсь сказать, что Мизко принадлежалъ къ числу немногихъ

[1]) Всѣ воспитанники екатеринославской гимназіи 30—40-хъ годовъ помнятъ этого учителя, вкладывавшаго душу въ свое дѣло, и благоговѣйно чтутъ его память; біографія его помѣщена была Н. Д. Мизкомъ въ журн. Мин. Нар. Пр.

лицъ, понявшихъ и оцѣнившихъ въ свое время значеніе произведеній Гоголя—„Мертвыя Души“ и „Ревизоръ“. Ему принадлежитъ статья „Голосъ изъ провинціи о поэмѣ Мертвыя Души“, появившаяся въ 1843 г. въ „Отечеств. Запискахъ“ и обратившая на себя вниманіе Бѣлинскаго и самаго Гоголя.

Перечислимъ статьи Ник. Дм. касающіяся непосредственно юга.

О самарскомъ монастырѣ и Екатеринославлѣ. „Екатерин. Губ. Вѣдомости“ 1846 г., перепеч. въ „Иллюстраціи“ 1846 г. № 15.

Рецензія проповѣдей протоіерея Гречулевича на малороссійскомъ языкѣ. „Русск. Бесѣда“ 1857 г. кн. 3.

Рецензія на книгу Метлинскаго „Народныя южно-русскія пѣсни“, „Москвитянинъ“ 1855 г. № 4.

Воспоминаніе о Соленикѣ, знаменитомъ украинскомъ актерѣ. „Основа“ 1861 г. № 2.

Изъ с. Карабиновки (тамъ-же № 5).

Краткій историческій очеркъ украинской литературы (по поводу книги Петриченка; тамъ-же, 1862 г. № 3).

Народное образованіе въ новомосковскомъ уѣздѣ, жур. „Мин. Нар. Пр.“ 1868 г. № 5.

Труды Максимовича для русской филологіи и словесности. „Филологич. Записки“ 1871 г.

Наша старина. Извлеченіе изъ рукописи малороссійскаго старожила Писаревскаго. „Донъ“ 1869 г. № 54—57.

По поводу толковъ о малороссійскомъ языкѣ и о малороссійской словесности. „Донъ“ 1881 г. № 53 [1]).

По поводу послѣдней статьи, г. Рябининъ, авторъ воспоминаній о Мизкѣ [2]), говоритъ, что хотя Мизко по образу мыслей принадлежалъ къ украинофиламъ, „но его любовь къ родинѣ и родной народности никогда не увлекала его въ крайнія и нелѣпыя теоріи; онъ не только понималъ, но и чувствовалъ всю неразрывность взаимно-тѣсной связи Малой и Великой Россіи, закрѣпленной исто-

---

[1]) Кромѣ того ему-же принадлежитъ рукописная статья, переданная имъ въ 1843 г. Гоголю: Историко-статистическія свѣдѣнія о раздачѣ земель въ новорос. краѣ съ 1764 года.

[2]) „Историч. Вѣстникъ“, 1882 г., октябрь. Изъ этой статьи мы извлекли нѣкоторыя свѣдѣнія о Мизкѣ.

рическими ихъ судьбами, и даже въ послѣдней предсмертной статьѣ своей, вызванной современнымъ полемическимъ вопросомъ по поводу малороссійской литературы, силился высказаться въ примирительномъ духѣ, нисколько не стѣсняя, между тѣмъ, кровныхъ своихъ симпатій". Изъ приведенныхъ словъ г. Рябинина должно заключить, что авторъ думаетъ, будто другіе украинофилы придерживаются крайнихъ и нелѣпыхъ теорій, требующихъ разрыва между Малой и Великой Россіей. Въ качествѣ исконнаго украинофила, мы позволимъ себѣ назвать такое заключеніе нелѣпымъ и вотъ почему: никто изъ украинофиловъ подобныхъ теорій не высказывалъ, да ихъ и не существуетъ въ дѣйствительности; украинскій-же политическій сепаратизмъ вымышленъ тѣми лицами, для которыхъ выгодно, чтобы ихъ считали спасителями отечества. Съ ихъ словъ или за ними уже вторятъ объ украинскомъ сепаратизмѣ люди честные, искренно дорожащіе единствомъ отечества. Но послѣдніе не могутъ понять сущности украинофильства и потому оно кажется имъ подозрительнымъ. Въ противуположность славянофильству, украинофильство вытекло не изъ готовой теоріи, а непосредственно, до извѣстной степени, безсознательно, изъ чувства, до сихъ поръ не переработаннаго мыслью надлежащимъ образомъ, не возведеннаго въ теорію. Въ этомъ его слабость, но въ этомъ-же и сила его. Источникъ украинофильства — краевое чувство или чувство любви къ родинѣ, къ своей природѣ, своему народу, къ его рѣчи и проч., отсюда-же и стремленіе къ духовному слитію съ народомъ. Чувство родинное присуще не только малороссійскому простонародью, но часто и интеллигентнымъ людямъ; оно въ особенности проявляется тогда, когда малороссъ попадаетъ внѣ родины. Въ примѣръ можно привести извѣстнаго писателя Максимовича, который, будучи профессоромъ въ Москвѣ, почувствовалъ „*непреодолимое влеченіе къ родинѣ*" и перешелъ въ Кіевъ. Родинное чувство замѣтилъ у малороссовъ еще нѣмецъ Гаксгаузенъ и не нашелъ его у великороссовъ. Дѣйствительно, у великороссовъ чувство родины расширяется въ чувство отечества (государственный патріотизмъ), при которомъ они себя одинаково хорошо чувствуютъ какъ на Соловкахъ, такъ и въ Батумѣ, какъ въ Камчаткѣ, такъ и въ Вержболовѣ. Для нихъ, поэтому, непонятно краевое чувство; они не могутъ понять органически, напримѣръ, выраженія историка Ма-

лороссіи: „отечество выше родины; но для чьей души нѣтъ родины, для того нѣтъ и отечества“. Отъ такого непониманія является внутреннее нежеланіе допустить развитіе роднаго чувства у малороссовъ до его естественныхъ предѣловъ; отсюда-же возникаетъ у нихъ, когда они наталкиваются у малороссовъ на проявленіе роднаго чувства, боязнь за всероссійское единство. Оттого, тогда какъ на западѣ, напримѣръ, въ Испаніи, Италіи и Франціи, развитіе мѣстныхъ литературъ не считается опаснымъ для цѣлости государства, у насъ подобное-же стремленіе признается опаснымъ признакомъ сепаратизма и вызываетъ противудѣйствіе даже со стороны извѣстной части русской литературы.

Такъ мы понимаемъ основы украинофильства и источники гоненія на него. Также понималъ его и П. Д. Мизко, съ которымъ намъ приходилось не разъ бесѣдовать на эту тему, во время проживанія его въ г. Воронежѣ.

П. Ефименко.

ЕЩЕ О БУГСКИХЪ КОЗАКАХЪ.

Въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“, на стр. 389—391, помѣщена замѣтка *А. Рутковскаго* о бугскихъ козакахъ. Авторъ оной сѣтуетъ на недостатокъ свѣдѣній объ этихъ козакахъ, о которыхъ, по его мнѣнію, „вообще мало писано“, и приводитъ одинъ документъ, какъ историческое свидѣтельство о ихъ существованіи. Этотъ документъ есть указъ объ отставкѣ маіора Лабенскаго.

Если-бъ авторъ потрудился отыскать книгу мою подъ заглавіемъ: *Хронологическое обозрѣніе исторіи новороссійскаго края*, Одесса, 1836—1838 г., 2 ч., то нашелъ-бы въ ней довольно подробностей объ исторіи этого козачества, почерпнутыхъ мною изъ одесскаго генералъ-губернаторскаго архива и свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ послѣднимъ ихъ атаманомъ, княземъ Н. Д. Кантакузеномъ. Но такъ какъ книги мои вообще довольно рѣдки [1]), то я предлагаю при семъ нѣсколько положительныхъ данныхъ для помѣщенія въ „Кіевской Старинѣ“.

---

[1]) Особенно въ Кіевѣ, гдѣ въ теченіи 11-ти лѣтъ продано ихъ 3 экземпляра, въ томъ числѣ, 2 въ духовную академію.

„Бугскіе козаки“ явились въ первые въ новороссійскомъ краѣ, въ видѣ самостоятельнаго отряда, въ войну 1768—1774 г., подъ начальствомъ своего кондотіера, польскаго эмигранта *Петра Скаржинскаго*. Это была, по показанію ихъ самихъ, настоящая „голота“, набранная преимущественно изъ молдованъ, болгаръ, польской шляхты и бѣглыхъ козаковъ, и вообще людей бездомныхъ, но храбрыхъ. Изъ нихъ турки составили дружину подъ начальствомъ польскихъ авантюристовъ и за большія деньги, правда, обѣщанныя только, и направили ихъ противъ Россіи. Но наши молодцы, большею частію православные, не оправдали ожиданій турокъ. Познакомившихъ съ запорожскими отрядами, они по совѣту своего начальника, полковника Скаржинскаго, перешли „подъ царскую руку“ и хотя подвизались на свой счетъ и рискъ, служили столь честно и вѣрно, что заслужили довѣріе полководца графа Румянцева-Задунайскаго и даже милости императрицы Екатерины II-й [1]). „По окончаніи войны имъ дарованы были земли, по собственному ихъ избранію, съ обязанностію только служить въ козачьемъ званіи, по образцу слободскихъ и легкоконныхъ полковъ. Они избрали для своего водворенія богатыя земли на правой сторонѣ Буга, гдѣ завели отличныя усадьбы и содержали отрядъ въ 1.000 человѣкъ для пограничной службы, по татарско-ногайскому рубежу. Въ 1783 году они составляли часть такъ называемаго „екатеринославскаго козачества“, котораго Потемкинъ былъ гетманомъ. Въ то время они уже носили названіе „бугскихъ козаковъ“ и въ числѣ 1500 человѣкъ служили во всю компанію 1788—1791 г., и отличились особенно при осадѣ Кинбурна и Очакова.

По заключеніи въ 1791 году букарестскаго трактата, бугскіе козаки сдѣлались настоящимъ „военнымъ поселеніемъ“ и хотя содержали кордоны на бессарабской границѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ занимались и сельскимъ хозяйствомъ въ своихъ богатыхъ станицахъ, такъ что къ нимъ стекались на поселеніе и службу поселяне изъ западныхъ губерній и Малороссіи [2]).

Въ 1796 году, при образованіи изъ нынѣшней херсонской и подольской губерній *Вознесенскаго Намѣстничества*, они вошли съ

---

[1]) Именно знамена съ Георгіевскими украшеніями.

[2]) Потемкинъ переманивалъ ихъ въ свои красносельскія имѣнія (алекс. уѣзда херс. губ.), но они рѣшительно отказались.

своими селеніями въ его составъ, подъ названіемъ „вознесенскаго казачьяго войска“ и въ ихъ станицѣ *Соколы* на Бугѣ, основанъ былъ главный городъ этого края, подъ названіемъ *Вознесенска*. Судьбы его были весьма неблистательны, а въ концѣ столѣтія онъ обратился въ ничтожный заштатный городокъ.

Но въ 1797-мъ году, когда и самая вознесенская губернія была упразднена, бугскіе козаки изъ вознесенскихъ полковъ исключены, распущены по домамъ (т. е. въ свои села) и тамъ обращены въ крестьянское званіе. Въ 1830-мъ году число этого бугскаго войска, считая съ ними и болгаръ, переселившихся къ нимъ изъ-за границы, и не большую партію арнаутъ, водворенныхъ стараніями князя Николая Кантакузена, составляло 6,383 души мужескаго пола, живущихъ по обѣимъ сторонамъ Буга, т. е. въ ольвіопольскомъ, елисаветградскомъ и херсонскомъ уѣздахъ. Бугскіе козаки, видя, какъ императоръ Александръ милостиво возстанавливалъ въ Новой-Россіи всѣ предположенія императрицы Екатерины, отправили ко двору своихъ депутатовъ, капитановъ: *Хмельницкаго* и *Солтыковскаго*, прося, чтобы ихъ освободили изъ крестьянства и обратили въ первобытное военно-земледѣльческое, или козачье состояніе. Правительство, собравъ надлежащія свѣдѣнія чрезъ губернатора Миклашевскаго, поручило военному министру Вязьмитинову и графу Кочубею составить проэктъ объ устройствѣ бугскихъ козаковъ. Проэктъ ихъ былъ утвержденъ указомъ 18-го мая 1803 г. и прежній бытъ бугскаго войска возстановленъ. Оно раздѣлено на 3 полка и многія станицы; учреждена войсковая канцелярія; дарованы войску разныя права; прощены неуплаченныя подати; обозначены служба и повинности. Войсковымъ атаманомъ избранъ былъ государемъ войска донскаго генералъ-маіоръ *Иванъ Красновъ* (указъ 8 іюня 1803 г.), который командовалъ до 1807-го года. Монархъ, въ знакъ своего покровительства и для вящшаго на будущее время поощренія бугскаго козачьяго войска, даровалъ оному 15 знаменъ при милостивой грамотѣ [1]).

[1]) Въ войскѣ прежде было 12 знаменъ: 10 данныхъ Румянцевымъ и Потемкинымъ, съ изображеніемъ Георгіевскаго креста и буквою Е въ срединѣ, и два собственныхъ, вѣроятно еще въ Турціи принятыя войскомъ, съ изображеніемъ св. Троицы и св. Григорія Великой Арменіи.

Атаманъ Красновъ, осмотрѣвъ села и земли принадлежащія войску, нашелъ, что въ составѣ онаго находятся:

I. Въ елисаветградскомъ уѣздѣ.

Станицы:

1. Михайловка
2. Красноселье
3. Гумницкая
4. Лозоватка
5. Лагери
6. Кучеровка
7. Нерубайка
8. Новогригорьевка
9. Сердечная
10. Рудая
11. Уховка
12. Водяная.

Въ этихъ станицахъ было: 3,361 душа мужескаго, 840 дворовъ и 43,945 десятинъ удобной земли.

II. Въ ольвіопольскомъ уѣздѣ.

Станицы:

1. Троицкое
2. Михайловка
3. Бѣлоусовка
4. Арнаутовка
5. Новогригорьевка
6. *Вознесенскъ* или Соколы.

Здѣсь считалось: 1,592 души мужскаго пола, 308 дворовъ и 62,700 дес. удобной земли.

III. Въ херсонскомъ уѣздѣ.

Станицы:

1. Новопетровка
2. Ѳедоровка
3. Касперовка
4. Баловная
5. Себина
6. Матвѣевская
7. Константиновка
8. Гурьевская.

Кромѣ того два села болгарскія, вновь къ войску присоединенныя:

9. Щербиновка.
10. Дымино.

Въ этихъ десяти станицахъ было: 1,430 душъ мужескаго пола, 359 дворовъ и 63,097 десятинъ удобной земли. Всего-же 28 станицъ, 6,383 души обоего пола, 1,597 дворовъ и 169,742 десятины удобной земли. Бугское войско могло поставить на службу 1,308 вооруженныхъ козаковъ. Съ теченіемъ времени присоединилось къ нему нѣсколько малороссійскихъ семействъ и небольшое число без-

земельнаго польскаго шляхетства, такъ что въ концѣ 1804-го года считалось въ войскѣ болѣе 7,000 душъ мужескаго пола [1]).

Въ 1812 году, по случаю отечественной войны, бугское козачье войско, движимое примѣромъ своего наказнаго атамана, князя Николая Кантакузена, донесло герцогу Ришелье, что все ихъ сословіе, не смотря на исключеніе края изъ ополченія, добровольно и на свой счетъ снарядило козачью дружину въ 500 человѣкъ, и просило только оружія, въ которомъ оно имѣло недостатокъ, присовокупляя, что войско, кромѣ того, готовитъ еще 500 человѣкъ, чтобы ими замѣнять убыль въ рядахъ своихъ собратій.

Но въ 1817 году войско это окончательно упраздняется. Наконецъ начальникъ украинской уланской дивизіи генералъ-маіоръ графъ де-Виттъ, отъ 23 апрѣля сего года, донесъ генералъ-губернатору Ланжерону, что воля государя императора есть: „всѣ земли и села бугскаго войска, съ причисленіемъ 18-ти деревень ольвіопольскаго, херсонскаго и елисаветградскаго уѣздовъ, исключить изъ гражданскаго вѣдомства для учрежденія *военнаго поселенія* въ херсонской губерніи". Всѣ бугскіе станицы указомъ 24-го декабря 1817 года вошли въ составъ бугскаго поселенія, котораго центромъ остался упомянутый нами г. Вознесенскъ. Съ того времени наше козачество раздѣляетъ судьбу херсонскаго военнаго поселенія до окончательнаго его упраздненія въ близкіе намъ годы.

Замѣтимъ мимоходомъ, что основатель войска Петръ Скаржинскій, умершій въ чинѣ генералъ-маіора, и послѣдній его атаманъ князь Н. Р. Кантакузенъ, оставили своимъ дѣтямъ и внукамъ въ наслѣдство огромныя земли по обѣимъ сторонамъ Буга херсонской губерніи.

А. Скальковскій.

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ [2]).

Къ свѣдѣніямъ о нашихъ старыхъ портретахъ, опубликованнымъ „Кіевской Стариной", по столь компетентному почину г. Ла-

---

[1]) Изъ одесскаго генералъ-губернаторскаго архива.

[2]) «Кіевская Старина» 1882 г., №№ 5, 9 10.

зарѣвскаго, присоединяю указанія на слѣдующіе образцы малорусской портретной живописи XVII и XVIII вѣковъ:

31) *Портретъ гетмана Ив. Степ. Мазепы.* Принадлежитъ мнѣ и находится въ с. Ярошовкѣ, прилуцк. уѣзда, полтавск. губ. Ноясной. Принадлежность основана на преданіи. Гетманъ изображенъ здѣсь лѣтъ 45-ти. На немъ разстегнутый темно-зеленый кунтушъ съ золотыми позументами, изъ подъ котораго видна бѣлая узорчатая одежда. Фонъ темный. Лицо мужественное и красивое, совершенно несходное съ извѣстнымъ изображеніемъ, находящимся въ петербургской академіи художествъ. Доказано, впрочемъ, что академическій портретъ, писанный однимъ изъ первыхъ русскихъ живописцевъ Ив. Никитинымъ (1690—1744) и долго считавшійся портретомъ Мазепы,—есть портретъ Скоропадскаго, съ котораго снятъ въ бытность гетмана при дворѣ въ Москвѣ въ 1722 году [1]).

Въ фамиліи Горленковъ, происходящей отъ одного изъ ближайшихъ сподвижниковъ Мазепы, полковника прилуцкаго Дмитрія Горленка, приставшаго вмѣстѣ съ гетманомъ къ Карлу XII, естественно должна была сохраняться память о Мазепѣ. Документы, относящіеся къ этой эпохѣ, и письма гетмана дѣйствительно и сохранились [2]). Но такъ какъ эта близость къ Мазепѣ была источникомъ невзгодъ для лицъ этой фамиліи, то „вещественные знаки", напоминавшіе покойнаго гетмана, едва-ли особенно сохранялись и остались только акты, могущіе служить къ утвержденію тѣхъ или иныхъ имущественныхъ правъ. Описываемый портретъ сохранился также не въ родѣ Горленковъ, пріобрѣтенъ однимъ изъ позднѣйшихъ потомковъ, какъ бы по долгу старой признательности, на распродажѣ замѣчательнаго собранія портретовъ и картинъ, извѣстнаго нѣкогда черниговскаго помѣщика и богача, камергера Будлянскаго, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Будлянскій былъ зятемъ Кирилла Разумовскаго и портретъ Мазепы достался ему изъ дома послѣдняго гетмана. Большой любитель искусствъ и страстный коллекціонеръ, Будлянскій, по преданію, погибъ жертвою своей непомѣрной

---

[1]) Соловъ, «Каталогъ оригинальныхъ произведеній русской живописи». С.-Пб. 1872 г.

[2]) Они разобраны были г. де-Пуле въ статьѣ его «Малороссійскіе эмигранты при Петрѣ I». — «Вѣстн. Европы 1872 г., № 5.

тучности, или, какъ невѣжливо выражались въ старину, „лопнулъ отъ жиру“. Его замѣчательная коллекція картинъ разсѣялась по всѣмъ странамъ свѣта. Не помнитъ ли чего о ней кто-нибудь изъ черниговскихъ старожиловъ?—Намъ случалось видѣть вещи изъ нея, дающія высокое понятіе о ея достоинствѣ, напримѣръ поразительную головку Іорданса, воспроизводящую центральную фигуру извѣстной его композиціи „Король оргіи“, находящейся въ вѣнскомъ Бельведерѣ. Судьба частныхъ художественныхъ собраній, находившихся въ Малороссіи, въ родѣ собраній Завадовскаго, князей Репниныхъ и проч., ждетъ еще своего историка.

Снимокъ съ нашего портрета Мазепы сдѣланъ въ Петербургѣ фотографомъ Лушевымъ, издателемъ „фотографическаго альбома лицъ XVI—XVIII вѣковъ“.

Старинныя наши церкви и монастыри, заключающіе въ себѣ такъ много важнаго для знакомства съ малорусскимъ искусствомъ, хранятъ въ себѣ иногда и образцики старой портретной живописи. Особенно относится это къ захолустнымъ монастырямъ, гдѣ портреты могли-бы удержаться дольше, несмотря на воздвигнутыя на нихъ каноническія гоненія, еслибъ ихъ не губило невѣжество, болѣе опасное, чѣмъ всѣ формальныя запрещенія. Вотъ что сохранилось по части портретовъ въ двухъ монастыряхъ полтавской губерніи:

32) *Портретъ гетмана Ив. Самойловича* въ густынскомъ троицкомъ монастырѣ близъ г. Прилуки. Эта обитель, основанная въ 1600 году, на островѣ, образуемомъ рѣкою Удаемъ, „гдѣ прежде сидяще пасѣщемъ зъ Путивля Москвитинъ“, въ области тогдашнихъ православныхъ князей Вишневецкихъ [1]). Самойловичъ былъ строителемъ главной монастырской церкви и щедрымъ продолжателемъ милостей, сыпавшихся раньше на обитель, со стороны князя Михаила Корибута и княгини Раины Могилянки (изъ рода Могилъ) Вишневецкихъ. Портретъ нарисованъ на стѣнѣ главнаго храма. Самойловичъ изображенъ во весь ростъ, въ накинутой на плечи красной киреѣ, подбитой мѣхомъ, и бѣломъ, съ цвѣтами, кафтанѣ, стянутомъ поясомъ. Булава и мѣховая шапка лежатъ на столѣ. Одинъ уголъ картины занятъ приподнятой драпировкой, на другомъ на-

[1]) «Лѣтопись о первозачатіи и созданіи густынскаго монастыря» изданіе Бодянскимъ, Москва 1848 г.

ходится гербъ. Плотная фигура гетмана кажется немного короче натуры. Типичное лицо, съ чубомъ и чорными усами, задумчиво и важно, руки молитвенно сложены. Внизу подпись: „гетманъ Иванъ Самуйловичъ Самойловичъ, сооружившій сей храмъ въ 1674 г.“

Противъ этого портрета, также въ главной церкви, висѣлъ, писанный масляными красками, портретъ Мих. Вишневецкого [1]), но въ 40-хъ годахъ былъ проданъ настоятелемъ монастыря Паисіемъ какому-то любителю старины. Назначенный въ монастырь, послѣ возобновленія его въ 1845 году, Паисій, ученый (?), какъ его называла братія, ревностно принялся за устройстйо благолѣпія храма и съ этой цѣлью поручилъ какимъ-то богомазамъ росписать всѣ стѣны вновь, поверхъ старой, замѣчательной живописи, по своему. Многочисленныя историческія надписи, украшавшія, по преданію, храмъ—исчезли. Портретъ ктитора-гетмана, къ счастью, тронутъ былъ самую малость. Въ настоящее время въ густынскомъ монастырѣ, кромѣ самаго храма, удивительной прочности и типичной постройки, съ двойными хорами, уцѣлѣла только превосходная рѣзьба иконостаса, да двѣ-три случайно оставшіяся вещи, въ родѣ необычайнаго, узорчатаго замка на дверяхъ, одного изъ тѣхъ предметовъ, которые, при всей своей незначительности, характерностью своей могутъ привесть въ восторгъ антикварія или поэта, живо воскрешая предъ нимъ прошлое. Все остальное увезено было въ Черниговъ, послѣ закрытія монастыря, въ числѣ другихъ, въ 1793 г. Монастырь былъ заброшенъ въ теченіи многихъ лѣтъ и я немогъ найдти даже слѣдовъ могилъ полковниковъ прилуцкихъ, похороненныхъ въ склепѣ подъ главнымъ храмомъ. Нынѣ монастырь бѣденъ и завѣтная мечта братіи, съ настоятелемъ о. Германомъ во главѣ, доказать свои права хотя на часть бывшихъ огромныхъ монастырскихъ имуществъ. Доказательствами, кромѣ густынской „лѣтописи“, выставляются, интересные для историка, „фундуши“ Самойловича, которыхъ у игумена хранится до 15-ти, и старыя купчія. Я читалъ одну изъ этихъ записей, такого содержанія: „куплено монастыремъ земли на пятнадцать дней оранки за 8 рублей“, и позналъ справедливость изреченія древней мудрости: tempora mutantur. Въ

[1]) Свѣдѣнія о густынскомъ монастырѣ изъ «Матеріаловъ для статистики россійской Имперіи», С.-Пб. 1841 г.

процессѣ, о которомъ мечтаетъ густынская братія, сочувствіе всякой живой души будетъ конечно не на сторонѣ отжившаго, а живого, т. е. казенныхъ крестьянъ, являющихся въ этомъ искѣ противной стороной.

Въ лубенскомъ мгарскомъ монастырѣ, основанномъ въ 1622 г. Исаіей Копинскимъ, кромѣ портретовъ почивающаго тамъ патріарха святителя Аѳанасія и племянника его Серафима, находятся два портрета малорусскихъ духовныхъ дѣятелей:

33) Стѣнной *портретъ* (фрескъ) *Іосифа Тукальскаго*, митрополита кіевскаго и галицкаго (1664—75 г.) во весь ростъ, въ облаченіи. Портретъ этотъ находится близъ могилы митрополита. Самое мѣсто могилы обозначено на стѣнѣ аллегорической фреской, изображающей смерть святителя.

34) *Портретъ Іоасафа Горленка*, епископа бѣлгородскаго (1748—1754 года), бывшаго одно время настоятелемъ лубенскаго монастыря. Святитель изображенъ въ богатомъ епископскомъ облаченіи, съ посохомъ въ рукахъ. Внизу этого поясного портрета начертана краткая біографическая надпись. По письму и по сохранности этотъ портретъ несравненно лучше находящагося въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ (по „Указателю“ музея отд. VII, № 17).

Изъ „древностей“ въ лубенской обители въ алтарѣ, на престолѣ, находится два великолѣпныхъ, украшенныхъ алмазами, евангелія, пожертвованныхъ Мазепой, да въ ризницѣ—митры временъ Петра Могилы. Иконостасъ лучше сохранился, чѣмъ въ пустыни. Онъ украшенъ обильно деревянной скульптурой. Такъ, надъ среднимъ иконостасомъ, находится скульптурное „Преображеніе“—фигуры Спасителя, пророковъ Моисея и Иліи и Бога-Отца на облакахъ,—всѣ золоченыя. На боковыхъ дверяхъ фигуры архангеловъ. Живопись иконостаса—древняя. Очень хорошъ по письму средній образъ Христа во всей своей славѣ и въ особенности большая икона Богоматери, полная изящества и граціи. Живопись иконостаса должна быть современна эпохѣ основанія обители, какъ современны ей гигантскіе дубы, грабы и ясени, сообщающіе мгарской горѣ и всей этой очаровательной мѣстности столько задумчивой и величавой красоты.

В. Горленко.

ПРОТОПОПЪ КОМАРЪ И ЕГО ВТОРИЧНЫЙ БРАКЪ.

Подобаетъ епископу единыя жены быти мужу.
(Къ Тимоѳею 1 посл., гл. 3, ст. 2.).

Ученіемъ вселенской церкви слова эти съ древнѣйшихъ временъ примѣнены къ пресвитерамъ, или священникамъ, которые во времена апостольскія назывались иногда и епископами. 17 и 18 правила апостольскія, 26 правило VI вселенскаго собора, правила Василія Великаго давно утвердили такой смыслъ за приведенными словами св. ап. Павла и наложили запретъ на второбрачіе священниковъ. О бракахъ епископовъ въ IV и V вѣкахъ не могло быть рѣчи: принимающіе епископскій санъ, если они состояли дотолѣ въ супружествѣ, также должны были оставлять своихъ женъ и дѣтей, какъ принявшіе монашество архіереи должны были оставлять архіерейскія каѳедры и идти въ монастырь. Самое однако изданіе правилъ свидѣтельствуетъ, что до нихъ существовалъ иной порядокъ вещей, на который указываютъ слова того же ап. Павла: *или не имамы власти сестру жену водити, яко и прочіи апостоли* (1 Коринѳ., гл. IX, ст. 4). Запрещеніе впослѣдствіи епископамъ совмѣстнаго жительства съ ихъ женами сдѣлано не по принципу, который стоялъ-бы въ прямомъ противорѣчіи съ приведенными словами апостольскими, а въ виду дознанныхъ неудобствъ отъ такого сожительства и прямыхъ злоупотребленій въ церковномъ управленіи. Нѣтъ сомнѣнія, что и запрещеніе второбрачія священникамъ вызвано также впѣшними соображеніями, а не какимъ либо принципомъ, который не имѣлъ-бы вовсе значенія, если-бы не былъ подведенъ подъ апостольскія слова, поставленныя въ заглавіи нашей замѣтки.

По неизмѣнному закону природы человѣческой, въ возникающихъ вновь въ человѣчествѣ религіозныхъ обществахъ примѣчается то общее явленіе, что первоначальныя ихъ доктрины и правила отличаются строгостью, превышающею нормальное положеніе человѣческой жизни. Впослѣдствіи природа беретъ свое, опытъ жизни заставляетъ дѣлать отступленія и если они освящены бываютъ установленною въ обществѣ властію, то въ свою очередь получаютъ силу закона и правила, въ противномъ-же случаѣ правило церкви само по себѣ, а жизнь ея членовъ и даже представителей идетъ своимъ чередомъ. Въ строго обрядовой Москвѣ еще въ концѣ XV в. имѣвшій несчастье липиться жены священникъ считался какъ-бы

отверженнымъ и самое вдовство его, величайшее изъ бѣдствій человѣческихъ, лишало его права священнодѣйствія, а слѣдовательно и всякихъ средствъ къ жизни. Но поступалъ онъ въ монастырь и съ него снималось запрещеніе; ему разрѣшалось священнослуженіе и въ томъ случаѣ, когда онъ переходилъ въ Москву въ одну изъ домовыхъ церквей, которыхъ такъ много тогда было. „Или на Москвѣ попы святы стали"?—протестовалъ попъ Георгій Скрипицынъ и отвоевалъ свободу несчастныхъ, какъ и онъ, братій своихъ.

Религіозная жизнь южно-русскаго народа, исторія церкви южно-русской представляетъ иныя явленія. Слабость польской правительственной власти, неразвитость жизни гражданской, единственная охрана имущественныхъ правъ и отношеній въ судѣ, замѣнявшемъ во многомъ и власть административную, рано вызвали здѣсь, въ средѣ мірянъ, появленіе брака гражданскаго въ связи съ бракомъ церковнымъ, а иногда и независимо отъ него. Раннее проникновеніе сюда въ разныхъ видахъ реформатскаго ученія вносило большую свободу вообще въ сферу религіозной жизни и въ частности въ ученіе о бракѣ, на который въ XVII и даже XVIII в. въ классахъ выше простаго смотрѣли какъ на актъ гражданскій, лишь освящаемый благословеніемъ церкви и сопровождаемый болѣе или менѣе торжественнымъ общественнымъ празднованіемъ. Ясно различались тогда и самымъ временемъ раздѣлялись *интерцыза шлюбная*, или предбрачный договоръ, самый *шлюбъ*, или вѣнчанье, и *актъ весельный, веселле*— свадебное празднество. Актовыя книги кіевскаго центральнаго архива переполнены „интерцызами шлюбными". „Шлюбъ" самъ по себѣ не имѣлъ силы, безъ скрѣпленія его „интерцызою" и „актомъ весельнымъ" и были случаи, что повѣнчанная уже дѣвушка выходила замужъ за другаго, когда свадебная сдѣлка не состоялась. Даже власть судебно-гражданская, которая скрѣпляла брачный союзъ, давала супругамъ и *роспустные листы*, при чемъ обое расходящіеся свободно могли вступать во второй бракъ. Разводъ такимъ образомъ совершался безъ участія духовной власти и если на „роспустныхъ листахъ" встрѣчаемъ подписи священниковъ, то лишь въ качествѣ свидѣтелей [1]).

---

[1]) „Рус. Ст." 1880 г., нояб., статья О. И. Левицкаго: „О семейныхъ отношеніяхъ" и пр.

Духовенство въ южной Руси не было тогда сословіемъ, оно постоянно пополнялось людьми міра, и свободное ученіе о бракѣ, проникшее въ общество, переходило въ его среду и находило тамъ свое примѣненіе, повидимому, никого, кромѣ строгихъ ревнителей древнихъ правилъ, не соблазнявшее. Въ концѣ XVI в. на кіевской митрополичьей каѳедрѣ возсѣдалъ много лѣтъ двоеженецъ Онисифоръ Дѣвочка, епископы Діонисій Збируйскій и Леонтій Пелчицкій жили съ своими женами, второбрачіе священниковъ въ жалобахъ ревнителей приводится, какъ явленіе не рѣдкое. Съ введеніемъ уніи возникшая между православными и уніатами полемика указала въ той и другой сторонѣ не мало опредѣленныхъ случаевъ второбрачія священниковъ.

Всѣ эти свѣдѣнія мы сочли нужнымъ привести прежде того факта, о которомъ хотимъ сказать, дабы самый фактъ не показался или слишкомъ исключительнымъ, или даже маловѣроятнымъ. А фактъ былъ такого рода.

Въ началѣ XVIII ст., на Волыни, въ г. Овручѣ, при церкви св. Василія, жилъ протопопъ Комаръ, по имени Симеонъ. Его постигло одно изъ тѣхъ бѣдствій, которыя особенно тяжестію ложатся на жизнь каждаго человѣка, а тѣмъ болѣе священника,—онъ лишился „своего подружія“. Въ какомъ возрастѣ былъ тогда Комаръ и при какихъ обстоятельствахъ застигло его это несчастіе, объ этомъ, какъ и вообще о его жизни, никакихъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Было это въ то тяжелое время, когда унія на всемъ пространствѣ южной Руси, оставшейся подъ владычествомъ Польши, брала рѣшительный перевѣсъ предъ православіемъ и вытѣсняла его отовсюду. Не смотря на недавній трактатъ 1686 г. между Россіей и Польшею, которымъ, въ предѣлахъ послѣдней, признаны, при полной свободѣ исповѣданія своей вѣры, 5 православныхъ епископій, православные епископы съ пасомыми подвергались крайнимъ притѣсненіямъ за вѣру, или вовсе не были допускаемы въ ихъ епархіи. Въ предѣлахъ древней митрополіи кіевской, обнимавшей всю южную Русь, давно уже считалось два митрополита—православный и уніатскій, теперь и въ епархіяхъ являлось по два епископа, или епархіею въ большинствѣ еще православною управлялъ епископъ уніатъ,—вновь назначенный, или измѣнившій раньше паствы православію. Происходило неимовѣрное давленіе уніатской власти на православное

священство и народъ съ цѣлію склонить ихъ къ уніи. Вліятельнаго священника, тѣмъ болѣе протопопа тянула къ себѣ одна и другая сторона; при томъ въ уніи на всякое отступленіе отъ канонов церковныхъ смотрѣли снисходительнѣе, нежели въ церкви православной. Наконецъ тогдашній южно-рускій священникъ въ своемъ положеніи былъ столько-же въ зависимости отъ власти духовной, сколько и свѣтской, доминіальной, т. е. помѣщика—коллятора, имѣвшаго право не принять и удалить его, вопреки распоряженію власти духовной. При епископѣ уніатскомъ, священники православные считали себя, конечно, внѣ всякой зависимости, теперь-же православный епископъ луцкій, Кириллъ Шумлянскій, былъ вовсе изгнанъ, а епархію луцкую досматривалъ епископъ львовскій Іосифъ Шумлянскій, еще съ 1700 г. измѣнившій православію и имѣвшій въ это время титулъ администратора кіевской митрополіи. Этимъ смутнымъ положеніемъ и воспользовался православный еще протопопъ Семіонъ Комаръ и вступилъ во второй бракъ. Когда фактъ этотъ сталъ извѣстенъ Іосифу Шумлянскому, онъ, въ видахъ, конечно, смиренія своенравнаго протопопа и приведенія его въ святую унію, простеръ на него издалека свою власть и запретилъ ему священнодѣйствіе и совершеніе требъ, что равносильно было отрѣшенію отъ прихода. Запрещеніе епископа несомнѣнно поддержано было на мѣстѣ властію помѣщика. Легко понять, въ какую бѣду попалъ Комаръ съ своимъ „новымъ подружіемъ“ и какую борьбу онъ долженъ былъ выдерживать въ душѣ, колеблясь между преданностію вѣрѣ отцевъ и привязанностью къ новой женѣ. Епископъ, хотя и уніатъ, стоялъ на твердой почвѣ: унія была *de jure* перемѣною лишь іерархической подчиненности, всѣ догматы и каноны церкви восточной оставлены были за нею. Съ точки зрѣнія православія и уніи Комаръ былъ равно виновенъ и епископъ съ полнымъ основаніемъ указывалъ въ второбрачномъ союзѣ прямое нарушеніе правилъ св. отецъ. Отовсюду было тѣсно Комару. Онъ взмолился, *рыдающе и стенающе*, епископъ не измѣнялъ своего рѣшенія. Комаръ продолжалъ молить, являя „полное смиреніе и раскаяніе“, какъ значится въ грамотѣ Шумлянскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту пору рѣшилось его вѣроотступничество. Епископъ не довѣрялъ; онъ сталъ налагать на Комара разныя наказанія,—тотъ терпѣливо ихъ принималъ. Прошло такъ не мало времени, епископъ не сдавался. Явились наконецъ

знатные ходатаи духовнаго и свѣтскаго чина и было ихъ не мало. Епископъ взвѣсилъ все и уступилъ: особою разрѣшительною грамотою онъ объявилъ, что не только принялъ второбрачнаго Комара „въ первшее благословенство, но священнодѣйствовать ему и всякія требы исполнять соизволилъ и поблагословилъ". Это было въ 1708 г.

Пр. В. Б. Антоновичъ, обнародовавшій этотъ случай въ собранномъ имъ IV томѣ I-й части Архива юго-западной Россіи [1]), сомнѣвается въ дѣйствительности онаго и готовъ видѣть въ немъ вымыслъ уніатской партіи, придуманный съ цѣлію склонить къ уніи вліятельнаго протопопа; но мы нашли новое подтвержденіе приведеннаго факта. Въ томъ-же 1708 г. послѣдовала перемѣна въ уніатской церковной іерархіи: управленіе кіевскою митрополіею, съ званіемъ экзарха, поручено было епископу луцкому и острожскому Діонисію Жабокрицкому, и онъ подтвердилъ данное Комару Шумлянскимъ разрѣшеніе [2]). Оставалось испросить разрѣшеніе помѣщика, который и разрѣшеннаго епископскою властію священника могъ не допустить къ служенію въ церкви, считавшейся, на равнѣ со всѣмъ имѣніемъ, его собственностію. Такое разрѣшеніе или дозволеніе давалось на бумагѣ и носило названіе „презенты" или „аппробаціи". Овручскимъ имѣніемъ, подъ названіемъ староства (жалованнаго лично отъ короля), владѣлъ тогда нѣкто Іосифъ Бржуховскій, а управляющимъ у него былъ шляхтичъ Іосифъ Зверюховскій. Этотъ послѣдній и допустилъ Комара къ служенію въ его приходской церкви, а спустя четыре года, именно въ 1712 г., исхлопоталъ для него у своего патрона и самый „презентъ". На немъ рукою Бржуховскаго было написано: „ponieważ duchowieństwo pozwala drugiego małżeństwa wielebnemu Semionowi y nie oddala go od służby Bożej odpawiania, y ia go nie oddalam od cerkwi swiętey w Owruczu" (т. е. поелику духовная власть позволяетъ преподобному Симеону второе супружество и не отстраняетъ его отъ священнослуженія, то и я не отстраняю его отъ святой церкви въ Овручѣ) [3]).

---

[1]) Архивъ юго-зап. Россій, т. IV, стр. 283, № CXXVI.

[2]) Книга центр. архива № 27, л. 23.

[3]) Книга центр. архива № 27, л. 66 на оборотѣ.

Такъ уладилъ протопопъ Семіонъ Комаръ стряшуюся надъ нимъ двойную бѣду—безвременное вдовство и запрещеніе священнослуженія, но купилъ свое благополучіе цѣною вѣры, въ которой такъ непреклонно было тогдашнее православное священство. Только не желаніе разлучиться съ второю женою и вѣроятная къ ней привязанность могли подвинуть Комара на тяжкую измѣну отеческой вѣрѣ. Болѣе 5-ти лѣтъ длилась эта тяжелая драма, которой едва слабыя черты дошли до насъ. Полагать надо, что заручившись разрѣшеніемъ двухъ епископовъ и аппробаціею своего пана-коллятора, Комаръ протопопъ продолжалъ уже безмятежно жить съ своимъ „вторымъ подружіемъ“ и оно на языкѣ того времени величало его безсумнительно своимъ „господинкомъ“, какъ онъ ее своею „госпожинькою“, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что ихъ супружеское счастье не разъ было нарушаемо тяжелыми укорами совѣсти, что промѣняли они завѣтъ отцевъ, кровію освященный, на преходящую утѣху жизни.

Что до епископа-отступника, несомнѣнно, что онъ только терзалъ попавшаго въ бѣду Комара, чтобы тѣмъ надежнѣе преклонить его къ уніи, такъ какъ наружное и временное согласіе на унію было тогда дѣломъ частымъ и даже обыкновеннымъ; много, если предположить, что онъ колебался дать открытое разрѣшеніе, мало или вовсе еще не практиковавшееся. Нѣсколько позже вопросъ о подобныхъ казусахъ былъ оформленъ и „диспенсы“, по ходатайству епископовъ, давались, хотя и не безплатно, святѣйшимъ отцемъ римскимъ. Римская церковь, знавшая одно лишь безбрачіе священниковъ, мало понимала въ тонкостяхъ воззрѣній восточныхъ аскетовъ на единобрачіе священниковъ и цѣломудріе ихъ невѣстъ, какъ на охрану и свидѣтельство ихъ собственнаго цѣломудрія. Лѣтъ двадцать назадъ намъ случилось видѣть папскую „диспенсу“, исходатайствованную около 40-хъ годовъ XVIII ст. львовскимъ епископомъ Аѳанасіемъ Шептицкимъ одному уніатскому священнику, который, принимая санъ священный, женился на вдовѣ. Конечно, это была лишь формальная уступка догмѣ восточной, еще удерживавшейся въ церкви уніатской.

Наконецъ въ приведенномъ фактѣ нельзя обойти вниманіемъ и того обстоятельства, что нашелся тогда въ средѣ православной священникъ, который повѣнчалъ вторымъ бракомъ протопопа Ко-

мара, нашлись свидѣтели и участники его семейной радости, не слышно протеста и со стороны прихода, все еще православнаго, и только епископъ, самъ недавно измѣнившій православію, простираетъ свою претензію къ кое-какъ устроившемуся вдовцу-протопопу, не подлежавшему его юрисдикціи. По видимому, второй бракъ протопопа въ Овручѣ не выступалъ въ рядъ явленій небывалыхъ и явилось „не мало годныхъ духовнаго и свѣтскаго стану особъ", которые ходатайствовали предъ епископомъ о признаніи за Комаромъ его вторичнаго брака и права священнодѣйствовать и учить народъ, что, какъ мы видѣли уже, и исполнилось въ его и многихъ, конечно, удовольствіе.

Такъ разрѣшился въ давніе годы въ смѣшанной православно-уніатской средѣ вопросъ о второбрачіи священниковъ, бывшій и остающійся у насъ самымъ жгучимъ вопросомъ жизни!

ГЕТМАНСКОЕ ПРИГЛАШЕНІЕ НА СВАДЬБУ.

Подъ этимъ заглавіемъ мы приводимъ доставшееся намъ въ большой массѣ бумагъ [1]) сулимовскаго архива письмо жены гетмана Даніила Апостола къ Павлу Акимовичу Скоропадскому съ приглашеніемъ его на свадьбу гетманской племянницы съ писаремъ Юркевичемъ. Письмо это любопытно не только какъ образчикъ своего рода этикета въ тогдашнемъ высшемъ малороссійскомъ обществѣ, но и какъ одно изъ подтвержденій господствовавшаго въ немъ, какъ и въ другихъ классахъ южно-русскаго населенія, взгляда на бракъ (см. здѣсь-же стр. 607), по которому такъ называемый «актъ вессльный", съ предшествовавшею ему «полюбною интерцызою» или брачнымъ договоромъ, не только отличался отъ брака церковнаго, какъ учрежденіе гражданско-общественное, но и отдѣлялся отъ него значительнымъ, какъ въ данномъ случаѣ трехъ мѣсячнымъ, промежуткомъ времени. Не лишено значенія и то обстоятельство, что это, какъ и всѣ другія, имѣющіяся у насъ письма гетманши Апостоловой, писаны, не исключая подписи, рукою постороннею, изъ чего должно заключать, что эта первая въ Малороссіи особа прекраснаго пола или очень слабо владѣла перомъ, или просто была неграмотна. Впрочемъ тоже почти было тогда и въ высшемъ польскомъ обществѣ и съ русскими великими княжнами, дщерями Великаго Петра. Вотъ текстъ письма гетманши.

---

[1]) За сообщеніе этихъ бумагъ приносимъ искреннюю признательность уважаемому собирателю родной старины Турвонту Венедиктовичу Кибальчичу.—Ред.

Мосцѣ пане Скоруппа,
мнѣ велце мосцѣ пане свате и зичливий пріятелю.

Поневажъ изволеніемъ и благословеніемъ вся устраивающаго Бога, послѣдовательно-же и нашимъ благословителнимъ желаніемъ приговорена въ доживотное сожитіе племянница наша панна Іуліана Максимовна пану Григорію Юркевичу, писарю полковому стародубовскому, и тотъ приговоръ еще прошлаго генваря 25 числа по церковному чиноположенію обрученіемъ и вѣнчаніемъ утвержденъ, а за Божіимъ-же и нашимъ благословеніемъ имѣетъ онимъ новобрачнимъ одправоватись веселній актъ здѣсь въ домѣ нашемъ сего априля 22 числа; того ради и вашей мости пана съ вселюбезнѣйшою сожителницею вашею, а нашею коханою панѣ сватовою, просимъ для присудствія оной веселной компанѣи къ означенному числу въ Глуховъ прибыть, якого вашего благополучного прибытія охотно ожидая, пребываемъ вашей милости пану вседоброжелательнѣйшая сватовая,

Іуліана Данилова Апостолова Гетманова.

Апрѣля 15 дня 1733 году.
Глуховъ.

ЗАМѢТКИ СТАРАГО КІЕВЛЯНИНА.

(КІЕВЪ ВЪ 1812 И 1824 ГОДУ).

„Но Кіевъ, на степи глухой
Дивить ужь болѣ неспособный,
Подъ властью ляха роковой
Стоитъ, какъ памятникъ надгробный".

„Наливайко", поэма Рылѣева.

Въ моей сѣдой, восьмой десятокъ лѣтъ доживающей головѣ всего менѣе, кажется, осталось воспоминаній о Кіевѣ, которому я принадлежу по самому рожденію моему. И не удивительно: меня отодвинулъ отъ него слишкомъ длинный промежутокъ времени, лѣтъ въ 60, и сильныя ощущенія послѣдующей жизни вытѣснили изъ памяти нѣжныя впечатлѣнія дѣтства; но исходивъ всю почти Россію, странствуя долго по Европѣ, Азіи и Африкѣ, я всегда

хранилъ святую память о немъ и отдавая теперь ему мои послѣднія воспоминанія, почту себя счастливымъ, если они въ комъ либо изъ читателей пробудятъ память о тѣхъ лицахъ, которыхъ я коснусь, или возбудятъ тотъ сладкій трепетъ, которымъ переполняется и мое сердце при одномъ имени „матери градовъ русскихъ".

Родился я, какъ уже сказалъ, въ Кіевѣ въ апрѣлѣ 1806 года и здѣсь, подъ южнымъ небомъ, подъ сѣнью кіеской святыни протекло мое дѣтство. Въ 1817 году родители мои отвезли меня чрезъ Москву, еще неотстроившуюся послѣ погрома 1812 года, въ Петербургъ, откуда по производствѣ изъ пажей въ офицеры арміи, въ апрѣлѣ 1824 г. я возвратился въ Украйну, гдѣ и провелъ первые годы моей службы въ стоявшемъ не далеко отъ Кіева харьковскомъ драгунскомъ полку, имѣя возможность часто посѣщать Кіевъ. Полкомъ командовалъ сперва старый воинъ Георгій Александровичъ Кончіеловъ, а потомъ Николай Николаевичъ Раевскій, младшій сынъ знаменитаго героя отечественной войны, подъ командою котораго служилъ мой отецъ. Въ то боевое время, когда Россія одна боролась противъ всей почти Европы, часто „родство по штыку" считалось выше родства по рожденію и я не могу не вспомнить здѣсь со мною вмѣстѣ вступившихъ въ полкъ: Александра Будберга, Александра Комара и извѣстнаго впослѣдствіи писателя А. Н. Муравьева, съ которымъ я переписывался до самой его кончины въ Кіевѣ въ 1874 г.

Родной мнѣ Кіевъ остался у меня въ памяти всего болѣе по 1812 г. При первомъ извѣстіи о вторженіи французовъ въ наши предѣлы, мой отецъ, тогда командиръ таврическаго гренадерскаго полка, стоявшаго въ г. Вильно, полковникъ Николай Семеновичъ Сулима, немедля отправилъ матушку съ нами дѣтьми въ Кіевъ, къ ея матери, нашей бабушкѣ, Елизаветѣ Васильевнѣ Репнинской, вдовѣ генералъ-поручика Репнинскаго, временъ Суворовскихъ и Екатерины II-й. Въ Кіевѣ царила тогда ужасная пыль лѣтомъ и бездонная грязь осенью и весной. Мы остановились въ „Липкахъ", лучшей улицѣ, названной такъ по аллеѣ великолѣпныхъ липъ въ ея срединѣ, и расположились во флигелѣ дома бабушки. Какъ тогда, кромѣ люда рабочаго, никто еще не ходилъ „per pedibus apostolorum", а ѣздилъ, какъ могъ, то улицы „матери всѣхъ городовъ русскихъ" и днемъ не были безопасны отъ множества собакъ. Кромѣ

двухъ, вѣчно враждующихъ межъ собою партій, кіевскихъ гвельфовъ и гибелиновъ, — оборванныхъ жидовъ и голодныхъ псовъ, рѣдко случалось встрѣчать христіанскую душу пѣшую на улицахъ Кіева. Тогда въ Кіевѣ часто вспыхивали пожары, выгорѣлъ весь „Подолъ", на перекресткахъ ходили часовые „ратники", въ предохраненіе отъ поджоговъ, въ которыхъ, въ народѣ, подозрѣвали „жидівъ и ляхівъ". Скоро у насъ появилась масса нашихъ раненыхъ и еще огромнѣйшая масса плѣнныхъ французовъ и нѣмцевъ—изъ числа послѣднихъ взятъ былъ и мой „гувернеръ", саксонецъ, Іоганъ-Фридерихъ Апель. Кіевляне радушно вездѣ и всегда принимали, угощали и даже одѣвали, какъ нашихъ, такъ и враговъ... Помню французскаго генерала *Рапп*, который, со многими другими, часто обѣдалъ у моей бабушки и всегда меня ласкалъ. Помню живо, какъ однажды поздно вечеромъ, моя мать, возвратившись отъ бабушки Репнинской, меня уже спящаго выхватила изъ постели и, подкидывая меня, уже здоровеннаго мальчугана, кричала: *„наши въ Парижѣ, Парижъ взятъ!"* —къ великому восторгу сбѣжавшейся дворни.

Помню блестящаго графа Милорадовича, тогдашняго, кажется, генералъ-губернатора кіевскаго. Отсюда отозванъ онъ въ армію, но верхній этажъ дворца еще тогда сгорѣлъ, когда онъ въ немъ жилъ. Помню и почтеннаго старца митрополита Евгенія, который насъ также часто посѣщалъ. Милорадовичъ тогда еще былъ ловкій и красивый мущина, средняго роста, веселаго нрава и занимательный разсказчикъ. Онъ часто начиналъ разсказы свои восклицаніемъ: „Помилуй Богъ!" Меня мальчика онъ ласкалъ и баловалъ. Но еще болѣе баловалъ меня высокій артиллерійскій, не помню, генералъ или полковникъ въ то время, съ густыми черными бакенбардами и волосами, другъ моего отца, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, также частый гость нашъ, который много мною занимался и многое мнѣ объяснялъ, что чрезвычайно льстило моему самолюбію. Къ намъ еще весьма часто ѣздили обѣдать и на цѣлый день эмигранты,—старикъ, когда-то еще королевскій-французскій генералъ, Пуаръ, какъ его называли, съ супругою. Какъ вчерашнее помню его свѣтло-зеленый кафтанъ, съ огромною звѣздою на лѣвой сторонѣ груди, пудренную голову съ тупѣемъ, и его высочайшую, костлявую, надменную злючку-супружницу, съ длиннѣйшими желтымъ лицемъ и табашнымъ носомъ. Я ее ненавидѣлъ за ея безпрестанныя, всегда обидныя на мой счетъ замѣчанія.

Алексѣй Петровичъ также не жаловалъ злую генеральшу. Въ одинъ для меня особенно злосчастный день, когда меня, по ея милости, безцеремонно выпроводили изъ гостинной, вскипѣла во мнѣ негодованіемъ козацкая запорожская кровь и я горько плакалъ. Алексѣй Петровичъ вышелъ за мной, чтобъ меня успокоить, въ чемъ и успѣлъ. Давно уже мнѣ хотѣлось имѣть къ моему козацкому одѣянію маленькую саблю, въ которой мнѣ рѣшительно отказывали. Я сталъ его просить. Онъ обѣщалъ, и дѣйствительно на другой-же день не только привезъ, но и выпросилъ, чтобъ мнѣ, когда послѣ окончанія уроковъ мною будутъ довольны, было дозволено не только саблю надѣвать, но, въ присутствіи гувернера, даже ее обнажать. Когда я учился дурно, по мѣрѣ вины, меня лишали сабли, что дѣйствительно, когда это случалось, приводило меня въ отчаяніе больше, чѣмъ всѣ выговоры и аресты: — какъ, у меня козака, отбирать саблю, данную мнѣ самимъ Алексѣй Петровичемъ! Не была мнѣ позже судьба служить, какъ я желалъ, подъ начальствомъ покорителя Кавказа. Бабушка наша, Елизавета Васильевна, была старушка чистенькая, свѣженькая, добрѣйшая, подвижная. Все вокругъ нея и въ просторномъ домѣ ея дышало какою-то благодатью, чистотой и спокойствіемъ. Большіе во весь ростъ портреты фельдмаршаловъ *Суворова*, Румянцева, Потемкина, подъ начальствомъ которыхъ служилъ дѣдушка и которыхъ и она знала, особенно-же Суворова, котораго письма къ ней сохраняла, какъ святыню,—какъ-то благодушно смотрѣли изъ своихъ рамъ на проходящихъ мимо ихъ по большой залѣ. Въ большой гостинной, подъ огромнымъ портретомъ Екатерины II-й, на диванѣ сидѣла бодрая, привѣтливая, чистенькая, какъ севрская статуетка, старушка, съ вѣчнымъ вязаніемъ въ крошечныхъ ручкахъ. Когда ее спрашивали, когда кончитъ и куда дѣнетъ все это вязанье, она отвѣчала обыкновенно: „ахъ, родной, да какже иначе? не можно-же *им* (т. е. бѣднымъ) такъ просто деньги въ руки совать!.. а такъ въ платочкѣ, фуфаечкѣ—не такъ совѣстно... приличнѣй“. Надобно было послушать ее, какъ она начнетъ разсказывать, или толковать съ старымъ инженернымъ, временъ Суворовскихъ, генераломъ Ильей Алексѣевичемъ Глуховымъ, съ которымъ служилъ и ея мужъ, или со слезами на глазахъ показывать и читать писанное къ ней письмо богатыря „Рымникскаго и князя Италійскаго“... какъ она оживля-

лась, молодѣла!.. Но когда съ полей Бородина привезли ея тяжко раненнаго сына, надо было видѣть ея дѣятельность и силы... старуха исчезла, осталась одна любящая мать!..

Помню еще изъ русскихъ друга дома и моего покровителя, всѣми сердечно уважаемаго, почтеннаго, добрѣйшаго Христіана Карловича Бунге, его золотыя очки, добрѣйшую жену, сыновей и дочерей. Съ сыновьями его я часто игралъ у насъ и въ ихъ домѣ и саду. Помню еще губернатора Черепанова и вице-губернатора Катеринича. Помню красивыхъ, милыхъ дамъ Семека и ея сына тоже козака, какъ я,—Лошакову и ея мрачнаго супруга, веселую Всеволодскую и нашу родственницу—во всемъ высокую, добрѣйшую Елену Александровну Захаржевскую, рожденную графиню Самойлову, владѣтельницу *историческаго* с. Жаботина. Весело жилось тогда въ Кіевѣ, но когда начались пиры и балы въ торжество побѣдъ штыка русскаго солдата и дубины русскаго мужичка, веселью не было мѣры. Пожаръ жертвовавшей собою Москвы довелъ чувства до восторженности и у насъ—дѣтей... Всякій жертвовалъ, что могъ. Явились картины сраженій у разносчиковъ и новыя пѣсни народныя.

Трогательное было зрѣлище, когда на зимнихъ балахъ вводили на костыляхъ выздоравливающихъ русскихъ офицеровъ и плѣнныхъ французскихъ и саксонскихъ (французовъ приглашали по списку, данному ихъ генераломъ Раппъ), какъ къ русскимъ страдальцамъ кидались на встрѣчу хозяева и дамы и какъ бережно помѣщали ихъ на покойнѣйшія кресла, заранѣе приготовленныя, плѣнныхъ-же принимали весело какъ *своихъ гостей*. Начинались танцы, плѣнные весело плясали, танцы все болѣе и болѣе оживлялись и кончались уже къ утру веселымъ ужиномъ. Было то славное время и для насъ дѣтей, время, которое мы потомъ взрослыми не забывали и въ бою, въ память отцовъ нашихъ.

Французскій генералъ Раппъ и саксонскій Эргардтъ были вездѣ желанными и пріятными гостьми; Эргардтъ рисовалъ, а Раппъ писалъ стишки въ альбомы. Вотъ образчики:

«Coeur pur, amitié fidèle
Tendresse et vertu maternelle
Solide et modeste savoir

Сердце чистое, дружба вѣрная,
Нѣжность и доброта материнская,
Основательная и скромная ученость,

Vanité cédant au devoir
Bonté de coeur et grandeur d'ame
C'est votre portait, Madame.

Rapp. Kieff. 1813.

Гордость преклоняющаяся предъ обязанностію,
Доброта и великодушіе—
Вотъ вашъ портретъ, сударыня.

Рапп. Кіевъ. 1813 г.

«Chacun vous fait un compliment d'usage,
Dont vous connaissez la valeur;
L'Amitié vient aussi, modeste en son langage
Elle dit peu de mots, mais ils partent du coeur
Et vous combleriez son bonheur,
Si vous en distinguiez l'hommage.

Rapp.

Каждый дѣлаетъ вамъ привѣтствіе,
Цѣна котораго вамъ извѣстна,
Дружба скромна въ рѣчахъ,
Въ немногихъ, сердечныхъ словахъ,
А вы-бы ее осчастливили,
Отличивъ сіе приношеніе.

Рапп. Числа нѣтъ.

Эргардтъ оставилъ много весьма не дурныхъ рисунковъ въ тѣхъ-же альбомахъ.

Къ лѣту мы уѣхали въ деревню, въ наше село Богоявленское. Помню старинный домъ, съ старинными портретами, картинами, библіотекой, мебелью, доказывающими, что и въ прошлое время край не былъ дикимъ. Помню огромный, прекрасный садъ, грознаго сѣдовласаго управителя Никиту Иванчука, котораго людъ называлъ „Мекита“, и огромныхъ дворовыхъ собакъ, съ которыми я скоро подружился. Помню большой складъ всякаго богатаго стариннаго оружія въ домѣ... Помню, какъ игралъ въ солдатики съ мальчишками, которые меня звали Сулименко.

«O, primavera, gioventu dell'anno,
O, gioventu, primavera della vita»

«О, весна! юность года,
О, юность! весна жизни»!

и помню, какъ праздникомъ, прямо изъ церкви, отъ обѣдни, къ намъ являлись ветхіе старцы и старицы съ отрѣзаннымъ ухомъ или одною изъ рукъ!... Съ уваженіемъ къ нимъ приближались мужички и бабы, а самъ „Мекита“, спявъ шапку, давалъ имъ подаяніе и пищу; то были, говорили мнѣ шопотомъ, „*гайдамаки*“, мученики временъ торжества Уніи!... Народъ ихъ почиталъ почти святыми... Никто не зналъ или боялся сказать, гдѣ они проживаютъ зимой, „або въ степу, або въ байракахъ“, въ холода невозможные.

Зиму опять провели мы въ Кіевѣ, при ликованіи побѣдъ нашихъ.... Мы уже жили въ домѣ Безбородко, изъ котораго помню дивный видъ, особенно при закатѣ солнца, на старый Кіевъ, соборъ

святой Софіи [*]) и златоверхій михайловскій монастырь, не хуже, чѣмъ съ уступа верхняго дворцоваго сада. Сколько мнѣ извѣстно, изъ видовъ Кіева и окрестностей многіе еще ждуть кисти художника. И порядочныхъ литографій еще не видать. Многое зависитъ отъ выбора поры дня, освѣщенія и мѣста, съ котораго слѣдуетъ снимать видъ мѣстностей или строеній.—Продолжаю.

Въ концѣ этой зимы и особенно къ веснѣ началось мое ученіе, а съ нимъ и всякія мученія. Сверхъ Закона Божія и языковъ, начали учить меня исторіи, географіи и, по тогдашнему, не объясняя, а просто въ долбяшку!.. Скоро прибылъ еще новый учитель русскаго языка—москвичъ, да давай меня истязать за мягкій знакъ и за мое вообще украинское произношеніе: „усе́ не до смаку“...

Наступила весна. Послѣ мучительныхъ дня и вечера, я спалъ сномъ праведника, какъ въ одно утро вдругъ—раньше обыкновеннаго—мой гувернеръ, добрый Іоганъ-Фридрихъ Апель, меня поспѣшно разбудилъ и, что никогда не случалось, при умываніи и одѣваніи моей особы даже мнѣ помогалъ. На всѣ мои распросы о причинѣ необыкновенной поспѣшности, онъ мнѣ шопотомъ отвѣчалъ: „Ich darf nicht“, т. е. не смѣю. Я ожидалъ чего нибудь ужаснаго... въ родѣ новаго учителя-мучителя!.. Вышли...

Въ залѣ у стола сидѣлъ красивый, съ темными бакенбардами, мущина, въ военномъ сюртукѣ, съ Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ. Онъ вскочилъ, схватилъ и поднялъ меня, какъ перышко...

О, Боже!.. это былъ мой отецъ!..

Да, *то былъ солдатъ двѣнадцатаго года!..*

Оставивъ родной Кіевъ въ мартѣ 1817 года, я опять попалъ въ него прямо изъ холоднаго, сумрачнаго, прямолинейнаго Петербурга, въ маѣ 1824 года, въ самый разгаръ цвѣтущей украинской весны. Когда мы подвигались отъ станціи Броваровъ, меня уже издали, при утреннемъ солнцѣ, поразила прелесть знакомаго мнѣ вида златоверхой лавры печерской, среди садовъ и строеній, парящей въ высотѣ надъ зеркаломъ водъ широкаго „батюшки“ Днѣпра. Забилось мое сердце.

---

[*]) См. мою брошюру: „Зодчество восточной православной церкви“. Кіевъ. 7-го іюня 1873 года.

Не многое могу сказать о Кіевѣ въ ту пору: онъ былъ почти въ такомъ-же положеніи, какъ я его оставилъ восемь годовъ тому назадъ; прибыло нѣсколько новыхъ каменныхъ домовъ и убыло лачужекъ. Подъ великолѣпными липами въ „Липкахъ“ устроили нѣчто въ родѣ бульвара, но все таже пыль по улицамъ и все тѣже искони враждующіе межъ собою партіи монтекки и капулетти, грязныхъ жидовъ и тощихъ псовъ. Изрѣдка несущаяся четверня барина съ визгливымъ *форейторомъ*, или *цугъ* „съ бичемъ“ яснаго пана, обращали на себя вниманіе обоихъ воюющихъ партій, изъ которыхъ дѣти Израиля, остановясь, торопливо, подъ палящимъ солнцемъ, трясли свои мѣховыя шапки, чтобъ не завязли въ нихъ ермолки, и униженно кланялись, а невѣжды собаки, съ воплемъ отчаянія, бросались за лошадьми. Нищихъ они часто пропускали мирно, судя, вѣроятно, по физіономіямъ. Меня, ѣхавшаго на почтовыхъ, въ „перекладной“ повозкѣ, они не удостоили особеннаго вниманія, тявкнувъ лишь нѣсколько разъ, чтобъ явить свою бдительность. Заѣхалъ я, по тогдашнему, прямо къ моей бабушкѣ, доброй Елизаветѣ Васильевнѣ Рєпнинской, которая уже жила въ своемъ новомъ каменномъ красивомъ домѣ, еще до моего отъѣзда изъ Кіева оконченномъ и отдѣланномъ, окруженномъ тогда вновь разведеннымъ и уже разросшимся молодымъ садомъ, въ которомъ и я работалъ и между прочимъ посадилъ и молодую грушу. Хотя еще было раннее утро, я ее засталъ уже за часомъ. Добрая, еще бодрая старушка, разцѣловала меня, съ радости не знала, чѣмъ и какъ меня угостить. Наболтавшись и наѣвшись по россійски, я, чтобъ переодѣться, пошелъ въ уже приготовленную мнѣ въ верхнемъ этажѣ, знакомую, большую, свѣтлую комнату, которой три распахнутыя окна открывали мнѣ дивный видъ чрезъ улицу и Бегичева цвѣтущій садъ на „старый Кіевъ“ и въ весеннемъ солнцѣ сіяющіе куполы св. Софіи и златоверхаго михайловскаго монастыря!..

Налюбовавшись, я переодѣлся, и въ каретѣ бабушки отправился явиться коменданту въ крѣпость. Въ комендантѣ нашелъ добраго, ласковаго старика, который, распросивъ меня о моихъ родителяхъ и представивъ, какъ стараго знакомца, своей женѣ, наконецъ меня отпустилъ домой (кажется, то былъ старикъ *Маасъ*). Возвратившись прямо къ бабушкѣ, которая мнѣ запретила къ кому-то ни было заѣзжать, я уже засталъ у ней старыхъ ея и всего

нашего семейства друзей: съ бѣлою уже совсѣмъ головой, но все еще бодраго и какъ верста прямаго, теперь уже генералъ-лейтенанта со звѣздой, знакомаго съ моего дѣтства *Суворовца* [1]), Илью Алексѣевича Глухова, и добрѣйшаго, также все еще бодраго и веселаго Христіана Карловича Бунге, съ тѣми-же золотыми очками. Не буду распроетраняться, говоря о всѣхъ добрыхъ, незабвенныхъ знакомыхъ и друзьяхъ нашего семейства, которые всѣ обласкали меня, какъ роднаго, и объ ихъ дѣтяхъ, товарищахъ моего дѣтства, изъ которыхъ многіе уже состояли на службѣ, а изъ дѣвушекъ нѣкоторые уже были замужемъ. Изъ семействъ Бунге и Могилянскихъ еще всѣ были на лице, а Глуховы уже стали намъ родня, ибо ихъ дочь Марія уже была замужемъ за сыномъ бабушки, братомъ моей матери, тѣмъ самымъ молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, который послѣ Бородинской битвы пріѣзжалъ, жестоко израненный (три пули), къ бабушкѣ на короткое время и едва излѣчившись, поспѣшилъ догнать полкъ. Я у нихъ часто бывалъ въ Петербургѣ, гдѣ Репнинскій служилъ уже полковникомъ въ гвардіи. У Х. К. Бунге все семейство еще было на лице и всѣ здоровы. Жили они въ прежнемъ своемъ домѣ и ихъ садъ значительно разросся и похорошѣлъ. И бабушкинъ садъ чрезвычайно разросся, и *моя груша* была уже прекраснымъ молодымъ деревомъ, приносившимъ обильные и вкусные плоды. Въ высокихъ, свѣтлыхъ, новыхъ комнатахъ новаго дома висѣли по стѣнамъ мои старые знакомые, перенесенные изъ стараго дома, огромные, старинные, прекрасной живописи, портреты: Суворова, Румянцева, Потемкина, и изъ своихъ старинныхъ рамъ поглядывали на насъ всѣхъ также благосклонно, какъ во времена моего счастливаго дѣтства.

На другой день, посѣтивъ до обѣда всѣхъ знакомыхъ дѣтства моего и прекрасный дворцовый садъ, который мнѣ такъ напоминалъ прежніе годы, я съ прискорбіемъ увидѣлъ, что верхній этажъ дворца со времени пожара 1812 года еще не возстановленъ. Послѣ обѣда поѣхалъ къ вечернѣ въ софійскій соборъ. Въ храмѣ софійскомъ было не мало неопрятности и небрежности; но не смо-

---

[1]) Состоялъ инженернымъ офицеромъ при Суворовѣ; по плану Глухова взята штурмомъ Прага (завислянское предмѣстье Варшавы), что и побудило Варшаву *сдаться безъ боя*.

тря на это, при цѣніи „Взбранной воеводѣ побѣдительная“, сердце мое наполнили тѣже чувства восторженнаго моленія, какъ многіе года позже въ св. Софіи цареградской и при служеніи въ соборѣ св. гроба Спасителя въ Іерусалимѣ. Многое, многое говоритъ русскому сердцу въ нашемъ, все еще прекрасномъ, хотя старомъ Кіевѣ, „матери городовъ русскихъ“. Если зданіе молитвенное, посвященное славословію премудрости Всевышняго, должно выражать чувства и мысли строителей, то какъ-же классическій Пантеонъ, поставленный хоть и самимъ Михелъ-Анжіоло Буенаротти на колоннаду Парѳенона,—выраженіе языческаго культа чувственности и реализму, или дерзкіе шпили почти арабскихъ и мавританскихъ средневѣковыхъ рыцарскихъ катедралей (другаго выраженія не нахожу) могутъ выразить идею смиренія, покорности, моленія и самоотверженія пострадавшаго на крестѣ Искупителя человѣчества? Какъ св. Софія цареградская, такъ, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, св. Софія кіевская вполнѣ выражаютъ эту идею. Въ сѣверной Италіи, особенно въ Равеннѣ, я встрѣчалъ храмы выражающіе туже мысль и чувства. Св. Маркъ въ Венеціи лишь не совсѣмъ удачное подражаніе св. Софіи цареградской.

На третій день посѣщалъ я и другія святыни кіевскія, которыя позже описалъ мой другъ и товарищъ, по службѣ въ харьковскомъ драгунскомъ полку, уже покойный Андрей Николаевичъ Муравьевъ. Да, монгольская эпоха нашего многострадательнаго прошедшаго оставила намъ здѣсь, не смотря на частые погромы татаръ, памятники, которые свидѣтельствуютъ объ свѣтлыхъ зачаткахъ отечества нашего, прерванныхъ, но не совершенно уничтоженныхъ.

Въ 1824 г. въ Кіевѣ жилъ съ своей семьей Н. Н. Раевскій, командуя 3-мъ корпусомъ 1-й арміи, штабъ котораго находился также здѣсь. То было веселое и славное время русскаго представительства въ древнѣйшей столицѣ русской и во всей древней Кіевщинѣ. Раевскіе были изъ числа богатѣйшихъ помѣщиковъ кіевской губерніи (м. Болтышка). Пышно жили они въ Кіевѣ, какъ и ихъ богатые родственники: графиня Браницкая (м. Бѣлая-Церковь), ея братъ Энгельгардтъ (м. Ольшана), генералъ временъ Потемкина, извѣстный силачъ, графъ Николай Самойловъ (м. Смѣла), Алкивіадъ того времени, его сестра Елена Захаржевская (Жаботинъ), Давы-

довы (Грушевка), Высоцкій (м. Злотополь), Лопухины (м. Шпола), Бороздины, Поджіо и многіе другіе, какъ Орловъ (м. Матусово), Кудашевы, Могилянскій и т. д. Могучъ былъ тогда не только въ Кіевѣ, но и во всей Украйнѣ блестящій русскій элементъ, а теперь?... Но съ 1845-го года я въ Кіевѣ не былъ.

Семенъ Сулима.

ВИРША НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

1. Христосъ родивсь, міръ звеселивсь: сёгоднішними часы
   Для сихъ родинъ всякъ христянинъ вминає ковбасы.
2. Бабы, діды пиво-меды, горілку варену
   Кухликомъ пьють, съ книшами труть свинину печену.
3. Хлопці, дівки навпередки бігають підъ хатки
   И якъ вовки, або свинки, скиргичуть колядки.
4. Паны купці, славні кравці, шинкарство, міщаны
   Объ сімъ Різдви усі въ нови убрались жупаны.
5. Мати земля уся гуля и взявшись у боки,
   Пісни гука, бье гопака въ підківки широки.
6. На небесахъ янголи всі ажъ въ долони
   Зъ радости бьють, пісни гудуть Якимовій Доні.
7. Старенькій Бігъ на стілъ излігъ и самъ собі дума:
   «Праздникъ душамъ, тільки Адамъ изъ Евою рюма».
8. Важко здихнувъ, потимъ кликнувъ Гаврила швиденько,
   Да й приказавъ, щобъ листъославъ Адамови хутенько.
9. Архистратигъ метнувся вмигъ, папіръ и чернило,
   Де треба, взявъ да й написавъ Адаму такъ мило:
10. „Честный Адамъ, що всімъ людямъ праотець зовешся,
    Годі, не плачь, отъ-огъ, якъ бачъ, изъ пекла снасешся.
11. Бо вже на світъ, якъ рожа цвітъ, Христосъ народився.
    Вінъ адъ стребить, чорта смирить, щобъ той не гордився.
12. Смерть злу ягу зогне въ дугу и зломить ій спину,
    Гостру косу и збрую всю стре, якъ павутину.
13. Адьоькихъ сіпакъ зомне якъ макъ, зибъе ихъ въ макухи.
    За ихъ брехню и всю плутню вінъ дасть имъ цукрухи.

14. Вже-жъ бо отъ сихъ катюгъ преслихъ просвітку не мають;
Правъ и не правъ, кого попавъ, знай въ пекло таскають.
15. Катъ-бы ихъ ма! у ихъ нема никому вже спуску:
Хоть-бы чернець, хоть-бы святець, осмалять, якъ гуску.
16. Вони и вамъ, честный Адамъ, зъ жоною твоею,
Племфи дали, якъ въ гріхъ ввели брехиею своею.
17. Сихъ-то покусъ хитрый искусъ твою молодыцю
На гріхъ пидвівъ, що й ты изъівъ прокляту кислыцю.
18. Отъ сихъ врагівъ вы изъ богівъ голяки зробились,
Рвали листки, шили мішки и тими прикрылись.
19. Одъ ихъ чарівъ вы изъ царівъ чортъ зна чимъ стали
Изъ усіми зъ раю дітьми у пекло попали,
20. Де день и нічь дрова у нічь возите санками,
За той-же трудъ ще васъ и бьють по ребрахъ кійками.
21. Отъ сихъ-то мукъ ты, якъ павукъ, опухъ и хвораешъ;
Ну-жъ лишь вставай, сей листъ читай,—заразъ очуняешъ".
22. Болізнь забувъ, хвабро скакнувъ нашъ прадідъ изъ полу,
Надівъ сірякъ и сякъ то такъ додыбавъ до столу.
23. На лавку сівъ, да й надівъ на нісъ окуляры,
Листъ той хвата, зъ сміхомъ чита, бо одійшли шпары.
24. Тутъ-же сидить, Ева глядить у вічи пильненько,
Все, що чита, Адамъ мота на усъ гарненько.
25. Якъ прочитавъ, Еви сказавъ: „давай варенухи!"
Глечикъ хильнувъ дай махнувъ въ те містце навтрюхи,
26. Де въ нічь дрова кладуть, сзывае всіхъ и репетуе:
„Христосъ родивсь, Христосъ родивсь! намъ лиголь віщуе.
27. Потімъ выйма листъ и знима зъ гири капелюху,
На пень-же ставъ, всімъ прочитавъ той листъ до слуху.
28. И увесь тутъ загудівъ людъ, мовъ літомъ ті бджолы;
Беруть жінокъ, ведуть въ танокъ, затыкавши полы.
29. Тіи бычка, ті козачка, ті горлицю скачуть,
Сами-жъ старі, сидя въ шатрі, одъ радости плачуть.
30. Пророкъ Давидъ тамъ-же сидить и въ кобзу играе,
Пісню святу Спасу Христу за псалтири читае

31. Чорнявый Хамъ сидить тежъ тамъ и ріже въ сопілку,
Самъ добре пье и всімъ дае квартою горілку.
32. Куци чорты, мовъ ты хорты голодни скиглять,
Лапы грызуть, изъ себе шкуру рвуть, скрутились и пінять.
33. Старшій ихъ бісъ нахлюпивъ ніс, сидить въ куточку,
Скубе виски и на куски шматуе сорочку.
34. Суціга смерть собі-жъ верть-верть, ляпъ-ляпъ кістками,
Біжить въ кутокъ, бере мішокъ зъ косою, зъ ножами.
35. Заступъ хапа, яму копа и все въ ту поклала.
Смерте, вгамуйсь! тобі Ісусъ дасть доброго драла.
36. Нашъ Богъ Христосъ чортівъ, якъ осъ, подавить ногою,
Зъ твоихъ кістокъ, смерте, трісокъ наробить и гною.
37. Всіхъ васъ у прахъ потре и шляхъ намъ зробить до раю.
Синъ я Христомъ, паны, зъ Різдвомъ васъ поздравляю.

Сообщ. Е. И. Пономаревъ.

АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ СТАВРОВСКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Когда настоящая книжка закончена была печатаніемъ, мы получили извѣстіе о кончинѣ бывшаго профессора кіевскаго университета А. И. Ставровскаго, послѣдовавшей въ г. Острѣ (черниг. губ.) 14 ноября сего года, послѣ тяжкаго и продолжительнаго недуга.

Покойный Алексѣй Ивановичъ, воспитанникъ бывшаго педагогическаго института, товарищъ славныхъ ученыхъ: Неволина, Богородскаго, Иванишева, все время провелъ на службѣ въ кіевскомъ университетѣ, занимая каѳедру всеобщей, а по временамъ и русской исторіи. Въ теченіи 25-ти лѣтъ его слушали нѣсколько поколѣній учащейся молодежи и среди читателей «Кіевской Старины» найдутся, вѣроятно, его слушатели, для которыхъ вѣсть о кончинѣ ихъ б. профессора можетъ имѣть особое значеніе. Покойный не отличался выдающимися дарованіями, велъ дѣло свое скромно, но честно и добросовѣстно. Въ свое время онъ много работалъ надъ своимъ предметомъ, много писалъ, но не оставилъ ни одного печатнаго труда и только живая память его слушателей можетъ сказать что-либо о его профессорской дѣятельности. Выйдя въ отставку въ 1870 г. и поселившись въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, онъ, отъ недостатка привычной дѣятельности, скоро подвергся параличу и въ этомъ тяжкомъ недугѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ, пока смерть не прекратила тяжкихъ его страданій. Послѣ его смерти осталась библіотека до 1,000 изданій, между которыми есть не мало рѣдкихъ и дорогихъ. Сверхъ того у него-же сохранялись весьма цѣнныя бумаги изъ такъ-называемаго рѣшетиловскаго архива, принадлежавшаго наслѣдникамъ бывшаго секретаря Потемкина Попова. Желательно было-бы, въ интересѣ науки, чтобы оставшееся теперь наслѣдство не постигла участь драгоцѣннаго въ своемъ родѣ наслѣдства Потемкинскаго секретаря.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ и примѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ IV-мъ томѣ «Кіевской Старины», 1882 г. *).

Абаза, ст. сов., администр. имѣній гр. Потоцкаго, 80.
Авдѣевка, с., 313.
Авратынь, с., 155.
Азовъ, г., 229, 231, 237.
Азовское море, 160.
Александренко, предводитель козацкаго отряда, 545.
Александровка, с., 482.
Александръ I-й, росс. имп., 236, 295, 415.
Алексѣй Михайловичъ, моск. царь, 197, 198, 200, 289.
Алексѣй Поповичъ, богатырь, 135.
Анна Іоанновна, рус. имп., 131, 403, 415.
Антоній, петерб. митроп., 378.
Антоній I..., д-ръ, 149; разб. его кн., 570—573.
Антоновичъ В. Б., пр. кіев. унив., 70, 146, 231; авт. ст. „Иванъ Гонта", 276, 362, 364.
Антонскій А. А., проф., 315.
Арсеній, кіев. митроп., 536, 580.
Архангельскъ, г., 205.
Астрахань, г., 242.
Афанасьевъ-Чужбинскій А., этнографъ, 67, 586.
Аѳонъ, св. гора, 59.
Ахтырка, г., 199, 219, 408, 565.

—

Бабанка, предмѣстье г. Умани, 425.
Багрыновцы, волость, 545.
Байракъ, запорож. атаманъ, 537.
Бакировка, с., 225.
Баклань, 299.
Балабанъ, начальникъ польск отряда, 332.
Балабушевичъ В., авторъ замѣтки: „О днѣ смерти кн. Острожскаго", 175—177.
Бантышъ-Каменскій, историкъ, 386, 585.
Барахты, с., 232.
Баръ, г., 84, 545.
Барыка Петръ, польск. писатель XVII в., 452, 462.
Барышовка, с., 293; имѣніе Сулимъ, 309.
Басанская, дорога, 356.
Батуринъ, м., 171, 372, 563.
Безбородко, графъ, 312.
Беклешевъ Алекс. Андр., московскій генер.-губер., 326.
Бендеры, г., 260.
Беккендорфъ, генер., 557.
Бердичевъ, г., 44, 269, 352, 362.
Березань, м., 504.
Березина, р., 396.
Берестечко, м., 168, 330, 542, 544, 548, 553.
Берында-Шамво, южно-русскій ученый XVII в., 286.
Бецкій Ив. Ив., генер.-порутч., 294.
Бзовскій Симеонъ, польскій революціонеръ полов. XVII ст., 549.

*) Цифры указываютъ страницы тома.

Бибиковъ Дмитр. Г., кіев. генер.-губ., 47, 79.
Бирономъ, регентъ при имп. Аннѣ Іоан., 404.
Бичаль, м., 79.
Блотница, с., 311.
Богополье, м., 420.
Богородицкій ретраншаментъ, 537.
Богунъ, полковн. козацкій, сподвижникъ Б. Хмельницкаго, 338, 545.
Богуславъ, г., кіев. губ., 165.
Болеславъ, князь мазовецкій, 144.
— Храбрый, король польскій, 347.
Бонапартъ, Наполеонъ I-й, француз. импер., 39.
Боновскій, помѣщ., 80.
Боремль, м., 168.
Борецкіе, русскіе бояре, 141.
Борецкій Іовъ, митроп. кіев., 457.
Борзна, г., 68, 238, 386, 595.
Боровица, 549.
Боромля, м., 219, 225.
Борщи, станція, 155.
Боярскій Матвѣй, ахтыр. полков. судья, 225.
Браиловъ, г., 545.
Браницкій, регементарь польск. войскъ XVIII ст., 91, 252; ловчій корон., 272, 274, 341.
Брацлавъ, г., 81.
Бремъ, знамен. натуралистъ, 74.
Броды, м., 328, 336, 544.
Брюховецкій, гетманъ, 131, 200, 202, 207.
Бугъ, р., 144, 390, 391, 420, 541, 588, 603.
Бугскіе козаки, 389—391; замѣтка о нихъ А. Скальковскаго, 599—603.
Будлянскій, собиратель рѣдкостей живописи и искусства, 604.
Бутовичъ Н. И., помѣщикъ, 174.
Бутурлакъ, упомин. въ думѣ о Кішкѣ Самійлѣ, 505.
Быстрикъ, с., 363.
Быховецъ, лѣтоп., 357.
Бѣлая-Церковь, м., 81, 99, 260, 429, 540, 547.
Бѣлгородъ, г., 198, 201, 402, 568.
Бѣлевскій, ученый, 146.
Бѣлинскій Вас. Гр., рус. критикъ, 597.
Бѣлицкій А. Г., кошевый, 534.
Бѣлозерскій В. М., б. ред. «Основы», 67, 69, 70, 596.
— Н. Д., помѣщикъ черн. 70, 596.
— Н. М., авт. статьи: «Т. Г. Шевченко», 77.
— И. И., помѣщикъ черниг. губерніи, 71, 77.
Бѣлозерская Е. Н., 70.
Бѣлозерскій, рус. оф., 161.
Бѣлокриница, м., 168.
Бѣлополье, г., 201.
Бѣлый Камень, 539.

—

Вальи, г., 203,
Валкевичъ Петръ, 298, 302.
Ванновскій, И. И., воспитатель Якима Яким. Сулимы, 315.
Ваньковцы, помѣстье, 545.
Варшава, г., 39, 44, 68.
Варшицкій, воевода мазовецкій, 555.
Василько Ростиславичъ, князь, 368.
Васильковъ, г., 81.
Васильковское урочище, 472.
Васильковцы, с., 311.
Вдовиченко, козацкій полковн. XVII в., 555.
Вейсъ, начальникъ польск. отряда драгунъ, участникъ берестечской битвы, 335.
Великій Санборъ, с., 563.
Венславовка, с. гадяцкаго уѣзда, 483.
Вербки, с. ковельскаго у., 88.
Вересай Остапъ, бандур., 240, 483.
Вересовъ, с., 575.
Верещака Прокопъ, богатый украин. землевладѣлецъ XVII в., 369.
Вероника Кребсъ, остав. мемуаръ объ уманской рѣзнѣ, 252.
Веселицкій Петръ, 568.
Веселовскій, проф., ученый, 454.
Верховка, мѣст., 84.
Верхососенскъ, гор., 198.
Вигуры, богатые украин. землевладѣльцы XVIII в., 357.
Вигура Ив., проф. кіев. универ., 82.
— Станиславъ, кіевскій городничій начала XVII в., 358, 575.
Вигуровщина, с., 357.
Виженеръ, французскій путешественникъ, 138.

Вильна, г., 78, 298.
Винница, г., 539, 579.
Витебскъ, г., 78.
Витинскій, дворянинъ, 575.
Витковскій, археологъ, 362.
Витъ-Корчевскій, польскій писатель XVI в., 452.
Витовскій, кастелянъ сендомирскій, 555.
Витте-де, графъ, рус. генералъ, 390, 603.
Висла, р., 143.
Вишенскій Іоаннъ, южнор. писатель конца XVI в., 284.
Вишневецъ, м., 168, 332.
Вишневецкіе, польскіе магнаты, князья, 605.
Вишневецкій Димитрій, предводитель козаковъ, 587.
— Іеремія, кн., 137, 140, 153, 328, 337, 341, 538, 543, 606.
Вишневецкая Раина, 605.
Владиміръ, г., 143.
Владиславъ IV, король польскій, 341, 452.
— королевичъ польскій, 140.
Власенко Н. А., 71.
Воейковъ Ѳ. М, кіев. генералъ-губер. пол. XVIII в., 90, 97, 104, 109, 162.
Войцеховичи, малорус. дворян. фамилія, 294.
Войцеховичъ А. И., членъ госуд. совѣта, 295.
— Андрей Ивановичъ, 295.
— А. А., помѣщикъ переясл. у., 173, 292.
— Иванъ Андреевичъ, 295.
Водяная, козачья станица, 602.
Вознесенскъ, г., 601, 603.
Войтовка, дер., 430.
Волга, р., 344, 585.
Волкъ Гаврило, кобзарь, 483.
Волковъ Ѳ. К., его сборникъ украин. орнаментики, 365.
Воловичъ, мстислав. подсудокъ. 335.
Володарка, м., 255.
Волошинскій, южнор. этнографъ, 362.
Волынь, 276, 281.
Вольное, поселеніе, 205, гор., 198.
Воронежъ, г., 596.
Ворскла, р., 594.
Вульфъ, рус. полков., 90, 100.
Вурмъ, руск. секундъ;маіоръ, 91, 108.
Выговскій Иванъ, гетм. украин., 200; приближ. гетм. Хмельницкаго, 335, 422, 546, 554.
— Ѳеодоръ, каз. старшина времени Хмельницкаго, 369.
Высокопосольское, с. алешан. сотни, ахтыр. полка, 223.
Высоцкій, русскій генер., 364.
Высочинъ Иванъ, купецъ-запорожецъ, 531.
Вышгородокъ, м., 168.
Вѣна, г., 370.
Вязовокъ, с., мѣсто сожженія и вѣшанія гайдамакъ регимент. Стемпковскимъ, 352.
Вязьмитиновъ, военный министръ при Александрѣ I-мъ, 601.

—

Габріель Тартіа, ученый, 457.
Гавріилъ, митропол., 313.
Гавриловъ, профес., 203.
Газе, ученый, 439.
Гакстгаузенъ, писатель, 193.
Галаганъ Григорій, прилуцкій полковн., 302.
— Григорій Павловичъ, членъ гос. сов., авторъ статьи: „Малорусскій вертепъ“, стр. 438, 468, 470, 474, 478.
Галичина, 381.
Гамалѣй, Т. В., 292.
Ганжа Андыберъ, герой народной думы, 135.
Ганицкій, собиратель малор. пѣсень, 232, 245, 248.
Гаплей, посес. имѣній генер. Нарышкина, 522.
Гапоновичи, дер., 394.
Гапоновка, с., 483.
Гаркуша, предводитель разбойничьяго отряда, 384.
Гедиминъ, князь литовскій, 146.
Гераснмъ — козакъ, герой народной украин. пѣсни, 241.
Гервасій Линцевскій, переяславльскій епископъ, 92, 94, 100, 115.
Геттингенъ, г., 325.
Гизель Иннокентій, печер. архим., писатель XVII в., 369.

Гиршфельдъ, писат., 322.
Гладкій, козацк. полковн., 333; послан. Богд. Хмельниц., 548.
Глинскій, Григорій Борисов., староста овруцкій (1496—1503), 153.
Гливяны, с., 539.
Глуховъ, г., 91, 110, 113, 130, 133, 171, 304, 306.
Глѣбовъ, кіевскій генер.-губерн., 165.
Гнатко Голый, гайдам. ватажокъ, 246.
Гоголь Н. В., изв. писатель, 177, 510, 597.
Гоздава-Вилуцкій, писарь польск. погр. камеры, 103.
Голдбахъ, ученый, 319.
Голицынъ М. М., полковникъ лейбъ-гвардіи, 218.
— Д. М., кн., кіевскій губерн., 357.
Гонсевскій, стольникъ литов., 546.
Гонта Иванъ, уманскій сотникъ 179, 250—276; уманскій полковн., 268, 349, 427, 429, 430.
Горашевичъ, ученый, 146.
Горбовъ, помѣстье, принадл. елецкому монастырю, 172.
Горленко В., авторъ статьи: „Бандуристъ Иванъ Крюковскій", 481—518, и замѣтки о стар. малорос. портретахъ, 603—607.
Горленко Димитрій, козацкій полковн., 604.
— Іоасафъ, епископъ бѣлгородскій, 607.
Городище, с. острожскаго у., волын. губ., 168.
Грабянка, украин. лѣтоп., 584.
Гребенки, с. кіев губ., 81.
Григорій, архим. пересоп. мон., перевод. Евангелія на малорус. языкъ, въ XVI ст., 282.
Григоровичъ Дмитро, козацкій сотникъ, 384, 386.
— В. П., отст. артил. полк., 384.
Громыка, бѣлоцерков. полковн., 552.
Губа Климъ, кобзарь, 493.
Гудовичъ, украин. магнатъ, 301, 562.
Гудовка, имѣніе Сулимы, 309.
Гулакъ-Артемовскій П. П., профес., малорус. писатель, 596.
Гулевичъ Бенедиктъ, шляхтичъ, дѣятель таргов. конфедераціи, 570.
Гумницкая станица, 602.
Гумніовичъ, авторъ историч. мемуаровъ, 252.
Гурьевъ, русскій полковн., 269, 271, 564, 567.
Гусаково, с. звенигор. у., кіев. губ., 189.

—

Дальке-фонъ, рус. генералъ XVIII в., 114.
Данцигъ, г., 384.
Дашевъ, мѣст., 40.
Даткевичъ Евстафій, предводитель козаковъ, 296, 356, 585,
Дашко, сотникъ, 258.
Дверницкій, генералъ польскихъ войскъ, 373.
Двина, р., 144, 156.
Де-ла-Флизъ, этногр., 472.
Дембицкій Мартынъ, подчашій сандомирскій, 344.
Деревки, с. ахтырскаго полка, 226.
Десна, р., 356.
Десятынъ Гр., авт. замѣтки: «Украинскій Геліосъ», 177—180.
Джеджалій, полковн., сподвижникъ Б. Хмельницкаго, 329, 336.
Дзендзелевка, с., 520.
Димитрій Ростовскій, святитель, 5; игум. елец. монаст., 170, 458, 469.
Дмитрашко-Раичъ Вас. Алексѣев., березанскій сотникъ, 298, 302.
Днѣпръ, р., 112, 114, 138, 143, 160, 197, 292, 334, 356, 372, 587.
Днѣстръ, р., 84, 144.
Довгалевскій Митрофанъ, учитель пѣнтики въ кіев. акад. (1736—1737), 4, 5; писат., 461, 463, 464, 465, 469, 474, 475.
Долгорукій Як. Ѳ., кн., рус. генералъ 163; воевода, 221.
Домбровица, мѣст., 168.
Донъ, р., 160, 198, 238, 242, 484, 585.
Дорошенко П., гетманъ, 159, 370, 422.
Драгомановъ М. П., историкъ и публиц., 146, 231, 364.
Дубно, г., 168, 349.

Дубовая, помѣстье, 545.
Дымша-Томашевскій, участникъ торговиц. конфедераціи, 570.
Дымино, с., 602.

—

Евсейкова Долина, древ. кіев. урочище, 359.
Евстафьевская Земля, нынѣш. Воскр. Слободка, близъ г. Кіева, 356.
Ей, р., 160.
Екатерина II, рус. имп., 80, 97, 195, 207, 216, 295, 408, 426, 427, 589, 600.
Елисавета, рус. импер., 119, 402, 405.
Елчаниновъ, кіевскій оберъ-комендантъ, 568.
Есимонтовка, имѣніе стародуб. обозпаго Есимонтовскаго, 296.
Есимонтовскіе, старинная малорус. фамилія, 294.
Есимонтовскій Афанасій, стародубскій обозный, 295.
— Алексѣй, мглинскій сотникъ, 295.
Есимонтовская Марина Григорьевна, урожден. Скоруппа, 295.
Ефименко П. С.; его статьи: «Откуда взялись запорожцы» и «Н.Д. Мизко», 599.

—

Жаботинъ, м., 426.
Жлановичъ Антонъ, генер. судья, 369.
Желѣзнякъ Максимъ, гайдамацкій предводитель, 97, 149, 245, 248, 260, 261, 268, 426, 429, 430, 564, 565, 567.
Жемчужниковъ Левъ Мих., художникъ, 68, издат „Живописной Украйны“, 482.
Жеча, р., 300.
Животовъ, мѣст., 551, 556.
Жигайловка, козачье поселеніе, 223.
Жигимонтъ I, король польскій, 358.
Жиловцы, с., 363.
Житецкій П. И., его статьи: предисл. къ „Малорус. вертепу“, и „Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ“, стр. 277—291.
Житецкій И., его рецензія на книгу проф. Пилата: „Wiadomości statystyczne“..., стр. 575—577.
Жмудь, б. провинція б. литов. княж., 146.
Жолкевскій Станиславъ, воевода кіев., 139, начальникъ польск. войскъ, 292, корон. гетманъ, 421.

—

Заборовскій Рафаилъ, митроп. кіев., 476.
Забѣла В. Н., украин. поэтъ, 68, 70, 73, 76.
Завадовскій, его коллекція художествен. произведеній, 605, 312.
Загорскій, ученый, 319.
Закоморье, им. Ст. Освѣдима, автора „Дневника“, 543.
Закревскій, составитель описанія г. Кіева, 355.
Залѣсье, с., 393.
Замойскіе, польскіе магнаты, 141.
Замойскій Ѳома, воевода кіев., 141.
— Янъ, магнатъ польск., 14.
Западный Бугъ, р., 156.
Заполье, дер., 394.
Зарудный Василій, сотникъ, 160.
Заславль, г., 80, 88, 168.
Зборовскій Криштофъ, польскій магнатъ, 572.
Зборовскій или Збуровскій Самуилъ, козацкій предводитель, 487,
Збручъ, р., 572.
Звенигородка, г., кіев. губ., 261.
Звѣринецъ, предмѣстье г. Кіева, 368.
Звягель, м. новоградвол. у., вол. губ., 80.
Злотницкій Антоній, дѣятель торговиц. конфедераціи, 570.

—

Иванъ Грозный, царь москов., 195.
Иваненко Г. Г., переяслав. полковн., 315.
Иваницевъ Н. Д., кіевскій ученый, его путев. записки, 78—88.
Ивановъ Логвинъ, городничій гор. Ахтырки, 222.
— П. И., этногр., 399.
Иваньки, с., уманск. у., 520.
Игнатовичъ Якимъ, кошевой запор. атам., 530.
Изопольскій, писатель XVI вѣка, 2, 467, 474.
Изюмъ, г., 203, 408.
Иконниковъ, профес. кіев. унив., 236.

Ильницкій Л. В., собиратель этногр. матеріала, 234; рецензія на его „Опись актовой книги кіев. центр. архива", 573—575.
Ингулъ, р., 393.
Искорость, м., 168.
Искра Захарій, полковн. корсунскій, 370.
Искрицкій Петръ, 299.

—

Іоаннъ Лѣствичникъ, дух. писат., 287.
— Болгарскій, 289.
Іосафатъ Кунцевичъ, епископъ уніат. гоитель православія, 378.

—

К. К—къ, авт. статьи: „Самозв. флигель-адъютантъ, солдатъ Семеновъ", 519,
Кази-ага, султанъ, 343.
Казиміръ, кор. польскій, 147, 144.
Калиновскій, польный гетманъ, 342, 357, 337, 548.
— В. А., брацлавскій староста, 421.
Калміусъ, р., 160.
Калміусская паланка, 159.
Калнишевскій Петръ, послѣдній кошевый запор., 161, 162, 166.
Кальвинъ, религіозн. реформат., 446.
Кальниболотъ, м., кіев. губ., 353.
Каменецъ, г., 85, 274, 332, 350, 364.
Каменка, р., 420.
— с. херсонск. у., 350.
Кандыба И. Григ., предвод. дворян. конотоп. у, 119.
Каневъ, г., 75, 91, 588.
Каноровскій-Соха А., племянникъ переяслав полковн. С. И. Сулимы, 308; его письмо къ Григорію Сковородѣ, 307.
Кантакузинъ Н. Д., кн., послѣдній атаманъ бугскихъ козаковъ, 599, 601, 603.
Каплуновка, с., 227.
Карабиновка, с., 597.
Кара-Мустафа, визирь, начальникъ, турецкой арм., 422.
Карашъ-мурза, начальникъ татарскаго ополч., 546.
Кармелюкъ, разбойникъ, 183 — 189, 384.
Карпаты, 143, 239, 430.
Карновъ, г., 198.
Карповка, урочище, 429.
Касперовка, станица, 602.
Каталонія, исп. пров., 239.
Кафа, г., 135, 142.
Качаловъ Яковъ, атаманъ куреня левушковскаго, 535.
Качановка, имѣніе Григ. Степ. Тарновскаго, 70,
Квитко, издат. сборника украин. орнамент., 365.
Кейстутъ, сынъ литов. князя Гедимина, 146.
Кизикерменъ, нынѣ г. Берославъ, 148, 530.
Кирбурнъ, укрѣпленіе, 600.
Кириловка, с., мѣсто рожденія Т. Г. Шевченка, 222.
Киселинъ, м., на Волыни, 156.
Кисель Адамъ, воевода кіев., 329, 546, 572.
Кишиневъ, г., 579.
Клевань, м. на Волыни, 168.
Клечковскій Мих., губернаторъ „замка" богуславскаго, 165.
Кодня, м., мѣсто суда надъ гайдамаками, 353.
Кодыма, р., 137.
Козачинскій М., писатель XVIII в., 460.
Козеленкій П. И., кошевой атаманъ, 160.
— Павло, атаманъ куреня корсунскаго, 530.
Козельскій Яковъ, полтавскій эсаулъ, 160.
Козюбы-Якушинскіе, земяне брацлавск., 572.
Колонтай Станиславъ, обыватель кіевскій XVIII в., 357.
Кологривовъ, русскій порутчикъ, арестовавшій гайдамакъ подъ Уманью, 429, 567.
Комышня, м. миргород. у., полтавской губ, 495.
Конашевичъ-Сагайдачный Петръ, гетманъ, 134, 139, 469.
Кондратьевъ Андрей Гер., сумскій полк., 204, 201.
— Герасимъ, сынъ полковн. Кондратьева, 204.

Конецпольскій, хорунжій коронный, 330, 337, 342, 539; гетманъ корон., 544.
Копинскій Исаія, кіев. митр., основат. лубенскаго монаст., 607.
Конисскій Георгій, архіеп. бѣлорус. и писат., 312, 461, 463, 464, 466, 474, 475, 479.
Конисскій Матфій, сотникъ ивангород, 300.
Коновченко Ив., герой народн. думы, 512—517.
Кононенко Осдоръ, кобзарь. 482.
Константиновъ Андрей, запорож. толмачъ, 161.
Константинъ Павловичъ, великій кн, 39.
Копачевъ, помѣстье елец. монаст., XVII в., 173.
Кореневщина, предмѣстье г. Кіева, 354.
Корецкій Б. Ѳ., князь, 420.
Корибутовъ, имѣніе кн. Репнина, 563.
Корицкій И. И., воспитатель сына Сулимы, 326.
Корецъ, м. новогр.-волын. у., 80, 168.
Корогодъ, с., 394.
Корнѣенко-Демянскій, учитель законовѣденія, 85.
Корсунь, м., 541, 588.
Корчевскій Витъ, польскій писатель XVI в., 462.
Коссаковскій, подсудокъ брацл., 546.
Косачъ, собират. этногр. матер., 234.
— Ольга Петровна, ея сборникъ, украин. орнамент., 365.
Костинъ, прапорщ. рус. службы, 161.
Костка, онъ-же Напорскій, революц. польскій XVII в., 542.
Костомаровъ Н. И., историкъ, 69, 231, 236, 237, 241, 246, 470.
Котельва, слобода, 219, 223, 226, 568.
Кохановскій, польскій писат., 453.
Коховскій Веспасіанъ, польскій ученый, 595.
Кочубеи, дворян. фамилія въ Малороссіи, 165.
Кочубей Семенъ, генеральный обозный, 305; членъ малор. кол., 310.
— Викторъ Павловичъ, министръ внутр. дѣлъ, 325, 601.
Кошка Самійло, герой козацкой думы, 486, 505.
Краковъ, г., 143, 342, 542.
Красновъ Иванъ, генер.-маіоръ, атаманъ бугскихъ козаковъ, 601.
Краснополье, г., 201.
Красноселье, станица, 602.
Крашевскій Іосифъ, писат. польск., 2.
Кременецъ, г., 168, 169.
Кременчугъ, г., 517.
Кречетниковъ, генер.-маіоръ, 90, 99, 269, 333, 429, 569.
Крещатикъ, мѣстность Кіева, 359.
Кристинополь, резиденція Потоцкихъ, 254, 423.
Кричевъ, укрѣпл., 334, 335.
Крушинскій, товарищъ палаты уголовн. суда, 85.
Крыжановскій Е. М., авторъ замѣтки о поч. лаврѣ, 382.
Крыловъ, г., 137, 159.
Крыса, бѣлоцерков. полковн., 328, 333.
Крюковскіе, лохвицкіе дворяне, 483.
Крюковскій Иванъ, бандуристъ, 481—487.
Кубань, р., 383.
Куликовскій Максимъ, полковникъ запорожскій, 534.
Кулишъ П. А., писатель, 66, 67, 70, 236, 383, 386, 482, 588, 296.
Кульчевскій, польскій королевск. уряд., 200.
Курбскій, князь, русскій эмигрантъ при Иванѣ IV-мъ, писат., 88.
Курскъ, г., 201.
Куты, с., 520.
Кухаренко, генералъ, 391.
Кушелевъ-Безбородко, графъ, 236.

—

Лабенскіе, украин. дворяне, 390.
Лабунь, м., 169, 543.
Лаврентій Зизаній, западно-рус. ученый, XVII в., 289.
— Горка, писатель нач. XVIII в., 460, 461, 462.
Ладыжинъ, м., 422.
Лазаревскій А. М., 68, 75, 76, 119; авторъ замѣтки о старин. малорос. портретахъ, 173—175; 295, 471.
Лазарь Баранович, архіеп. черниг., писатель, 458.

Ланжеронъ, новорос. генер.-губернат., 603.
Лбовъ, кіев. плацъ-маіоръ XVIII в., 564, 565.
Лебединъ, м., 200, 293.
Лебовичъ, воевода смолен., 546.
Ленартъ, капит. уманскаго гарнизона, XVIII в., 260, 264.
Лентовскій, маршалокъ, 542.
Лесевицкій, ахтырскій полковн., 218.
Лещинскій Андрей, канцлеръ, 538.
Лизогубъ, генеральн. бунчучный, 301.
Липоманъ, авт. мемуара о Коліивщинѣ, 252, 262.
Ломиковскій, бунчуков. товарищъ, 304.
Лопухинъ П. А., князь, мин. юстиціи, 326.
— Н., влад. мѣстечка Шполы, 364.
Лопушано Богданъ, молдавскій господарь, 572.
Лохвица, г., 482.
Лубны, г., 137.
Лудольфъ, ученый англичанинъ конца XVII в., 289.
Лукашовичъ, украин. этногр., 482, 504.
Луцкъ, г., 168.
Лушевъ, фотогр., 605.
Лысенко Иванъ, переяславльскій полк., 293.
Лысянка, м., 260, 353, 246.
Львовъ, г., 274, 336, 350, 457, 540.
Лѣсковъ Н. С., беллетристъ, 373.
Ляховцы, м. острожск. у., 168.
Лянцкоронскій, воевода брацлавскій, 337, 572.
Любачевъ, м., 541.
Любечъ, г., 299, 335.
Любомирскіе, князья, 159.
— маршалокъ корон., 555.

—

Магнушевскій, полковн., 259, 260, 263.
Мазепа И. Ст., гетманъ, 131, 135, 159, 174, 371, 510, его портреты, 604, 607.
Майборода, предвод. гайдам. отряда, 91, 107, 108.
Макарій Булгаковъ, митроп. московск., 578.
Максимовичъ М. А., ученый писатель, 71, 109, 139, 471, 482, 490, 564, 597.
Максимъ Грекъ, ученый XVII в., 288.
Мамай, разбойн. XVIII в., 471.
Манджура, украин. этногр., 243.
Маріенбургъ, г., 237, 241.
Маріуполь, г., 160.
Маркевичъ Н. А., историкъ, 1, 438, 467, 470, 474, 477, 585.
Марковскій, хорунжій уманск. гарнизона, 265.
Марло, писат., 448.
Масловъ В. П., собиратель этногр. матеріаловъ, 68, 71.
Маховскій, офицеръ польс., 546, 554.
Махновка, с., 554, 363.
Маціевичъ Л. С., соб. малор. пѣсень, 238, 241.
Мглинъ, г., 295, 299.
Медвѣдовка, м., 118.
Мееръ, профес. геттингенскаго универ., 323.
Мейнеретъ, профес., 323.
Мелетій Смотрицкій, состав. грам., 289.
Мелешко Иванъ, каштелянъ смоленскій, 147.
Мелхиседекъ, игуменъ мотрон. монаст., 92, 94, 110, 113, 115, 424, 426.
Меньшиковъ, кн., 205.
Метлинскій, этногр., 482, 596.
Мещерскій, кн., бригадиръ, 129.
Мизко Н. Д., писат., 594—599.
Миклашевскій, губернаторъ, 601.
— И. М., сынъ стародубскаго полковн., 298.
Микулинскіе, земяне брацлавскіе, 572.
Микѣшинъ М. О., художникъ, 67.
Милорадовичъ Гр. А., графъ, 174.
— полковн. черниг., 132.
Миткевичъ Іосифъ, игуменъ батуринск. монаст., 534.
Михаилъ Оедоров., царь московскій, 198, 234.
Михалчина, имѣніе С. И. Сулимы, 309.
Михайлюкъ Александръ, лирникъ, 482.
Михневичъ Вл., писатель., 249.
Мицкевичъ, поэтъ польскій, 178.
Мичерлихъ, професс. геттин. универ., 323.
Младановичъ, губевнаторъ г. Умани, 256, 257, 260.

Младановичъ Павелъ, авторъ мемуаровъ объ унан. рѣзнѣ, 252, 266.
Многогрѣшный, гетманъ, 131.
Могила Петръ, митрополитъ кіевскій, 59, 286, 607.
Могилевъ, губ., 83, 314.
— на Днѣстрѣ, 272. 423.
Мокрицкій, художн., 75.
— уніатскій оффиціалъ, 92, 102, 105.
Мордвиновъ Н. С., графъ, 236.
Мордовцевъ Д. Л., писатель, 134.
Москаленко, посолъ гетмана Хмельницкаго, 548.
Мошны, м., 91, 107, 108.
Мошоновъ, русскій капитанъ, 161.
Мощинскій, авторъ мемуаровъ, 252.
Мышецкій, его исторія о запор. козакахъ, 588.

—

Нагорецкій, польск. коммисаръ въ переговорахъ съ Хмельницкимъ, 547.
Наливайко, гетм., 421. 520.
Наполеонъ I Бонапартъ, 248.
Нарбутъ, ученый, 175.
Нарышкинъ, генер., 522.
Небаба, козац. полковн., 333.
Невгалевскій Валентинъ, переводчикъ Евангелія конца XVI в., 282.
Неволинъ, ученый, 194.
Немиричи, кіевскіе земяне XVI—XVII ст., 572.
Немиричъ Генрихъ, 572.
— Иванъ, 572.
— Іосифъ, кіев. магнатъ XVI в., 573.
Неплюевъ Сем. Ив., генер.-лейтснантъ русской службы, 311.
Нерубайка, станица, 602.
Несторъ, лѣтописецъ, 369.
Несухоѣжи, м., 156.
Нехвороща, м., 594.
Нечай, предводит. козачьяго отряда, 245, 248.
Никитинъ Иванъ, живописецъ, 604.
Николай I, импер. русскій, 39, 43, 63, 378, 381, 435.
Никоненко Архипъ, кобзарь, 482.
Никонъ, патріархъ, 59.
Новая Гребля, с., лохвиц. у., 485.
— Рябина, с., 227.
Новгородцевъ, составит. описанія Кіева, 354.
Новгородъ, г., 313.
Новицкій И. П., 231, 237, 239, 360.
Новогригорьевка, станица, 602.
Новогрудекъ, м., 455.
Новый Осколъ, г., 198.
Нурскій Мартынъ, сынъ чашника, 350.
Нѣсецкій, писат. польскій, 175.
Нѣжинъ, г., 69, 164, 300, 286.

—

Обухъ, полковн. уманской милиціи, 257, 260, 263, 427.
Овручъ, г., 168.
Ожеховскій Станиславъ, польскій писат. XVI в., 145.
Оксфордъ, г., 289.
Оленовка, с., 70, 76.
Олелько, иначе Александръ, сынъ кіевск. кн. Владиміра, 146.
Олельковичи, потомки кіевскаго князя Владиміра, 146.
Олешня, поселеніе, 203, 205.
Олыка, м., 168.
Ольгердъ, князь литовскій, 146.
Ольговичи, князья, 356.
Ольшанка, р., 547.
Ольшанскъ, г., 198.
Онега, р., 128.
Орадовка, с., подаренное Потоцкимъ Гонтѣ, 254, 427.
Орель, р., 160, 594.
Оренбургъ, г., 384.
Орликъ Филиппъ, писарь Мазепы; народная пѣсня про него, 395.
Орловъ И. А., приближенный Екатер. II-й, 364.
Орловскій, священ., 87.
Осинскій, инфлатъ, 79.
Осиповъ Федоръ, бригадиръ, 221, 225.
Осота, с., 352.
Оссолинскій, канцлеръ коронный, 363,
Останкинъ, назв. мызы гр. Шереметьева, 317.
Остерманъ, графъ, 165.
Острая Могила, с., 429.
Островерховъ, полковн., 362, 365.
Острогожскъ, г., 218, 408.
Острогорскій, 113.
Острогъ, г., 137, 168, 285.
Острожскій Константинъ-Василій, князь, 175—177, 285, 298.

Острожскій Янушъ, 176—177, 574.
Острожская Анна, княжна, 141.
Остролуцкая — назв. дороги, 356.
Отенскій Зиновій, ученикъ Максима Грека, 288.
Охоцкій, авторъ историч. записокъ, 252.
Охромѣевичи, с., 311.
Очаковъ, г., 600.
Очкино, с., 175.

—

Павелъ I, импер. русскій, 317, 295.
Павша, польскій панъ, 335.
Паисій, настоят. гуетынскаго монаст., 606.
Палермо Франческо, итальянск. ученый, 440.
Палій Семенъ, козачій полковн XVII в., 154, 237, 241, 340, 510, 594.
Панинъ, графъ, вельможа временъ Екатерины II-й, 90; президъ. коллегіи иностран. дѣлъ, 95, 98, 103, 100, 165, 270.
Панкевичъ, профессоръ, 315, 319.
Папроцкій, ученый, 138.
Парижъ, г., 230.
Пассекъ, Т. П., авторъ записокъ, 67.
Паны, бѣлорусскіе дворяне, 140.
Пекарскій, ученый, 438.
Первольфъ, чешскій ученый, 142.
Перебійнисъ, начальн. козацкаго отряда, 149.
Переволочна, м., 138.
Перекрестовъ, актырскій полковникъ, 203, 205, 221, 227.
Перепетиха, названіе кургана, 69.
Пересопница, м., 168.
Переяславецъ, козацкій полковн., 333.
Переяславль, г., 91, 99, 111, 113.
Петербургъ, г., 96, 68.
Петискусъ, ученый, 180.
Петровъ Н. И., проф. кіев. дух. акад., 4, 176, 581.
Петроковъ, полковн., 362.
Петръ I-й, импер. рус., 128, 149, 201, 206, 209, 248, 286, 291, 401, 404, 471.
Петриченко, украин. писатель, 597.
Пиковецъ, с., 363.
Пилатъ, проф. львовскаго унив., 576.
Пилявцы, мѣсто пораженія поляковъ Хмельницкимъ, 339.
Писаревскій, авторъ записокъ объ украинск. старинѣ, 597.
Піемонтъ, итальян. провинція, 239.
Платовъ, генер., 248.
Плетенецкій Елисей, архимандр. кіевопечерскій XVII в., 574, 575.
Плоское, с., 355.
Побѣдоносцевъ, авторъ „Курса гражд. права“, 195, 200, 416.
Погорилый, Дмитро, лирникъ, 482.
Подгоричанинъ, русскій генер., 271, 272.
Подгорцы, мѣст. въ Галичинѣ, 544.
Подляхія, провин. польская, 138.
Покословщина, отчина бунчук. товарища Григ. Скорупы, 330.
Политика, малорос. патріотъ временъ Екатер. II, 120.
Полковниче, с., 525.
Полозовичъ С. Р., староста овручскій (1506—1510 г.), 153.
Полонное, мѣст. новогр.-волынскаго у., волын. губ., 80, 168.
Полонскій Яковъ, русскій поэтъ, 68.
Полтава, г., 113, 590.
Полтавка, с., 391.
Полуботокъ Пав. Леонт., черниговскій полковн., 174, 293, 471, 175, 386.
Полуботчиха, вкладчица черниг. слецк. монастыря, 171.
Поляховка, с., 168.
Пономаревъ С. И., библіографъ, 582.
— О. П., сотоварищъ Т. Шевченка по акад. художествъ, 67.
Попятовскій Андрей Степановичъ, учитель екатерин. гимназіи, 596.
— Станиславъ, король польскій, 424.
Потаповичева Ульяна, кіевск. дворянка XVI ст., 573.
Потемкинъ Григорій, кн., вельможа временъ Екат. II, 165, 364, 390, 600.
Потокъ, имѣніе гр. Потоцкихъ, 423.
Потоцкіе, графы, магнаты польскіе, 83, 159.
Потоцкій Александръ, богатый землевлад., 86.
— Іосифъ, корон. гетманъ, 273.
— Михаилъ, графъ, богатый помѣщ., 79.

Потоцкій Станиславъ, коронный стражникъ, 423.
— Феликсъ, гр., польскій госуд. дѣятель, 431, 571.
— Францъ-Селезій, воевода польскій, 251, 254, 256, 425.
Потоцкая Софья, графиня, 431.
Преворка, предм. г. Кіева, 354.
Пржыемскій, писарь польный, 540, 548, 553.
Привольное, с. херсон. губ., 391.
Прилинка, пригор. г. Лохвицы, 484.
Прилука, г., 303, 605.
Припеть, р., 156, 335, 393.
Прованеъ, провинція француз., 239.
Прозоровскій, кн., генер. маіоръ русской службы, 91, 94, 101, 103, 113, 165.
Прокоповичъ Ѳеофанъ, архіеп. новгород., проповѣдникъ и богословъ нач. XVIII в., 7, 460, 476, 582.
Протасьевъ, полк. русскій XVIII в., 90, 97.
Проскуровъ, г., 86.
Прохоры, с. борзенск. у., 386.
Псёлъ, р., 517.
Пузовскій Николай, возный, 574.
Пулавскій, регментарь барск. конфедераціи, 429.
Пушкинъ А. С., поэтъ, 177, 243.
Пцимскій, ректоръ школъ въ Галиціи XVII, 542.
Пясечинскій, польскій панъ, 331.

—

Рабино, с., 222.
Рагузинскій, приближ. Петра I, 205.
Радзеевскій Іеронимъ, подканцлеръ коронный, 345.
Радзивиллы, князья, 176.
Радзивиллъ Богуславъ, кн., староста барскій, 555.
— Христофоръ, 292.
— Янушъ, великій гетманъ литовскій, 333, 334, 342, 540, 543, 548.
Радомысль, г., 111.
Разинъ Стенька, русскій разбойникъ, 241.
Разумовскій, гр., послѣдній гетманъ, 119, 303, 562, 604.
Ракочій Сигизмундъ, кн. семиград., 341, 342, 541.
Ратно, м. ковельск. у., 80, 88.
Раставица, р., 156.
Рафальскій, протоіер., 378.
Рева И. М., переводч. и издатель мемуара В. Кребсъ, 252.
Рей, польскій писатель, 453.
Репнинъ Н. В., русскій посланникъ при варшав. дворѣ, 91, 94, 101, 106, 110, 111, 115.
— Ник. Вас., кн., малороссійскій губерн., 561, 557—560, 605.
Ришелье, герцогъ, правитель новороссійскаго края, 603.
Ровно, г., 168, 349.
Рогашевскій, главный кассиръ уманскаго „замка“ въ 1768 г., 257, 265, 428.
Родуцкій, писарь кіевск. магистрата, 358.
Романовичъ-Славатинскій А. В., профессоръ, 80.
Романовка, с., 521; мѣстопребываніе Сѣчи, 588.
Романовскій Димитрій, войсковой писарь запорожскій, 161.
Ромны, г., 27.
Рославль, г., 334.
Ростовъ, г., 234.
Росошки, с., 252, 254, 255, 270, 427.
Рудковскій А., 391, 393, 599.
Рудченко И. Я., издат. Сборника малор. пѣсень и сказокъ, 233, 234, 237, 240.
Ружинскій Евстафій, кн., 356.
Румянцевъ Н. А., гр., правитель Малороссіи; 89, 110, 126, 162, 270, 309, 357, 600.
Руцкій, уніат. митроп., 574.
Рыбниковъ П. Н., русскій этногр., 238.
Рябининъ, писат., 597.
Рязань, г., 585.

—

Савватій, справщикъ, 289.
Савицкій, ротмистръ козацкій, 352.
Салтыковскій, капитанъ, 601.
Самара, р., 160, 594.
Самборъ, г., 138.
Самойловичъ, гетм., 131, 135 174, 293, 370; о его портретѣ, 605.

Самуйло Кішка, герой украинской народной думы, 135.
Самуилъ, епископъ бѣлгородскій, 408.
Самусь, полковн. богуславскій, 370.
Сангушко Евстафій, князь, 87.
— Романъ, начальн. польскихъ войскъ, 87.
Сандецкій, мечн. коронный, 541.
Сонецкій Михаилъ, переводчикъ еванг. на малор. языкъ въ XVI в., 282.
Сапѣги, бѣлорусскіе дворяне, 141.
Сапѣга Лукъ, староста овруцкій, въ нач. XVII в., 153.
Сасинъ, управит. имѣн. конфедерата Щенявскаго, 112.
Сатановъ, м. под. губ., 70, 86.
Сахацкій Пав. Афан., профессоръ философіи, 315.
Сахновскій Иванъ, полковой асаулъ, 130, 132.
Семенъ, легендар. основатель Запорожья, 588.
Семеновичъ Онисимъ, атаманъ дядьковскаго куреня, 535.
Сенчило-Стефановичъ А. Ф., учитель рисованія, 69.
Сербы, с., 272, 350.
Сивки, с. острожск. у., вол. губ., 168.
Сигизмундъ I, король польскій, 147, 454, 587.
— III-й, король польс., 421.
Синюха, р., 256, 257, 137, 420.
Скаржинскіе, украин. помѣщики, 393.
Скаржинскій Петръ, предводит. бугскихъ козак., 600, 603.
— экономъ уманскій, 267.
Скальковскій А., авторъ «Исторіи Новой Сѣчи» и пр., 166, 364, 395, 537, 603.
Скиргайло, князь литовскій, 357.
Скобейки, кіевскіе дворяне XVI в., 573.
Сковорода, украинскій писатель XVIII в., 10, 307, 308.
Скорина, д-ръ, переводчикъ библіи на бѣлорусское нарѣчіе, 282.
Скоропадскій, гетманъ украин., 12, 93, 295, 296, 604.
— М. В., генеральн. подскарбій, 120, 303.
— В. Ив., адъютантъ гр. Румянцева, 310, 311.
Скоруппы, старин. украинская фамилія, 294.
Скоруппа Григ. Демьяновичъ, бунчуков. товарищъ, 298, 299.
— Марья Павловна, жена А. С. Сулимы, 294.
— Павелъ Григорьевичъ, полковникъ козацкій, 294.
Славута, мѣст., принадл. кн. Сангушкѣ, 87, 88.
Слободище, г. въ XVI ст., 363.
Слобожанщина (Слободская Украйна), 198, 199, 204, 207, 211, 401, 419.
Скужка Александръ, троцкій воевода, 335.
Смоктій А., его ст. «Г. Умань и Софіевка», 183—189, 437.
Смоленскъ, г., 314.
Смотрицкій Мелетій, составитель славянской граммат. въ нач. XVII в., 286.
Смѣла, м., 261, 949.
Собѣсскій Янъ, король польскій, 370; староста краснославскій, 549.
Сожъ, р., 295.
Сокаль, г., 541.
Соколовка, мѣст., 262, 427, 520.
Соколы, заглавіе историч. думы, 493.
— ставица козачья, 601.
Сокоръ, предводит. польскаго отряда, 331.
Соленикъ, знаменит. украин. артистъ, 597.
Соловьевъ С. М., изв. историкъ, 579.
Сорока, имѣніе помѣщ. Сребдольскихъ, 70.
Сосница, г., 299.
Софіевка, знам. садъ въ г. Умани, 429.
Сребдольскіе, малорусскіе помѣщики, 70.
Сребне, м. прилуцкаго у., 493.
Срезневскій, академикъ, профес., 428, 482.
Ставровскій, А. И. проф., 626.
Стадницкій, ученый, 146.
Станиславъ-Августъ, король польскій, 252.
— Понятовскій, король польскій, 272.
Стародубъ, г. 296, 298.
Старый Кодакъ, 588.
— Константиновъ, 86.

Старушичъ Климентій, игуменъ выдубицкаго монаст., 368.
Стасовъ, профессоръ архитектуры, 321.
Степанъ, м., 169.
Стемпковскій Іосифъ, регинтарь украинской партіи, 349 и 571.
Стояновъ А., авторъ ст. Пѣсня XI в., 230, 237, 240.
Страховскій Варлаамъ, игуменъ выдубицкаго монаст., 371.
Стрижевскій Г. Я., этнографъ, 590.
Строгановъ, флигель-адъютантъ, 562.
Стырь, р., 346.
Стрѣлецкій Савва, писатель конца XVIII в., 466.
Судіенко А. М., 175.
— Осипъ Степановичъ, приближенный гр. Безбородко, 315.
Суджа, г., 202.
Судока, г., 201.
Судость, р., 296.
Сула, р., 517.
Сулимовка (Сулимины), род. помѣстье Сулимъ, 163, 292, 313.
Сулимы, старинная дворянская фамилія въ лѣвобережной Украйнѣ, 293.
Сулима Иванъ Михайловичъ, запорожскій гетманъ въ 1628 г., 292, 293, 422.
— Евстафій Семен., 309.
— Иванъ Федоровичъ, генеральный хорунжій, 173, 175, 293, 297.
— Марья Павловна, жена Ив. Федор., 174; ея жалоба къ гетману, 296—298.
— Прасковья Семеновна; ея письма къ дѣтямъ, 308.
— Самуилъ Ивеновичъ, сынъ генеральнаго хорунжаго, 297.
— Семенъ Ивановичъ, переяславскій полковн. (1739—1766 г.), 174, 293, 302; его письма, 308.
— Федоръ Ивановичъ, сынъ генеральнаго хорунжаго, 292—293; 297.
— Христофоръ, архимандр. гамалѣевскаго монаст., 314; епископъ слобосско-украин., 311.
— Якимъ Семеновичъ, 293; 294, 311, 315.
Сулима Семенъ Николаевичъ, его статья: «Замѣтки стараго кіевлянина», 614—624.
— Николай Семенов., полк., 615.
Сумы, г., 200, 291, 404, 408.
Суходольскій, метисъ, писарь польскій, 335, 337.

—

Т—въ М., авторъ статьи: «Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности», 237, 249.
Табанъ Антонъ, губернаторъ уманскаго «замка», 163.
Тальное, с., 521.
Танскій Василій, полковн., 226.
Таранъ Павло, атаманъ гайдамацкаго отряда, 566.
Тарнавскій Ал., авторъ некролога: «Отецъ Аполл. Сендульскій», 166.
Тевяшевъ Иванъ, полковникъ, 405.
Тепловъ, членъ «экономической канцеляріи», 120, 304, 306.
Тернавскій, бунчук. товарищъ, 304.
Тимофѣевъ Николай, атаманъ куреня деревянковск., 535.
Тихомль, с., 168.
Тихонравовъ, русскій ученый, 3, 5, 438.
Торческъ, древ. городъ въ Кіевщинѣ, 231, 233, 240.
Трембецкій, поэтъ польскій, 434, 435.
Тургеневъ Ив. С., знамен. русскій беллетристъ, 68.
Турковскій, мглинскій сотникъ, 296.
Турчановскій А., 307.
Турчанскій, авторъ мемуаровъ о Коліивщинѣ, 252, 267.
Тустановскій Лаврентій-Зизаній, составитель русской грамматики въ концѣ XVI ст., 287.
Тукальскій Іосифъ, митрополитъ Кіевскій, 607.
Тульчинъ, м., 79.
Тыкичъ, р., 349, 370.
Тыша-Быковскій Левъ, 357.
Тышкевичъ Янушъ, воевода кіевскій, 363.
Тясминъ, р., 349, 370.

—

Убальдъ, начальникъ польск. войска, 540.
Удай, р., 605.

Удычь, р., 420.
Уласенко, сотникъ, 260, 271.
Уманка, р., 420.
Уманщина, 276.
Умань., г., 79, 231, 257, 260, 269, 420, 426, 427, 431, 432, 564, 567.
Усердъ, г., 198.
Уяздовъ, названіе виллы короля Стан. Понятовскаго, вбл. Варшавы, 274.

—

Филаретъ, митроп. кіевскій (1837—1857), 53.
— Гумилевскій, черниговск. епископъ, духовный писатель, 76.
— епископъ рижскій, 578.
Фрезъ, московскій медикъ, 318.

—

Ханенко, уманскій полковн., 422.
Харьковъ, г., 408.
Херсонка, дер., 472.
Херсонъ, г., 590.
Хмельникъ, м., 555.
Хмельницкій Богданъ, гетманъ украин., 7, 82, 123, 131, 135, 149, 195, 197, 329, 335, 341, 342, 369, 427, 473, 540, 543, 545, 547, 549, 552, 554, 555.
— Тимошъ, сынъ гетмана, 335, 338, 554.
— Юрій, также сынъ, впослѣдствіи гетманъ, 131.
— капитанъ, 601.
— кобзарь, въ зѣньков. у., 483.
Ходкевичи, бѣлорусскіе дворяне въ нач. XVII в., 140—141.
Ходкевичъ Александръ, помѣщикъ, 394.
Ходорково, м., 364.
Хойнацкій А. Ѳ., проф. нѣж. лицея, 455.
Холецкій Михайло, староста овручскій, 153.
Хомутецъ, м. миргородскаго у., полт. губ., 495.
Хорошово, с., 283.
Хортица, островъ на Днѣпрѣ, мѣстопребываніе Коша запор., 587.
Хотинъ, г., 84.
Хотомырскъ, г., 198.
Хухра, козачье поселеніе въ ахтырскомъ полку, 223.
Хмѣлевое, с. орловской губ., 520.

—

Царево-Борисовъ, 203
Цартелевъ, князь, украинскій этногр., 482.
Цѣсельскій, белзскій мечникъ, 257, 258.

—

Чалый Матв. Корн., авторъ книги: «Жизнь и произв. Т. Шевченка», 68, 561.
— Савва, герой гайдамацкихъ пѣсень, 246.
Чарторыйскъ, м., 168.
Чепелевъ, с., 311.
Черкасы, г., 549.
Чернякъ, собират. украин. пѣсень, 247.
Чернятка, слобода, 300.
Чернышъ, генеральный судья, 296.
Чернышевъ, графъ, 294.
Чернобиль, м., 393, 394.
Черниговъ, г., 333.
Чернеховъ, имѣніе Ив. Немирича, 573.
Чертковъ, В. А., харьковскій намѣстникъ, 417.
Четвертня, м., 168.
Чистаховскій Григ. Ник., художникъ, 76.
Чигиринъ, г., 290, 331, 421, 508.
Чорный Шляхъ (или Татарская дорога), названіе пути, 137. 420.
Чубинскій Пав. Пл., этногр., 231, 236.
Чуйкевичъ, булчуковый товарищъ, 304.
Чугай, предводит. козацкаго отряда, 545.
Чуцевъ, поселеніе, 203.
Чура Степанъ, козацкій сотн., 394.

—

Шайноха, польс. историкъ, 146.
Шамрай Ѳедоръ, куренной атаманъ, 529.
Шантръ Эрнестъ, французскій археологъ, 360.
Шараневичъ, львовскій проф. и историкъ. 146.
Шафранскій, землемѣръ, защитникъ г. Умани, 264, 427.
Шаховской, кн., 401, 458.

Швачка, предводит. гайдамацкаго отряда, 471.
Шевченко Т. Г., поэтъ; воспоминанія о немъ, Н. Бѣлозерскаго, 66 — 77; упомин., 177, 490, 596.
Шидловскій, бригадиръ слобод. полковъ, 205.
Шило, козакъ, 268.
Шимоновъ А. Л., авторъ изслѣдованія о землевладѣніи въ харьковск. губ., 191—228, 401—419.
Шишковъ, ученый, 136.
Шлетцеръ, профессоръ геттинг. универс., 323.
Шостакъ Иванъ, куренной атаманъ, 530.
Шпаченко Савва, гайдамака, 118.
Шулговскій, значковый товарищъ, 309.
Шумлянскій Кириллъ, еписк. луцкій, Іосифъ, еписк. львов., 610.
Шутъ Андрей, кобзарь, 482.

—

Щенявскій, польскій помѣщикъ, конфедератъ, 95, 103, 106.
Щербацкій Георгій, писат. XVIII в., 460.
Щербина Д. М., борзен. стряпчій, 70.
Щербининъ Е А., рус. секундъ-маіоръ, 408.
Щербиновка, с., 602.
Щиракъ Гаврило, куренной атаманъ, 535.

—

Эйлеръ Хр. Леонт., академикъ, 165.
Эрбенъ, ученый, 147.

—

Яблоновка, с., 519.
Яблоновскіе, князья, 159.
Яблоновъ, г., 198.
Яворскій Стефанъ, митроп. и духов. писатель XVIII в., 10.
Яготинъ, м., 561.
Якимъ Игнатовичъ, кошевой запорожскій, 160, 163.
Яковъ-Мартынъ-зъ-Рацибору, воевода сендомирскій, 423.
Якубовскій, польскій урядникъ г. Ахтырки, 200.
Якушкинъ П., этногр., 74, 278.
Ямное, с., 223.
Ямполь, м. острожск. у., волын. губ., 168, 423.
Янчинскій, іезуитъ, 176.
Янкевичева Констанція, сестра уманск. губерн. Младановича, 266.
Ярема, уманскій сотн., 260.
Ярмолинцы, с., 86.
Ярошовка, с., 504.

Библіографическое извѣщеніе.

Въ Львовѣ, съ лѣта нынѣшняго года, издается **„Малорусско-нѣмецкій Словарь“**. Это первый опытъ систематизаціи издававшихся доселѣ по частямъ матеріаловъ такого рода. *Нѣмецко-малорусскій Словарь* былъ изданъ въ 1867 г. профес. Партицкимъ. Необходимость такихъ изданій для пребывающихъ подъ нѣмецкою державою галицкихъ братій нашихъ понятна сама собою; но и раньше присоединенія Галиціи къ Австріи въ малорусскій языкъ вошло много нѣмецкихъ словъ.

Составитель настоящаго словаря—учитель гимназіи въ Станиславовѣ, *Евгеній Желеховскій*. Словарь выходитъ выпусками, по два печатныхъ листа. Полное его изданіе составитъ до 60-ти печатныхъ листовъ. Доселѣ вышло два выпуска; въ послѣднемъ не окончена буква *В*. Цѣна каждаго выпуска 15 коп. Изданіе предполагается окончить до истеченія 1883 г. Составитель ставитъ скорый выходъ изданія въ зависимость отъ успѣха подписки.

Желающіе подписаться на это изданіе могутъ адресоваться или прямо въ г. Станиславовъ къ г. Евгенію Желеховскому, или въ редакцію „Кіевской Старины“.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ IV. 1882 г.

Октябрь.

стр.

I. МАЛОРУССКІЙ ВЕРТЕПЪ. **Гр. П. Галагана**, съ предисловіемъ **П. И. Житецкаго** 1

II. УКРАИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ (по воспоминаніямъ дѣтства) **N.** *(Продолженіе)* . . 39

III. ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО, по воспоминаніямъ разныхъ лицъ (1831—1861 г.). **Н. Бѣлозерскаго** 66

IV. ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ Н. Д. ИВАНИШЕВА (бывшаго вице-предсѣдателя кіевской археографической коммиссіи, ректора и профессора кіевскаго университета). **О. Л.** 78

V. ПЕРЕПИСКА ГР. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1768 ГОДА. *(Продолженіе)* 89

VI. РѢЧЬ «О ПОПРАВЛЕНІИ СОСТОЯНІЯ» МАЛОРОССІИ . . . 119

VII. ДВА ДОКУМЕНТА О СОСТОЯНІИ МАЛОРОССІЙСКАГО КОЗАЧЕСТВА ВЪ ПОЛОВИНѢ XVIII СТ. 126

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Сагайдачный, историческая повѣсть. Д. Мордовцева. С.-Петербургъ. 1882 г.—б) Polàci a Rusini. Sepsal prof. Josef Perwolf.—в) D-r Antoni I... Z przeszłości Polesia kijowskiego. Warszawa, 1882.—г) Тарановскій. Топографическо-статистическіе матеріалы юго-западнаго края. К. 1882. . . . 134

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Къ исторіи Запорожья.—б) Отецъ Аполлоній Сендульскій, священникъ села Сивокъ острожскаго уѣзда.—в) Двѣ записки св. Димитрія Ростовскаго о пріемѣ и сдачѣ имъ елецкаго черниговскаго монастыря.—г) Старинные малороссійскіе портреты.—д) О днѣ смерти князя Василія-Константина Константиновича Острожскаго.—е) Украинскій Геліосъ.—ж) Св. муро въ старину и какіе съ нимъ случаи бывали.—з) Кармелюкъ 159

ПРИЛОЖЕНІЕ: нотная часть вертепной драмы и рисунокъ вертепнаго ящика.

Ноябрь.

стр.

I. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. Л. Шимонова** 191

II. МАТЕРІАЛЫ И ЗАМѢТКИ ОБЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ. **М. Т—ова** 229

III. УМАНСКІЙ СОТНИКЪ ИВАНЪ ГОНТА (1768 г.) **В. Антоновича** . 250

IV. СТАРИННЫЯ ВОЗЗРѢНІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ. **П. И. Житецкаго.** 277

V. СУЛИМИНСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ. **Ал. Лазаревскаго.** . 292

VI. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. (*Продолженіе*). **В. А.** . 328

VII. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АНОНИМА 1768 г. (Казнь Гонты и усмиреніе «Коліивщины») 349

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Историческіе матеріалы изъ архива кіев. губ. правленія. Выпускъ 3-й, изд. редакторъ неоф. части «Кіев. Губ. Вѣдомостей», А. А. Кіевъ. 1882 г.—б) E. Chantre. Recherches paleoethnologiques dans la Russieméridionale et spècialement au Caucase et en Crimée. Lyon. 1881.—в) 1) Бердичевъ. Сост. Петроковымъ. 2) Шпола. Сост. Шмидтомъ. 3) Каменецъ-Подольскъ. Сост. Н. Л. Островерховымъ.—г) Сборники малорусской орнаментики (украинскій орнаментъ О. Косачъ, Южно-русская орнаментика Волкова, Южно-русскій народный орнаментъ П. Литвиновой; Сборники «украинскаго орнамента» А. Лисенко, Махно, Квитко и др.) . . . 354

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Кіево-выдубицкій перевозъ на Днѣпрѣ и его нежданная политическая роль.—б) Замѣтка на замѣтку о почаевской лаврѣ.—в) Къ характеристикѣ эпохи уничтоженія козачества.—г) Свѣдѣніе о бугскихъ козакахъ.—д) О дикихъ лошадяхъ въ херсонской губерніи.—е) Поправка къ разсказу о Бондаренкѣ.—ж) Пѣсня про Филиппа Орлика.—з) Вирша на Рождество Христово 368

ОБЪЯВЛЕНІЕ объ изданіи въ 1883 г. журнала «Кіевская Старина».

ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ уманскаго сотника Ивана Гонты.

Декабрь.

I. ГЛАВНѢЙШІЕ МОМЕНТЫ ВЪ ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. Шимонова.** (*Продолженіе*) . . . 401

II. Г. УМАНЬ И СОФІЕВКА. **А. Смоктія** 420

III. СТАРИННЫЙ ЮЖНО-РУССКІЙ ТЕАТРЪ И ВЪ ЧАСТНОСТИ ВЕРТЕПЪ. **Н. Петрова.** 438

IV. БАНДУРИСТЪ ИВАНЪ КРЮКОВСКІЙ. **В. Горленка** 481

V. САМОЗВАННЫЙ ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТЪ СОЛДАТЪ СЕМЕНОВЪ. (1826 г.) **Н. К—ка.** 519

VI. КЪ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ. Внутренніе распорядки. **А. Скальковскаго.** 527

стр.

VII. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. (*Окончаніе*). **В. А.** . 538

VIII. ПИСЬМО КН. Н. В. РЕПНИНА КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ (по дѣлу сложенія недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ полтавской и черниговской губерній). Сообщ. **Ст. фонъ-Носъ** . . 557

IX. НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ О СУДЬБѢ ЖЕЛѢЗНЯКА ПОСЛѢ ЕГО АРЕСТА ВЪ УМАНИ. **В. А.** 564

X. БИБЛІОГРАФІЯ: a) D-r Antoni I. Opowiadania historyczne—serija trzecia. T. 1—2. Warszawa. 1882. — б) Опись актовой книги кіевскаго центральнаго архива. № 13. Составилъ Л. Ильницкій. Кіевъ. 1882 г.—в) Wiadomości statystyczne o stosunkach krajowych... pod redakcyą prof. d-ra Tadeusza Pilata. Rocznik szósty. Zeszyt drugi. Lwów. 1881 г.—г) Высокопреосвящ. Макарій, митрополитъ московскій. Москва. 1882 г.—Помники по пр. Филаретѣ, епископѣ рижскомъ, въ кишин. дух. семинаріи, съ портретомъ его. Л. М. Кишиневъ. 1882 г. 569

XI. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Откуда взялись запорожцы (народное преданіе).—б) Н. Д. Мизко (некрологъ).—в) Еще о бугскихъ козакахъ.—г) Старинные малороссійскіе портреты.—д) Протопопъ Комаръ и его вторичный бракъ.—е) Гетманское приглашеніе на свадьбу.—ж) Замѣтки стараго кіевлянина.—з)—Вирша на Рождество Христово.—и) Алексѣй Ивановичъ Ставровскій (некрологъ). 583

XII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и примѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ IV томѣ «Кіевской Старины», 1882 г.

XIII. Библіографическое извѣщеніе.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го ноября 1882 года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1883 годъ на слѣдующіе журналы и газеты:

„СТРАННИКЪ“

(третій годъ изданія подъ новою редакціей).

Журналъ „Странникъ“ съ октября 1880 года издается новою редакціей, по утвержденной св. синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно книгами отъ **10**-ти до **12**-ти и болѣе листовъ.

Въ журналѣ помѣщаются:

1) Общедоступныя статьи, изслѣдованія, замѣтки и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ *русской церковной исторіи*.

2) Общедоступныя статьи по разнымъ отраслямъ богословскаго знанія, преимущественно по *общей церковной исторіи*.

3) Церковныя *слова*, *поученія*, рѣчи, бесѣды и другія нравоучительныя произведенія.

4) *Разсказы*, *повѣсти*, *характеристики*, *очерки* изъ прошлаго и современнаго быта нашего духовенства.

5) *Бытовые очерки* и характеристики изъ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего образованнаго общества и простаго народа.

6) Стихотворенія.

7) Ежемѣсячное *внутреннее обозрѣніе*.

8) Отдѣльныя статьи, посвященныя *обсужденію выдающихся дѣлъ и вопросовъ* отечественной церкви, духовенства и нравственной стороны русскаго быта.

9) Наблюденія, записки и дневники приходскихъ священниковъ, сельскихъ учителей и другихъ народныхъ дѣятелей.

10) Хроника важнѣйшихъ правительственныхъ и церковно-административныхъ распоряженій и указовъ.

11) *Иностранное обозрѣніе*: важнѣйшія явленія современной церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокѣ и Западѣ, *особенно у славянъ*.

12) Обзоръ русскихъ *духовныхъ журналовъ* и епархіальныхъ періодическихъ изданій.

13) Обзоръ *свѣтскихъ журналовъ*, газетъ и книгъ; отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ нашего журнала.

14) *Библіографическія и критическія* статьи о новыхъ произведеніяхъ русской духовной литературы, а также и о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранной богословской и церковно-исторической литературы.

15) *Книжная лѣтопись:* ежемѣсячный указатель русскихъ книгъ, выходящихъ въ свѣтъ подъ духовной цензурой; краткіе отзывы о новыхъ книгахъ.

16) Разныя отрывочныя *извѣстія* и *замѣтки* по вопросамъ жизни общественной, народнаго образованія, русскаго раскола и единовѣрія, миссіонерскихъ, просвѣтительныхъ, благотворительныхъ, ученыхъ и др. обществъ, и проч.; новости; корреспонденціи; отвѣты редакціи; объявленія.

Подписная цѣна за годовое изданіе 1883 года остается прежняя: съ пересылкою въ Россіи и доставкою въ С.-Петербургѣ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ; съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ. Адресоваться: *въ редакцію журнала «Странникъ», въ С. Петербургѣ* (Невскій просп., д. № 105).

Редакторы-издатели: **А. Васильковъ.—А. Пономаревъ.—Е. Прилежаевъ.**

„НОВОРОСІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

«Новороссійскій Телеграфъ» будетъ выходить въ 1883 году ежедневно, за исключеніемъ дней послѣ-праздничныхъ, по той-же программѣ, какъ и въ предъидущемъ году.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Ралли, противъ Херсонской улицы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.		Безъ доставки и пересылк.	Съ доставкою и пересылк.
На 1 мѣс.	1 р. 30 к.	1 р. 50 к.	На 7 мѣс.	8 р. 30 к.	9 р. 50 к.
» 2 »	2 » 60 »	3 » — »	» 8 »	9 » 60 »	11 » — »
» 3 »	3 » 85 »	4 » 50 »	» 9 »	10 » — »	11 » 50 »
» 4 »	5 » — »	6 » — »	»10 »	11 » — »	13 » — »
» 5 »	6 » 30 »	7 » 50 »	»11 »	11 » 50 »	13 » 50 »
» 6 »	7 » — »	8 » — »	»12 »	12 » — »	14 » — »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Подписываться можно на какой угодно срокъ, по цѣнамъ, означеннымъ въ приведенной выше расцѣнкѣ, съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Лица, подписавшіяся позже 1-го числа, получаютъ всѣ предъидущіе №№. Подписка съ промежуточныхъ чиселъ не допускается

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые по 7 руб. (къ 1 января и 1 іюля), или по четвертямъ года, по 3 руб. 50 коп. (къ 1 января, 1 марта, 11 іюня и 1 сентября), т. е. всегда ЗА МѢСЯЦЪ ВПЕРЕДЪ до наступленія срока разсрочки.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка на «Нов. Тел.» въ кредитъ, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ, чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіи первыхъ 3-хъ мѣсяцевъ 1882 года.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРЕМІИ.

Въ 1883 г., всѣмъ подписчикамъ «Нов. Тел.» будутъ выдаваться ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ безплатныя преміи, состоящія изъ статей преимущественно белетристическаго содержанія. Преміи эти объемомъ не менѣе печатнаго листа большаго формата будутъ вмѣщать, кромѣ романовъ, передовыхъ статей, разсказовъ, смѣси— или рисунки изображеній современныхъ событій, или портреты современныхъ дѣятелей, или карикатуры.

ИЗВѢСТІЯ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА ВЪ КІЕВѢ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ въ 1883 году будутъ выходить, въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до двадцати и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ ИЗВѢСТІЙ безъ пересылки шесть р. и съ пересылкою шесть рублей пятьдесятъ коп. Въ случаѣ выхода *приложеній* (сочиненій свыше 25 листовъ), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики ИЗВѢСТІЙ. при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи правленія университета.

Гг. иногородные могутъ также обращаться съ своими требованіями къ коммиссіонеру университета Н. Я. Оглоблину (С.-Петербургъ, Малая Садовая, № 4 и Кіевъ, Крещатикъ, бывшій книжный магазинъ Литова).

Каждая книжка ИЗВѢСТІЙ, за исключеніемъ текущихъ оффиціальныхъ свѣдѣній, посвященныхъ университету (до трехъ печатныхъ листовъ), состоитъ изъ сочиненій и статей научнаго содержанія, которыя распредѣляются въ такомъ порядкѣ: отдѣлъ I—*историко-филологическій;* отдѣлъ II—*юридическій;* отдѣлъ III—*физико-математическій;* отдѣлъ IV—*медицинскій;* отдѣлъ V—*научная хроника,* въ которой помѣщаются извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при университетѣ; отдѣлъ VI—*критико-библіографическій.* Послѣдній отдѣлъ, посвященный критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), по разнымъ отраслямъ знанія, состав-

ляетъ въ годъ до 500 страницъ. Кромѣ того, въ *прибавленіяхъ* къ каждой книжкѣ печатаются научные матеріалы и переводы болѣе замѣчательныхъ сочиненій; а также указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЛУЧЪ“.

„ЛУЧЪ“ издается безъ предварительной цензуры; экономическіе вопросы русской жизни въ немъ поставлены на первый планъ. Передовыя руководящія статьи и корреспонденціи изо всѣхъ мѣстностей имперіи, составляютъ его характерную особенность. Между подписчиками и редакціею существуетъ тѣсная нравственная связь. «ЛУЧЪ», въ отличіе отъ прочихъ иллюстрированныхъ журналовъ, представляющихъ одно собраніе картинокъ и повѣстушекъ, является настоящимъ журналомъ, со строго обдуманною программою и намѣченными цѣлями. *Либеральный и патріотическій журналъ «ЛУЧЪ» пріобрѣлъ сочувствіе русскихъ людей, борясь со зломъ, хищеніемъ и всякою неправдою.*

Не увеличивая подписную цѣну, редакція дастъ въ 1883 году, на улучшенной бумагѣ, за **6** руб. съ доставкою и пересылкою:

52 иллюстрированныхъ номера, два печатныхъ листа каждый.

12 большихъ книгъ—приложеній романовъ и повѣстей.

Шесть безплатныхъ сюрпризовъ: Большую олеографическую картину. Четыре пейзажа акварелью (красками). Альбомъ 20 видовъ Петербурга (фототипія) въ переплетѣ.

Желающіе подписаться на одинъ «ЛУЧЪ» безъ книгъ и сюрпризовъ, платятъ за годъ съ перес. ТРИ р.

Въ каждомъ номерѣ будетъ помѣщаться передовая статья С. С. Окр—ца,

Для будущаго года въ редакціи имѣются матеріалы: 1) „Черный годъ“, большой историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. С. С. Окрейна. 2) „Болѣзнь выдала“, романъ покойнаго И. И. Глушицкаго. 3) „Ящикъ Пандоры“, повѣсть Николаевой. Кромѣ того, въ первыхъ книгахъ будутъ помѣщены: „Исторія завоеванія Перу и Мексики“, Вильяма Прескота и интересный большой романъ „Золотая Свинья“, соч. Фортюнэ-дю-Буагобей.

Подписка принимается: С.-Петербургъ, Пушкинская (Новая) ул., д. № 15, въ редакціи журнала „ЛУЧЪ“.

„КУБАНЬ“

Газета общественная, литературная и политическая.

(второй годъ изданія).

Выходитъ отъ 1 до 2 разъ въ недѣлю.

Подписка принимается въ ЕКАТЕРИНОДАРѢ (Куб. обл.), въ конторѣ редакціи, на Красной улицѣ.

ЦѢНА съ пересылкою 7 руб. за годъ, 4 руб. за $^1/_2$ года и 2 руб. за $^1/_4$ года.

Редакторъ-издатель Н. Г. Мойсеенко.

РУССКІЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Цѣна семь рублей (7) съ пересылкою. Иногородные подписчики благоволятъ высылать свои затребованія на журналъ и подписную за него плату по слѣдующему адресу:

ВАРШАВА. Въ редакцію «Русскаго Филологическаго Вѣстника».

«Русскій Филологическій Вѣстникъ» выходитъ четыре раза въ годъ (въ неопредѣленные сроки) книжками (№№) отъ 10 до 15 листовъ каждая, [Двѣ книги (два №№) составляютъ томъ]. Общее число листовъ годоваго изданія до 50.

Предметы журнала: языкъ, народная поэзія и древняя литература славянскихъ племенъ, преимущественно русскаго народа.

Отдѣлы:

I. Матеріалы.

II. Изслѣдованія и замѣтки.

III. Критика, библіографія, научная хроника.

Къ каждому № журнала будетъ, сверхъ того, прибавляемо нѣсколько листовъ (IV) педагогическаго отдѣла, въ который войдутъ:

а) Статьи о преподаваніи русскаго языка и словесности въ учебныхъ заведеніяхъ, по преимуществу среднихъ;

б) Критика учебниковъ по этимъ предметамъ;

в) Пробные листы новыхъ учебниковъ по языку и словесности.

г) Разныя извѣстія и замѣтки, имѣющія отношеніе къ преподаванію языка и словесности.

Редакторъ-издатель *А. Смирновъ.*

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

Въ наступающемъ году «Одесскій Листокъ» будетъ выходить ежедневно листами большаго формата по слѣд. программѣ:

ВНУТРЕННІЙ ОТДѢЛЪ будетъ содержать въ себѣ статьи по текущимъ вопросамъ общественной и экомической жизни, извлеченія изъ выдающихся статей столичныхъ газетъ, обращающихъ на себя наибольшее вниманіе, хронику событій общественной, городской и сельской жизни, корреспонденціи изъ всѣхъ пунктовъ юга Россіи.

ЗЕМСКІЙ ОТДѢЛЪ будетъ состоять изъ отчетовъ о дѣятельности земствъ, о всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, касающихся земства, о наиболѣе выдающихся новѣйшихъ сочиненіяхъ по земскимъ вопросамъ.

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ. Статьи по городскому хозяйству Одессы, а также и другихъ южныхъ городовъ. Дѣятельность городскихъ думъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Статьи оригинальныя и переводныя по земледѣлію, скотоводству, овцеводству, пчеловодству, лѣсоразведенію, огородничеству и садоводству. Сельско-хозяйственныя техническія производства. Обзоры сельско-хозяйственныхъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и спеціальныхъ сочиненій. Свѣдѣнія объ урожаѣ.

ФЕЛЬЕТОНЪ. Повѣсти и разсказы, оригинальные и переводные. Очерки провинціальной жизни. Художественная лѣтопись. Научная хроника.

ИСКУССТВО и ЛИТЕРАТУРА. Театральная хроника; новости драматической литературы; извѣстія о всѣхъ замѣчательныхъ произведеніяхъ искусства; эпизоды изъ жизни знаменитыхъ литераторовъ, артистовъ и художниковъ и о всѣхъ выдающихся сочиненіяхъ.

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА. Отчеты о замѣчательныхъ русскихъ и иностранныхъ процессахъ; рефераты о засѣданіяхъ въ мировыхъ и общихъ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ; практика коммерческаго суда; статьи по юридическимъ вопросамъ.

ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ ХРОНИКА. Статьи по желѣзнодорожному хозяйству, узаконенія и распоряженія правительства, касающіяся желѣзныхъ дорогъ; случаи въ желѣзнодорожномъ мірѣ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ. Руководящія статьи, посвященныя обзору и оцѣнкѣ важнѣйшихъ событій въ иностранныхъ государствахъ. Телеграммы, письма и корреспонденціи.

ФИНАНСОВАЯ, ТОРГОВАЯ, АКЦІОНЕРНАЯ и БИРЖЕВАЯ ХРОНИКА. Телеграммы, хлѣбныя и торговыя сдѣлки, показанія рыночныхъ цѣнъ на шерсть, сахаръ и проч.; колоніальные рынки и новости биржеваго міра и проч. Справочный отдѣлъ и объявленія казенныя и частныя.

Телеграммы изъ Россіи и заграницы печатаются ежедневно отъ спеціальныхъ корреспондентовъ, отъ Международнаго Телеграфнаго Агентства и отъ Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства.

Для расширенія же спеціально литературнаго отдѣла, редакція будетъ выпускать время отъ времени полуторные номера, въ которыхъ найдутъ мѣсто повѣсти, разсказы и др. выдающіяся произведенія отечественной и иностранной литературы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для городскихъ подписчиковъ съ доставкой:
на годъ 9 р., полгода 5 р., три мѣсяца 3 р., одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою по почтѣ:
на годъ 10 р., полгода 6 р., три мѣсяца 3 р. 50 к., одинъ мѣсяцъ 1 р. 25 к.

Денежные пакеты адресовать непосредственно въ контору «Одесскаго Листка», въ Одессѣ, на углу Греческой ул. и Краснаго пер., д. Доре, № 10.

Редакторъ-издатель *В. В. Навроцкій.*

ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Содержаніе «Виленскаго Вѣстника» такое же, какъ и всѣхъ провинціальныхъ газетъ. Давая отчетъ о всѣхъ явленіяхъ дня и фактахъ, совершающихся въ нашемъ обширномъ отечествѣ, «Виленскій Вѣстникъ» удѣляетъ значительную часть своихъ столбцовъ интересамъ мѣстнымъ, т. е. сѣверо-западнаго края Россіи. «Виленскій Вѣстникъ» получаетъ ежедневно, непосредственно по телеграфу, телеграммы о всѣхъ выдающихся событіяхъ дня какъ въ Имперіи, такъ и заграницею. Кромѣ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстностей сѣверо-западнаго края, «Виленскій Вѣстникъ» имѣетъ корреспондентовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ Имперіи.

«Виленскій Вѣстникъ» выходитъ ежедневно, кромѣ дней воскресныхъ; въ эти же дни выходятъ прибавленія, въ которыхъ помѣщаются полученныя въ предшествовавшій день телеграммы и послѣднія свѣдѣнія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Вильнѣ, съ доставкою на домъ по городской почтѣ,		Съ пересылкою по почтѣ въ другіе города,	
На годъ	8 р.	На годъ	10 руб.
— полгода	4 » 50 к.	— полгода	5 »
— 3 мѣсяца	2 » 40 »	— 3 мѣсяца	3 »
За 1 мѣсяцъ	— » 80 »	За 1 мѣсяцъ	1 »

При перемѣнѣ адреса гг. подписчики платятъ 20 коп. При перемѣнѣ адреса городского на иногородный, кромѣ 20 коп., гг. подписчики доплачиваютъ разность цѣнъ по пересылкѣ.

Подписка принимается въ Вильнѣ: въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» *(Виленская улица, домъ г. Ленскаго)*, въ конторѣ «Виленскаго Вѣстника», при книжномъ магазинѣ г. Сыркина *(Большая улица, собственный домъ)* и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ и другихъ городовъ.

Объявленія для печатанія въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» принимаются: въ Вильнѣ, въ редакціи «Виленскаго Вѣстника» и въ его конторѣ; въ Петербургѣ, въ центральной конторѣ для объявленій Петрика *(уголъ Невскаго и Малой Морской, домъ № 11)*; въ Москвѣ, въ конторѣ объявленій Метцля *(Покровка, домъ Солодовникова)*; въ Варшавѣ, въ конторѣ объявленій Рейхмана и Френдлера *(Сенаторская, домъ № 22)*; въ Парижѣ, у Гаваса *(Agence Havas et Cie Paris, place de la Bourse, 8)*; въ Лондонѣ, у Даубс *(London, 130, Fleet, street, E. C.)*; въ Гамбургѣ, у Адольфа Стейнера *Gänsemarkt, 58)*.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1883 году по той-же программѣ и на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе три года.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять руб. съ пересылкой и доставкой.

Въ 1883 году число кровюръ, помѣщаемыхъ въ текстѣ журнала, будетъ значительно увеличено; съ этой цѣлью редакція уже сдѣлала заказы граверамъ: *Паннемакеру* въ Парижѣ, *Клоссу* въ Штутгартѣ, *Зубчаниновy* и *Рашевскому* въ Петербургѣ.

Для первыхъ книжекъ въ распоряженіи редакціи уже находятся слѣдующія статьи:

Министръ-академикъ. *Д. В. Аверкіева.*—Женщины Пугачевскаго возстанія. *А. В. Арсеньева.*—Выгорѣцкіе совратители. *Его-же.*—Генералъ Антоній Езерскій. *Н. В. Берга.*—Возстаніе поляковъ на кругобайкальской дорогѣ. *Его-же.*—Разсказы бабушки. Изъ воспоминаній вдовы инженеръ-лейтенанта *А. Я. Бутковской.*—Ковно во время польскаго мятежа 1863 года. Воспоминанія *Я. Н. Бутковскаго.*—Одинъ изъ забытыхъ писателей (князь А. А. Шаховской) *Е. М. Гаршина.*—Чума и Пугачевщина въ Шацкой провинціи. *И. И. Дубасова.*—Меньшиковъ и видѣніе монаха Порфирія. Разсказъ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. *Г. В. Есипова.*—Борьба за существованіе мысли. *В. Р.*

Зотова.—Московскіе люди XVII вѣка. (Съ рисунками). *Е. П. Карновича.*—Время Елизаветы Петровны и Людовика XV. *Его же.*—Бытовые очерки изъ русской исторіи. 1. Дѣ торговки. 2. Царскій родичъ. 3. Черви. *П. И. Костомарова.*—Сербскіе гэсти въ Бессарабіи. *А. А. Кочубинскаго.*—Шипка въ 1877 году. Отрывокъ изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта *В. Д. Кренке.*—Усмиреніе польскаго мятежа въ Кіевской губерніи въ 1863 году. *Его же.*—Женщина древней Греціи. (Съ рисунками). *Д. П. Лебедева.*—Русскіе дѣятели въ Остзейскомъ краѣ. *Н. С. Лѣскова.*—Изъ Кишиневской старины. (Разсказы о Пушкинѣ, архіепископѣ Иринеѣ и др.). *Л. С. Мацѣевича.*—Петръ Великій на сѣверѣ Россіи. (Съ рисунками). *В. Н. Майнова.*—Отрывки изъ воспоминаній. *А. П. Милюкова.*—Заграничныя воспоминанія *В. И. Модестова.*—Семейство Скавронскихъ. Картинка изъ исторіи фаворитизма въ Россіи. *В. О. Михневича.*—Скептическое матеріалистическое направленіе въ литературѣ Екатерининскаго времени. *А. И. Незеленова.*—Очерки изъ современной украинской литературы. *Н. И. Петрова.* Исторія моего дяди. Разсказъ изъ семейной хроники. *С. Т. Славутинскаго.*—Отрывки изъ воспоминаній. *П. С. Усова*—Булгаринъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни. *Его же.*—Воспоминаніе и замѣтки. *Ѳ. В. Чижова.*—Письма изъ Америки и Австраліи. *С. Б. Чичерина* и др.

Обиліе матеріаловъ, поступившихъ въ редакцію **«Историческаго Вѣстника»**, и необходимость давать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые имѣли текущій интересъ, заставили насъ отложить печатаніе нѣсколькихъ статей, обѣщанныхъ на 1882 годъ (Государственный человѣкъ Екатерининскаго времени. *Е. П. Карновича.*—Екатерина II и Жанъ-Жакъ Руссо. *Д. Ф. Кобеко.*—Во славу Божію. Разсказъ *В. Н. Майнова.*—Плавня. Разсказъ *С. В. Максимова.*—Соціалистъ прошлаго вѣка. Повѣсть *Д. Л. Мордовцева.*—Записки ссыльнаго. *А. Пасляка.*—Александръ I и русская партія въ Польшѣ. *Ѳ. М. Уманца.*—Сувѣрія человѣчества. *М. К. Цебриковой* и др.)- Статьи эти будутъ непремѣнно помѣщены въ теченіи 1883 года.

Въ приложеніи къ **«Историческому Вѣстнику»**, съ январской книжки, начнется печатаніе, въ переводѣ, историческаго романа *Ю. Роденберга* подъ заглавіемъ **«Кромвель»**.

Съ требованіями обращаться въ книжные магазины **«Новаго Времени»**: въ Петербургѣ, Невскій просп., № 58; въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

ГАЗЕТА А. ГАТЦУКА

еженедѣльная, иллюстрированная, политическая, литературная и ремесленная

Выходитъ въ 1883 г., безъ предварительной цензуры, по прежней программѣ, съ значительными улучшеніями. Болѣе 400 рисунковъ и Моды. Особыми приложеніями—художественные рисунки по русской исторіи, изъ которыхъ составится

особый альбомъ. Въ «газетѣ» будетъ печататься новая повѣсть Н. С. Лѣскова: «Соколій перелетъ».

ПРЕМІИ: «Крестный календарь» 1884 г. на лучшей бумагѣ и олеографическая картина одного изъ важнѣйшихъ событій въ Россіи 1883 года.

Подписная цѣна на годъ безъ пересылки **4** р., съ перес **5** р.; на ½ г. **3** р.; на **1** мѣс. **75** к.

Адресъ редакціи: Москва, Никитскій бульв., д. Гатцука.

„ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ"

Съ 1882 г. «Церковно-Общественный Вѣстникъ» превращенъ въ **полуежедневное изданіе** и выходитъ аккуратно черезъ день, исключая времени скопленія нѣсколькихъ праздниковъ въ недѣли Св. Пасхи и Рождества Христова.

Задача нашего изданія—отмѣчать по возможности все, такъ или иначе касающееся духовенства и могущее интересовать его въ жизни церковно общественной и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность свѣтскимъ людямъ поближе познакомиться съ духовной средой и ея нуждами и потребностями, содѣйствуя тѣмъ сближенію между обществомъ и духовенствомъ. Но этимъ не ограничивается задача «Церковно-Общественнаго Вѣстника»: рядомъ съ вопросами о духовенствѣ и въ томъ-же объемѣ, мы принимаемъ участіе и въ обсужденіи текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ, въ смыслѣ упроченія принциповъ правды, законности, свободы и общаго преуспѣянія человѣчества. Откровенно и съ полною *независимостію* сужденія высказываясь по тѣмъ или инымъ, выдвигаемымъ жизнію вопросамъ, существеннымъ образомъ затрогивающимъ интересы духовенства и общества, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда охотно даемъ мѣсто всякому честному голосу изъ среды духовенства и общества, особенно-же заявленіямъ и запросамъ людей опыта, стараясь содѣйствовать постоянному обмѣну мыслей между читателями газеты, ея редакціей и постоянными сотрудниками. Постоянная и горячая нравственная поддержка со стороны нашихъ многочисленныхъ читателей въ теченіе 9-ти лѣтняго существованія газеты и сочувствіе къ ней въ большинствѣ органовъ какъ духовной, такъ и свѣтской прессы, даетъ намъ увѣренность, что и на будущее время они не откажутъ намъ въ этой поддержкѣ и сочувствіи.

Для лицъ, незнакомыхъ съ нашимъ изданіемъ, считаемъ нужнымъ замѣтить, что «Церковно-Общественный Вѣстникъ» наравнѣ съ другими газетами выходитъ безъ предварительной цензуры и не имѣетъ никакого отношенія къ духовному вѣдомству. Просимъ также не смѣшивать наше изданіе съ журналомъ «Церковный Вѣстникъ», издающимся при здѣшней духовной академіи.

По примѣру прежнихъ лѣтъ при «Церк.-Общ. Вѣстникѣ» въ 188 г. будетъ изданъ въ видѣ безплатнаго приложенія «Календарь для духовенства», въ которомъ, кромѣ необходимыхъ календарныхъ свѣдѣній, будутъ помѣщены практическія ука-

занія и справочныя свѣдѣнія на разнаго рода случаи общественной жизни духовенства.

Условія подписки на «Церк.-Общ. Вѣсти.» на годъ **8** руб., на полгода **4** руб. **50** коп., на три мѣсяца **2** руб. **50** коп., на мѣсяцъ **1** р. Годовая цѣна за границей **10** руб. Отдѣльные №№ по **10** коп.

Требованія на газету слѣдуетъ адресовать: въ редакцію «Церковно-Обществ. Вѣстника», въ С.-Петербургѣ, Троицкій пер., домъ № 3, кварт. № 5.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(еженедѣльное изданіе отъ 2-хъ до 4-хъ печ. листовъ въ №; въ годъ до 142 печ. лист. больш. формата)

И

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(двухмѣсячное—отъ 18 до 24 печ. листовъ въ каждой книжкѣ; въ годъ около 124 л.).

«Церковный Вѣстникъ» въ официальной своей части, составляющей официальной органъ св. синода, печатаетъ *сполна* и раньше всѣхъ другихъ изданій всѣ узаконенія, распоряженія и списки наградъ по духовному вѣдомству, въ неофиціальной-же части даетъ возможно полный обзоръ движеній религіозной мысли и жизни какъ у насъ въ Россіи, такъ и заграницей (на правосл. востокѣ, славянскихъ земляхъ, въ римскомъ католицизмѣ и протестантствѣ), и имѣетъ слѣдующіе *постоянные отдѣлы* (кромѣ передовыхъ статей): 1) мнѣнія печати свѣтской и духовной по церковнымъ вопросамъ; 2) иностранное обозрѣніе—восточное и западное; 3) обозрѣніе духовной журналистики; 4) библіографическое обозрѣніе; 5) лѣтопись церковную; 6) лѣтопись общественной жизни за прошлую недѣлю въ Россіи и заграницей; наконецъ 7) разныя извѣстія и замѣтки. Кромѣ этихъ постоянныхъ отдѣловъ, печатаются статьи и корреспонденціи различнаго рода.

При журналѣ «Христіанское чтеніе», составляющемъ прибавленіе къ «Церк. Вѣсти.» и помѣщающемъ разнообразныя статьи по всѣмъ отраслямъ богословскихъ знаній, съ 1879 г. печатаются сверхъ того «*Толкованія на ветхій завѣтъ*» съ особымъ счетомъ страницъ (въ 1883 г. будетъ продолжаться печатаніе «*Толкованія на книгу Псалмовъ*», и вмѣстѣ съ тѣмъ начато будетъ печатаніе «*Толкованія на книгу пророка Исаіи*», такъ что къ концу 1883 г. выйдетъ *особою книжкою* четвертый выпускъ «Толкованій»).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала и съ «Толкованіями на Ветхій Завѣтъ»—семь руб. съ перес., отдѣльно за «Церк. Вѣстн.»—пять руб., за «Христ.

Чтеніе» съ «Толкованіями» — пять руб. За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. съ перес.

Иногородные подписчики адресуются: «въ редакцію Церк. Вѣстн. и Христ. Чтенія, въ С.-Петербургѣ». Петербургскіе подписчики подписываются въ отдѣл. конторы ред. близъ Знам. ул., уг. Преобр. и Солдатск. пер., д. № 5, кв. 3). Или при книжн. маг. Тузова (бывш. Кораблева).

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

(ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Газета общественная, политическая и литературная

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I, Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. II, Обозрѣніе газетъ и журналовъ. III. Дѣйствія правительства. IV. Городская и земская хроника. V. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края», отъ «Международнаго» и «Сѣвернаго» телеграфныхъ агентствъ. VI. Послѣднія извѣстія. VII. Внутреннія извѣстія: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. VIII. Внѣшнія извѣстія. IX. Внѣшнія корреспонденціи «Южнаго Края». X. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XI. Судебная хроника. XII. Критика и библіографія. XIII. Смѣсь. XIV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XV. Календарь. XVI. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію, и резолюціи по нимъ округа харьковской судебной палаты и харьковскаго военно-окружнаго суда. XVII. Стороннія сообщенія. XVIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ болѣе, чѣмъ въ ста губернскихъ и уѣздныхъ городахъ южной Россіи.

Кромѣ постоянныхъ корреспонденцій изъ Петербурга и Москвы, редакція озаботилась полученіемъ свѣдѣній изъ большихъ центровъ западной Европы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 „ — „	7 „ — „	4 „ — „	1 „ 10 „
Съ перес. иногород. . .	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ, по соглашенію съ

Подписка принимается въ конторѣ редакціи въ Харьковѣ на Московской ул., въ домѣ харьковскаго университета, № 7-й.

Съ іюля мѣсяца 1882 г. газета печатается въ собственной типографіи, шрифтомъ болѣе убористымъ, вслѣдствіе чего текстъ газеты увеличился на одну треть прежняго размѣра.

Редакторъ-издатель. А. А. Іозефовичъ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

„ВОЛЫНЬ"

Вступая въ пятый годъ своего существованія, съ будущаго 1883 года, газета «Волынь» будетъ выходить по прежнему два раза въ недѣлю по слѣдующей программѣ:

1) Телеграммы. 2) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности волынской губерніи. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни и западнаго края. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія во всѣхъ частяхъ свѣта. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Смѣсь, гдѣ будетъ помѣщаться шутки, курьезы, анекдоты и остроты изъ прошлаго и настоящаго времени. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торгахъ преимущественно въ предѣлахъ волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій.

Кромѣ того по временамъ будутъ помѣщаться фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ въ домѣ женской гимназіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ	3 р. 30 к.
На ½ года	1 „ 80 „
На 3 мѣсяца	1 „ — „
На 1 мѣсяцъ	— 40 „

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ.

Иногородные подписчики на доставленіе адреса и на замѣну такового новымъ въ случаѣ перемѣны мѣста жительства прилачиваютъ къ подписной цѣнѣ 20 к., адресуясь въ г. Житоміръ въ редакцію газеты «Волынь».

Редакторъ-издатель С. Блонскій.

„ДѢЛО“

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Издается въ Львовѣ, на малорусскомъ языкѣ, подъ редакціею В. Барвинскаго.

Съ 1-го января 1883 года выходитъ *три* раза въ недѣлю, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Цѣна на годъ 12 рублей, полгода 6 р., а на три мѣсяца 3 руб.

При газетѣ, по прежнему, будетъ издаваться *«Библіотека повѣстей»*, выходящая два раза въ мѣсяцъ. 15 и послѣднихъ чиселъ, по 2 печатныхъ листа.

Цѣна «Дѣла» вмѣстѣ съ «Библіотекой новѣстей» на годъ 16 руб., полгода 8 руб., три мѣсяца 4 руб. Отдѣльно *«Библіотека повѣстей»* — на годъ 5 р., полгода 2 р. 50 коп., Приплачивающіе *два* рубли получаютъ 36 печат. листовъ неоконченной въ 1882 году новѣсти: «Трудъ и деньги».

Подписываться можно въ редакціи «Дѣла» (Львовъ, ул. академическая, № 8) и въ редакціи «Кіевской Старины» (Кіевъ, Соф. площ., д. Севастьяновой).

„ДОНСКОЙ ГОЛОСЪ“

(4-й годъ существованія).

Программа, сроки выхода (по воскресеньямъ и четвергамъ), размѣръ газеты остаются прежніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ пересылкой по почтѣ и доставкой на домъ городскимъ подписчикамъ

на годъ . . . . . 6 руб.
на полгода . . . . . 3 р. 50 к.
одинъ мѣсяцъ . . . . . — 75 к.

Просятъ адресоваться: въ Новочеркаскъ въ редакцію «Донскаго Голоса».

Редакторъ издатель *Е. Д. Жилмановскій.*

„ЗАПИСКИ“

КІЕВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПО СВЕКЛОСАХАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Программа „**Записокъ**“: протоколы общихъ собраній Отдѣленія, засѣданій Совѣта Отдѣленія и назначаемыхъ Отдѣл. коммиссій, правительственныя распоряженія, оригинальныя изслѣдованія, разныя статьи, замѣтки, извѣстія и корреспонденціи, касающіяся разныхъ сторонъ свеклосахарной промышленности; обзоръ литературы по тому же предмету. Кромѣ того, въ „Запискахъ“ будутъ печататься **статистическія свѣдѣнія** о свеклосахарной промышленности въ Россіи, составляемыя по отчетамъ, обязательно доставляемымъ въ Департаментъ неокладныхъ сборовъ.

„Записки“ выходятъ по **два раза въ мѣсяцъ, 24 выпуска въ годъ.**

Подписная цѣна „Записокъ“ для подписчиковъ внутри и внѣ Россіи **8 рублей въ годъ**, съ приложеніемъ „Трудовъ“ Кіевскаго Вспомогательнаго Комитета по Московской Выставкѣ 1882 г.—**10 р. 50 к.**

Подписка принимается въ **Бюро Кіевскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества** *(Кіевъ, Бержне-Владимірская улица, домъ Тимаря, вблизи опернаго театра), а также: въ С.-Петербургѣ, въ центральной конторѣ объявленій (Невскій пр., Мал. Морская, № 11.); въ Варшавѣ: въ конторѣ Райхмана и Френдлиха (Сенаторская, д. № 22.) и въ Гамбургѣ, у Адольфа Штейнеръ.*

Объявленія принимаются исключительно въ Бюро Отдѣленія на слѣдующихъ условіяхъ.

	За каждую строку или ея мѣсто	
	до 16 строкъ	болѣе 16 строкъ.
За одинъ разъ.	15 коп. . . .	10 коп.
За каждый разъ свыше одного .	7½ „ . . .	5 „

За разсылку при „**Запискахъ**“ печатныхъ объявленій, рекламъ и т. п., которыя будутъ доставлены въ Бюро, взимается, за одинъ разъ, съ каждаго лота по 6 руб.

Гг. подписчики и члены Отдѣленія, извѣщая Бюро о своихъ адрессахъ, благоволятъ обозначать точно: имя, отчество и фамилію, также то почтовое мѣсто (съ указаніемъ губерніи и уѣзда), чрезъ которое желаютъ получать „Записки“.

О несвоевременной высылкѣ „Записокъ“ просятъ заявлять по слѣдующему адресу: **Т. И. Лоначевскому** (Кіевъ, зданіе Университета).